

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»
1977

Иоганн Вольфганг

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ДЕСЯТИ ТОМАХ

Москва

«Художественная литература»

1977

Иоганн Вольфганг

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ТОМ ПЯТЫЙ

ДРАМЫ В СТИХАХ
ЭПИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ

Переводы с немецкого

Москва
«Художественная литература»
1977

Под общей редакцией
А. Аникста и Н. Вильмонта

Комментарии
А. Аникста

Оформление художника
А. Лепятского

© Переводы, отмеченные в содержании *, комментарии.
Издательство «Художественная литература», 1977 г.

Г **70404-101**
028(01) 77 — подписное

**ДРАМЫ
В СТИХАХ**

СОВИНОВНИКИ

Комедия в трех действиях в стихах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Хозяин.

Альцест.

Софи — его дочь.

Слуга.

Зеллер — ее муж.

Место действия — гостиница.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КОМНАТА В ГОСТИНИЦЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Зеллер в домино сидит за столиком. Перед ним бутылка с вином. Софи сидит напротив, пришивая к шляпе Зеллера белое перо. Входит хозяин. В глубине сцены стол. На нем бумага, перо и чернильница. Перед столом — старинное, дедовское кресло.

Х о з я и н

Итак, опять на бал? Ну вот что, милый зять,
С меня достаточно. Пора и меру знать.
Не для того вам дочь я отдал, в самом деле,
Чтоб вы который год мой хлеб задаром ели.

Я, старый олух, мнил: помощника найду.
И вот, гляди, нашел! Себе же на беду!
Да все мое добро прокутит он, похоже!

Зеллер напевает что-то себе под нос.

Попой, попой, зятек! Я петь умею тоже!..
Ничтожество, дурак и, без сомненья,— плут.
Играет, курит, пьет, фиглярствует, как' шут.
Шатается всю ночь, полдня храпит в постели.
Князя да короли пожить бы так хотели,
Свалился дармоед на голову мою.
Что! Хвост поджал?..

Зеллер
(пьет)

Папá, за ваше счастье пью!

Хозяин

Какое счастье тут! Ох, как на сердце тяжело...

Софи

Оставь его, отец!

Зеллер
(пьет)

Твое здоровье, птишка!

Софи

Здоровье! О, когда б меж вами мир настал...

Хозяин

Причина не во мне. Я сам от дрызг устал.
Но если он своих проделок не оставит,
Сам черт меня тогда мириться не заставит.
Он низостью своей меня вконец убил:
Не видит, кем он стал, не помнит, чем он был,
Забыл, что без меня погиб бы он с позором.
Не я ль платил его бессчетным кредиторам?
Но нет! Его ни стыд, ни время не берет.
Как был паршивым псом, таким он и помрет!

С о ф и

Он образумится.

Х о з я и н

Когда же? Нет с ним сладу!

С о ф и

Он молод.

З е л л е р
(пьет)

Ну, за все, что нам дает усладу!

Х о з я и н

Увещевал, бранил, советовал... И что?
Как об стену горох! Но я-то в доме кто?
Иль все, что двадцать лет я наживал помалу,
Вдруг запросто отдам безмозглому нахалу?!
Он мучает меня и скоро в гроб сведет...
Запомните, мой друг! Так дальше не пойдет!
Я значу кое-что! И мой «Медведь» по праву.
Снискал — где ни спроси — заслуженную славу!
Мы перекрасим дом, — «Медведь» почистит мех, —
И вот — готов отель! Боюсь, не примешь всех,
Когда со всех концов повалят валом гости.
Возьмитесь же за ум и лодырничать бросьте,
Тогда свои дела поправим мы легко...

З е л л е р

Ну, до отеля нам пока что далеко.
Лишь хуже б не было. Мечтания бесплодны.
Никто не едет к нам. Все комнаты свободны.

Х о з я и н

Что делать?.. Не сезон... Какой сейчас заезд?
Я рад, что номер снял хоть господин Альцест.

З е л л е р

Да, да, прекрасный гость! Хотя отметить надо,
Что... гм... один баран — еще отнюдь не стадо.
К тому же ваш Альцест не зря приехал к нам...

Х о з я и н

Как?

Зеллер

А рггроз¹, папа! Не довелось ли вам
Слышать про новую, как говорится, моду:
Спешат в Америку, чтоб защищать свободу,
Зеленые юнцы и всякий прочий сброд.
Они должны весной отправиться в поход.

Хозяин

Ну, как же не слышать? В пивных, как захмелеют,
Кричат, что головы своей не пожалеют.
Свобода или смерть! Гляди, какой порыв!
А утром ни один не выйдет на призыв...

Зеллер

Да знаю я таких! Кровь в дурнях колобродит.
Несчастливая любовь совсем с ума их сводит.
И чтоб трагически обставить свой роман,
Под пулю лезет сам иной такой болван,

Хозяин

И все же, черт возьми, когда бы в этом войске
Нашелся человек, кто б написал по-свойски,
Что там и как... Узнать заманчиво бы...

Зеллер

Но

Письму сто лет идти...

Хозяин

Дойдет же все равно.
И тем не менее, проверить бы не худо,
Насколько далеко Америка отсюда...
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Софи, Зеллер,

Зеллер

Ну, буря улглась. Газета помогла,

¹ Кстати (франц.).

С о ф и

Не спорь с ним!

З е л л е р

**Хорошо, что я не помню зла,
Не то бы он свои оставил поученья!**

С о ф и

Не мучь...

З е л л е р

**Когда-нибудь я выйду из терпенья!
Как смеет твой отец твердить мне всякий раз,
Что я бездельник, шут, что я в долгах увяз?..**

С о ф и

Любимый, не сердись!

З е л л е р

**Меня он грязью мажет,
Но, чем я дорог ей, пусть дочь ему расскажет!**

С о ф и

Ах, перестань ворчать!.. Передохни чуть-чуть...

З е л л е р

**Я вовсе не ворчу, а излагаю суть...
Да... Женщины — венец земного наслажденья!
Что твой отец?.. Старик достоин снисхожденья...
Ты... ты воистину мне послана судьбой.
Иль я не сознаю, сколь сладко быть с тобой?
Ведь я не каменный! Люблю тебя...**

С о ф и

...и мучу!

З е л л е р

**Прости, но я сейчас опять устрою бучу!
Ведь мне известно все: Альцест тебя любил,
Пылал тобой и сам тобой любимым был,**

С о ф и

Ах!

Зеллер

Впрочем, что же тут особенно дурного?
Коль деревцо цветет и дать плоды готово,
Кто ближе к деревцу, тот схватит первый плод,
А новые плоды созреют через год.
Но я тебя, мой друг, ни в чем не укоряю,
Я выше этого. Да! Выше! Уверяю!
Мне попросту смешно!..

Софи

Посмейся, дорогой!
Альцест меня любил... И как никто другой...
И вовсе не секрет, что и сама когда-то
К нему стремилась я, любила чисто, свято,
С душевным трепетом глядела на него,
Но что из этого? Что дальше?..

Зеллер

Ничего!

Я вовсе не сказал, что дальше что-то было.
Какая девушка однажды не любила?
Сердечко скает — волнение в крови.
Не сразу и поймешь, что это зов любви.
А там и поцелуй. Сперва вполне невинный,
Почти ребяческий. За фантами, в гостиной.
Но времечко бежит, и милое дитя
Вкушает поцелуй теперь уж не шутя.
Упреки матери?! Что за предубеждение!
Была честна в любви. Теперь чиста в паденье.
И смею утверждать, что счастлив будет муж:
Мол, восхитительна и опытна к тому ж!

Софи

О, что ты говоришь?

Зеллер

Будь все же справедлива.
Девушке — поцелуй, как мне — ну... выпить пива.
За кружкой кружку пью, спешу еще налить,
А жажду все никак не в силах утолить.
Ну, хватит! Ты — моя. Спросить, однако, смею:
Тот, кто обласкан был сердечностью твоею,
Он долго странствовал?

С о ф и

Да года три...

З е л л е р

Всего?

Но вот он снова здесь... Да-с...

С о ф и

Боже, что с того?

З е л л е р

А то, что здесь торчит он целых две недели!

С о ф и

Как разговоры мне все эти надоели!

Неужто у тебя заботы нет иной?

З е л л е р

Я правду знать хочу! Иль мы не муж с женой?!

Зачем приехал он?

С о ф и

Развеемся, наверно...

З е л л е р

А если он влюблен в тебя невероятно,

Ты сможешь устоять или уступишь вновь?

С о ф и

Не надо спрашивать... Долг выше, чем любовь.

Вот так!

З е л л е р

Так или нет, но лишь одно смекни ты:

Супруг важней, чем все хлыщи и волокиты!

Ишь наловчились как сладкоголосо петь!

Но звук есть только звук. А что потом? Ответь!

С о ф и

Конечно, звук есть звук. Но, боже терпеливый,

Что утомительней, чем ты, твой тон сварливый?

О, без конца брюзжать, подкалывать, грубить!

Любви ты требуешь?! За что тебя любить?!

Что дал ты мне, скажи! Смотри, в каком я виде!
Ты разорешь нас, и ты еще в обиде.
Все расплзлось по швам. Мы держимся с трудом,
Доходов никаких. А ты что вносишь в дом?
Твоя жена должна трястись за каждый пфенниг,
А ты? Ты влез в долги, ты не считаешь денег,
Хоть пальцем шевельни, попробуй их достать.
Знай: коли муж дрянной, ему жена под стать...
Принарядить, развлечь, подластиться к ней стоит,
И пусть тебя тогда ничто не беспокоит!..

Зеллер

Пойди отца пройми...

Софи

Да кто его проймет?
Хотим немногого... А жизнь все жмет и жмет...
Я у него была... Он и не слушал даже.
«Поменьше б разъезжал твой Зеллер в экипаже!
Я ни гроша не дам!..» И принялся орать.
Выкручивайся сам: мне неоткуда брать.
Ты — муж?! Свою жену ты прокормить не можешь!

Зеллер

Ах, милое дитя. Ты зря себя тревожишь.
Мой друг мне даст взаймы...

Софи

Даст, коли он дурак.
Дружки приходят к нам обычно не за так,
Они надуть тебя спешат, наживу чуя.
Нет, Зеллер, дальше так терзаться не хочу я!

Зеллер

Да у тебя все есть!

Софи

Э, то, что есть, не в счет!
Не знавшим бедности всегда недостает.
Богатство балует, а счастье нас морочит.
Тот, кто имеет все, с годами больше хочет.
И что у женщин есть и барышень иных —
Наряды и балы, — мне не хватает их!
Я женщина! А ты стань чуток и участлив!

Зеллер

Тогда пошли со мной! Поверь: я буду счастлив...

Софи

Нет, главное — дела! Припомни фейерверк
На масленицу, он лишь вспыхнул и — померк.
Ступай себе, а я останусь дома снова:
Жена должна копить, муж тратить бестолково.
Опору верную во мне нашел отец.
А на тебя он зол. И разъярен вконец.
Живите ж, сударь мой, о ближних не заботясь,
Но денег с этих пор от нас вы не дождетесь!

Зеллер

Ах, поразвлекся мне дозволю в последний раз.
Так хочется на бал отправиться сейчас!
А с завтрашнего дня — без всякого обману —
Я сделаюсь иным: примерным мужем стану...

Слуга

(входит)

Вас просят...

Зеллер

Кто еще?

Слуга

Мосье де Тирипетт.

Софи

Картежник?

Зеллер

Вон его! Скажи, что дома нет!

Слуга

Он будет ждать.

Софи

Ну, что еще могло случиться?

Ах, это — тот?

(Слуге.)

Иду!

(К Софи.)

Он забежал проститься...

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Софи

(одна)

Конечно, кредитор... Все так пойдет и впредь:
 Попойки... Мотовство... А я должна терпеть.
 Ужель об этом я в девичестве мечтала?
 Вот до чего дошла! Вот чьей женою стала!
 Где годы прежние, когда вокруг меня
 Вздыхали юноши, колена преклоня,
 И взгляд ловили мой? А я, полна гордыни,
 Стояла среди них, подобная богине,
 И ведала, что им — наисладчайший приз
 Мне в чем-то угодить, исполнить мой каприз.
 Вот в том-то вся беда: коль недурна собою,
 Как тотчас же спешат поклонники гурьбою.
 Успех сведет с ума, соблазн обдаст огнем —
 Попробуй устоять и не погибнуть в нем!
 Так ловко лгать начнут, притворно клясться станут,
 Но лишь поверишь им, они как в воду канут!
 Да каждый мне шептал: «Поверь, я твой жених!..»
 А под венец идти — нет никого из них!
 Все верно! Поделом гордячке и придире!
 Меж тем, мне стукнуло уже двадцать четыре...
 Уж поздно выбирать. Вдруг Зеллер тут как тут.
 Что ни скажи — он муж, хотя транжир и шут.
 Так с этих самых пор затворницей я стала.
 Поклонники б нашлись... В них только проку мало.
 Одно мучение. Мне это не с руки.
 К тому же умных нет, все больше дураки.
 А если к умному вдруг воспылаешь страстью,
 Не обернется ль ум коварством и напастью?
 И все же без любви нам жизнь нехороша..
 Но что сейчас таит в себе моя душа?

Альцест вернулся вновь, и в сердце — мука злая...
В иные времена с ним счастлива была я...
Любила я его... Ну, а теперь?.. Навряд.
А он? Задумчив, тих... Войдешь — отводит взгляд.
Быть может, обо мне и он вздыхает тайно.
И я боюсь его... Должно быть, не случайно,
Идет!.. Я вся дрожу... Нам быть наедине?..
Чего же я хочу?.. Как с ним держаться мне?..

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Софи, Альцест.

Альцест

(в выходном платье, но без шляпы и шпаги)

Мое присутствие, простите, неуместно?

Софи

Наш дом открыт для всех. И это всем известно.

Альцест

Так, значит, я теперь для вас один из всех?

Софи

Я думаю, Альцест, вам жаловаться грех.

Альцест

О, бессердечная! За что меня казните?

Софи

Я очень занята... И тороплюсь... Пустите!

Альцест

Куда же ты, Софи?! Софи! Ведь это — я,
Несчастный твой Альцест!.. Ты узнаешь меня?
Хотя бы послушай! Иль все ушло, забылось?

Софи

О, горе, горе мне! Как сердце вновь забилося!

Альцест

Стань прежнюю Софи!

Софи

Ах, сжальтесь надо мной!

Я ухожу...

Альцест

Софи! Я встречи ждал иной!
Прощайте же, Софи!.. А только что казалось:
Счастливым близок миг, Софи одна осталась,
Вбегаю к ней, меня слова приветя ждут...
Ступайте же, Софи!.. Ах, в этом доме, тут
Любовь нас обожгла, страсть завладела нами,
Мы разговор вели влюбленными сердцами,
И в этой комнате, прильнув к моей груди,
Ты в верности клялась навеки...

Софи

Пощади!

Альцест

Забыть ли вечер тот, дарованный нам богом?
Я весь пылал. Твой взгляд мне говорил о многом,
Дрожа, коснулся я зовущих уст твоих,
Восторг в моей груди доселе не затих.
Свидания со мной ты счастьем называла,
А ныне? Говорить со мной не пожелала,
Ищу тебя, зову, жду от тебя тепла...
Притворщица!.. Скажи, зачем ты мне лгала?

Софи

Я мучаюсь, а ты мои мученья множишь.
Софи тебе лгала? Ты так подумать можешь?
Ты высшей радостью, ты счастьем был моим,
Ты кровь мою разжег — жила тобой одним.
Нет, сердце, коим ты тогда владел всецело,
Не предало тебя, к тебе не охладело.
В беспамятстве меня напрасно не вини:
Альцест, люблю тебя, как и в былые дни.

Альцест

О, светлый ангел мой!

(Хочет ее обнять.)

С о ф и

Тс... Слышишь? Осторожно!

А л ь ц е с т

Ну, что за дом такой?! Нет! Просто невозможно!
Я две недели здесь... Проходят день за днем,
А все никак нельзя остаться нам вдвоем.
Ты любишь? Все равно — досада остается,
Коль даже говорить с тобой не удастся!
Нельзя наедине побыть и трех минут:
То входит твой отец, то Зеллер тут как тут.
Что ж. Уезжать пора. Я ждать не в силах боле.
Достало б у тебя желанья и воли!
Ты в прошлом, чтоб себя утехы не лишать,
Отваживала всех, кто мог нам помешать,
Ты хочешь или нет?

С о ф и

Что? Что?

А л ь ц е с т

Ты думать хочешь?

Придумай что-нибудь и мой отъезд отсрочишь.
Любимая! Легко все прежнее вернуть,
Коль место сыщется, где нас нельзя спутнуть.
Так вот... На маскарад твой муж идет. Для виду,
Как будто бы на бал, за ним я следом выйду.
Тебе откланяюсь, с отцом твоим прощусь
И через черный ход обратно возвращусь.
Здесь у меня ключи... И если ты позволишь...

С о ф и

Да ты с ума сошел!

А л ь ц е с т

А! Ты лгала всего лишь!

Как можешь ты вести о нашем чувстве речь,
Столь верным способом осмелясь пренебречь?
Не бойся ничего! И на свиданье скором
Тебя займет Альцест сердечным разговором.
Ну, решено! Меня ты нынче ждешь.
А что случись — тогда сама ко мне придешь.

С о ф и

Нет, это слишком!

А л ь ц е с т

А? Как?! Слишком?! Неужели?!

**Проклятье! Я торчу здесь скоро две недели,
И понапрасну!.. Все!.. Уеду поутру,
Коль вам не прихожусь, как видно, по нутру.**

С о ф и

Любимый! Подожди!

А л ь ц е с т

**Мою ты видишь муку
И так безжалостна?! Я предпочту разлуку!**

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Т е ж е. Х о з я и н.

Х о з я и н

**Вам спешное письмо. И важное, видать.
Бумага какова! И какова печать!**

Альцест вскрывает конверт.

(Про себя.)

Вовнутрь бы заглянуть... Да трудно... Вот досада!..

А л ь ц е с т

(бегло прочитав письмо)

**Прошу, подайте счет! Мне срочно съехать надо...
Не позже, чем к утру...**

Х о з я и н

**Так быстро? Вот те на!
Вы едете? И в столь худые времена?
Надеюсь, ваша честь нам суть письма изложит...**

А л ь ц е с т

Нет.

Х о з я и н
(к Софи)

Ты его спроси. Он отказать не сможет.
(Идет к столу в глубине сцены, вынимает из
ящика книги, садится и пишет счет.)

С о ф и

Ты так решил, Альцест?

А л ь ц е с т

Не надо лишних фраз.

С о ф и

Альцест! Не покидай Софи на этот раз!

А л ь ц е с т

Ну что ж... Зависит все от вашего решения.

С о ф и
(про себя)

Как поступить? Альцест — одно мне утешенье!
Нет! Не отдам его! (Громко.) Но ты меня пойми,
Ведь у меня есть муж...

А л ь ц е с т

Тьфу, черт его возьми!
Да чтоб он околел! Была бы ты вдовою...
Мы в кои веки раз встречаемся с тобою,
И ты колеблешься?! Что ж. В полночь я приду...

С о ф и

Но рядом спит отец... Легко попасть в беду...

А л ь ц е с т

Так приходи ко мне! Какие тут сомненья?!
Не смеем мы терять бесценные мгновенья!
Надеюсь, нас теперь ничто не подведет,
Возьми мой ключ...

Софи

Зачем? Мой тоже подойдет.

Альцест

Ты хочешь?

Софи.

Да, хочу.

Альцест

Чего?

Софи

Хочу свиданья.

Альцест

Я остаюсь.

Хозяин

(выходя вперед)

Что? Что? *(К Софи.)* Превыше пониманья!

Софи

Мне тоже невдомек...

Хозяин

Да?

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же. Зеллер.

Альцест

Шляпа где?..

Софи

Вот,

А л ь ц е с т

Что ж...

Желаю всяких благ.

З е л л е р

Мерси... И вам того ж.

А л ь ц е с т

'Adieu ¹, мадам!

С о ф и

Прощайте!

З е л л е р

Честь имею...

А л ь ц е с т

Сперва зайду к себе...

З е л л е р
(*про себя*)

Он все смелее с нею.

Х о з я и н

(*берет в руки свечу*);

Позвольте вам помочь...

А л ь ц е с т

(*отнимая свечу, любезным тоном*),

О нет, спасибо!..

С о ф и

Ну,

Так ты идешь один или возьмешь жену?

З е л л е р

Как?! Ты надумала?

¹. Прощайте (*франц.*).

С о ф и

Да что ты, я шутила!

З е л л е р

Нет, нет! Я знаю, что ты в сердце ощутила!
Кто должен спать идти, наверняка не рад,
Когда при нем другой спешит на маскарад.
Но мы еще пойдем!

С о ф и

Я подождать готова.

Иди! Но только карт не смей касаться снова!
*(Хозяину, который все это время стоял,
погруженный в глубокое раздумье.)*
Приятных снов, папá!

Х о з я и н

Иди спокойно спать.

З е л л е р

Спи сладко... *(Глядя ей вслед.)* Хороша!.. Да...
Глаз не оторвать!..

А л ь ц е с т

Спи сладко, мой дружок!
(Хозяину.)
Счастливо оставаться.

Х о з я и н

Вот чертово письмо! Как до него добратся?
(К Зеллеру.)
Веселой ночи вам!

З е л л е р

А вам — скорей заснуть!

Х о з я и н

Прошу вас за собой покрепче дверь замкнуть.

З е л л е р

Не беспокойтесь...

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Зеллер
(один)

Ну! Куда теперь мне деться?
От этой бестии не просто отвертеться.
Он явно сжульничал, но просит долг вернуть,
А не отдам — грозит мне голову свернуть.
В Альцестовых деньгах спасенье и — в отмычке!
Любить мою жену угодно этой птичке!
Я этого хлюста с трудом переносу.
Зато себя к нему я в гости приглашу.
А если попадусь?.. Я знаю, чем рискую.
Но как не рисковать, попав в беду такую?
Мне надо долг отдать, чтоб не был я побит.
Ну, Зеллер! Будь смелей! Гляди — все в доме спит...
А если погорю — избегну приговора:
Красивая жена не раз спасала вора.
(Уходит.)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КОМНАТА АЛЬЦЕСТА

Сцена разделена пополам на комнату и альков. С одной стороны комнаты — стол, на нем бумаги и шкатулка. В глубине сцены большая дверь, а сбоку — маленькая, напротив алькова.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Зеллер

(в домино, в маске, с потайным фонарем входит в маленькую дверь, пугливо озирается по сторонам, освещает фонарем комнату, затем чуть увереннее делает несколько шагов вперед, снимает с себя маску, утирает со лба пот и говорит)

Нет, храбрость иногда бывает ни к чему,
Полезней доверять сноровке и уму.
Один, вооружась ножом и пистолетом,
Выходит на грабеж, и холоден при этом.
Такому закричать: «Эй, кошелек сюда!», —
Как тост произнести: «Здоровье, господа!»

Другой, как чародей, знакомый с чудесами,
Вас ловко разлучит с кольцом или с часами.
Начнете уличать, он скажет вам в лицо:
«Я взял у вас часы?! Я прихватил кольцо?!»
Но что мне до других! Ведь мне гораздо хуже:
Мой дух — увы — нетверд, а пальцы неуклюжи.
Однако в наши дни все воры, все крадут.
Доходы падают, расходы вверх ползут.
Но если уж ты здесь, то действуй, бога ради.
Ведь все убеждены, что ты на маскараде.
Софи, конечно, спит. Альдест сейчас в пути.
Удобнейший момент!.. Смотри не упусти!..

(Приближаясь к столу.)

О, божество мое! Шкатулка дорогая!
Я равен королю, тобой располагая!
Отмычки, славлю вас за ваш высокий труд:
Любую из дверей мне деньги отопрут!
Когда-то я служил чиновником сверхштатно,
Но понял, что служить не так-то уж приятно.
Занятие сие — отнюдь не для души.
Сидишь себе, корпишь... А платят что? Гроши!
Все это не по мне... И вдруг поймали вора.
Улики налицо. Его казнили скоро.
Что судьям мелочи? Так много важных дел!
Отмычки брошены, я ими завладел.
Казалось бы, зачем? Ненужная вещь!
Но вот приходит миг — все может пригодиться.
И ныне...

Замок открывается.

Вот они! И сколько их, гляди!

(Берет деньги.)

В кармане — золото, а торжество — в груди!
Вот только бы не страх!.. Спокойней, ради бога!
Чу! Что такое?! Нет... Возьму еще немного...
(Вновь заглядывает в шкатулку и берет еще.)
Сюда идут!

(Закрывает шкатулку и вздрагивает.)

Пропал!.. Уже не удержу!..

Сдается мне, сам черт ведет со мной игру.

Быть может, это кот?.. Нет, нет — не кот... А кто же?..

Он открывает дверь... Скорей...

(Быстро прячется в альков.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Хозяин, держа в руках восковую свечу, входит в боковую дверь.

Зеллер

Мой тесть! О, боже!

Хозяин

Ну и характерец! Чуть скверно поступаю —
Сам тут же мучаюсь и сам себя пилю...
Я в жизни бы не мог решиться на такое.
Да вот — письмо! Письмо мне не дает покоя.
В нем что-то важное! Какой-то в нем секрет!
А в наши времена поди, дождись газет.
Придут не ранее, чем через три недели.
И то, что ты прочел, уж все прочесть успели.
Будь юнкер я, меня б в министры возвели,
Курьеры мчались бы ко мне со всей земли...
Однако где письмо?.. Его нигде не видно.
Прийти сюда зазря? Нет, было бы обидно,

Зеллер
(про себя)

Эх, дурень! Бог газет, а он же — бог воров,
Который добр ко мне, к тебе весьма суров.

Хозяин

Но где письмо?.. Шаги! Кто там, хотел бы знать я!..

Зеллер

Меня почуял он?

Хозяин

Я слышу шорох платья...

Зеллер

Ну, я — не женщина.

Хозяин

(задувает свечу. Будучи не в силах от волнения
открыть маленькую дверь, роняет свечу)

Тьфу, дьявольский замок!
(Выламывает дверь и убегает.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Софи входит через заднюю дверь со свечой в руках. Зеллер.

Зеллер
(в алькове, про себя)

Софи! Моя жена! Ах, кто б подумать мог!..
Зачем она пришла?!

Софи
Как я могла решиться
Сюда войти?.

Зеллер
Чтоб мне на месте провалиться!
Действительно — Софи!.. Ага! Здесь randevу!
Хоть оторопь берет, я встречу не прерву,

Софи
Вот так доверись любви неосторожно —
Заманит, завлечет...

Зеллер
От злости лопнуть можно!
Я вынужден молчать...

Софи
...и ты идешь за ней,
На тот обманный свет блуждающих огней.

Зеллер
Блуждай себе, блуждай! Окажешься в трясине..

Софи
Мне горше с каждым днем становится отныне.
Мой глупый муж всегда был не по праву мне
И мерзок стал вконец по собственной вине...

Зеллер
Вот ведьма!

Софи
Сердца я ему не отдавала,
Им завладел Альцест...

Зеллер

Уж лучше б колдовала

Или варила яд!..

Софи

С тех пор душа моя

Пылала только им...

Зеллер

Будь проклята, змея!

Софи

Душа оттаяла, исчезли холод, скука...

Зеллер

Вот это исповедь! Для всех мужей наука!

Софи

Как он меня любил!..

Зеллер

В давнишние года...

Софи

Как был он мной любим!

Зеллер

Эх, глупость, ерунда!

Софи

За что, за грех какой безжалостной судьбиной
Я с ним разлучена, чтоб жить с тупой скотиной?

Зеллер

Скотина — это я. Вот и рога растут.

Софи

Что вижу?!

Зеллер

Чтс, мадам?

С о ф и

Как! Мой отец был тут?!
Свеча!.. Он знает все!.. О, что я натворила!

З е л л е р

Ах, совесть мучает!.. Ишь как заговорила!

С о ф и

Откуда же свеча? Да кто тут что поймет?

З е л л е р

Какой отец?! Ее сам дьявол не проймет!

С о ф и

Нет, всюду тишина. Весь дом молчит... Ни звука...

З е л л е р

Любовь сильнее, чем страх. Вот ведь какая штука.

С о ф и

Откуда же свеча? Семь бед — один ответ...
Отец уснул...

З е л л е р

Уснул!

С о ф и

А вот Альцеста нет.

З е л л е р

Ах, я вам покажу!

С о ф и

Люблю его и все же

Боюсь...

З е л л е р

Как дьявола, его боюсь я тоже.
Я все свое добро, все золото отдам,
Когда бы сатана за ней явился сам!

С о ф и

О, сердце робкое! Ну, в чем ты виновата?
Кому же поклялась ты в верности когда-то?
Ничтожеству, лгуну, пройдохе, наглецу...

Зеллер

Все это обо мне?

Софи

С кем я пошла к венцу?

И если я терплю такого негодяя,
То вытерплю и ад, нимало не страдая,
Он сущий дьявол!

Зеллер

Как?! Нет, не могу снести

Подобной наглости...

(Делает движение, пытается выскочить.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Т е ж е и А л ь ц е с т, в шляпе со шпагой, в плаще, который
он тотчас же сбрасывает.

Альцест

Ты долго ждешь?.. Прости...

Софи

Да. Жду...

Альцест

Дрожишь?

Софи

Ты знаешь, страшно стало.

Зеллер

Они уже на «ты»! Прекрасное начало!

Софи

Мне горько мучиться пришлось из-за тебя..
Прости мне этот шаг... Я мучаюсь, любя,

Альцест

Софи!

Софи

Прости меня, душа полна смущенья!

Зеллер

Ты лучше у меня молила бы прощенья!

Софи

О нет! Зачем я здесь?.. Как это странно мне!

Зеллер

Чего ж тут странного?

Софи

Я, право, как во сне.

Зеллер

О, если бы во сне!..

Софи

Пойми мое мученье...

Альцест

В сердечной жалобе таится излечение,

Софи

Какая доброта! Сколь благороден ты!

Зеллер

Вздор! В суесловии не вижу доброты.
Ну, bravo, bravo!

Софи

Мне от этого лишь хуже,
Тебя увидевши, я думаю о муже.
Я добродетелью и честью дорожу...

Альцест

Я знаю...

Зеллер

Как не знать!

С о ф и

И я тебе скажу,
Что и словечка бы сейчас не проронила,
Когда бы вся душа от боли не изныла.
Не вижу выхода: наш дом ко дну идет.
Муж прожигает жизнь. Нас разоренье ждет.
Меня не любит он, он слез моих не видит.
Они с моим отцом друг друга ненавидят.
Я тщетно их мирю... Знай, я держусь едва...

З е л л е р

(по-своему растроганный)

Бедняжка, может быть, по-своему права...

С о ф и

Мой муж! И не пойму порой его поступки!
Я объяснялась с ним, шла часто на уступки.
Напрасно! Каждый день все та же суета:
Игра, кутеж, долги... По горло им сыта!
Его забавы — вздор, его заботы мелки.
На что он тратит ум? На гнусные проделки.
Плутует, лжет, хитрит...

З е л л е р

Прекрасный монолог!
Все перечислено: готовый некролог!

С о ф и

И жизнь моя была б совсем невыносима,
Когда б...

З е л л е р

Когда?!

С о ф и

...тобой я не была б любима...

А л ь ц е с т

Да, я тебя люблю...

С о ф и

Я это сознаю.
Твое участие смягчает боль мою.
И нет другой мечты, лишь одного б хотела:
Всегда будь верен мне.

Зеллер

Вот как она запела!

Софи

Ведь сердце, что смогла тоска испепелить,
Способен только ты на свете исцелить!

Альцест

(обнимает ее и целует)

Я исцелю тебя!

Зеллер

О, что за наважденье!

Ужель ко мне судьба не явит снисхожденье
И случай не спасет?

Софи

Мой друг!..

Зеллер

Нет! у меня

В ушах навязла их пустая болтовня!

Что дружба! Говорить им не о чем друг с другом!
И пусть целуется со мной, своим супругом.

Альцест

Любимая!

Софи

Мой друг! Итак, в последний раз
Мы поцелуемся... И я...

Альцест

Уйдешь?

Софи

Тотчас.

Альцест

Ты любишь и спешишь?

Софи

Да, я должна решиться
Уйти отсюда прочь, чтоб друга не лишиться...
Ах! К откровенностям располагает ночь.
Нам легче в темноте смущенье превозмочь.
Поверь, я ничего утаивать не стала.
Но я ведь женщина... Мне сдержанность пристала...
Доверчивость всегда опасности таит,
И кто в такую ночь, расслабясь, устоит
От дружеской любви, от чистого лобзания?
Чем плохо другом быть?..

Зеллер

Смотри, какие знания!

Софи

Прощай, Альцест! И верь, что ты всегда со мной,

Зеллер

Ну, кажется, гроза проходит стороной.

Софи уходит. Альцест провожает ее через среднюю дверь,
которая остается открытой. Видно, как они вдвоем стоят
в глубине сцены.

На этот раз спасен! Все хорошо в итоге!

А вот теперь — бежать! Живей! Давай бог ноги!

(Выскакивает из алькова и убегает в боковую дверь.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Альцест

(возвращаясь)

На что тебе роптать?.. Будь счастлив и цени,
Что ею ты любим, как и в былые дни,
Что тех златых времен волшебные порывы
Нас не покинули и в нас доселе живы...
Чего не думал я, готовясь к встрече с ней?
И вдруг увидел ту, кто мне всего родней.
Любовь открыла мне, познавшему блаженство,
Что значат красота, восторг и совершенство!
Все снова ожило, я вновь увидел свет
И вновь боготворю святыню прошлых лет,

Я полюбил опять. Негаданно, неожиданно.
По чести говоря, все получилось странно.
Вынашивал давно я хитроумный план:
Высокомерный тон, насмешка, лесть, обман.
Но вышло все не так, я, право, зря старался,—
Расставив западню, я сам в нее попался.
Да, такова судьба. Запомни это впредь.
Что тщетно размышлять?.. Здесь надобно терпеть...
Вернемся к главному... Я должен ухитриться
Деньгами ей помочь. Не дать им разориться!
Проклятье! Мне ее невыносимо жаль.
Она страдалница. А муж какая шваль!
Но, к счастью, у меня есть золота немало.
Будь мне она чужой, и то бы горько стало.
К тому же я теперь осознаю сполна:
В ее страданиях есть и моя вина.
Так, видно, рок хотел. Здесь я бессилён, каюсь,
Но жизнь ей облегчить я все же попытаюсь.

(Открывает шкатулку.)

Тьфу, дьявол! Что это?! В шкатулке денег нет!
Всего лишь несколько серебряных монет!
Где золото? При мне... Ключ здесь... Его я даже
С утра не доставал... Но кто здесь был? Когда же?!
Софи?! Нет! Да, Софи!.. Несу я жуткий вздор!
Быть может, мой слуга? Нет, нет, какой он вор?
Он спит уже давно. Он добрый, славный малый.
Но кто же? Кто же? Кто?! Да, случай небывалый,

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КОМНАТА ХОЗЯИНА

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Х о з я и н

(в шлафроке сидит в кресле рядом со столом, на котором — почти догоревшая свеча, кофейный прибор, трубка и газеты. После первых слов он встает и в течение всего первого явления и в начале следующего одевается)

Глаз не сомкнул всю ночь!.. И все из-за письма!
Нет, что-то здесь не то. Загадочно весьма.
А дальше так пойдет, совсем ума лишишься,
Нечисто поступив, нечистого страшишься,

Что? Боязно? Не лезь к чужому письмецу!
И все ж хозяину отеля не к лицу
Дрожать, заслышав стук, скрип, чье-либо хождение.
Попробуй разбери, кто — вор, кто — привиденье!
Кому бы это быть? Альцест и зять ушли.
Слуга? Исключено. Служанки спать легли,
Но — стой! Я слышал сам: лишь утро заалело,
Дверь в комнате Софи открылась... Вот в чем дело!
Вот кто был призраком, кто в страх меня вогнал!
Да как же я ее походку не признал?
Куда она пошла? Чего тут думать даже:
Дай только женщине в чужие саквояжи,
Едва приедет гость, одним глазком взглянуть!
Эх, догадаться бы тогда ее вспугнуть!
И на смех бы поднять! И как бы в извиненье
Она бы то письмо сыскала мне в мгновенье.
Да, задним, говорят, мы все крепки умом.
Упустишь случай — вот и каешься потом,

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Х о з я и н. С о ф и.

С о ф и

Вообрази, отец!..

Х о з я и н

А «с добрым утром» скажешь?

С о ф и

Такое здесь стряслось, что и двух слов не свяжешь!

Х о з я и н

Что?

С о ф и

Деньги, что Альцест имел еще вчера,
Исчезли полностью...

Х о з я и н

Вот что творит игра!
Останешься ни с чем.

Софи

Да нет же, их украли!

Хозяин

Как?!

Софи.

Да... Из комнаты...

Хозяин

Чтоб черти их побрали,

Воров!.. Но кто они?

Софи

Когда б я знать могла!

Хозяин

Итак, из комнаты?

Софи

Да, прямо со стола...

Хозяин

Когда?

Софи

Сегодня в ночь...

Хозяин
(про себя)

Еще недоставало!

Найдут мою свечу — тогда пиши пропало!

Софи
(про себя)

Смотри: смущен! Стоит он, что-то бормоча.
Неужто это — он?! Ведь там его свеча...

Хозяин
(про себя)

А если вдруг Софи?.. Мне, как отцу, лишь хуже!..
Она в долгах... Слыхал ее шаги к тому же...

(Вслух.)

Дурная шутка! И опасная притом:
Неволью тень падет на наш почтенный дом.

Софи

Да... Это и меня ужасно огорчает.
В конце концов за все хозяин отвечает.

Хозяин

Еще бы! Мне ль не знать?.. Дурная шутка, вздор.
Но если в доме вдруг и впрямь завелся вор,
То как его найти?

Софи

Ужасно! Нестерпимо!

Хозяин

(про себя)

Ей совестно...

(Громко, с оттенком досады.)

Но все, однако, поправимо,
Коль деньги вор отдаст...

Софи

(про себя)

А! В нем проснулся стыд!

(Вслух.)

Коль деньги вор отдаст, судьба его простит.
А мы — кто он таков — не станем дознаваться.

Хозяин

(про себя)

Она!.. Иль мне всю жизнь бараном называться!

(Вслух.)

Ты славное дитя... В доверии моем...

Постой!..

(Подходит к двери и смотрит, нет ли там кого-либо.)

Софи

(про себя)

О, боже! Он признается во всем!

Хозяин

Софи, всегда со мной ты искренней бывала.

С о ф и

Я ничего от вас на свете не скрывала...
И смею полагать...

Х о з я и н

Как мне ни тяжело,
Ты дочь мне, ну, а то, что было, то прошло.

С о ф и

Ошибка свойственна порой и лучшим людям...

Х о з я и н

Впредь о случившемся мы вспоминать не будем,
Никто не знает, что ты в комнате была...

С о ф и
(испуганно)

Как так?

Х о з я и н

Я рядом был и слышал: ты вошла,
Я убежал, приняв тебя за привиденье,

С о ф и
(про себя)

Да. Деньги у него. Не может быть сомненья,

Х о з я и н

А то, что это ты, я понял лишь сейчас.

С о ф и

Прекрасно, что никто не заподозрит вас.
Ведь я нашла свечу.

Х о з я и н

Ты?!

С о ф и

Я.

Х о з я и н

Невероятно!
Но как мы это все вернем ему обратно!

С о ф и

Да просто скажете: «Снимите с нас позор!
Все деньги в целости, по счастью, схвачен вор.
Соблазн его сгубил, поймите, бога ради!
Теперь он кается и просит о пощаде.
Он сразу все вернул...» И думаю, отец,
Альцест забудет все... Что? Неплохой конец?

Х о з я и н

Да. Замысел хорош. Сплетен весьма умело!

С о ф и

Ступайте же...

Х о з я и н

Пойду. Но за деньгами дело.

С о ф и

Они у вас.

Х о з я и н

Как, у меня?!

С о ф и

Их нет?!

Х о з я и н

Ты, что ль, мне их дала?

С о ф и

Мне странен ваш ответ.

Х о з я и н

Так у кого ж они?

С о ф и

Куда же вы их дели?

Х о з я и н

Ты шутишь!

С о ф и

Деньги где?

Х о з я и н

Да ты в своем уме ли?

Ты их взяла,

С о ф и .

Я?!

Х о з я и н

Ты!

С о ф и

Как я могла их взять?

Х о з я и н

Бот так!

(Пантомимически изображает кражу.)

С о ф и

Я не пойму...

Х о з я и н

Ну, где тебе понять?

Как деньги отдавать — ты голову морочишь.

Ведь ты призналась мне. Чего теперь ты хочешь?

С о ф и

Нет, это чересчур! Кто признавался?! Кто?!

Вы сами в воровстве признались только что!

Х о з я и н

Вот что я заслужил за все свои заботы

О милой доченьке!.. Ты знать желаешь, что ты?

Сама воровка ты!

С о ф и

Отец!

Х о з я и н

Тогда ответь

Ты у него была?

С о ф и .

Была!

Х о з я и н

Еще смотреть
Ты смеешь на меня невинными глазами?..

С о ф и

Была... Но что с того?!

Х о з я и н

Как?!

С о ф и

Нынче утром сами
Вы были там...

Х о з я и н

Молчи! Иль вовсе разозлюсь
И в волосы тебе, негодница, вцеплюсь!

Софи, плача, уходит.

Ушла! Давно пора!.. Притворство не поможет.
А деньги у нее. Сомнений быть не может.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

А л ь ц е с т задумчив, в утреннем фраке. Х о з я и н.

Х о з я и н

(смущенно, умоляющим голосом)

Вам, господин Альцест, должно быть, тяжело.
Я сам ошеломлен тем, что произошло.
И все ж покорнейше я вас просить посмею
Все в тайне сохранить, покуда не сумею
Найти виновного. Иль вмиг дурная весть
Пойдет по городу, мою пятная честь.
Знать, кем-то из своих совершена покража.
Не гневайтесь, Альцест! Отыщется пропажа.
Ну, а каков урон?

А л ь ц е с т

Сто талеров.

Х о з я и н

Беда!

А л ь ц е с т

Но сотня талеров...

Х о з я и н

Отнюдь не ерунда!

А л ь ц е с т

Я ими поступлюсь, не нужно возмещения.
Мне только бы узнать виновника хищения.

Х о з я и н

Нашлись бы денежки, и — кончен разговор.
Будь Михель он, будь Ганс — не все ль равно, кто
вор?

А л ь ц е с т
(про себя)

Неужто мой слуга? Чтоб он дошел до кражи?
Нет! Ну, а если... Вздор! Не смей и думать даже!

Х о з я и н

Ах, сударь, зря ломать не стоит головы...
Я деньги вам верну...

А л ь ц е с т
Вернете?

Х о з я и н

Да. Но вы
Об этом никому ни слова не скажите...
Я все вам возвращу. Прошу вас, не тужите...

А л ь ц е с т

Ах, так! Вы знаете...

Х о з я и н

Что деньги будут, да...

А л ь ц е с т

Но кто, скажите, кто?

Х о з я и н

Не выдам никогда.

А л ь ц е с т

Прошу, скажите мне...

Х о з я и н

Нет, права не имею...

А л ь ц е с т

Что: кто-то из своих?

Х о з я и н

Я отвечать не смею,

А л ь ц е с т

Служанка?

Х о з я и н

Анна?! Нет! Не украдет вовек!

А л ь ц е с т

И, верно, не слуга?

Х о з я и н

Он честный человек.

А л ь ц е с т

Кухарка ваша?

Х о з я и н

Та при кухне бесконечно.

А л ь ц е с т

А поваренок Ганс?

Х о з я и н

Гадать так можно вечно.

А л ь ц е с т

Садовник?

Х о з я и н

За него ручаюсь головой.

А л ь ц е с т

А сын его?,

Х о з я и н

Нет.

А л ь ц е с т

Кто ж?

Х о з я и н
(почти про себя)

Мой пес сторожевой!

А л ь ц е с т
(про себя)

Дай срок! Все выложить придется дурачине!
(Вслух.)

Что ж. Кем бы ни был вор, мне все равно отныне,
Коль деньги возвратят...
(Делает вид, что хочет уйти.)

Х о з я и н

Ну вот! .

А л ь ц е с т
(как бы вспомнив)

Чуть не забыл
Ответить на письмо... Нет ли у вас чернил?

Х о з я и н

Я только лишь вчера письмо вручил вам это...
В нем нечто важное?

А л ь ц е с т

И требует ответа...

Х о з я и н

Нет большей радости, чем письма получать!

А л ь ц е с т

Поверьте, не всегда. Ведь надо отвечать,
Что к трате времени излишней вынуждает...

Х о з я и н

Иное письмо с лихвой вознаграждает
За хлопоты... А то, что прислано сюда,—
Особо важное?

А л ь ц е с т

Об этом — никогда.

Х о з я и н

Не из Америки?

А л ь ц е с т

Я отвечать не смею...

Х о з я и н

Что — Фридрих? Молвите...

А л ь ц е с т

Нет, права не имею...

Х о з я и н

Волнение в Гессене? Народ...

А л ь ц е с т

Не стану лгать...

Х о з я и н

Где император? Там?..

А л ь ц е с т

Да, надо полагать...

Х о з я и н

На севере мятеж?

А л ь ц е с т

Не стану клясться в этом.

Х о з я и н

Секрет?

А л ь ц е с т

Гм... До поры останется секретом...

Х о з я и н

Песчастье?)

А л ь ц е с т

Как сказать? В известной мере — да...

Х о з я и н

Зимою...

А л ь ц е с т

Гибельны для зайцев холода:

Х о з я и н

Такой суровый тон чем заслужил теперь я?

А л ь ц е с т

Пусть недоверчивый не требует доверья,

Х о з я и н

Но чем мне возвратить доверье, ваша честь?

А л ь ц е с т

Вы скажете, кто вор, я дам письмо прочесть.
Как видите, в обмен прошу совсем немного...
Ну, что: отдать письмо?

Х о з я и н

(смущенно и алчно)

Отдайте, ради бога!

(Про себя.)

По правде говоря, я ждал другой цены...

А л ь ц е с т

Мне кажется, во всем условия равны.
А тайну унести готов с собой в могилу.

Х о з я и н

(про себя)

Как надо мной письмо взяло такую силу?
Но, может быть, Софи?.. На все махну рукой!
Как можно устоять, когда соблазн такой?
А! Слюнки потекли! Вот и дождался часа!..

Альцест
(про себя)

Ну, наконец-то! Пес учуял запах мяса.

Хозяин
(пристыженно, хочет уступить)

Осмелюсь доложить, что я за честь почту...

Альцест
(про себя)

Клюет...

Хозяин

Ответить вам на вашу доброту.

(С сомнением в голосе, почти умоляя.)

Но я прошу... тотчас письмо мне в руки дайте.

Альцест
(показывая письмо)

Пожалуйста,

Хозяин
(медленно приближается к Альцесту, не сводя
глаз с письма)

Так вот...

Альцест
Ну?

Хозяин

Слушайте и знайте.

Вор...

Альцест

Ну?

Хозяин

Мо...

Альцест
Кто?

Х о з я и н
(прочувственно, затем тотчас же вырывает из
рук Альцеста письмо)
Софи!

А л ь ц е с т
(пораженный)

Не может быть!

Х о з я и н
(выходит вперед, нетерпеливо вскрывает конверт
и начинает читать)

Ну, что ж...

«Высокороднейший...»

А л ь ц е с т
(тряса его за плечо)

И это все не ложь?!

Я правды требую!

Х о з я и н

Она, она... (Нетерпеливо, про себя.) Мешает!
«К тому же...»

А л ь ц е с т
(пораженный)

Это все меня ума лишает!

Х о з я и н
(вырывается и продолжает читать)

«Высокочтимейший...»

А л ь ц е с т
(по-прежнему)

Она украла?! Нет!

О, ужас!

Х о з я и н
«Господин...»

А л ь ц е с т
(по-прежнему)

**Извольте дать ответ,
Как все произошло? Вы скажете?**

Х о з я и н

Ручаюсь.

А л ь ц е с т

Когда?

Х о з я и н

Потом, потом!..

А л ь ц е с т

Ну, я всего дознаюсь!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Х о з я и н

(читает и при этом говорит)

«И благодетель...» Ну?.. «Нам Ваша доброта
Всегда сопутствует, и ныне неспроста
Вновь просим милости...» Хотел бы знать, за что же?
«Не сомневаюсь, Вы возрадуетесь тоже...»
Ага! Но дальше что?.. «И в этот светлый час
Мы перво-наперво подумали о Вас...
Нам ныне даровал господь шестого сына...»
Как?! «Мальчик родился до срока...» Ах, скотина!
«Младенец...» Утопить его! Четвертовать!
«На Вашу доброту мы смеем уповать».
Ей-ей, сейчас помру! Обжулил! Взял обманом!
Дожить до седины и быть таким болваном!
О, негодяй Альцест! Злодей! Обманщик он!
Я тотчас вышвырну его отсюда вон...
А я его считал хорошим, верным другом.

(Хватается за парик.)

Мошенник мерзостный получит по заслугам!
Но бедная Софи! Теперь ей не помочь!
За глупое письмо я подло продал дочь!
Ты выжил из ума! Позору-то! Позору!..
Ночь! Деньги! Вор! Письмо! Нет! Удавиться впору!
На ком бы злость сорвать? О, если б кто-нибудь
(хватает палку и бежит по сцене)

Попался под руку! Не преминул бы вздуть!
Глумиться надо мной?! Вам захотелось драки?!

О, я бы показал вам, где зимуют раки!
Нет, я не выдержу!.. Ну хоть бы чертов сын
Слуга разбил бы здесь стакан или графин!
Я сам себя сожру! О, как я алчу мести!
(Натыкается на кресло, бьет его.)
А! Ты пылишь?! Так на! Прибью! Прибью на месте!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Хозяин продолжает колотить по креслу. Зеллер входит и в испуге останавливается. Он — в домино, к руке у него привязана маска, он навеселе.

Зеллер

Он что, с ума сошел? Задам-ка стрекача,
А то, глядишь, и мне он всыплет сгоряча.
В него вселился черт! С чего б так бесноваться?
Пожалуй, я пойду... Пора ретироваться.

Хозяин
(не замечая Зеллера)

Нет, больше не могу! Спина болит, рука...
(Бросается в кресло.)
Как я вспотел!

Зеллер
(про себя)

Да так помрешь наверняка...
(Подходит к хозяину.)

Папаша!

Хозяин

А! Мосье! Изволили явиться?
Я тут измучился, а он всю ночь режется!
Сорит деньгами, пьет, хохочет, как дурак,
Не ведая, какой здесь, дома, кавардак.

Зеллер

А что стряслось?

Хозяин

Молчи. Уйди по доброй воле, !

Зеллер.

Ну что?

Хозяин

Альцест! Софи! С тобой делиться, что ли?..

Зеллер

Нет, нет...

Хозяин

Чтоб ты исчез, оставил этом дом,
А заодно с тобой и негодай с письмом!
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Зеллер

(смешной в своем страхе)

Беда! Все кончено! Сейчас, наверно, схватят.
Простишься с головой! Ужо тебе отплатят!
Ох, страшно! Ох, боюсь! Дознались! Я пропал!
Так даже доктор Фауст, поди, не трепетал
И Ричард Третий! Ой!.. Вот он, помост проклятый.
Меж двух столбов висит, качаясь, муж рогатый.
*(Бегает, как сумасшедший, по сцене, затем
понемногу одумывается.)*

Украд добро, влачишь наитягчайший груз.
Беги же! Ну, скорей! Чего ты медлишь, трус?..
А может, ты еще вне всяких подозрений?
(Замечает Альцеста и убегает.)
Альцест! Альцест идет!.. Попался! Нет сомнений!..

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Альцест

(в выходном платье, при шпаге и в иляпе)

Какой мучительный с собой веду я спор!
О, божество мое, пред коим до сих пор
Восторженный Альцест с любовью преклонялся,
Чьей добродетелью, чьей святостью пленялся,

Моя любимая, мой ангел, верный друг —
Поверить не могу! — так низко пала вдруг.
Исчез мой идеал! Нет сладостной богини:
Всем прочим женщинам она под стать отныне.
Но чтоб так низко пасть! О, я сойду с ума!
И все же сердцем к ней привязан я весьма...
Нет! Малодушье прочь! И зря себя не мучай!
Как можно упустить такой счастливый случай?
Твоя прелестница, предмет мечты твоей,
Нуждается в деньгах. Так предложи их ей!
А коль сама взяла, то уж при первой встрече
О добродетели не может быть и речи.
Что ж... Духом соберись... Она придет... «Мадам
Нуждается в деньгах? Я вам охотно дам.
Сомнениям себя зазря не подвергайте
И, как своим добром, моим располагайте!»
Идет!.. Спокоен я... Зачем себе я лгу?
Она виновна. Нет!.. Поверить не могу!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

А л ь ц е с т. С о ф и.

С о ф и

Вы избегаете меня? Но отчего же?
Вам одиночество сейчас всего дороже?

А л ь ц е с т

То, что мне дорого, сам толком не пойму,
Нелишне иногда побыть и одному.

С о ф и

Как видно, вас всерьез пропажа беспокоит?

А л ь ц е с т

Об этой ерунде и говорить не стоит.
Я все-таки богат. Украли мелочь... Ах, ~~==~~
Да, может быть, она и не в плохих руках.

С о ф и

Но ваша доброта смягчает нам страданье.

А л ь ц е с т

Я мог бы все простить за честное признание.

С о ф и

Что это значит?

А л ь ц е с т
(улыбаясь).

Что?

С о ф и

Не понимаю вас.

А л ь ц е с т

Я ваш старинный друг. Доверьтесь мне сейчас.
Пропали деньги. Что ж! Их не веротишь снова.
А знал бы, где они, то не сказал ни слова,
Тем более, что мне...

С о ф и
(удивленно)

Как! Вам известно все?

А л ь ц е с т
(нежно берет ее руку и целует)

Да,,. Ваш отец... Софи, сокровище мое...

С о ф и
(в смущении, с чувством стыда)

И вы прощаете?

А л ь ц е с т

Что? Шутку? Несомненно!

С о ф и

Но я,,,

А л ь ц е с т

Поговорим с тобою откровенно.
Ты знаешь, что Альцест всегда живет тобой.
Мы — вместе, хоть навек разлучены судьбой.
Сердца у нас горят порывами одними.
А деньги и добро мое считай своими,,.

Я все готов отдать, твою любовь ценя.
Бери же! Но, Софи... как встарь, люби меня!
(Обнимает ее. Софи молчит.)
Что ни прикажешь ты, исполнить сердце радо.

С о ф и

(гордо, высвобождаясь из его объятий)

Благодарю! От вас мне ничего не надо.
И что за тон такой? А! Понимаю вас...
Во мне ошиблись вы!..

А л ь ц е с т
(парируя)

Напротив, мне как раз
Открылись вы вполне. Я все осмыслил здраво.
Но для чего же вам неистовствовать, право,
Зайдя столь далеко?..

С о ф и

Столь далеко?!

А л ь ц е с т

Мадам!

С о ф и

О!

А л ь ц е с т

Вечно вас любя, я не решаюсь сам
Сказать об этом вслух... Нет, лучше не просите..

С о ф и
(гневно)

Альцест!

А л ь ц е с т

Что ж. Обо всем тогда отца спросите,
Он знает, видимо...

С о ф и
(в приступе негодования)

Что знает?! Шутки прочь!
Так что он вам сказал?

А л ь ц е с т

А то, что в эту ночь...

С о ф и

(так же)

Что в эту ночь?..

А л ь ц е с т.

Сказал... что вы... вы... деньги взяли.

С о ф и

(в слезах, в неистовстве отворачиваясь)

О, боже мой!.. Да он уж не сошел с ума ли?!

А л ь ц е с т.

(умоляя)

Софи!

С о ф и

(отвернувшись)

Посмели вы...

А л ь ц е с т.

(там же)

Софи!

С о ф и

В вас нет стыда!

А л ь ц е с т.

Простите!

С о ф и

Вас простить?! За это?! Никогда!

Отец унизил дочь коварнейшим наветом,

И вы поверили, не усомнились в этом!..

Я раньше ни за что бы не открылась вам,

Ну, а теперь скажу... Да! Деньги взял он сам!

(Поспешно уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Альцест, потом Зеллер.

Альцест

Вот наваждение! Как с мыслями собраться?
Здесь черту самому и то не разобраться.
Винят друг друга два честнейших существа!
Да тут с ума сойдешь! Все против естества!
Ведь сам давным-давно я их обоих знаю...
Подобных случаев и не припоминаю.
Загадка трудная — не разгадать ее.
Чем больше думаю, тем путанее все!
Старик отец! Софи! Нельзя поверить даже...
Вот Зеллер, тот и впрямь дойти бы мог до кражи.
Но — никаких улик, поскольку сей нахал,
Как все мы видели, отправился на бал.

Зеллер

(входит навеселе, в обыкновенном костюме)

Что, утомлен, поди, победою своею?..
С какой я радостью ему свернул бы шею!

Альцест
(про себя).

А вот как раз и он!

(Вслух.)

Что слышно, Зеллер?

Зеллер

Ах,
Неважно... Музыка так и гремит в ушах.
(Потирает лоб.)

А голова болит!..

Альцест

Бывает после бала...

И много было дам?

Зеллер

Да... Чуя запах сала,
Мышь прибежит...

А л ь ц е с т

Ага... И танцы были там?..

З е л л е р

Я лишь смотрел...

(Про себя.)

За тем, как ты танцуешь сам.

А л ь ц е с т

Как это может быть, чтоб вы не танцевали?

З е л л е р

Что так произойдет, я сам не знал вначале.

А л ь ц е с т

А что ж произошло?

З е л л е р

Болела голова.

Какие танцы тут, коль держишься едва.

А л ь ц е с т

Ах!

З е л л е р

То, что зрел мой глаз, чему внимало ухо,
Могло меня лишить и зрения и слуха.

А л ь ц е с т

Болезнь ужасная. И наступила враз?

З е л л е р

О нет! С тех самых пор, как вы в гостях у нас,
Я мучаюсь...

А л ь ц е с т

Беда.

З е л л е р

Не вижу избавленья.

А л ь ц е с т

Я средство подсказать бы мог для исцеленья:
Примочки на голову.

З е л л е р
(про себя)

Ишь подлец какой!
(Вслух.)

Не все так просто!..

А л ь ц е с т

О! Все снимет как рукой!
А впрочем, я скажу: вам поделом недуги.
Что б вам не предложить обиженной супруге
Пойти на маскарад?! Нет, почему она,
Как вечер настает, должна сидеть одна?

З е л л е р

Ах, отпустить меня Софи всегда согласна.
Она и без меня обходится прекрасно.

А л ь ц е с т

Вы глупо шутите!

З е л л е р

Шути тут, не шути,—
Гурман тотчас смекнет, где лакомство найти.

А л ь ц е с т

Что за цветистый слог?

З е л л е р

Я говорю понятно:
Exempli gratia: ¹ мне было бы приятно
Пить дома, здесь вино отменное вполне.
Но скряга-тесть ворчит. Вот — пью на стороне.

А л ь ц е с т
(догадываясь)

Позвольте...

¹ Для примера (лат.).

Зеллер
(запальчиво)

Женолюб! Уж лучше помолчите!
Она — моя жена! Что вы еще хотите?
А муж ее каков, вам вовсе дела нет...

Альцест
(со сдержанным гневом)

Что — муж! Или не муж! И что мне целый свет!..
Но если вы еще хоть раз сказать решитесь...

Зеллер
(испуганно, про себя)

А если я спрошу, вы языка лишитесь...
Честна ль она?

(Вслух.)

Притом, здесь все же — мой очаг,
Хоть стряпает другой...

Альцест

Да вы ей — худший враг!
Она красавица, чиста, как ангел божий,
Не знал я никого милее и пригожей...

Зеллер

Задорна, горяча и припасла — увы! —
Два украшеньица для мужней головы...
Вот мой удел. Еще у матери в утробе
Я предназначен был в мужа такой особе,

Альцест
(вспыхнув)

Эй, Зеллер!

Зеллер
(дерзко)

Что?!

Альцест
Молчать!..

Зеллер

Хотел бы я взглянуть,
Кто это там еще мне смеет рот заткнуть?

Альцест

Будь мы не здесь — не стал бы с вами препираться...

Зеллер

(наполовину про себя)

За честь моей жены готов он насмерть драться!

Альцест

Конечно!..

Зеллер

(так же)

Что еще случиться может вдруг?

Альцест

Проклятье!

Зеллер

Ну, так вот. Я знаю все, мой друг.
Но тихо, тихо... Здесь сравнение уместно:
Такие господа, как вы, давно известно,
Охотники срезать на поле колоски,
А мужу оставлять одни лишь сорняки.

Альцест

Да как вы смеете? Ведь речь идет о чести...

Зеллер

О, у меня давно глаза на мокром месте,
Как если б нюхал лук...

Альцест

(гневно и решительно)

Я к бредням не привык,
Что за намек такой, скажите напрямик!
Иначе силой вас заставлю отвечать я!

Зеллер

Того, что видел сам, как не могу не знать я?

Альцест

Как это «видел сам»?

Зеллер

Глазами! Как еще?

Альцест

Ха!

Зеллер

Да уймите же волнение свое!..

Альцест

Но что вы видели? Что слышали?

Зеллер

(струсив, хочет уйти)

Простите,

Я удаляюсь...

Альцест

(удерживая его)

Нет! Куда же вы!

Зеллер

Пустите!

Альцест

Я вас не выпущу!

Зеллер

(про себя)

Да он убить готов!

Альцест

Так что ж вы слышали?!

Зеллер

Сужу с чужих я слов...

А л ь ц е с т

(гневно, настойчиво)

С ч ь и х слов?!

З е л л е р

Так... Некто...

А л ь ц е с т

(еще грознее и наступая на него)

Кто?! Молчите вы?

З е л л е р
(в страхе)

Ей-богу,

Он видел это сам... *(Осмелев.)* Я подниму тревогу!

А л ь ц е с т

(хватает его за шиворот)

Кто это был?

З е л л е р
(хочет вырваться)

Кто был?

А л ь ц е с т

(держит его еще крепче)

Не мучайте меня!

(Обнажает шпагу.)

Кто этот лгун, прохвост, подлец, разбойник?!

З е л л е р
(падает на колени)

Я,

А л ь ц е с т

Так что ж вы видели?

З е л л е р
(в страхе)

Обычная картина.

Кто женщина? Софи. Кто кавалер? Мужчина...

А л ь ц е с т

Что было далее?

З е л л е р

Вопросы не нужны,
Когда она и он друг в друга влюблены.

А л ь ц е с т

Что это значит?

З е л л е р

Ах, неужто непонятно?

А л ь ц е с т

Ну?

З е л л е р

Мне рассказывать об этом неприятно...

А л ь ц е с т

Яснее, черт возьми!

З е л л е р

Я видел наяву...

А л ь ц е с т

Так говорите — что?

З е л л е р

Там было рандеву!..

А л ь ц е с т

Вот это ложь!

З е л л е р
(про себя)

Дрожит...

А л ь ц е с т
(про себя)

Откуда он разведal?
(Прячет шпагу.)

Зеллер

Смелей!

Альцест
(про себя)

Кто-то нас, зная, выследил и предал.
(Придя в себя.)

О чем же вы?..

Зеллер
(нагло)

Ха-ха! О зрелище ночном!
Ведь я, признаюсь вам, присутствовал на нем.

Альцест
Где?

Зеллер
В кабинете!

Альцест
Как?! Не на балу вы были?!

Зеллер
Мне кажется, и вы куда-то уходили,
Но так и не ушли... Чего уж тут хитрить!..
Нет, шила, господа, в мешке не утаить!

Альцест
Да уж не он ли вор? С него все может случиться..
Не приведи господь с таким субъектом знаться,
Тьфу! Скверный человек!

Зеллер
Ужасно скверный! Да.
Не заблуждаются большие господа!
Вы сами обобрать, обчистить нас готовы.
Для вас законов нет, зато вы к нам суровы.
Не все ль равно, что красть: добро или жен чужих?
Хотите вздернуть нас? А надо б вас самих!

Альцест
Да как вы смеете?!

Зеллер

Да вот, представьте, смею,

Я, к сожалению, теперь рога имею.

In summa ¹, повторить опять не премину:

Я деньги взял у вас, вы у меня — жену.

Альцест

Как, взял у вас жену?!

Зеллер

Но я предполагаю,

Все началось давно...

Альцест

Давно?

Зеллер

Я умолкаю.

Альцест

На виселицу, вор!

Зеллер

Видать, забыли вы,

Что кой за что еще лишают головы,

Альцест

Эй вы!

Зеллер

За лакомство поплатится обжора!

(Делает жест, изображающий отсечение головы.)

Альцест

Гляди, какой юрист! Да вас повесят скоро,

Иль, в крайности, плетью вас высекут, наглец!

Зеллер

Я заклеюмен уже...

(Показывает на лоб.)

¹ В общем, одним словом (лат.).

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Т е ж е, х о з я и н, С о ф и.

С о ф и
(в глубине сцены)

По-прежнему отец
Неумолим...

Х о з я и н
(в глубине сцены)
Софи не хочет повиниться!

С о ф и
Вот и Альцест!

Х о з я и н
(видит Альцеста)
Ага!

С о ф и
Сейчас все разъяснится.

Х о з я и н
(Альцесту)
Украла дочь!

С о ф и
(с другой стороны сцены)
Отец украл!

А л ь ц е с т
(смотрит на них, смеется и говорит тем же тоном,
что и они, указывая на Зеллера)

Сей разговор
Не нужен. Он украл!

З е л л е р
(про себя)

Держись!

С о ф и
Как он?

Х о з я и н

Он — вор?!

А л ь ц е с т

Вы оба ни при чем.

Х о з я и н

На колесо! На плаху!

С о ф и

(Зеллеру)

Ты?!

З е л л е р

(про себя)

Гром и молния! Ей-ей, умру от страху!

Х о з я и н

Да я тебя...

А л ь ц е с т

Нет, нет... Минута тишины!

Тень пала на Софи, но без ее вины.

Софи пришла ко мне... Шаг смелый... Но меж нами...

(К Зеллеру.)

Да что тут говорить! Вы все видали сами...

(К Софи.)

Итак, он рядом был. Ах, кто б подумать мог!

Но верность...

З е л л е р

Я дрожал от головы до ног.

А л ь ц е с т

(хозяину)

А — вы?

Х о з я и н

Тихонько к вам я в комнату пробрался.

Злосчастное письмо я раздобыть старался.

Но, господин Альцест, поставлю вам на вид:

От этого письма весь день меня тошнит.

А л ь ц е с т

Простите шутку... О, и перед вами каюсь,
Софи, в своей вине...

С о ф и

Альцест!

А л ь ц е с т

Не сомневаюсь:

Вы — чести образец, столь ревностно храня
Святую нравственность...

З е л л е р

Он убедит меня!

А л ь ц е с т

(к Софи)

А как же Зеллер? Что ж. Простим его?

С о ф и

Прощаю!

(Подходит к Зеллеру и протягивает ему руку.)

А л ь ц е с т

(хозяину)

Ну как?

Х о з я и н

(тоже подходит к Зеллеру и протягивает ему руку),

Впредь не воруй!

З е л л е р

Не буду... Обещаю...

А л ь ц е с т

А что с деньгами?

З е л л е р

Ох, заставила нужда.

Ведь кредитор меня грозил убить тогда.
Что было делать мне? Так и дошел до кражи.
Я заплатил весь долг. И мне осталось даже...

А л ь ц е с т

Дарю остаток вам.

З е л л е р

Кажись, прошла беда!

А л ь ц е с т

Забудьте о былых проделках навсегда.

А если вдруг опять начнете все сначала,

То...

(Делает знак, имитирующий повешение.)

З е л л е р

Виселида всех сегодня миновала,

ПРОМЕТЕЙ

Драматический отрывок

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Прометей, Меркурий,

Прометей

Я не хочу — так передай богам!
Ты понял: не хочу!
Столкнулись наши воли,
Сошлись
В единоборстве!

Меркурий

И это Зевсу передать — отцу?
И матери твоей?

Прометей

Что мне отец! Что мать!
Откуда мы, кто знает?
Едва мои окрепли ноги,
Я встал на них.
Простер я руки,
Когда узнал, что можно протянуть их.
Отец и мать, как их зовешь ты,
Глядели на меня — и это всё,

Меркурий

Они тебе
Опорой были в детстве.

Прометей

Я в детстве им повиновался честно.
Они же гнули бедного ребенка
Туда, сюда по ветру прихоти своей.

М е р к у р и й

Храня тебя...

П р о м е т е й

Но от чего? От бед,
Которых сами опасались?
А сохранили ль сердце мне
От змей, его язвивших тайно?
И закалили ль грудь мою,
Чтобы дала отпор титанам?
Разве в мужа меня превратило
Не Время, могучий кузнец, —
И мой и ваш повелитель?

М е р к у р и й

Несчастный, это про богов
Бессмертных?!

П р о м е т е й

Хоть я не бог,
Но все ж себя ничуть не ставлю ниже.
Бессмертны? Всемогущи?
Но в чем же?
Способны ль вы вместить
Всю ширь земли и неба
В одной моей руке?
Иль разлучить меня
С самим собой?
Иль можете меня расширить,
Вложить в мои пределы мир?

М е р к у р и й

Судьба сильна!

П р о м е т е й

Судьбы признал ты власть?
Я — тоже!
Иди! Я не служу подвластным!

Меркурий уходит.

(Обращаясь к статуям, расставленным в долине.)
Ушел невозвратимый миг!

Глупцом я был оторван
От вас,
Мои созданья!
Все то, что грудь мою волнует,
(приближается к изваянию девушки)
В ее груди должно созвучно биться!
Уж говорят глаза!
Скажите слово мне, уста!
О, если б мне вам объяснить,
Что вы такое!

Э п и м е т е й в х о д и т,

Э п и м е т е й

Меркурий жаловался горько,

П р о м е т е й

Когда б напрасных жалоб ты не слушал,
Он и без них вернулся бы домой.

Э п и м е т е й

Нет, брат мой! Будь же справедливым!
Желают боги
С тобою сговориться.
Они хотят отдать тебе Олимп,
Чтоб там ты жил,
Землею управляя.

П р о м е т е й

Быть их слугой?
Их небо охранять?
Нет, я сговорчивее, право!
Хотят со мною поделиться боги,
Но чем же? Мне делиться с ними нечем:
Чем я владею, то украсть они не могут,
А то, что их, пусть сами охраняют.
Вот здесь — мое, а здесь — твое,
И тем раздел закончен.

Э п и м е т е й

Да много ль твоего?

Прометей

Тот круг земной, где действовать могу,
Не больше и не меньше!
Кто право дал далеким звездам.
Следить за мной,
Взирая с высоты?

Эпиметей

Ты одинок!
Каким блаженством было б,
Когда бы ты, и все твои, и боги,
И свод небесный, и весь мир
Себя в единстве полном ощутили!

Прометей

Я это знаю!
Милый брат, живи,
Как можешь, но меня оставь!

Эпиметей уходит.

Вот весь мой мир, вот — всё:
Я воплотил
Все сокровенные желанья
В телесных образах.
Мой дух, тысячекратно разделенный,
Един во всех и в каждом из созданий.

Минерва входит.

Решилась ты, богиня?
Решилась вновь к врагу отца явиться?

Минерва

Отца я почитаю,
Тебя ж люблю, о Прометей!

Прометей

Ты мне близка по духу,
Как сам себе я близок,
Мне издавна
Твои слова небесным светом были!
Как будто бы душа с собою говорила
И сразу раскрывалась.

Гармония в ней возникла
Из потаенных недр,
Когда твои слова звучали;
И не был я собой:
Когда я говорил —
То божество вещало,
А божества слова —
Моими были.
Так мы с тобой одно —
И вечна
Моя любовь к тебе.

М и н е р в а

И я с тобою неразлучна.

П р о м е т е й

Словно блеск мерцающий
Солнца уходящего
Заливает выси
Мрачного Кавказа
И вселяет в душу мне
Сладостный покой,
Что со мною неразлучен и в часы разлуки, —
Так своим дыханием небесным
Укрепляешь силы ты мои.
Но почему же
Обитатели Олимпа
Так дерзко посягают
На мощь мою?
Я знаю сам, что с нею должен делать,
И не ступлю ни шагу
Для богов!
Для них ли я живу?

М и н е р в а.

Так мыслит мощь.

П р о м е т е й

Богиня, мыслю также,
И чую силу.
Ты часто видела сама,
Как в рабстве добровольном
Я бремя нес —

Тот груз, который боги
Взвалили мне на плечи.
И разве я не исполнял работу
По воле их,
Тяжелую поденную работу,
Поверив только,
Что прошлое с грядущим в настоящем
Для них равно открыты,
Что их правление — закон,
Несокрушимая,
Стоящая веками мудрость?

М и н е р в а

Служил ты им, чтоб заслужить свободу.

П р о м е т е й

И все ж я не гожусь
Сменить орла Зевеса.
Я не желаю молнии владыки
В холопских лапах
С гордостью держать.
Что боги мне? Что я?

М и н е р в а

Напрасно ненавидишь ты.
Богам в удел даны бессмертье,
Любовь, могущество и мудрость.

П р о м е т е й

Дано все это
Не им одним!
Не вечен разве я?
Ведь все мы вечны!
Начала своего не помню
И не стремлюсь прийти к концу.
Конца не будет мне,—
Я вечен, ибо существую!
А мудрость...
(Ведет Минерву вокруг изваяний.)
На этот лоб взгляни!
Своим перстом
Не я ль его отметил?

И этой груди мощь
Навстречу рвется
Опасностям грядущим.

(Останавливается перед женской статуей.)

И ты, Пандора,
Сосуд священный всех даров,
Несущих радость
Под ширью небосвода
И на земле бесконечной...
Все, что родит в моей душе живой восторг,
Что зелению тенистой
Дарит блаженную усладу,
Что светом солнца, и весенним счастьем,
И плеском ласковой волны
К моей груди прильнуть стремится в
страстной неге,
Все, что лазурью ясною небес
Вливает в душу мне покой,—
Все это ты, моя Пандора!

М и н е р в а

Юпитер обещает
Жизнь подарить твоим созданиям, если
Его ты воле
Покоришься.

П р о м е т е й

Над этим размышлять мне довелось,
Но стать рабом, господство Громовержца
Признать я должен?
Нет!
Пусть будут скованы они,
В безжизненности этой
Они свободны все ж:
Свободными их вижу!

М и н е р в а

И жить они должны!
Судьба вольна — не боги —
Жизнь даровать и отнимать ее.
Идем туда, где бьет источник жизни;
Его Юпитеру не скрыть.
Пускай живут благодаря тебе!

Прометей

Благодаря тебе, богиня!
О, жить, свободным быть —
И жить!.. В их радости — твоя награда!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

НА ОЛИМПЕ

Юпитер, Меркурий.

Меркурий

Отец Юпитер! Страшная измена!
Минерва, дочь твоя,
С мятежным заодно,
Открыв ему источник жизни,
Одушевила все
Его создания,
Его мирок из глины.
Они в движении, как мы,
И славословят все его,
Как мы тебя.
О, где же гром твой, Зевс?

Юпитер

Живут! И будут жить!
И жить должны!
Над всем, что только есть
Под необъятным небом
И на земле огромной,—
Везде владыка я.
Пускай червяк ничтожен, но число
Моих рабов он умножает.
И благо им, когда во мне отца признают,
Но горе им, коль захотят царю
Не покориться!

Меркурий

Всесильный, благостный отец!
Злодеям ты прощаешь преступленье.
Хвала тебе и честь
От всей земли и неба!

Пошли меня, чтоб возвестил я
Из праха вставшему народу
Твою, отец, и доброту и мощь!

Ю п и т е р

Еще не время! В юном опьяненье
Те люди мнят себя богами.
Тебя не станут слушаться, ведь ты
Еще не нужен. Так позволь им жить!

М е р к у р и й

Ты мудр и благ!

ДОЛИНА У ПОДНОЖИЯ ОЛИМПА

П р о м е т е й

Взгляни, о Зевс,
На мир мой: он живет!
По своему я образу слепил их,
Людей, себе подобных, —
Чтоб им страдать и плакать, ликовать и
наслаждаться
И презирать тебя,
Как я!

По всей долине движутся люди. Одни влезли на деревья и
срывают плоды, другие купаются в реке или бегают напере-
гонки по лугу; девушки рвут цветы и плетут венки.
Человек, таща за собой срубленные молодые деревья,
подходит к Прометею.

Ч е л о в е к

Смотри: деревья,
Они тебе нужны.

П р о м е т е й

Как ты сумел
Подсечь их корни?

Ч е л о в е к

Вот этим острым камнем я подсек
Все дерева под самый корень.

Прометей

Сначала сучья срежь,
Потом вот этот ствол
Вбей ровно в землю,
А этот ствол поставь напротив,
И сверху их свяжи ты,
Еще стволы — вот тут и там —
И сверху положи крест-накрест,
Потом клеть сучьями закрой
От верха до земли.
Перевяжи их и сплети,
Вокруг покрывши дерном,
А наверху — ветвей погуше,
Чтоб солнце, ветер, дождь
Туда не проникали.
Вот, милый сын, приют от непогоды
И жилище!

Человек

Спасибо, дорогой отец!
Скажи мне: могут жить все братья
В моем жилище?

Прометей

Нет!
Ты дом себе построил, это — твой,
Но можешь разделить его,
С кем хочешь.
Кто хочет кров иметь, пусть сам построй.
(Уходит.)

Два человека.

Первый

Ты ни одной козы
Не смеешь взять:
Они — мои.

Второй

Вот как?

Первый

Вчера за ними день и ночь
Карабкался по горным кручам,

Изнемогал,
Чтоб их поймать живыми,
И сторожил всю ночь,
И запер их в загон
Из сучьев и камней.

В т о р о й

Дай хоть одну!
Вчера и мне пришлось поймать козу;
Ее, в огне зажарив,
Мы съели с братьями.
Сейчас одна нужна мне,
А завтра вновь поймаем.

П е р в ы й

Не трогай коз моих!

В т о р о й

Одну!..

Первый хочет отогнать его, но второй наносит ему удар,
сбивает с ног и уводит козу.

П е р в ы й

Насилие! Ой, ой!

П р о м е т е й
(входит)

Что тут?

Ч е л о в е к

Козу увел грабитель!
Струится кровь из головы моей —
Ее разбил он
Этим острым камнем.

П р о м е т е й

Возьми вон там лишай древесный
И положи на рану.

Ч е л о в е к

Отец мой, стало легче,
Кровь не сочится.

Прометей

Иди, умой лицо.

Человек

А как с козой?

Прометей

Оставь его!

**Коль руку он на всех поднимет,
Все на него поднимут руки.**

Человек уходит.

**Еще вы не испорчены, о дети:
Близки вам труд и лень,
Жестокость, кротость,
Щедрость, скупость...
Вы с братьями своими схожи,
Сродни вы со зверями и богами.**

Входит Пандора,

**Что, дочь, с тобой?
Как ты тревожна!**

Пандора

**Отец мой,
Что я увидала!
И что почувствовала я!**

Прометей

Что?

Пандора

О, Мира бедная!

Прометей

Что с нею?

Пандора

**Неведомые чувства!
Ее в лесу я увидала — там, где мы
С ней часто для венков цветы срывали.
Пошла за ней,
И лишь с холма спустилась, вижу,**

Как на траву
В изнеможенъе клонится она.
По счастью, тут же близко был Арбар,
Ее он крепко сжал руками,
Чтобы не дать упасть ей,
Но — ах! — он с ней поник,
Откинулась ее головка,
Он целовал ее без счета,
Прильнув к ее устам устами,
Чтоб оживить своим дыханьем,
Мне стало страшно,
Я с криком подбежала
Мой крик привел ее в сознание,
Арбар ее оставил.
Вскочив, она с потухшим взором
Мне кинулась на грудь,
Стучало сердце,
Рвалось на части,
Горели щеки,
И уста пылали,
Ручьем катились слезы.
Опять ее колени подкосились,
И я, отец, ее держала.
Ее горячие лобзанья
И страстный пыл вливали в жилы
Столь новые, неведомые чувства,
Что я в слезах, тревоге и смятенье
Покинула ее, и лес, и луг.
К тебе пришла, отец! Скажи,
Что потрясло ее, что с ней,
Со мной?

Прометей

То — смерть!

Пандора

Что это?

Прометей

Дочь моя,
Ты много радостей узнала.

Пандора

О, тысячи! Ты дал мне их.

Прометей

Да, грудь твою, Пандора, трепетала
При свете солнца,
В сиянье лунном,
И в поцелуях подружки милой
Блаженством наполнилась твоя душа.

Пандора

Невыразимо!

Прометей

Что стан твой в пляске поднимало
Легко на воздух?

Пандора

Радость!
Все существо мое тогда жило
Движеньями и пеньем,
В мелодии тонуло тело.

Прометей

И под конец все разрешалось сном:
Боль, радость.
Тебе знаком был солнца жар,
Томленье жажды,
Быстрых ног усталость.
Ты плакала, овечку потеряв;
Колючкой ногу ранив,
Ты охала, стонала до тех пор, пока
Занозу я не вынул.

Пандора

Да, в жизни есть и радости, отец,
И боль!

Прометей

Своим ты сердцем чуешь,
Что много радостей еще
И много горя
К тебе придет.

Пандора

О да! Стремится сердце вдаль,
Как будто никуда — и всюду.

Прометей

Приходит миг, несущий исполнение
Всему: надеждам, чаяньям и снам.
Чего страшились мы, Пандора,
Вот это — смерть.

Пандора

Смерть?

Прометей

Когда из самой глубины
Ты ощущаешь потрясенье
Во всем, что скорбь иль радость приносило,
И сердце, в буре слез
Терзаясь, жаждет исцеленья,
И жар его растет,
И все в тебе звучит, трепещет, бьется,
И вдруг сознание пропадает,
И видимое меркнет,
И ты никнешь,
И все кругом уходит в ночь,
И силою своих глубоких чувств
Объемлешь целый мир,—
Тогда и умирает человек.

Пандора
(обнимает его)

Дай умереть, отец!

Прометей

Еще не время.

Пандора

Что ж после смерти?

Прометей

Лишь все — желанье, радость, боль —
Сольется в вихре иступленья,—
Все успокоит сон блаженный,
И вновь проснешься ты помолодевшей,
Чтобы опять надеяться, желать, страшиться.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

МАСТЕРСКАЯ ПРОМЕТЕЯ

Прометей

Закрой, Зевс, небеса свои
Завесой туч!

И, как мальчишка,
Сбивающий ренейника головки,
Круши дубы, вершины гор!
Мою ты землю
Сгубить не можешь,
И дом, который я себе построил,
И мой очаг,
И мой огонь,
В тебе родящий зависть.

О боги, ничтожней вас
Не знаю никого под солнцем!
В бессилье жалком
Питаете величие свое
Вы скудным воскуреньем фимиама
Да вынужденным жертвоприношеньем.
Вы голодали б,
Когда бы не было детей и нищих —
Доверчивых глупцов.

Я был ребенком,
Ни в чем не разбирался.
И детские мольбы стремил
Я к солнцу, словно уши
Есть у него, чтоб слышать стоны,
И сердце, как мое,
Чтоб сжалиться над угнетенным.

Кто помог
Мне одолеть в борьбе титанов
И кто меня от смерти спас,
От рабства?
Не ты ль само,
Святым огнем пылающее сердце?

Не ты ли, победив,
Прославило по-детски
Сонливых жителей Олимпа?

Мне чтить тебя? За что?
Когда ты скорбь утешил
Обремененного?
Когда ты слезы вытер
Скорбью томимого?
И разве в мужа меня превратили
Не Время — могучий кузнец,
И не Судьба непреложная —
Владыки мои и твои?

Иль думал ты,
Что буду жизнь я ненавидеть,
В пустыню удалюсь из-за того,
Что воплотил
Не все свои мечты!
Как видишь, я творю людей
По своему подобию —
Мне родственное племя,
Чтоб им страдать, и плакать,
И ликовать, и наслаждаться,
И презирать тебя,
Как я!

САТИР, ИЛИ ОБОГОТВОРЕННЫЙ ЛЕШИЙ

Драма

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

О т ш е л ь н и к

Вам мнится, я забрел сюда,
В сердцах покинув города?
Вы маху дали, господа!
Нет, я из города убрался
Не потому, чтобы чурался
Греха, что льстец, ханжа и вор
Мне ненавистны с давних пор.
Все это б я, не дрогнув, снес,
Но вот до лести я не дорос.
Обчистят, обгадят тебя, как вороны,
А ты — отвешивай им поклоны!
С их вздорной спесью расстаться рад,
Я путь держу на «божий град»,
Где тоже схватки, тоже боренье,
Но нет, не пропадет творенье:
Весной в лесах и на горах
Все зеленеет в живых ростках,
Все тшится жить, любой сучок
Точит животворящий сок.
Тут думают сотни ваших умишек:
«Все это для нас и для наших детишек.
Господь к нам милосерд не даром,
Скорей бы это — по амбарам!»
Но бог глаголет нам: «Не так,
Творенью пусть дивится всяк».

И вот весенний жар лучей
 К нам гонит аистов и стрижей.
 Покличет — бабочка вспорхнет,
 Погреет — мушка оживет
 Иль гусениц мохнатый народ.
 И плодородье кишит во всем,
 Не сдрейфит, порвав с докучным сном,
 Жаба и зверь, червь и пташка,
 Плодятся на ветке, в воде, у овражка,
 На брюхе, на спинке, смотря по замашке, —
 Посмотришь, что ни кустик, так
 Родины или новый брак.
 И я, и этот пестрый рой
 Поем, не совладав с душой.
 Но, только пробудившись, тшится
 Народец этот поживиться:
 Вот червь листочек обкусал,
 Сам жаворонку в клюв попал...
 А я к тебе, природа-мать,
 Пришел соловушкам внимать!
 Но знайте, я и домовит:
 Вот малый домик мой стоит.
 Я буду грядки охранять,
 Водой поить, козявок гнать,
 И, если налетевший град
 Побьет внезапным льдом мой сад,
 Я хоть и рассержусь зело,
 Но проживу, куда ни шло,
 В то время как угрюмый жмот
 Погибнет от одних забот.

Слышится далекое завывание сатира: «Ай-ай! Ай-ай! Увы! Ой-ой!»

Что слышу я за жалкий вой?
 Должно быть, ранен зверь лесной?

С а т и р

Спина! У-у! Нога! А-а!

О т ш е л ь н и к

Что с вами, друг мой, за беда?

С а т и р

Глупец, или не видишь сам?
 Упал — и лапа пополам,

О т ш е л ь н и к

Влезай на горб — и в эту клеть!
(Несет его на спине в свою хижину и кладет на постель.)
Постой! Дай лапу осмотреть!

С а т и р

Мне больно! Что вы за медведь!

О т ш е л ь н и к

Что вы за нюня! Брось орать!
Иль кожу с вас хотят содрать?
(Делает перевязку.)
Ну, поправляйтесь. Я готов.

С а т и р

Теперь винца бы да плодов!

О т ш е л ь н и к

Хлеб с молоком — вот завтрак весь.

С а т и р

Не жирно вы привыкли есть!

О т ш е л ь н и к

Не ждал сиятельных гостей,
Извольте — суп из овощей.

С а т и р

Ну и супишко! Ну и вкус!
Как нищего котомка, пуст.
В горах, где стадо коз пасется,
Лишь в лапы мне одна попадется,
Цапну за вымя, губами стисну,
Алчною хваткой глотку сбрызну.
Вот жизнь! Скажу, как перед другом!

О т ш е л ь н и к

Так справьтесь поскорей с недугом.

С а т и р

Что вытворяете вы там?

О т ш е л ь н и к

Искусство это в новость вам?
Своим дыханьем руки грею.

С а т и р

Бедняга! Я его жалею.

О т ш е л ь н и к

Судáрь, меня богаче нет.
Себе-то справлю я обед.
Хотите тюрей подкрепиться?

С а т и р

Бурдой возможно ли прельститься?

О т ш е л ь н и к

Так лягте-ка, судáрь, на бок
Да подремлите малый срок,
А я проведу пока,
Чем заморить вам червячка.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

С а т и р

(пробуждаясь)

Что за постель? Собакам спать!
Преступников на ней пытать!
Болит и зад и поясница,
Да и от мух нельзя отбиться.
Не примирюсь с такой дырой.
В моей пещере — сказ другой:
Резные кувшины с вином,
Сыры и крынки с молоком.
Одно: не повредить бы ногу.
Здесь молится мой олух богу.
В глазах рябит, глядеть тоска,
Лежать в кумирне дурака.
Уж лучше луковиде буду
Молиться, не всплакну покуда,
Чем поверять свой жар сердечный
Фигурке, планке поперечной.

Ничто не ставлю выше себя!
Бог — это бог, я — это я.
Теперь бы ускользнуть, пока
Один... и — к черту дурака!
Что пригодиться может мне?
Не это ль полотно? Вполне.
Девчонки — тѣком от меня.
Так спереди прикроюсь я.
А гóспода его сорву-ка —
Да в речку! Это ли не штука?

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

С а т и р

Я утомлен. Ну, знóен день!
А у ручья густая тень.
Здесь луг для пришлого возвел
Из трав пленительный престол,
И ветерочки тревожат слух,
Как шепот нежных потаскух,
В любовном трепете земля.
На флейте ей сыграю я.

Две девушки с кувшинами.

А р с и н о я

Чу! Что за сказочный напев?
С реки или из-за деревьев?

П с и х е я

Так петь никто б у нас не мог,
Ты знаешь? Верно, это бог!
Пойдем посмотрим!

А р с и н о я

Я боюсь!

П с и х е я

Всем сердцем — ах! — к той песне рвусь!

С а т и р
(поет)

Друг! жизнь свою кому даришь?
Что орлим взором уследишь?
Земля — твоя. Взглянуть изволь:
Ты — властелин.
И вдруг — один,
И в сердце — боль!

А р с и н о я

Нет! Как он хорошо поет!

П с и х е я

Меня он за душу берет.

С а т и р
(поет)

Не ты ли песни свел с небес?
Растрогал скалы, реки, лес?
И тешит пенье не твое ль
Простор долин?
И вдруг — один,
И в сердце — боль!

П с и х е я

Весь облик — горней красоты!

А р с и н о я

Ушей мохнатых не видишь ты?

П с и х е я

В его глазах могучий свет!

А р с и н о я

Но быть его женой? О нет!

С а т и р

О девы с легкою стопой,
Зачем вам не побыть со мной?

П с и х е я

Как ты пришел сюда? Открой!

С а т и р

Откуда я? — сказать не смею.
Куда? — ответить не сумею.
Не предрешен ли небесами
Час этой нашей встречи с вами?

П с и х е я

Но все ж открой нам наперед,
Как звать тебя, каков твой род?

С а т и р

Я матери в лицо не знал.
Никто отца не называл.
Среди дерев и мшистых гор
Мне любо жить с давнишних пор.
Непроследим мой путь далекий.

П с и х е я

Не с неба ли наш гость высокий?

А р с и н о я

Но чем, о странник, ты живешь?

С а т и р

Да тем, что жизнью ты зовешь.
Мой этот непомерный свет.
Живу, куда направлю след.
Царю в лесах, среди долин,
Садов плодовых, морских пучин.
К тому же на стезе земной
Кто потягается со мной?
Я знаю свойства всяких трав,
И звезд известен мне устав,
И песнь моя живет людей,
Как хмель вина, как жар лучей.

П с и х е я

О, верю! Надивилась ей...

А р с и н о я

Вот бы отца позвать! Постой!

Психея

О да!

Сатир

А кто родитель твой?

Арсинья

Он жрец и праведный старик,
Богат умом и знаньем книг.
Да все про звезды да про травы...
Вот с ним бы свидеться вам, право!

Психея

Так позови ж его! Спеши!

Арсинья уходит.

Сатир

Вот мы и вместе и в тиши.
Дитя мое, твой кроткий лик
Елеем в сердце мне проник.

Психея

Тебя лишь стоит увидеть,
Как ноги не хотят держать.

Сатир

Ты дышишь правдой и добром
И ангелу равна лицом.

Психея

Я только бедное дитя,
И этих слов не стою я.

Он ее обнимает.

Сатир

Все счастье у меня в руках!
Сжимает сердце сладкий страх!

Психея

Оно страдало так давно,
Теперь блаженствует оно.

С а т и р

Так поняла ты сердца стук?

П с и х е я

Нет! Но с тобой прозрела вдруг.

С а т и р

То ведем гнетом налита,
То вдруг так нищенски пуста,
Душа рвалась в простор: в лесах
Всей грудью продохнуть свой страх,
И боль, что мучила сначала,
Слезами крупными стекала,
И мир для взора исчезал!

П с и х е я

О господин, ты все узнал!
И все, за чем тянулся дух,
В тебе, дрожа, познала вдруг.

Он властно целует ее.

Оставь! Молю! Мне страшно! А!
О, боже правый! Я слаба.

Г е р м е с и А р с и н о я являются.

Г е р м е с

Здорово, странник! Прими привет!

С а т и р

Как уморительно ты одет!

Г е р м е с

Не я обычаи вводил.

С а т и р

И как ты бороду завил!

А р с и н о я
(тихо, Психее)

Мурлу служить — собьешься с ног.

П с и х е я

Дитя, пойми, он родом — бог!

Г е р м е с

И ваш не столь обычен вид.

С а т и р

А, понял! Так тебе претит,
На голизну груди и лядвий,
На трепанность загривка глядя,
На ногти длинные — вдвойне?

Г е р м е с

Мне — нет!

П с и х е я

Мне тоже нет.

А р с и н о я
(про себя)

Но мне!

С а т и р

Иначе — быстро прочь отсюда
И в роще быть с волками буду,
Когда позор свой выдавать
Вы будете за благодать,
Нарядов гнусное уродство
Мне в нос совать как превосходство.

Г е р м е с

Потребность в этом, говорят.

П с и х е я

О, как тяжел мне стал наряд!

С а т и р

Потребность? Нет, презренный вздор
Вас разлучает с давних пор
С природой, а блаженство — в ней,
На воле жизнь, любовь полней.
Вы в рабство отданы давно,
Ничто вам в досталь не дано.

Вокруг него, теснясь, собирается н а р о д.

Один из народа
Кто этот пламенный пророк?

Другой
Все тело жжет его урок!

Сатиры
Вы естество позабыли,
В робком рабстве застыли,
В душевных кельях укрылись,
В скучных нравах зарылись!
Век златой без печали —
И во сне не видали!

Народ
Увы нам! Увы!

Сатиры
Когда, впервой вкусивший яви,
С земли подымаясь,
Ваш праотец веселье славил,
В блаженстве теряясь,
И, чувствуя родную грудь
Природы в первозданный час,
Не враждуя с небесами,
Богом был перед богами.
А вы? Куда привел ваш путь?
Радость где? Жалкие, скорблю о вас!

Народ
Увы! Увы!

Сатиры
Трижды блажен, кто б мог
Молвить: «Я есмь бог!»
Жил — ни в чем не плошал,
Кто б донага поскидал
Нарядов чуждый гнет,
Веков бремя, — и вот,
Не лстясь на побрякушек вздор,
Как облак свеж, впивал простор.
Встал — с пути не сбился,
Землей усладился,

Не мучился б,— словом,
Не жил на готовом.
Шатром будут дубы,
С коврами из трав.
Обедом — каштаны,
Сырьем, без приправ!

Н а р о д

Рвите каштаны! О, к делу от слов!

С а т и р

Иль кто-нибудь вправе
Лишить этой яви
Достойных сынов?

Н а р о д

Рвите каштаны! Отпрыск богов!

С а т и р

Судари чтимы,
В путь за моими
Зовами вслед!

Н а р о д

Рвите каштаны! Радостен свет!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

В Л Е С У

Сатир, Гермес, Психея, Арсиноя, народ расселись вокруг; все — на корточках, как белки; в руках они держат каштаны и грызут их.

Г е р м е с
(про себя)

Черт возьми! Скажу, друзья,
Богомерзкого питья
До икоты отведал я.

С а т и р

И, к подземным подступив ходам
Скрытых познаний, вверьтесь моим словам!

Внемли, кому повем,
Как не-вещь, быв всем,
В глухой вражде стихии взметала
И силою силу, гневясь, побивала —
Без вражеских уз, без дружеских уз,
Все созидая, все разнимая,

Н а р о д

Дальше. Внимаем!

С а т и р

Как пра-вещь прорвала свалку туч,
Ночь взрыв, пробежал луч,
Во все глубины проник —
И выиграл вожделий родник:
Разом стихии открылись,
Жадно друг в друга пролились,
Все проникая, всем проникаясь.

Г е р м е с

В нем бог глаголет, нам открываясь!

С а т и р

Как Любовь с Враждой пришли,
Все и всех в Одно сплели,
И Одно поет —
Мерно звучен его полет!
И сила в силе возникает,
И сила силу пожирает,
И гулко катится Оно,
Везде, во всем, во всех — одно,
Все обновляясь, все сохраняясь.

Н а р о д

О, это — бог!

Г е р м е с

В его огне расплавляясь,
Душа обновилась.

Н а р о д

Бог! Бог!

П с и х е я

О, горняя милость!
Боже, как ты ведаешь, как взводишь
брови!
Я гибну от любви!

Н а р о д

К молитве!
Падай ниц!

О д и н

Будь владыкой!

Д р у г о й

О великий
И светлый!

Н а р о д

Будь спасителем нам!

О д и н

Ночь мрачная миновала!

Н а р о д

Будь спасителем нам!

О д и н

Прояснились дни!

Н а р о д

Мы твои!
О, навек твои!

Отшельник выходит из лесу и идет прямо на сатира.

О т ш е л ь н и к

'А, гость мой! Не уйдешь теперь,
Неблагодарный, скверный зверь!

С а т и р

Да с кем ты?

О т ш е л ь н и к

Да с тобой; поверь!
Кто обобрал мое жилье?
Кто выкрал божество мое?
Ты, гнусный хромуля!

Н а р о д

Как он мог?
Им опорочен наш светлый бог!

О т ш е л ь н и к

Тебя ничем не устыдить!

Н а р о д

Казнить безбожника! Побить
Камнями!

С а т и р

Обождем чуток!
Я вам не зритель ваших склок.

Н а р о д

Пусть кровь его, взлюбивший нас,
Течет вдали от божьих глаз!

С а т и р

Иду.

Н а р о д

Но к нам вернись тотчас!

Сатир уходит.

О т ш е л ь н и к

Вы в уме ль?

Г е р м е с

Несчастный, слов не трать!
Преступника под стражу взять
И заключить в моем жилище!

Отшельника уводят.

Н а р о д

Смерть злодсю!

Г е р м е с

Он пощады не сыщет,
Чтоб примирить божество, что для нас
Высшую милость творило сейчас,—
Храм наш древний ему посвятим,
Жертвой кровазой его ублажим.

Н а р о д

Так, так!

Г е р м е с

К святым подножьям
Злодея положим.

Н а р о д

Преступленью —
Отмщенье!
Как смел он? как мог?

В с е

Да сгинет безбожник!
Да славится бог!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЖИЛИЩЕ ГЕРМЕСА

Евдора, супруга Гермеса, отшельник.

Е в д о р а

О добрый муж, прими еду свою
В последний раз.

О т ш е л ь н и к

Жена, благодарю
И слез не лью. Дай мне почить в покое,
Не первый раз душа в борьбе с тоскою,
Но дай мужаться в тишине.
Твоя печаль — горька вдвойне,

Е в д о р а

Как взять мне в толк, что крови жаждет муж?
Как этот бред вселился в столько душ?

О т ш е л ь н и к

В них — вера. Брось! Здесь плач не помогает.
Иль древний рок
Впервой с людским умом играет?

Е в д о р а

Убить тебя — в угоду зверю!

О т ш е л ь н и к

Зверь! Всюду чудится пророк
Тому, кто молвить хочет: «Верю».
Хоть и не первый мученик я,
Но по беспечности — первый, наверно.
С досужей блажью, со скверной
Людской я не бился,
Я из-за тряпки с ним сцепился,
Тряпки — о, боже! — в которой нуждался.
Господень лик, что мой покой хранил,
Вдобавок изверг прихватил.

Е в д о р а

Мой разум лжепророка раскусил.
У нас в дому раба обрел он в муже,
Его ж мохнатое величество к тому же
Во мне изволил Леду увидеть,
Лужайкой счел мою кровать
Для резвых игр.

О т ш е л ь н и к

Могла ль другого ждать?

Е в д о р а

Презренного отвергла я. Но зверь
С бедняжкой Психеей дружит теперь,
Чтоб досадить мне. Клянусь богам —
Умру, а крови пролить не дам!

О т ш е л ь н и к

Уж к обряду готовят храм.

Е в д о р а

Вразумит беда хитрей быть,
Не отступлюсь от слова.
Лишь стоит мне поманить —
Дерзким дурнем завладею снова.

О т ш е л ь н и к

И что ж?

Е в д о р а

Когда поведут к закланью,
Сманю его, укрыться в здапье
Священное, избрав предлогом
Величье, кротость чувств своих,
Тогда побуди их
Настигнуть нас с богом.

О т ш е л ь н и к

Боюсь...

Е в д о р а

Не знай забот.
Каждый, кто бой за жизнь ведет,
Тот могуч. Я верю. Тебе ль страшиться?

О т ш е л ь н и к

Коль нет, пусть казнь моя свершится,

Х Р А М

Сатир в свирепой торжественности восседает на алтаре,
Перед ним коленопреклоненный народ, возглавляемый
Психеей.

Н а р о д (хор)

Сын бессмертных! Дух палящий!
Гнев забудь!
Грешникам — грозой разящей,
Нам — благим покровом будь!
Пусть свершилось прегрешенье,
Ниц взгляни: вершим отмщенье,
Он ступил на смертный путь.

Гермес. За ним стража ведет отшельника,

Смерть и ад — ему наградой!
Сын бессмертных, будь оградой
Верным детям! Гнев забудь!

С а т и р
(слезая с алтаря)

Я прегрешенье олуху простил.
И что б ваш суд ни порешил:
Дурня прирезать иль оправдать —
Я не буду возражать.

Н а р о д

О, как он свят!
Пусть гада казнят!

С а т и р

Я в храм отправлюсь переждать.
И смерть тому, кто вслед за мной
Шагнет в божественный покой!

О т ш е л ь н и к
(про себя)

Увы мне! Боги, сжальтесь надо мной!

Сатир уходит.

Ваш приговор приму достойно.
Давно готовлюсь я почить спокойно.
Я жизнь свою не долгое ли время
Ничтожной мнил и скорбно нес, как бремя?
Пусть так! Слезою омраченный взгляд
Товарища, плач дорогой жены,
Детей беспомощных души не возмутят.
Мой дом и сад со мной должны
Погибнуть, жизнь мою глухую
Хранившие. Печалит лишь одно,
Что было столько тайн укрытых мне дано
Познать с таким трудом и — горе мне! —
впустую,

Что все, чем я так тяжко жил,
Множество сокровенных сил
С моей душой покинут мир навек...

Один из народа
Он мне знаком, он дошлый человек.

Другой
Что дошлый? Бог разумнее всех.

Третий
Нам скажет ли? Вот что спросить не грех.

Отшельник
Вас более сотни, Но будь вас даже и двести.
Любому тайну открою на месте,
Всем — по тайне. То,
Что до всех доходит,— ничто,

Народ
Он нас одурачит! Все лжет!

Отшельник
(Гермесу)
Время не ждет.
О, дозвожь тебе открыть
Эту тайну благую. И сможешь быть
Вовек, вовек блажен.

Гермес
А в чем же тайна?

Отшельник
(тихо)
Про камень мудрых слыхал ли случайно?
Мы от народа
Скроемся тут же, у входа.
Направляются в храм.

Народ
Безумный! Храм замкнуть!

Психея
В святилище? Гермес? За ним шагнуть?
Завет божества преступить?

Н а р о д

Смерть! Смерть! Безбожника казнить!

Они тащат отшельника к алтарю. Один из народа **сишком**
вручает Гермесу жертвенный нож.

Е в д о р а
(из храма)

Гибну! Гибну!

Н а р о д

Это кто бы?

Г е р м е с

Голос жены!

О т ш е л ь н и к

Уймите вашу злобу
Хоть на малый срок.

Е в д о р а
(из храма)

Гибну, муж мой! Гибну!

Г е р м е с

Беда! Голос жены!

Он с силой растворяет двери святилища. Видно, как **Е в д о р а**
отбивается от объятий сатира.

Смею ли верить?

Сатир оставляет Евдору.

Е в д о р а

Этого — богом звать?

Н а р о д

Он зверь! Он зверь!

С а т и р

От вас, дурней, что и ждать!
Ослам, казалось бы, лишь честь в том,
Коль я, как Зевс, мой родитель, в былом,
Вам мудрость в дурью башку вгоняю

И блох из ваших жен вытрясаю,
Которых выколотить вы забыли.
Так пропадайте ж в дерьме и пыли!
Быть пастырем вам не берусь.
К смертным — душой подостойнее! —
я спущусь.

Г е р м е с

Ты нам не бог! Ступай к другим!

Сатир уходит. За ним — Психея,

О т ш е л ь н и к

А все же дева пошла за ним.

ЯРМАРКА В ПЛУНДЕРСВЕЙЛЕРНЕ

Машкерадное действо

Ш а р л а т а н

По всей стране разнесу я весть,
Что в Плундерсвейлерне доктор есть,
Высокоученейший человек,
Который не топит своих коллег.
За разрешение — спасибо вам!
Надеюсь, и вы заглянете к нам,
Когда мы сегодня ломаться будем,
На поучение добрым людям.
Посмеетесь и вы веселым шуткам;
Играешь не сердцем, так желудком.

Д о к т о р

Да снизойдет на вас сегодня
Градом платков благодать господня!
Вам верная прибыль дается в руки.
Ведь я же знаю секрет науки:
Когда добиться нельзя поправки,
Надежда лучше, чем все пиявки;
И даже если совсем уж худо,
С переменой врача наступает чудо.
Какая нынче у вас комедия?

Ш а р л а т а н

Сударь, у нас идет трагедия,
Вся на сладких речах и строгой морали,
Сквернословье и ругань мы изгнали,
С тех пор как всюду видим пример
Безукоризненных манер.

Д о к т о р

Боюсь, что зрителей ждет зевота!

Ш а р л а т а н

Вот шут у меня хворает что-то.
Уж этот, наверно бы, вас развлек,
Потому что, я вижу, вы — знаток.
Да только у нас не в чести потеха:
Публика нынче стыдится смеха.
А нравственный стих и пышную фразу
Везде и всюду оценят сразу.
Потому что, кто смотрит, тот убежден:
И я, мол, могу быть таким, как он!
А выйди мы к ним с такими речами,
К которым они привыкли сами,
То всякий бы тут же крикнул нам:
Что за бесстыдство и что за срам!
Мы хотим угодить честному люду,
Поэтому лжем и льстим повсюду.

Д о к т о р

Невеселый труд, сказать нележно!

Ш а р л а т а н

Говорят, характер испортить можно,
Если в притворстве искать барыши,
Говорить и писать от чужой души,
И что этак, мол, однажды начав,
Можно вконец исказить свой нрав.
Но — ах! — нередко мы хохочем,
Меж тем как в сердце слезы точим,
Швыряем тысячи пистолей,
А из сапог торчат мозоли.
Герои наши обычно робки,
Иной кутила не нюхал пробки.
Бываешь изверг и злодей,
А сам — честнейший из людей.

Д о к т о р

Роль никого не обесславит.

Ш а р л а т а н

А свет в вину нам это ставит.
Смотрите, в жизненных делах
Все так разумны, что просто страх;
Умеют всюду приспособиться,
Где — приподняться, где — приспустить,
И достигают этим наживы.
А мы от голода чуть живы.

Д о к т о р

Так ваши актеры — народ почтенный?

Ш а р л а т а н

Талант у них необыкновенный,
И при хороших своих манерах
Они не плошают и в высших сферах.

Д о к т о р

А ссоры случаются иногда?

Ш а р л а т а н

Ну, это еще не такая беда.
Они не всегда умеют ладить,
Рады друг другу порой подгадить.
Я сторонюсь их военных планов;
У них, что ни день, перемена станов.
Не надо только терять терпенье.
Вот с перевозкой бывает мученье.
Я с вами прощусь, мне недосуг.

Д о к т о р

Ну, до свидания, старый друг!

С л у г а

Наша барышня вам поклоны шлют
И просят зайти, коли вам не в труд,
К госпоже исправнице вместе с нею,
Как пойдете смотреть скоморошью затею.

Поднимается второй занавес, видна вся ярмарка. В глубине — подмостки шарлатана, налево — беседка перед исправничьим домом, в ней — стол и стулья. Во время музыки все перемещивается, но в таком порядке, что действующие лица встречаются на авансцене и затем теряются в глубине, уступая место другим.

Т и р о л е ц

Кто что берет, кто что берет?
Есть всяческий товар!
Шесть крейцеров — пустой расход,
Задаром в руки вещь плывет.
Кто что берет, кто что берет?
Есть всяческий товар!

Крестьянин задевает тирольца метлами и опрокидывает его товар. Между ними происходит спор, во время которого мальчик с сурком ворует разбросанные вещи.

К р е с т ь я н и н

Метлы кому, метлы кому?
Густые, пушистые,
Отборные, чистые,
Бурые, белые, золотистые,
Прямо из рощи нарезал, привез;
Подметать полы, убирать навоз.
Из свежих берез, из свежих берез!

Ярмарка продолжается.

Н ю р н б е р ж е ц

Покупайте, ребята,
Продаю вразнос!
Вот поросята,
А вот барбос.
Трубы, барабаны,
Кони, шарабаны,
Кегли, бирюльки,
Ларчики, свистульки,
Лодочки, люльки,
Скакун с гусаром,
Почти что даром.
Заплочено, взято!
Покупайте, ребята!

Б а р ы ш н я

Все так кричат, что больно слушать.

Д о к т о р

Им надо кушать.

Тиролька

Угодно посмотреть новинки?

Барышня

А что у вас?

Тиролька

Есть ленточки на все цвета,

Легчайшие косынки —

Просто мечта.

Прелестные чепчики, выбирайте любой.

Вот веера, полюбуйтесь резьбой.

Какая красота!

Доктор во время осмотра тонкара заигрывает с тиролькой и делается все настойчивее.

Не всегда

Так просто с молодой девицей

Бывает, господа:

Чуть станет вольничать дружок,

Улитка мигом в свой домик

И так ему...

(Мажет доктора по губам.)

Коломазчик

Вот! Вот!

Коломазь, что мед!

Чтобы ось не скрипела,

Чтоб телега не пела.

И-а! И-а!

Вот мой осел и я!

Экономка с патёром пробираются сквозь толпу, он останавливается у пряничницы. Экономка недовольна.

Экономка

Вон доктор с барышней, оглянитесь.

Ну, господин патер, поторопитесь!

Пряничница

Ха-ха-ха!

Купите пряников, нет греха!

Лучшая сладость, вкусна, хороша,

Съешь на два гроша,

Веселит душа.

С перцем! Ха-ха-ха!

Экономка

Господин патер, что же вы, ну?
Или вы у нее в плену?

Патер

Как вам угодно.

Цыганский атаман с молодым цыганом.

Цыганский атаман

Ветошь и рвань,
Куда ни глянь!

Молодой цыган

Ах, пистолеты!
Были 6 монеты!

Цыганский атаман

Не стоят ни черта!
Дурацкие рожи
Продают, что негоже,
Галдят все вместе,
Тысяча бестий!
Хари, детишки,
Коты, мартышки!
Я всю их котому
И даром не возьму!
Эх, кабы мне на них!..

Молодой цыган

Вот уж мы бы их!

Цыганский атаман

Дали бы взашей!

Молодой цыган

Пощелкали бы вшей!

Цыганский атаман

С десятком молодцов
Обчистил бы всех купцов!

М о л о д о й ц ы г а н
И стоило б того.

Б а р ы ш н я
Сударыня, вы извините...

И с п р а в н и ц а
(выходит из дверей)

Прошу, войдите.
Мы очень и очень рады вам,

Д о к т о р

Вот уж сегодня шум и гам!

Входит п е в е ц с ж е н о й и вывешивает картинку. Собира-
ется народ.

П е в е ц

Любезный христианский люд,
Когда ж мы лучше станем?
Иначе нас тревоги ждут,
В пучину бед мы канем.
Порок — причина всяких зол.
Счастлив, кто праведность обрел:
Она лежит пред вами.

Дальнейшие стихи — по желанию.

И с п р а в н и к

Он дельно поет.

М а л ь ч и к с с у р к о м

Я походил по всей стране
Avecqel la marmotte ¹,
И всюду есть давали мне
Avecqe la marmotte,
Avecqe si, avecqe la,
Avecqe la marmotte.

Я видел множество господ,
Avecqe la marmotte,
Которых к девицам влечет,
Avecqe la marmotte,
Avecqe si, avecqe la,
Avecqe la marmotte.

¹ С сурком (франц.).

И видел многих девиц я,
Avecqe la marmotte,
Взиравших с лаской на меня,
Avecqe la marmotte,
Avecqe si, avecqe la,
Avecqe la marmotte.

Нельзя же так нас отпустить,
Avecqe la marmotte,
Мальчишки любят есть и пить,
Avecqe la marmotte,
Avecqe si, avecqe la,
Avecqe la marmotte.

Зрители бросают мальчикам мелкие деньги; мальчик с сурком подбирает все.

М а л ь ч и к с ц и т р о й
Ай! Ай! Мой крейцер!
Он у меня мой крейцер отнял!
М а л ь ч и к с с у р к о м
Неправда, это мой.

Борются. Мальчик с сурком побеждает. Мальчик с цитрой плачет.

Музыка

Щ и к а л ь щ и к
(одетый шутом, на подмостках)
Дозвольте просить разрешенья
Начать представленья?

Ц ы г а н с к и й а т а м а н
Посмотри на эту ораву.
Бегут покупать отраву!

П р о д а в е ц с в и н е й
Гоните свиней домой!

П р о д а в е ц б ы к о в
Быков, не спеша, на водопой!
Мы придем погодя.
Приятель, идем на заезжий двор,
Выпьем. За стадом есть призор,

Ш у т

Вы небось думаете, я шут?
На мне ворот его, штаны, рукава;
Будь на мне его голова,
Был бы сам шут перед вами тут.
А похож, господа?
Такая же борода!
Вот, не угодно ли вам
Эликсир, бальзам?
Ведь я не менее шута
Любитель омочить уста.
Тащи платок!

Ш а р л а т а н

Много не наудишь, рано еще.
Уважаемые дамы и господа,
Вы пожаловали сюда
На трагическое представление.
Еще мгновение, —
Занавес взвьется
И спектакль начнется.
Это — история
Эсфири в лицах.
Лучший из самоновейших образцов:
Сплошная жуть и скрежет зубов.
Одно обидно,
Что солнце видно;
Лучше было б совсем темно;
Свеч у нас много запасено.

Занавес поднимается. В стороне виден трон, а в отдалении — виселица.

Музыка

Кесарь Агасфер. Аман.

Аман
(один)

Ты, что и день и ночь меня огнем сжигаешь,
Объемлешь мысль мою и шаг мой направляешь,
О месть, не отвори десницы от раба
В последний этот миг! Решается судьба.

Что мне высокий блеск, главу мою повивший?
Что мне счастливый ветер, все дни мои жививший,
И то, что целый мир я зрю у этих ног,
Когда единого я ввергнуть в прах не мог?
Что толку вознестись славней, чем всякий прочий,
Когда мне иудей смотреть дерзает в очи?
Хотя бы у него был пращур Авраам,
Пусть помнит нашу мощь и сокрушенный храм!
И как Ерусалим лежит, во прахе тлея,
Так я сломя их род, и первым Мардохея!
О, лишь бы Агасфер взъяриться захотел!
Но — ах! — для кесаря он слишком мягкотел.

А г а с ф е р
(*входит и говорит*)

Как? Это ты, Аман?

А м а н
Я здесь давно, владыка.

А г а с ф е р
Нельзя ж так мало спать, мне это даже дико.
(*Садится.*)

А м а н
Великий государь, раз ты, я вижу сам,
И ныне, как всегда, ступаешь по цветам,
Сколь громкую богам должны вознесть мы славу
За твой счастливый дар легко нести державу!
Тебе несчетные не в тягость племена,
Какая мощь тебе всевышними дана!
Так горную главу дубравы не тревожат,
Когда свой буйный рост на ней без счета множат.

А г а с ф е р
Да, я всевышними избавлен от забот.
Так жил и царствовал из века в век мой род.
Никто из нас трудом не расширял владений
И не сходил во гроб от лишних треволнений.

А м а н
Сколь тяжкой, государь, охвачен я тоской,
Что нынче вынужден нарушить твой покой!

А г а с ф е р

Извольте говорить, но коротко и ясно.

А м а н

Как возвестить царю о том, что так ужасно?

А г а с ф е р

А что?

А м а н

Израильский ты ведаешь народ:
Лишь бога своего владыкой он зовет.
Ты дал ему простор по всей стране плодиться
И по обычаю своих отцов кормиться;
Ты сам их бог, с тех пор как прежний их забыл
И город их и храм огнем испепелил.
И все ж они в тебе спасителя не видят,
Хулят твоих богов и скипетр ненавидят.
Их счастьем соблазнен, твой подданный готов
Взирать с сомнением на собственных богов,
Вели издать закон, дабы держать их в страхе,
А непослушливых предай огню и плахе.

А г а с ф е р

Мой друг, хвалю тебя, ты верный раб царю,
Но только иначе на это я смотрю.
Не все ли мне равно, что у кого за боги,
Раз люди не шумят и платят мне налоги?

А м а н

Да, вседержавнейший, ты царством правишь сам,
Высокой милостью подобен ты богам!
Но я не все сказал: по иудейской вере
Грабеж не у своих дозволен в полной мере;
На подданных твоих простерта их рука.
Не медли, государь, опасность велика.

А г а с ф е р

Но как же этак вдруг такой бы случай вышел?
Я что-то про разбой и грабежи не слышал.

А м а н

Я, в сущности, веду и не об этом речь:
Корыстен иудей, но рад себя беречь.

Он с полной легкостью, под безопасной кровлей,
Умеет богатеть и ростом и торговлей.

А г а с ф е р

Мой друг, я сам не слеп. Но много ль в этом зла?
У необрезанных такие же дела.

А м а н

Все это можно бы и вытерпеть, с привычкой;
Но деньгами они владеют, как отмычкой,
И в сердце ближнего читают, как в своем.
У них для всякого особый есть прием.
Там ссудой оплетут, тут связывает мена;
Кто раз запутался, не вылезет из плена.
Притом и с женами считаться мы должны:
Те вечно без гроша, а деньги им нужны.

А г а с ф е р

Ха-ха! Вот рассмешил! Едва собой владею.
Иль ты свою жену ревнуешь к иудею?

А м а н

О нет, всесильнейший. Но басенка права:
Кто правит женами, тот и мужьям глава.
И подлый сей народ, орудуя лукаво,
Скупает должности, и собственность, и право.

А г а с ф е р

Ты заблуждаешься, милейший! Что за вздор!
Хозяином всему лишь я был до сих пор.

А м а н

Я это знаю сам: с тобой никто не схож;
Но много есть князей и всяческих вельмож,
Которым тягостно под властью твоею.
Они горды собой, но все в долгах по шею,
Поэтому, о царь, выходит, что они
Так или иначе Израилю сродни,
А этот хитрый род на все дурное падох:
Ему не по себе, пока в стране порядок,
И всюду тайных смут растит он семена.
Тут не оглянись, как вспыхнет вся страна.

А г а с ф е р

Милейший, это все уже не раз бывало;
Но наше счастье всегда торжествовало:
Мы высылаем рать на поприще побед,
А сами здесь сидим, так что войны и нет.

А м а н

Мятеж, пылающий недолгие мгновенья,
Недолго и смирить посредством разуменья;
Но если золотом и злобой вскормлен он,
То может наконец заколебаться трон.

А г а с ф е р

Ну, этот будет цел, пока я восседаю!
Все знают, как на нем громами я сверкаю.
Помост из золота, из мрамора столпы.
Он простоит века дивилищем толпы.

А м а н

Увы мне! Ах, зачем всю правду знать ты хочешь?

А г а с ф е р

Выкладывай скорей! Что ты меня морочишь?
Я от таких бесед, признаться, устаю.

А м а н

О царь, они на жизнь умыслили твою.

А г а с ф е р
(*содрогаюсь*)

Как? Что ты?

А м а н

Я сказал. Излейте же, о пепи!
Где муж, у коего не задрожат колени?
В гееннской пропасти задуман черный ков,
И укрывает ночь преступных смельчаков.
Тебя не оградит ни скипетр, ни корона:
Лишишься царства ты, лишишься Вавилона!
В убийственной ночи изменнический меч
Нить твоего бытия готовится пресечь;
Кровь, за которую лилось так много крови,
Прольется на виссон монарших изголовий.

Стон воеет во дворце, стон в дальних городах.
И тем, кто был тебе привержен,— стон и страх!
Твой драгоценный труп, как падаль, вон выносят,
А верных слуг твоих сплеча рядами косят!
Затем, чтоб схоронить постыдные дела,
Убийство, утолясь, сжигает все дотла.

А г а с ф е р

О, горе, что со мной? Мне дурно, худо мне!
Я, кажется, умру! Поди, скажи жене!
Я трепещу, как лист, на шее словно камень,
На лбу холодный пот! Я вижу кровь и пламень.

А м а н

Мужайся, царь!

А г а с ф е р

Ах, ах!

А м а н

Конечно, грозен час,
Но стража верная, как прежде, есть у нас.
Первейшего слугу узнаешь ты по рвеню.

А г а с ф е р

Чего ж вы медлите? Предайте их сожженью!

А м а н

Зачем же так спешить? Тут нужен глаз да глаз.

А г а с ф е р

Меж тем они меня зарежут двадцать раз.

А м а н

О нет, их происки мы вовремя заметим.

А г а с ф е р

А я-то мирно жил и верил им, как детям!
Меня хотят убить! Как эта мысль гнетет!

А м а н

А мертвый человек не кушает, не пьет.

А г а с ф е р

Мне даже трудно казнь придумать этим гадам!

А м а н

Так рано, государь, почить с отцами рядом!

А г а с ф е р

Тьфу! тьфу! Могила мне тошнее всех смертей!
Ах, мой достойный друг! Ну, вот я стал бодрей,
Теперь пусть ужасы мой гнев вселенной явит!
Наставить виселиц! Пусть десять тысяч ставят.

А м а н

(падая на колени)

Непобедимейший! Молю тебя, умаль!
Ведь жаль столько людей, и леса тоже жаль.

А г а с ф е р

Встань! Ты велик душой и, как никто, беззлобен;
Ты даже за врагов меня просить способен.
Встань! Ты бы что хотел?

А м а н

Хоть много злых людей
Меж ними сыщется, не всякий же злодей,
И от невинных жертв твой меч да отвратится!
Пусть наказует царь, но не как тигр ярится,
Тысячелопое страшилище мертво,
Когда мы головы отрубим у него.

А г а с ф е р

Ну, ладно! Вешайте без лишних церемоний!
Так кесарь повелел, так сказано в законе.
А кто они, скажи?

А м а н

Еще не знаю сам.
Но правильной всего пройтись по богачам.

А г а с ф е р

О, я не пощажу проклятого отродья!
Тебе же я дарю их дома и уголья.

А м а н

Печальный дар!

А г а с ф е р

Кого б назвал ты всех скорей?

А м а н

Всех хуже Мардохей, царицын лейб-еврей.

А г а с ф е р

Тогда и двух минут покоя мне не будет!

А м а н

Когда он будет мертв, она его забудет.

А г а с ф е р

Ну, вешай, а Эсфирь пускать не смей сюда.

А м а н

Она и не войдет без зова никогда.

А г а с ф е р

Эх, виселицы нет! Давно бы был удушен!

А м а н

Великий государь, глаголь уже поставлен.

А г а с ф е р

И больше приставать ко мне не смейте вы,
Решенье принято, и вон из головы.

(Уходит.)

Ш у т

Сейчас был разыгран первый акт.
За ним второй представлен будет.

Ш а р л а т а н

Дорогие друзья, добрые люди,
В том, что, заботою влеком
О вашем здравии плотском
И долгоденствии, пешком
Я из далекой пришел страны,
Вы все, конечно, убеждены,

В моем искусстве, господа,
Вы можете каждый без труда
Удостовериться наглядно;
Притом же это не накладно,
Не стану показывать вам аттестатов
Императрицы народа русского,
Фридриха, короля Прусского,
И прочих европейских потентатов;
К чему кичиться своими делами?
Иные врачи, вы знаете сами,
На деле оказывались хвастунами.
Чтобы вы не думали, что и я таков,
Я покажу вам, без лишних слов,
Пакетик с лекарствами; хоть он и мал,
Ему не требуется похвал.
Против каких он служит болезней,
Прочестъ по-печатному всего полезней;
А содержит в себе этот пакет
Слабительное, которого лучше нет,
Зубной порошок тончайшего вкуса
И кольцо, помогающее от флюса.
Цена — один батцен, не поверит никто:
Придет нужда, отдал бы сто.

Ш у т

Тащи платок!

Зрители покупают у шарлатана.

М о л о ч н и ц а

Купите яиц!
Купите молока!
Первый сорт,
Цена не высока,
Свежей не снится и во сне!

Ц ы г а н с к и й а т а м а н

А эта девчонка недурна лицом,
Я бы к ней подъехал с оловянным кольцом.

М о л о д о й ц ы г а н

Авось она не так строга!

Цыганский атаман
Сперва хозяин, потом слуга.

Оба

Почем у тебя яйца?

Молочница

Алтын три штуки, как полагается.

Оба

Пусть будет по твоей цене.

Она вырывается от них.

Молочница

Купите яиц!

Купите молока!

Оба

(ловят ее)

Ну и девица!

До чего дика!

Молочница

Вот привязались

Два чудака!

Купите яиц,

Купите молока!

Тогда вы оба любы мне.

Доктор

Ну, как вам понравилась драма?

Исправник

Скандалная вещь, скажу вам прямо.

Я велел просить антрепренера

Соблюдать пристойность разговора.

Доктор

И какой же последовал ответ?

Исправник

Что дальше ничего такого нет

И Аман в заключение будет повешен,

Чтобы зритель был утрашен и утешен.

Ш у т

Тащи платок!

Ш а р л а т а н

Прошу не расходиться собрание честное!
Начинается действие второе.
Тем временем обдумайте на покое,
Не купит ли кто повторной дозы.

Ш у т

Берегитесь! У многих выступят слезы.

МУЗЫКА.

Входят Э с ф и р ь и М а р д о х е й.

М а р д о х е й

(плача и всхлипывая)

О, бедственный удел! О, гнусный произвол!
О, скорбь, которую поведать я пришел!
Сколь жалким пред тобой я предстаю, царица!

Э с ф и р ь

Ты толком расскажи, а плакать не годится.

М а р д о х е й

Хю-хю, моя душа, хю-хю, дрожит в груди!

Э с ф и р ь

Ступай, поплачь сперва, потом опять приди.

М а р д о х е й

Хю-хю, во мне весь дух, хю-хю, весь перевернут.

Э с ф и р ь

Да чем же?

М а р д о х е й

У-ху-ху, меня сегодня вздернут!

Э с ф и р ь

Да что ты, милый друг! Да ты откуда взял?

М а р д о х е й

Не все ль тебе равно? Ведь я не зря сказал:
Кто может в счастьяи свою удачу славить?
Кто может на скале надежный дом поставить?
Я ль не был милостью твоею огражден?
И вот я трепещу, к отверженным причтен!

Э с ф и р ь

Кому же может быть нужда в твоей особе?

М а р д о х е й

Меня гордец Аман оговорил по злобе.
И если ты сейчас, за жизнь мою моля,
Не поспешишь к царю, я кончен, мне петля.

Э с ф и р ь

Мой милый, я всегда помочь тебе готова,
Но пред лицо царя никто не вхож без зова.
И если кто к нему непрошенный проник,
Ты знаешь сам,— тот мертв! Ты пошутил,
старик.

М а р д о х е й

О несравненная, тебе-то нет заботы:
Никто не устоит, узрев твои красоты.
А ежели закон наворотил угроз,
Так это, чтоб к царю не все совали нос.

Э с ф и р ь

Пусть не казнят меня, но, друг мой, и донныне
Все помнят хорошо падение Астини.

М а р д о х е й

Ужели же тебе не дороги друзья?

Э с ф и р ь

Какая польза в том? Погибнем ты и я.

М а р д о х е й

Спаси мой старый век, семейство, честь и злато!

Э с ф и р ь

И рада бы душой, да только страшно вато.

М а р д о х е й

Я вижу — я стучусь в бесчувственную дверь.
Так вот, как ты меня благодаришь теперь!
Тебя я воспитал от самого рожденья,
Наставил в тонкостях речей и обхожденья.
Ты милостей царя лишилась бы давно
И было б сердце в нем давно охлаждено,
Тебя за резкий нрав сто раз бы он отставил,
Когда б я не внушал тебе любовных правил.
Твое могущество возникло чрез меня
И мною держится до нынешнего дня.

Э с ф и р ь

Да, ты мне помогал во всем, всегда и всюду,
И если ты умрешь, я это не забуду.

М а р д о х е й

О, если б умереть за край своих отцов!
Но я же гибну зря от этих подлецов.
И вот под солнышком, среди пустой равнины,
Под снегом и дождем висят мои седины!
И вот, как лакомство, чтоб коротать досуг,
Бродяги-вороны клюют мой сладкий тук!
И вот, иссохшие и голые, как трости,
При всяком сквознячке побрякивают кости!
Страшилище другим, стыд самому себе,
Хула Израилю и что, скажи,— тебе?

Э с ф и р ь

Конечно, плач и скорбь! Но я найду уловки,
Чтобы поменьше ты болтался на веревке;
И, умастив твой труп, заботясь и любя,
Я с должной честью похороню тебя.

М а р д о х е й

Напрасно будешь ты рыдать над верным другом!
Уж он не явится, как встарь, к твоим услугам,
С мощной, которую так жадно ты брала,
На рынке или в зернь все промотав дотла,
С жемчужной ниткою, с обновкой шелестящей:
Ты узришь дух пустой, тебе, для муки вящей,
Несущий видимость сокровищ и монет.
Ты хочешь их схватить, и вот уже их нет.

Э с ф и р ь

А знаешь что, мой друг? Ты должен на
поощанье
Попомнить и меня в духовном завещанье.

М а р д о х е й

Я так и сделал бы, как дань твоей красе!
Но деньги у меня конфисковали все.
Боюсь,— и с братьями моими то же будет!
Кто на безденежье тебя деньгами ссудит?
Торговля упадет, и все те лягут в гроб,
Кто контрабандою снабжал твой гардероб.
Не будут и рабынь прельщать твои новинки;
Придется то носить, что есть на местном рынке.
И превратишься ты, лишенная всего,
В невольницу царя и челяди его!

Э с ф и р ь

Зачем так говорить? Ну, как тебе не стыдно!
Когда придет беда, тогда и будет видно.
(Плача.)

И это будет так?

М а р д о х е й

Как я сказал, точь-в-точь!

Э с ф и р ь

Что ж делать?

М а р д о х е й

Нас спасти!

Э с ф и р ь

Ах, убирайся прочь!

Нет, я хотела бы...

М а р д о х е й

Ты не договорила.

Что ты хотела бы?

Э с ф и р ь

Чтоб все иначе было!
(Уходит.)

М а р д о х е й
(*один*)

Нет, нет! На доводы здесь нечего скупиться!
Я не оставлю так, она должна решиться.
(*Уходит.*)

Ш а р л а т а н

Сейчас бы выйти должны акробаты,
Да стали вот дни коротковаты.
Поэтому завтра поутру
Мы здесь же продолжим нашу игру.
А кому напоследок лекарства нужны,
Тому мы уступим за полцены,

Р а е ш н и к
(*за сценой*)

Трум, турурум!
Тарарабум!

Д о к т о р

Позовем его, господа!

И с п р а в н и к

Принесите ширму сюда.

Д о к т о р

Потушите огни.
Мы тут в своем кругу, одни.
Не правда ль, хозяин, ведь мы же — мы?

И с п р а в н и к

Честные люди не боятся тьмы.

Р а е ш н и к

Трум, турурум!
Тарарабум!
Свечи долой! Только мой огонек!
А то не выйдет ничего,
Туда в темноту, mesdames ¹,

¹ Сударыни (*франц.*).

Доктор

Весьма охотно.

Решник

Трум, турурум!
Ах, какая всюду темень!
Сплошь чернота,
Неустроенна и пуста,
Не видать ни неба, ни земли.
Трум...
Рече господь — «да будет свет»,
Как он сразу хлынул в ответ!
Каким вдруг кубарем пошли
Все четыре стихии!
В шесть дней все было сотворено,
Светила, деревья и звери лесные.
Трум, турурум!
Тарабум!
Вот стоит Адам в раю,
Вот стоит Ева и слушает змею.
Изгнаны из врат,
Волчцы и терние,
В болезнях рождают чад,
Увы!
Трум...
От нее нечестивый народ
По земле расплодился.
Раньше он был не тот!
Воспевал, молился!
Больше не верит никаким богам,
Поношение и срам!
Вот дамы и кавалеры
Подают дурные примеры! ,
Предаются увеселенью
Под всякой зеленой тенью,
На всяком зеленом ложе,
Доколе, господи боже?
Трум, турурум!
Тарабум!
Хлынул всемирный потоп;
Жалостный вопль всех этих особ;
Тонут в глубокой воде,
Нет спасенья нигде!

Трум...

**И вот, смотрите, по лазури
Стремглав несется Меркурий.
Ужасной беде полагает конец.
Слава тебе, всеблагой творец!
Трум, турурум!
Тарарабум!**

Д о к т о р

Ну, мы-то спаслись бы вместе с Ноем!

Б а р ы ш н я

Пора идти.

И с п р а в н и к

Завтра что-нибудь снова устроим?

Э к о н о м к а

Кажется, уж насмотрелись всего!

Д о к т о р

Довлеет дневи злоба его.

Р а е ш н и к

**Трум, турурум!
Тарарабум!**

ИФИГЕНИЯ В ТАВРИДЕ

Драма

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ифигения.

Пилад.

Фоант, царь Тавриды.

Аркад.

Орест.

Место действия — роща перед храмом Дианы.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

И ф и г е н и я

Под вашу сень, шумливые вершины
Священной многолиственной дубравы,
Как в храм богини, полный тишины,
Я и сегодня с трепетной душой
Вхожу, как в первый раз сюда входила,
Не поборов смущенья своего.
Немало лет меня здесь укрывает
Незыблемая воля божества,
Но я чужая здесь, как в первый год!
Ах, морем я разлучена с родными!

Стою часами на кремнистом бреге,
Томясь душой по Греции любимой,
И вторят волны горестным стенаньям
Одними лишь раскатами глухими.
Увы тому, кто вдалеке от близких
Жить обречен! Ему печаль сдувает
С молящих губ все радости земные
И вдаль относит помыслы его,
Под отчий кров, где для него когда-то
Луч солнечный блеснул на небе, где
Сплелся так тесно круг единокровный
Сестер и братьев милых за игрой.
С богами не тягаюсь я, но как
О доле женской не скорбеть душой?
И в доме, и в походах правит муж,
Он духом на чужбине не скудеет,
Добычей и победой упоен,
И славной смертью подвиги венчает,
Как узок слабой женщины удел!
Покорствовать суровому супругу
Ей честь и радость! Горе, если рок
Ее уносит в край чужой и дикий!
Меня Фоант, муж честный, держит здесь
В священных, но суровых узах рабства.
Как я стыжусь признаться, что служу
Лишь с тайным ропотом тебе, богиня,
Заступница моя! Всю жизнь отдать
Тебе я обещалась добровольно!
Как встарь, и ныне, строгая Диана,
Я робкие надежды возлагаю
Лишь на тебя, чья властная десница
Уберегла отверженную дочь.
О дочь Зевесова! Коль славный муж,
Твоим веленьем — дочь отдать — смиренный,
Коль он, богоподобный Агамемнон,
Любимицу на твой алтарь принесший,
От стен поверженных державной Трон
С победою на родину вернулся,
Коль сберегла ему, как лучший клад,
Ты сына, и Электру, и супругу,
Так возврати же и меня родимым!
Спаси меня, как некогда от смерти,
От здешней жизни, этой смерти худшей.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

А р к а д

Царь шлет меня сюда, чтоб передать
Тебе, Дианы жрица, свой привет!
Сегодня вся Таврида чтит богиню
За дивную победу над врагом!
Спешу, опередив царя и войско,
Всем возвестить о близком их возврате!

И ф и г е н и я

Достойно встретим войско и царя!
Богиня наша на благую жертву
От рук Фоанта взглянет благосклонно!

А р к а д

О, если бы и взор пречистой жрицы,
Достойной, почитаемой, твой взор,
Святая дева, просветлел однажды,
Нам добрый знак являя! Но полна
Душа твоя неизъяснимой скорби.
Напрасно мы доверчивое слово
Из уст твоих услышать ожидаем!
Нет! С той поры, как здесь тебя я помню,
Все тот же взор меня томит молчаньем:
Душа твоя железными цепями
Прикована ко дну твоей груди.

И ф и г е н и я

Так подобает сироте в изгнание.

А р к а д

Себя ты называешь сиротой?

И ф и г е н и я

Чужбина разве родиною станет?

А р к а д

Чужбиной стала родина тебе.

И ф и г е н и я

И потому кровоточит душа.
На утро дней, едва сроднилось сердце
С отцом и матерью, с сестрой и братом,

Едва ростки, и радостно и дружно,
От вековых стволов под купол неба
Ввысь поднялись, — как поразило вдруг
Меня проклятье древнее: с родными
Рок разлучил меня, рукой железной
Порвав союз сердечный. Не вернуть
Ни дней веселых, ни благого восхода
Влечений первых. Пусть я спасена,
Здесь — только тень моя, и свежий цвет
Благоуханной жизни не воскреснет.

А р к а д

Когда себя ты столь несчастной мнишь,
Я назову тебя неблагодарной,

И ф и г е н и я

Я благодарна.

А р к а д

Нет, за благодарность
Совсем иную мы благотворим —
За ясный взор, в котором радость светит,
Признательность хозяину видна.
Когда судьбы таинственная воля
Тебя в наш храм неожиданно занесла,
Фоант, как вестницу богов, с радушьем,
С благоговеньем чужестранку встретил,
И берег наш приютом стал тебе,
Столь гибельный для прочих чужеродцев.
До этих пор пришелец иноземный
Был обречен кровавой жертвой пасть
На ступенях пред алтарем Дианы.

И ф и г е н и я

Поверь, дышать — еще не значит жить!
Иль это жизнь, когда ее проплакать
Обречена я в храме, словно тень
Над собственной могилой? Как назвать
Мне светлой жизнью это прозябанье,
Где каждый день, в мечтаньях проведенный,
Меня к чреде тех тусклых дней готовит,
Что на Летейском бреге хор почивших
В самозабвенной горести влачит,

Без пользы жизнь — безвременная смерть.
И этот женский жребий стал моим.

А р к а д

Столь гордое собою недовольство
Прощаю я, хоть и скорблю душой,
Что этим жизнь веселья ты лишаешь.
Ты ль ничего в стране не совершила?
А кто рассеял скорбный дух царя?
Кто древний наш безжалостный обычай,—
Чтоб каждый пришлый в капище Дианы
Жизнь оставлял свою,— из года в год
Удерживает кротким увещаньем?
Кто пленников спасал от лютой смерти,
Им помогал на родину вернуться?
Не предпочла ль заступница Диана
Кровавым жертвам грозной старины
Твои молитвы? Не внимала ль им?
Иль вслед за войском в радостном полете
Победа не спешит быстрее, чем встарь?
Не лучше ли для каждого стал жребий
С тех пор, как царь, нас доблестно и мудро
К победам ведший, ныне стал доступен
И милости благодаря тебе,
Тем облегчивши долг повиновенья?
Иль это бесполезно — орошать
Сердца столь многих сладостным бальзамом?
Иль мало слыть целебным родником
Для обновленного тобой народа?
Иль мало здесь, на берегу жестоком,
Пришельцам благо и возврат готовить?

И ф и г е н и я

Содеянное, верь мне, так ничтожно
Перед обильем несвершенных дел.

А р к а д

Но прав ли тот, кто дел своих не ценит?

И ф и г е н и я

Презренное, кто слишком ценит их.

А р к а д

И тот не прав, кто ценного не видит
И кто бесценным все увлечен.
Доверься мне, прислушайся к тому,
Кто был тебе всегда душевно предан:
Когда с тобою царь заговорит
Сегодня, облегчи ему признание.

И ф и г е н и я

Меня страшишь ты каждым добрым словом!
Как часто я его бежала чувств!

А р к а д

Обдумай все, все взвесь и рассуди:
С тех скорбных пор, как царь утратил сына,
Немногих он доверием дарит,
Крамолы ждет и от вельмож ближайших,
В их сыновьях порой подозревает
Преемника! Царя пугает старость
Беспомощная, может быть, мятеж
Открытый и безвременная гибель.
И все-то, скифы, мы не говорливы,
А царь наш и подавно. Он привык
Повелевать и понуждать к делам,
Не знает он искусства речь вести
Издалека и доводить до цели.
Так не смущай царя непониманьем
Притворным иль уклончивым ответом,
А ласково иди ему навстречу.

И ф и г е н и я

Ужель угрозу торопить самой?

А р к а д

Ты сватовство царя зовешь угрозой?

И ф и г е н и я

Страшнейшею из страшных для меня,

А р к а д

Ответь доверьем на его призыв.

И ф и г е н и я

Пусть только прежде страх во мне уймет он.

А р к а д

Зачем таишь, откуда родом ты?

И ф и г е н и я

Затем, что тайна жрице подобает.

А р к а д

Перед царем и тайны не таят.
Не требуя признаний, царь душою
Своей высокой чует слишком ясно,
Что ты пред ним опасливо таишься.

И ф и г е н и я

И он в досаде, в тневе на меня?

А р к а д

Боюсь, что да. Он о тебе молчит,
Но по словам, случайно оброненным,
Сужу, что царь уже давно решил
Тобою овладеть. Так не бросай
Его назад в смятение! Не дай
В труды его созреть негодованью,
Чтоб слишком поздно не корила ты
Себя за глухоту к моим советам.

И ф и г е н и я

Как? Иль затеял царь, чего покуда
Никто, в ком честь жива, кому почтение
К богам бессмертным охлаждает кровь,
Не смел помыслить? Как? У алтаря
Меня схватить и силой влечь на ложе?
Коль так, я воззову к богам, к Диане,
Богине стойкой! Пусть она отмстит
Предерзкому за поруганье жрицы
И, дева деве, помощь мне подаст.

А р к а д

Свой страх оставь! Не молод царь, и кровь
В нем не играет; не толкнет она
Его на путь греховный. В страхе жду

Иной жестокости от государя —
Он совершит ее без промедленья,
Ибо душою тверд и непреклонен.
Хотя б доверьем подари Фоанта,
Раз большего ему не в силах дать.

И ф и г е н и я

О, все скажи, что ведомо тебе!

А р к а д

Гадать не будем. Вот подходит он!
Ты чтить царя, так долгу подчинись
И встретить его с доверием и лаской.
За кроткой женской речью честный муж
Идет охотно.

И ф и г е н и я
(одна)

Хоть не знаю я,
Как следовать разумному совету,
Но поступлю, как долг велит: ему
На милости ответчу добрым словом,
И да удастся мне сказать Фоанту
Угодное, не порывая с правдой,

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

И ф и г е н и я. Ф о а н т.

И ф и г е н и я

Дарами царскими да отличит
Тебя богиня! Радостной победой,
Богатством, славой дома твоего,
Осуществленьем праведных надежд!
Пускай за то, что ты радел о многих,
Тебя и счастье многим предпочтет.

Ф о а н т

С меня довольно и хвалы народной:
Мои деянья более другим,
Чем мне, на пользу. Тот счастливей всех,
Будь царь он или нищий, кто обрел
Благую долю под родимым кровом.

Ты скорбь душевную со мной делила
В тот час, как вражий меч меня лишил
Последнего, достойнейшего сына.
Покуда месть душой моей владела,
Пустыней не казался мне дворец.
Но вот, когда вернулся я с победой,
Их царство пало и мой сын отмщен,
Все во дворце мне сделалось постыло.
Ретивая покорность, что в любом
Я прежде взоре видел, омрачилась
Тревогами и тайным недовольством.
Все думают о будущем с тоской
И служат мне, бездетному, неволей.
Но вот иду я к храму, где не раз
Молился я богине о победах
И за победу чтил ее, а в сердце
Царит одно желанье, для тебя
Оно едва ли ново: я решил —
Себе на счастье и стране на благо —
Ввести тебя невестой в мой дворец.

И ф и г е п и я

Чрезмерна для безвестной, государь,
Такая честь! Изгнанница стоит
Перед тобой в смущенье. Ведь искала
Она лишь крова — и его нашла.

Ф о а н т

Что в тайну ты рядишь свое прибытье,
Таишься от царя и от людей,
Повсюду порицалось бы, поверь.
Наш берег пришлым страшен: так велит
Закон и осторожность. Но от той,
Кому приют мы дали, милой гостьей
Своей признав, от той, чьи дни текут
У нас и безмятежно и привольно,
Казалось бы, — за преданность и верность, —
Я вправе ждать доверья и любви.

И ф и г е н и я

Царь! Если я от всех таила имя
Мое — тому причиной лишь боязнь
Приют утратить. Если бы ты знал,

Кто пред тобой, какой главе злосчастной
Мирволишь ты, быть может, вещий страх
Твой дух высокий трепетом наполнил,
Не приглашал бы ты меня с собою
Престол делить, а из страны своей
Изгнал бы и, отвергнутую, бросил
До дня, как ей на родину вернуться
Из горестных скитаний суждено, —
В нужду и беды, что — увы! — повсюду
Изгнанников, скитальцев бесприютных,
Грозя рукой костлявой, стерегут.

Ф о а н т

Каков бы ни был приговор богов
Над пращуром твоим иль над тобою,
Я вижу ясно: с той поры, как ты
Живешь здесь на правах желанной гостьи,
Нас небеса не раз благословляли.
Так как же мне поверить, что приют
Главе преступной предоставил я?

И ф и г е н и я

Ты награжден за милость, не за гостью.

Ф о а н т

За милость к несчастливцам нет награды,
А потому в молчанье не упорствуй.
Об этом просит не бесчестный муж,
Моим рукам ты вверена богиней!
Как божеству, священна ты и мне!
Пусть боги явят знак: он для меня —
Закон. И коль на родину возврат
Тебе сужден, я року подчинюсь.
Но если этот путь тебе заказан,
Твой род рассеян по свету иль вовсе
Несчастьем небывалым истреблен,
Тогда по всем законам ты моя.
Откройся мне! Я слову буду верен.

И ф и г е н и я

Как трудно нам сорвать печать молчанья
С пугливых уст, открыться наконец
В том, что хранилось в тайне. Ибо, раз

Поведанная, тайна навсегда
Покинула глубины сердца, чтобы
Вредить иль врачевать, как бог пошлет...
Так знай же! Я из Танталова рода.

Ф о а н т

Как просто говоришь ты о величье.
Ты пращуром зовешь того, кто ведем
Всем-на земле-как избраннык богов,
Когда-то милый им! Ведь это Тантал
Был Зевсом зван к совету и столу
Как равный гость! В его реченьях вещей
Отраду находили олимпийцы,
Как в мудрости оракулов святых.

И ф и г е н и я

Все это так, но боги не должны
Как с ровнею общаться с земнородным:
Он слишком слаб, чтоб голова его
От непривычной выси не вскружилась.
Предателем презренным не был он,
Но для раба велик, а для общенья
С бессмертными лишь человек. Так был
И грех его лишь человечесен. Строг
Бессмертных суд! Поется в песнях:

гордость

И вероломство от стола богов
Его низвергли в Тартар на мученья,
Потомки ж были прокляты его.

Ф о а н т

За их грехи иль за гордыню предка?

И ф и г е н и я

Стан мощный и пытливый ум титанов
Хоть и дарован вечными в удел
Его сынам и внукам, но сковал
Вокруг чела потомков обруч медный
Нещадный бог: терпенье, благостыню
Он скрыл от их дышащих гневом глаз.
Неистовы порывы были их,
Ни граней, ни удил они не знали!

Уже Пелопс, безудержный в страстях,
Сын Тантала любимый, приобрел
Убийством и предательством супругу,
Дочь Эномая — Гипподамию.
Двух сыновей родит она Пелопсу —
Фиеста и Атрея: С завистью
Следят они, как подрастает брат,
Отца любимец, плод другого ложа...
Их ненависть связует, и тайком
Они свершают грех братоубийства.
Убийцей царь клеймит свою супругу
И грозно требует вернуть ему
Любимца-сына. Гипподамия
Себя лишает жизни...

Ф о а н т

Ты молчишь?
Доверься до конца мне, говори!

И ф и г е н и я

Блажен, кто с чистым сердцем предков чтит,
Кто с гордостью о доблестях и славе
Их возвещает, радуясь в душе
Столь дивную, достойную чреду
Собой продолжить. Создает не сразу
Род ни чудовище, ни полубога.
Лишь долгий ряд достойных иль дурных
Дарует миру ужас иль отраду
Безмерную. Как только царь Пелопс
Преставился, Фиест с Атреем править
Страною стали. Долго не могло
Согласье длиться. Осквернил Фиест
Атрея ложе. Оскорбленный брат
Его изгнал из царства. Но Фиест,
Предвидя черный день, давно похитил
У брата сына и его тайком,
Как своего, растил в кругу родимом.
И, напоив его желаньем мести,
Во град Атреев тайно подослал
Убить царя — ему ж отца родного!
Был умысел раскрыт. К ужасной казни
Царь присудил несчастного, считая,
Что сына братнего казнит. Узнал

Он слишком поздно, кто пред мутным взором
Его замучен был. И, алча мести,
Он в тишине задумал совершить
Неслыханное! Кротким, примиренным
Прикинувшись, он изгнанного брата
С двумя детьми на родину призвал;
А там, схватив детей и заколов,
Ужасную и мерзостную пищу
На первом же пиру поднес Фиесту!
И лишь Фиест своей родимой плотью
Насытился, как грусть его взяла;
Стал спрашивать о детях, мнил, что слышит .
Их голоса, их милые шаги
За дверью залы. Но Атрей, со смехом
Метнул в него кровавой головою!
Ты в ужасе лицо отводишь, царь?
Так лик свой солнце отвернуло древний
И изменило бег своей квадриги...
Вот прародители злосчастной жрицы!
А сколько горестных мужских судеб,
А сколько дел безумных скрыла ночь
Под тяжкими крылами, разрешая
Лишь в жуткий сумрак всматриваться нам!

Ф о а н т

И ты их скрой в молчанье! Хватит с нас
Признаний страшных! Но поведай, как
Ты привилась на этом диком древе?

И ф и г е н и я

Атреев старший сын был Агамемнон.
Он мне отец. Но не стыжусь признаться,
Что видела в нем с ранних детских дней
Достойнейшего мужа образец.
От брака с Клитемнестрой родилась я,
Как первый плод любви, за мной Электра,
Царь правил мудро. Танталову дому
Был краткий мир дарован. Одного
Для счастья их не доставало — сына!
И вот едва желание сбылось
И стал расти меж двух сестер Орест,
Любимец, как неожиданная беда
Над безмятежным домом разразилась!

Весть о войне достигла и таврийцев.
Для отомщенья за увод Елены
Вся мощь отважных греческих племен
К стенам троянским двинулась. Взята ль
Войсками Троя, увенчала ль месть
Их бранный путь? Не ведаю. Над ратью
Начальствовал отец. В Авлиде тщетно
Войска попутных ветров ждали. В гневе
На их вождя, Диана задержала
Спешащих в грозный бой, через Колхапта
Потребовав дочь старшую царя.
Нас с матерью они в свой стан зазвали!
Схватили, положили на алтарь
Меня, злосчастную! Смягчилось сердце
Дианы. Кровь отвергши, унесла
Меня богиня, облаком укутав.
Здесь, в храме, я очнулась от забвенья.
Да, это я, я, Ифигения,
Атрея внучка, дочь Агамемнона,
Богини недостойная раба.

Ф о а н т

Почтенья большего я не воздам
Царевне, чем воздал уже безвестной!
Я повторю свою былую просьбу:
Доверься мне, поделим власть и счастье.

И ф и г е н и я

Как, государь, на этот шаг решиться?
Иль не богиня, спасшая меня,
Моей судьбой одна располагает?
Она меня снесла под этот кров
И, может быть, хранит здесь для отца,
Наказанного видимостью горя,
Чтоб скрасить старость скорбную его?
Как знать, не близится ль возврата час?
А я, ее путей не зная, дерзко
Себя свяжу, наперекор богине.
Молю о знаке — и тогда останусь.

Ф о а н т

Знак уже в том, что ты покуда здесь.
Не измышляй же робких отговорок.

Напрасно прибегаешь к многословью,
В них краткое лишь различаю: *нет*.

И ф и г е н и я

Не для отвода глаз я говорила,
Все сердце я открыла пред тобой!
Иль сам не видишь ты, как это сердце
К отцу и к матери, к сестре и брату
Навстречу рвется в страхе и тоске?
О, если б радость наш дворец микенский,
Где грусть-тоска еще лепечет имя
Мое, как при рождении младенца,
Венками разукрасила неожиданно!
Дай мне корабль, я возвращусь к любимым!
Дай мне, воскреснув, милых воскресить!

Ф о а н т

Что ж, возвращайся! Сердцу подчинись!
Замкни свой слух для голоса рассудка
Холодного. Будь женщиной вполне!
Влеченьям уступи! Пускай играют
Они тобой, как утлым челноком!
О женщины, когда вас страсть пронзит,
Нет уз священных вас остановить
Обманщику по первому же знаку
Отдаться, бросив мужа и отца,
Но, коль в груди не разгорится пламя,
Напрасно будет праведно греметь
Увещеваний золотой язык.

И ф и г е н и я

Не забывай же, царь, о слове данном!
Иль так ты за доверье платишь? Все,
Казалось, ты услышать был готов.

Ф о а н т

К неожиданному я не был подготовлен —
И в том моя ошибка: знал же я,
Что с женщиной иду я говорить.

И ф и г е н и я

Не порицай наш бедный женский род,
Не как у вас блестящи, но чисты
И благородны женские доспехи,

Верь, в этом деле я тебя правей,
В чем счастье твое, я знаю лучше,
Ты ж, ничего не ведая о нас,
Считаешь: этот брак нас осчастливит —
И в добром рвенье, с доброю надеждой
Ждешь от меня покорности немой.
Но боги мне решимость даровали —
Спасибо им! — отвергнуть этот брак,
Не освященный их святою волей.

Ф о а н т

Так сердце говорит твое, не бог!

И ф и г е н и я

Через наше сердце боги говорят.

Ф о а н т

А разве я не вправе им внимать?

И ф и г е н и я

Их тихий голос страсти заглушают!

Ф о а н т

Иль только жрицам внятен голос их?

И ф и г е н и я

Нас слушались цари покои веков.

Ф о а н т

Сан жрицы и наследственное право
На Зевсов стол тебя роднят с богами,
А я дикарь лишь земнородный...

И ф и г е н и я

Так

Плачусь я за доверие к тебе?

Ф о а н т

Я человек. Ненужный спор оставим!
Я порешил: будь жрицей, как была,
Служи богине, избранная ею;
Мне ж да простится, что давно Диане —
Неправедно, не без упреков тайных —
Отказывал я в древних приношениях.

Наш берег был злосчастен для пришельца.
Здесь исстари ему грозила смерть.
Лишь ты притворной ласкою своей,
В которой мне то дочери покорность,
То тихое влечение невесты
Порой так сладко грезились, как цепью,
Меня сковала, — и забылся долг!..
Ты совесть убаюкала мою!
Я ропота народного не слышал;
И вот толпа — все громче с каждым днем! —
Винит меня в неожиданной смерти сына.
Я сдерживать кричащую о жертве
Толпу не стану больше для тебя.

И ф и г е н и я

Не о себе, поверь, я хлопочу.
Тот ложно судит о богах, кто мнит
Их падкими на кровь. Он переносит
На них свои же низкие влеченья.
Иль не спасла меня сама богиня?
Мое служенье любо ей — не смерть.

Ф о а н т

Нам не к лицу судить об освященных
Обычаях увертливым умом,
Их толковать по прихоти рассудка!
Твой долг исполни, я исполню мой:
Двух чужеземцев мы нашли в пещере
У берега. Едва ль они благое
Для нас задумали. Они — в цепях.
Да примет в их лице твоя богиня
Возобновленную отныне жертву!
Я их пришлю. Ты знаешь службы чин.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

И ф и г е н и я (одна)

Ты, как прежде, дева-заступница,
Прячешь в тучах безвинно гонимых,
Силой ветра от грозного рока
Их уносишь через моря,

Через земные, дикие дали,
Чтоб укрыть их от умысла злого.
Ты, премудрая, видишь грядущее
И хранишь, что обрушилось в вечность,
И твой взор бодрит удрученных,
Словно луч ночного светила,
Здесь, над землею, бодро царящий.
Упаси мои руки от крови!
Не лишай меня мира и счастья!
Знаю, призрак случайно убитого
Будет невольного мучить убийцу,
В час недобрый его пугая.
Ибо бессмертные любят людского
Рода текущие в ночь поколенья
И охотно порой продлевают
Жизнь быстротечную смертным, охотно
Им дают небеса голубые
Лишний срок созерцать, упиваясь
Их красой с бессмертными вместе.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

О р е с т. П и л а д.

О р е с т

Тропою смерти мы идем с тобою,
И с каждым шагом боль души смолкает.
Когда молил я бога злобный хор
Ужасных мстительниц, меня теснящий,
Отбросить в Тартар, Феб, казалось, помощь
Мне обещал в святилище любимой
Его сестры, Таврической Дианы,—
Так понял я божественный оракул.
И вправду: беды кончатся мои
Здесь — вместе с жизнью брэнной! — навсегда,
Не горько мне, кому стеснили дух
Бессмертные и омрачили разум,
С лучами солнца милого расстаться!

И если мне, как всем Атридам, смерть
В прославленном бою не суждена
И если я паду, как мой отец,
В крови, сравнившись с жертвенным животным,
Пусть так! Уж лучше здесь, пред алтарем,
Погибнуть, чем, запутавшись в сетях,
Хитро сплетенных родичем-убийцей.
На время отступитесь, боги мщенья,
Что, как борзая свора, по следам,
Отмеченным неудержимой кровью,
С меня бегущей, гонитесь за мной!
Повремените! Я спускаюсь к вам:
Пусть солнце ни меня, ни вас не видит.
Земли зеленый радостный ковер —
Не для ночных чудовищ! Там, в Аиде,
Я отыщу вас: там единый рок
Нас свяжет, обреченных вечной ночи!
И лишь тебя, возлюбленный Пилад,
Моей вины безвинный соглядатай,
Так больно мне в страну печали звать
До времени! Жизнь или смерть твоя
Одни роднят меня с земной юдолью.

П и л а д

Нет, мой Орест, еще я не хочу,
Как ты, в страну почивших низойти,
Еще надеюсь путаной тропой,
Казалось бы, ведущей в сумрак ночи,
С тобой прорваться к жизни светозарной!
О смерти думать? Нет! Я чутко жду,
Не уготовлены ль совет и путь
Богами для счастливого побега?
Что смерть? Страшись ее иль будь бесстрашен,
Она неотвратима. Но, клянусь,
И в миг, когда нам кудри срезать руку
Поднимет жрица, о спасенье лишь
Я думать буду! От дурных сомнений
Очисти свой дух! Отчаяньем опасность
Ты лишь умножишь! Помни: Аполлон
Нам обещал в святилище Дианы
Душевный мир, и помощь, и возврат.
В оракулах нет двойственного смысла,
Как мнится удрученному уму.

О р е с т

Иль жизни темный полог не простерла
Мать надо мной с младенческой поры?
Во всем подобен славному отцу,
Я подрастал, и мой безмолвный взор
Ей и любовнику служил укором.
Как часто я, когда сестра Электра
Сидела у ночного очага,
К ее коленам робко припадал
И широко раскрытыми глазами
Глядел, как убивается сестра...
Все об отце она мне говорила!
Как жаждал я увидеться с отцом,
Быть в Трое с ним, обнять его в Микенах!
И день настал...

П и л а д

Пускай об этом часе
Ведут беседы духи полуночи,
А нас пусть дарят лучшие виденья
Минувшего отвагой для борьбы.
Богам угодно доблестных мужей
Служение на благо земнородным.
Ты доблестнее многих. Не хотели
Они тебя дать в спутники отцу,
Насильственно отосланному в Тартар.

О р е с т

О, если б я за край его одежды
Схватился и ушел за ним!

П и л а д

Знать, боги
Радели обо мне. Я и подумать
Не смею, кем я был бы без тебя.
Лишь для тебя, для близости с тобой
Я жил с младенчества, живу поныне.

О р е с т

Не говори мне о поре чудесной,
Когда твой дом приютом стал моим
И благородный твой отец любовно

Отогревал росток полузамерзший,
А ты, неутомимый сотоварищ,
Как легкий пестрокрылый мотылек,
Без усталости вокруг темного цветка
Кружился, свет вливая в мрак душевный
И приобщая к радостям меня!
Там, позабыв о бедах, я с тобой
Порывам буйной юности отдался.

П и л а д

Лишь полюбив тебя, постиг я счастье.

О р е с т

Постиг я горе, лучше бы сказал!
В том и судьбы моей проклятье злое,
Что всюду, как изгнанник зачумленный,
В груди ношу я смерть и запустенье.
В какой бы край здоровый ни вступал я,
Тотчас же на цветущих жизнью лицах
Приметы вижу медленного яда!

П и л а д

Когда б твое дыханье отравляло,
Я первый был бы смерти обречен.
Но разве я не бодр, не смел душой?
А смелость и любовь — не крылья ли
Для славных дел?

О р е с т

Для славных дел? О да!

Мне памятно, как мы тянулись к славе,
Когда в горах лесистых мы вдвоем
Травили зверя и мечтали вслух,
С великим предком мощью костяка
Сравнявшись, мчаться с палицей в руках
Разбойнику вослед или дракону,
Иль под вечер на берегу морском,
Друг к другу прислонившись, отдыхали,
А пена волн лобзала наши ноги.
Как дальний мир тогда был близок нам!
Невольно мы хватались за мечи,
И в сумраке без счета проступали,
Как звезды, предстоящие дела.

П и л а д

Неимоверен подвиг, о котором
Душа мечтает. Мы хотим дела
Свершить под стать величию вековому,
Каким их наделят лишь поколения
И славословья пышные певцов.
Звучит так гордо подвиг наших предков,
Когда поет о нем под рокот арфы
Юнец в тени задумчивых дубрав,
А нам земные кажутся дела,
Как им когда-то, суетой сует.
Мы гонимся за тем, что нас бежит,
Пренебрегая собственной тропой,
Не замечая стершегося следа,
Оставленного предком на земле.
За призраком его летучей славы
Мы рвемся вслед, она ж, как божество,
Венчает горы лживой позолотой.
Мне жалок тот, кто смотрит на себя
Глазами благодарного потомства.
Нет, юный воин, прославляй богов,
Твоей рукой столь многое свершивших.

О р е с т

Пусть тот, кому высокое судили
Бессмертные: освобожденье близких
От лютых бед, приумноженье царства,
Изгнание ненавистного врага,—
Благодарит всевышних! Рок ему
Неоценимый жребий даровал.
Меня же боги палачом избрали,
Убийцей матери, мне все ж родимой,
Позорным отомстителем позора,
Чтобы казнить меня же! Я-то знаю:
Их цель — погибель Танталова дома.
И я погибнуть должен — не безвинно,
Но, как они, бесчестно!..

П и л а д

Верь мне, боги
Не мстят потомкам за грехи отцов;
И злой и добрый — каждый за свои
Поступки получает воздаянье,

Наследуем мы лишь благословенья,
А не проклятья предков...

О р е с т

Иль сюда
Благословенье предков привело нас?

П и л а д

Коль не оно, так воля божества.

О р е с т

И эта воля нас погубит здесь.

П и л а д

Покорствуй горним силам и надейся!
Когда сестру вернешь ты Аполлону
И будет в Дельфах чтить ее народ,
Высокая чета вознаградит
Тебя за дивный подвиг и избавит
От рук подземных мстительниц. Смотри:
Их здесь, в священной роще, больше нет.

О р е с т

Знать, мне покой сужден в предсмертный час.

П и л а д

Я по-иному волю их толкую,
Сопоставляя прошлое с грядущим,
И вывод мой, незыблемый, таков:
Богов великий замысел, быть может,
Годами зрел. Диана рвется прочь
От берегов жестокосердных скифов,
От их кровавых жертвоприношений.
Мы избраны богами совершить
Великое и вот уже стоим
С тобою у заманчивых преддверий.

О р е с т

Искусно ты решение богов
С желанными надеждами сплетаешь.

П и л а д

Что значил бы наш разум, если он
Не схватывал бы воли всеблагих?
Для славных дел нередко божеством
Преступник избирался благородный,
Дабы свершил он подвиг несвершимый.
И он свершал его! Свой тяжкий грех
Он искупал, служа богам и миру.

О р е с т

Нет, если жить и действовать я должен,
Пусть боги с удрученного чела
Проклятье снимут, что стремится меня
На путь, забрызганный родимой кровью
И уходящий в Тартар! Пусть иссякнет
Родник, из раны материнской бьющий
Навстречу мне, чтоб обагрить меня!

П и л а д

Будь терпеливей, друг! Иль, в неразумье,
Ты довершишь деянье фурий сам.
Пока держись в тени. Когда созреет
Мой замысел и общих наших сил
Потребуется, я обращусь к тебе,
И мы за дело, взвесив все, возьмемся.

О р е с т

Я слышу речь Улисса.

П и л а д

Брось насмешки!
Облюбовать героя каждый должен,
Чтоб, с ним тягаясь, на Олимп взойти
Тропкою недоступной. Признаюсь,
По мне, расчет и хитрость не позорят
Того, кто рвется к доблестным делам.

О р е с т

Я чту лишь тех, кто сердцем смел и прям.

П и л а д

Я и не брал в советчики тебя!
Но первый сделан шаг. От нашей стражи
Мне вывести немало удалось,

Узнал я: воля девы богоравной
Сковала их безжалостный закон.
Лишь чистую молитву и куренья
Она к богам возносит; чтят ее
За доброту. По слухам, жрица родом
Из амазонок. Говорят, бежала
Она сюда, спасаясь от беды.

О р е с т

Но мощь сломилась чар ее святых,
Когда пришел преступник с тяжелой ношей
Проклятья, непроглядного, как ночь.
Кровавым благочестием закон,
Нам гибелью грозящий, восстановлен.
И нас сразит суровый гнев царя!
Дикарский нрав — не женщине смирить.

П и л а д

На счастье нам, что женщина она!
Муж, самый добрый, властен приучить
Свой дух к жестокостям и часто зло
Провозглашает мерой и законом,
А там — глядишь — его и не узнать.
Лишь женщина привержена к стезе,
Раз избранной! Ей и в добре и в зле
Довериться мы можем. Но молчи!
Она идет! Оставь нас. Не хочу
Открыть ей сразу ни имен, ни нашей
Судьбы злосчастной! Скройся же пока!
Мы свидимся еще до встречи вашей!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

И ф и г е н и я. П и л а д.

И ф и г е н и я

Откуда ты и кто ты, чужеземец?
Сдается мне, скорее с греком схож,
Чем с скифом, ты и станом и лицом.
(Освобождает его от цепей.)
Опасную дарую я свободу;
Бессмертные да отвратят беду!

П и л а д

О голос сладостный! Желанный звук
Родимой речи в чужедальнем крае!
Благой отчизны горы голубые
Я снова, пленник злополучный, вижу
Перед собой! Пусть выдаст радость эта
Тебе, что я из Греции, как ты!
На краткий миг я даже позабыл,
Что я в тебе нуждаюсь! Весь отдался
Душою я чудесному виденью!
Скажи мне, если рок не наложил
Печать молчанья на тебя, откуда
Ты родом, богоданная сестра?

И ф и г е н и я

С тобою жрица, от самой богини
Принявшая избранье, говорит —
Довольствуйся пока таким ответом.
Скажи мне: как необоримый рок
На этот берег выбросил тебя?

П и л а д

Легко поведать мне, какие беды
Нас гнали, неотступные, сюда.
О, если б так легко и ты могла
В нас, богоравная, вселить надежду!
Из Крита мы, Адрастовы сыны:
Я младший сын, по имени Кефал,
А он — Лаодамант, средь Адрастидов
Старейший. Средний сын меж нами рос,
Суров и дик; согласие и мир
Он нарушал еще ребенком малым.
Мы матери безмолвно подчинялись,
Пока под Троей бился наш отец.
Когда ж с добычей возвратился он
И вскоре умер, тотчас злобный спор
За царство и наследство разгорелся.
Примкнул я к старшему. Он умертвил
Строптивца. За кровавый этот грех
Его терзают фурии теперь.
На этот дикий берег нас послал
Феб-Аполлон Дельфийский. В храме здесь

Он повелел нам у сестры его
Спасения от бедствий ожидать.
Нас полонили и свели к тебе
Для страшного закланья. Это все.

И ф и г е н и я

Так Троя пала? Сердце успокой!

П и л а д

Да, пала. Успокой сердца и нам!
Ускорь спасенье, что сулили боги
Нам, горемычным! Брату пособи!
Скажи ему спасительное слово
И ласково изгнанника прими!
Прошу тебя! Поверь, он так легко
Печалям и больным воспоминаньям
О горестном злодействе поддается.
И тотчас же безумный бред его
Хватает, и прекрасная душа
Становится добычей хищных чудищ.

И ф и г е н и я

Как ни ужасны горести твои,
Забудь о них, пока не скажешь все!

П и л а д

Великий город, десять долгих лет
Достойно силы греков отражавший,
Повержен в прах и не восстанет вновь!
Но горькие утраты нам велят
О крае варварском со скорбью думать.
Там пал Ахилл с Патроклом благородным.

И ф и г е н и я

И вы, богоподобные, в пыли.

П и л а д

И Паламед и доблестный Аякс
Не увидали родины любимой.

И ф и г е н и я

Он об отце молчит! Его пока
Средь павших не назвал он! Жив отец!
Еще мы свидимся! О сердце, жди!

П и л а д

Блаженны те, кто сладость горькой смерти
Вкусили от нещадного врага!
Пустынный ужас и конец жестокий
Вернувшимся рассвирепевший бог
Взамен триумфов пышных уготовил!
Иль речь людская не доходит к вам?
Из края в край неслась худая весть
О горестных, неслыханных делах!
Ужель беда, потрясая Микены,—
По ней не смолкли стоны и сейчас! —
Для вас осталась тайной? Клитемнестра
С Эгисфом благородного супруга
В день возвращенья подло умертвила!
Ты считаешь этот царский дом?
Я вижу, грудь твоя напрасно хочет
Мучительную боль перебороть!
Не дочь ли ты царева друга? Или,
Быть может, ты в Микенах родилась?
Прости меня за то, что первый я
Тебе поведал страшное деянье!

И ф и г е н и я

Как это все свершилось, говори!

П и л а д

Лишь только царь вернулся из похода
И, искупавшись, повелел жене
Дать одеянье свежее ему,
Коварная губительную ткань,
Всю в складках, перепутанных стократ,
На голову накинула супругу.
Напрасно царь из роковых сетей
Пытался вырваться! Уже пронзил
Его Эгисф-предатель! Так сошел
К почившим царь — с челом, фатой покрытым.

И ф и г е н и я

А что сообщник получил в награду?

П и л а д

Власть вместе с ложем, ведомым ему.

И ф и г е н и я

Так, значит, страсть на грех толкнула их?

П и л а д

И чувство мести, зревшее в тиши,

И ф и г е н и я

Чем государь царицу оскорбил?

П и л а д

Делньем тяжким. Если извиненье
Убийству есть, так нет ее вины.
В Авлиду он царицу заманил,
И здесь, когда судам его Диана
Ветрами путь на Трою преградила,
Он дочь ей, первородную свою,
Сам на алтарь принес. Царевна пала
Кровавой жертвой эллинам на благо!
Вот почему царица злобой вся
Безудержной зажглась и, домоганьям
Эгисфа уступив, сама супруга
Губительною сетью оплела.

И ф и г е н и я

Довольно! Мы увидимся еще.

П и л а д
(один)

Как видно, дома царского судьба
Ей сердце истерзала! Павший царь,
Наверно, был ей дорог. Знать, ее
Из славного сюда купили дома —
На счастье нам! Но тише, сердце, тише!
Дай мудро нам и мужественно плыть
Звезде надежды брезжущей навстречу,

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

И ф и г е н и я. О р е с т.

И ф и г е н и я

Несчастный, я с тебя снимаю цепи
В знак неизбежно-горестной судьбы!
Свобода, что даруется тебе,
Подобна загоревшемуся взору
Больного. Знай: она пророчит смерть!
Не смею, не хочу признать, что вы
Пропали безвозвратно! Мне ль обречь
Рукой кровавой вас печалям смерти?
Никто, кто б ни был он, пока служу
Диане я, коснуться ваших глав
Не смеет! Но когда я откажусь
Свершить обряд по царскому указу,
Царь наречет одну из дев моих
Преемницей. Чем поддержу тогда
Я вас, приговоренных? Лишь молитвой!
Земляк мой милый! И последний раб,
У очага родимого сидевший,
Нам дорог в чужедальней стороне!
Каким же мне встречать благословеньем
Вас, ожививших образы героев
Во мне, столь дорогие с колыбели,
Вас, сладостных надежд нежданный рой
В душе моей печальной воскресивших?

О р е с т

Умышленно ль от нас свой род и имя
Скрываешь ты? Иль я могу узнать,
Кто, как жилица неба, нам явилась?

И ф и г е н и я

Да, я откроюсь! Но скажи сперва,
Что я узнала лишь наполовину,—
Про гибель тех, вернувшихся из Трои,
Кого настиг неумолимый рок,
Безмолвно притаившись у порога.

Я девочкой попала в этот край,
Но не забыла, как пугливо я
В благоговейном ужасе взидала
На гордых тех героев! Шли они,
Как будто распахнулись небеса
И тени баснословные спустились
С Олимпа на погибель Илиону.
Прекраснее же всех был Агамемнон.
Скажи! Ужель, едва домой пришедший,
Он был женой погублен и Эгисфом?

О р е с т

Так это было.

И ф и г е н и я

Горе вам, Микены!
Проклятье за проклятьем Танталиды
Пригоршнями бросают в тьму времен!
Как травы сорные, тряся главами
И семена стократно расточая,
Они убийц единокровных внукам
Родят для вечной распри! Но открой,
Что из признаний брата от меня
Испуг застлал кровавой пеленою.
Как рода славного последний сын,
Беспечный мальчик, избранный судьбою
Быть мстителем отца, как избежал
Орест расправы? Или тот же рок
Его окутал неводою Аверна?
От смерти спасся ль он? Жива ль Электра?

О р е с т

Они живут...

И ф и г е н и я

О солнце золотое!
Дай мне лучи твои сложить к стопам
Зевесовым! Бедна я и нема!

О р е с т

Быть может, ты гостила в царском доме
Или сроднилась с ним еще тесней,

Как твой восторг прекрасный выдает,—
Тогда смирись душой и будь тверда!
Вдвойне печально, радости вкусив,
Отчаянью и горестям отдаться!
Ты знаешь лишь о смерти венценосца?

И ф и г е н и я

Иль не довольно этой вести мне?

О р е с т

Лишь половина бед тебе известна.

И ф и г е н и я

Чего мне ждать? Орест, Электра живы.

О р е с т

За Клитемнестру не страшишься ты?

И ф и г е н и я

Ей страх мой и надежды не помогут.

О р е с т

В стране надежд не увидеть царицы.

И ф и г е н и я

Иль кровь свою, отчаясь, пролила?

О р е с т

Нет, но своя же кровь ее сгубила.

И ф и г е н и я

Не говори загадками. Мне страшно!
Вкруг головы моей тысячекратно
Крылами бьет безвестная беда!

О р е с т

Иль я назначен прихотью богов
Быть вестником беды, что так хотелось
Мне схоронить в беззвучно-тусклой тьме

Подземной ночи? Нехотя склоняюсь
Пред волей уст твоих! Лишь для тебя
Я боль признанья вновь переживаю:
В тот день, как пал отец, Электра сына
Спасла от рук убийцы. Строфий взял,
Зять Агамемнона, в свой дом Ореста
И вместе с сыном воспитал своим.
Пиладом звался тот. Его с пришельцем
Чудесная соединила дружба.
Они росли, и крепло в них желанье
За подло умерщвленного царя
Злодеям отомстить. В чужой одежде
Они в Микены принесли молву
Печальную о гибели Ореста
И урну с прахом. Вестников царица
Учтиво приглашает во дворец,
И там Орест своей сестре открылся,
Электра пламя мести разожгла,
Уже истлеть готовое вблизи
От матери священной! Тихо брата
Она свела на место, где отца
Пастигла смерть и еле зримый след
Его бестрепетно пролитой крови
Еще алел пророческим пятном.
На языке неутомимой злобы
Она ему твердила об убийстве,
О торжестве убийц неотомщенных,
О рабском жребии своем, о вечной
Опасности, что им теперь грозила
От матери, Эгисфовой жены.
И тут она дала ему кинжал,
Уже не раз разивший в этом доме.
И Клитемнестру сын ее убил.

И ф и г е н и я

Бессмертные, чьи радостные дни
На вечно юных облаках проходят!
Затем ли я вблизи от вас, благие,
Вдали от земнородных протомилась
Так долго за ребяческой игрой,
За раздуваньем пламени святого,
Затем ли я невинным сердцем здесь,

Как пламя, в безмятежной чистоте
Обители небесной растворялась,
Чтоб беды дома моего пусть позже,
Но тем ужасней пережить! Но как
Он, неутешный, как Орест живет?

О р е с т

О, если б мог ответить я: он умер!
Гневливо встал из крови пролитой
Дух матери
И крикнул дочерям подземной ночи:
«Не дайте преступнику ускользнуть!
Терзайте убийцу! Дарю его вам!»
Они глядят орбитами пустыми
С орлиной алчностью вокруг себя,
Они в берлогах черных оживают,
Из всех углов их спутники ночные,
Сомненье и Раскаянье, ползут.
Пред ними вьется Ахеронтов дым,
Встает в его медлительных клубах
Все то же нестерпимое виденье,
Преступника смущая и страша,
И, вправе сеять смерть, они ступают
На луг, покрытый божьими дарами,
Откуда их проклятье отлучило,
И с хохотом спешат за беглецом,
Чуть переждут и вновь его теснят.

И ф и г е н и я

Несчастный, сходный рок тебя настиг:
Ты чувствуешь, как тот беглец-страдалец.

О р е с т

Как — сходный рок? О чем ты говоришь?

И ф и г е н и я

Братоубийством осквернен и ты;
Твой младший брат поведал мне о том.

О р е с т

Я не хочу, чтоб ты, душа святая,
Обманута была признаньем ложным.

Хитросплетенье лживое чужому
Чужой бросает, к кривде приучен,
Петлею под ноги. Меж нами здесь
Да будет правда!
Знай! Я Орест. Преступной головою
Клонюсь к могиле я и смерти жду.
Во всех обличьях мне она желанна,
Безвестная! Тебе и другу я
Желаю возвращенья — не себе.
Ты, вижу я, живешь здесь против воли:
Так в добрый путь! А я останусь здесь.
Пусть со скалы низринется мой труп!
Пусть кровь моя, пролитая в пучину,
Проклятье диким скифам принесет!
Бегите! Там, на греческой земле,
Вы жизнь начнете сызнова свою,
(Удается.)

И ф и г е н и я

Так ты ко мне спускаешься, Свершенье,
Святая дочь зиждителя вселенной?
Как грозен твой неуследимый вид!
Едва доходит взор до рук твоих,
Несущих с олимпийской высоты
Кошницу с ароматными плодами.
И как царя по дорогим дарам
Мы узнаем (ему ничтожным мнится,
Что для других — богатство), так богов
Распознают по мудрым и благим,
Заранее обдуманым даяньям.
Вы знаете, чем смертных одарить!
Вы видите грядущего предел,
От нас сокрытый звездным хороводом
Или туманом! Вы мольбам спокойно
Внимаете, вас торопящим дать
Желанное! Но не сорвет рука
Бессмертного плодов, еще не зрелых.
Увы тому, кто хочет горький сок
Вкусить до урожая, смерти вкус
Не различив! Не дайте ускользнуть,
Как мертвой тени, радости неожиданной,
Вдруг посетившей, бедную, меня!
Вдвойне меня утратой не казните!

О р е с т
(*снова приближаясь к ней*),

Ты за себя молись и за Пилада,
Не оскверняясь именем моим!
Иль, не спася убийцу, призовешь
Проклятие и беды на себя.

И ф и г е н и я

Моя судьба с твоей неразлучима.

О р е с т

Нет, нет! Дозволь сойти без провожатых
Мне в царство мертвых! Не стремись фатой
Проклятого убийцу заслонить:
Не скрыть его от взора темных чудищ.
Нет, близость непорочная твоя
Лишь оттеснит, но не прогонит их!
Они железной не дерзнут стопою
Ступить сюда, в святилище богини,
Но слышу я вдали, то здесь, то там,
Их нестерпимый хохот! Волки рыщут
Так возле дерева, где бедный путник
Скрывается. Они лежат и ждут
Убийцу! Чуть покину я твой кров,
Они, тряся змеинными главами
И прах взметая, ринутся за мной
И вновь добычу станут настигать!

И ф и г е н и я

Орест! Иль глух ты к дружескому слову?

О р е с т

Храни его для тех, кто друг богам!

И ф и г е н и я

Они тебя надеждами дарят.

О р е с т

Сквозь чад и дым я вижу тусклый блеск
Реки подземной, к аду уходящей!

И ф и г е н и я

Электра — не *одна* твоя сестра?

О р е с т

Одну я помню, старшую унес
Не злой, как мнилось нам, а добрый рок —
Досрочно! — от невзгод, наш дом потрясших!
Оставь расспросы! К хору не примкни
Эриний ненасытных, что злорадно
Мне пепел с сердца бедного сдувают
И не хотят, чтоб угли догорели
Пожара, охватившего наш дом
В тот скорбный час! Иль жар не перестанет,
Старательно раздутый, адской серой
Накормленный, меня и жечь и мучить?

И ф и г е н и я

Я насыщу огонь куреньем сладким!
И пусть дыханье чистое любви
Тебе прохладой жар души остудит!
Орест любимый! Или ты не слышишь?
Ужель подземных мстительниц толпа
Так кровь твою, несчастный, иссушила,
Что расползлось, как от главы Горгоны,
По разветвленным жилам омертвенье?
Но если голос крови материнской
Хрипящим стоном в ад тебя зовет,
Ужель молитва чистая сестры
Не призовет заступников с Олимпа?

О р е с т

Да! призовет и тем меня погубит!
В тебе одна из фурий притаилась?
Кто ты, чей голос так ужасно недра
Разворотил души моей злосчастной?

И ф и г е н и я

Должно быть, сердце сердцу весть дает,
Орест! Я Ифигения! Смотри:
Живая...

О р е с т

Ты?

И ф и г е н и я

Брат милый!

О р е с т

Прочь! Оставь!

Совет тебе: кудрей моих не трогать!
Не то они, как свадебный наряд
Креузы, вспыхнут пламенем нещадным.
Оставь меня! Хочу, как Геркулес,
Сам-друг с постыдной смертью здесь остаться,

И ф и г е н и я

Ты не погибнешь! Нет! О, если б ты
Одно лишь слово вымолвил спокойно!
Уйми мои сомненья! Не гаси
Всевышними дарованного счастья!
Мучений и восторгов колесо
Не устает кружиться! Я чужих
Мужей бежала; но душой и телом
Навстречу брату рвусь я дорогомую!

О р е с т

Иль храм Лиэя здесь? Священный блуд
Хмельное сердце жрицы обуял?

И ф и г е н и я

Услышь меня! Ужель не видишь, как
Душа моя остывшая открылась
Блаженству и всему, что на земле
Осталось милого? Я поцелую
Чело твое! Руками, что хватали
Лишь зыбкий воздух, обойму тебя!
Склонись ко мне! Поверь: с вершин Парнаса
Светлей не льется плещущий ручей
С уступа на уступ ко дну стремнины,
Как брызжет счастье из души ожившей
И морем неги заливают мир!
Орест! Мой брат!

О р е с т

Прельстительная нимфа!

Тебе ль поверю и твоим речам?

Диана строгих держит здесь прислужниц

И оскорбителям святыни мстит.

Не трогай нежной ручкой грудь мою.

А если хочешь юношу неожиданным

Спасеньем и любовью одарить,

Так обрати свой взор к Пиладу, другу

Достоинному. Он бродит здесь вблизи

Тропою горной. Разыщи его

И обольсти. Меня же брось!

И ф и г е н и я

Опомнись,

Несчастный брат! Пропавшую узнай!

Не унижай мою святую радость,

Ее порывом плоти не зови!

Сойди, безумье, с глаз его ослепших,

Дабы мгновенье высшего блаженства

Втроем не стало горестным! Я здесь!

Сестра твоя пропавшая! Ее

От алтаря похитила Диана

И в этот храм священный принесла!

Ты полонен, приговорен к закланью,

И в строгой жрице вдруг сестру находишь.

О р е с т

Несчастная! Пусть солнце видит ужас,

Последним посетивший этот род!

Зачем Электры нет? Пусть и она

Погибнет вместе с нами, не решаясь

Жить на земле для худшего мученья!

Так, жрица! Где алтарь твой? Я иду!

Братоубийство — принятый обычай

В роду Атридов! А богам — спасибо,

Что истребить — бездетного — решили

Они меня! И вот совет мой: солнце

И звезды ты безмерно не люби!

Иди за мной в мой беспечальный мир!

Как серой порожденные драконы

Клубок себе подобных пожирают.

Наш род безумный истреблял себя!
Бездетна и безвинна низойди!
Ты смотришь жалостно? Закрой глаза!
Так глядя, Клитемнестра путь искала
Незримый к сердцу сына своего.
Но взмах руки — и роковой клинок
Мать поразил! Сюда, немирный дух!
Вы, евмениды темные, сюда!
Что ж, зрительницы алчные, идите
Взглянуть на страшный, на последний суд!
Не месть и ненависть точили нож,—
Сестра любвеобильная меня
Должна сразить! Не плачь! Безвинна ты!
С младенчества я никого на свете
Так не любил, как полюбил тебя!
Взмахни клинком! Нет, не щади меня!
Разверзни грудь мою и дай кипящим
Во мне ключам прорваться на простор!
(Падает в изнеможении.)

И ф и г е н и я

Одна нести отрады и печали
Не в силах я! О, где же ты, Пилад?
Дай мне опору, лучший из друзей!
(Уходит, ища его.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

О р е с т

(приходя в себя и поднимаясь)

Еще глоток! Еще воды летейской
Дай мне испить и утолить печали.
Я заглушу последний трепет жизни
В груди моей, и тихо потечет
Мой дух, волне забвенья подчиняясь,
К вам, тени мертвые, в туман подземный.
Примите в свой пленительный покой
Изгнанника земного благосклонно!
Но что за шепот бродит по деревьям
И что за шорох слышится во мраке?

Они идут на гостя поглядеть.
Что за толпа согласная ликует
Торжественно, как царская семья?
Шагает мирно, стар и млад, мужчины
И женщины, похожи на бессмертных
И друг на друга. Знаю: это вы,
Мои отцы и деды! Вот с Фиестом
Ведет Атрей душевную беседу,
И мальчики резвятся возле них.
Так кончилась их древняя вражда?
Померкла месть, как луч земного солнца?
Тогда и я, отверженный, могу
К торжественному шествию примкнуть.
Привет, предтечи, вам шлет Орест,
Последний отпрыск в своем роду!
Он жатву снял с посева злого:
Неся проклятье, он к вам сошел,
Но легче здесь любая ноша!
Примите ж, предки, меня в свой круг!
Я чту Атрея, как чту Фиеста —
Мы все раздоры забудем здесь!
Отца мне покажите, только раз
Его я видел.

Отец мой! Ты ли?
И мать, я вижу, идет с отцом?
Раз Клитемнестра с тобою рядом,
То и Орест ее обнимет
И нежно скажет: «Пришел твой сын!
Пришел ваш сын! Его приветьте!»
Там, на земле, среди Атридов
Привет кинжалом вошел в обычай!
Знать, древний род титана Тантала
Вкушает радость лишь в царстве теней.
«Добро! — кричите. — Спускайся к нам!»
Ведите к предку меня теперь.
Где наш старейший? Хочу взглянуть
На лик любимый. Того увидеть,
Кто у бессмертных сидел в кругу.
Вы содрогнулись? Глядите долу?
Что это? Страждет богоподобный?
Увы! Я вижу: сонм бессмертный
Герою грудь сковал навечно
Железной цепью с муками ада,

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Орест. Ифигения. Пилад.

Орест

И вы сошли сюда, к почившим?
Привет, сестра! Но где Электра?
Пусть милосердный бог отправит
Стрелой кроткой ее в Аид!
Лишь о тебе, мой бедный друг, жалею!
За мной, за мной! Пришельцам надо
Почтить Плутона, ночного бога!

Ифигения

Брат и сестра, дарующие людям
И днем и ночью лучезарный свет,
Незримый лишь одним бесплотным тепям,
Подайте помощь брату и сестре!
Ты любишь брата своего, Диана,
Сильнее всех и на земле и в небе
И обращаешь девственный свой лик
К сияющему Фебу неизменно!
Не дай же и тому, кого нашла
Так поздно я, в безумье погрузиться!
И если ты изгнанию моему
Конец пророчишь близкий, если хочешь,
Чтоб мы друг другу бегство облегчили,
Сними проклятье с брата моего,
Не дай истечь спасительному сроку!

Пилад

Ужель не узнаешь ты этот храм
И этот луч, не мертвецам светящий?
И рук не чувствуешь сестры и друга?
Они согреты жизнью. Обними
Сильнее нас! Не тени мы пустые!
Послушай, что скажу я: одолей
Недуг свой! Драгоценны все минуты!
Возвратный путь висит на тонких нитях,
Сплетенных паркой, милосердной к нам.

Орест

Дай в первый раз в твоих объятьях чистых
Незамутненной радости отведасть!

Вы боги, пламенеющей стрелой
Пронзающие тучу грозовую
И дождь, иссохшим миром вожделенный,
Под гром, под свист и завыванье бури
С высот небесных льющие на землю,
Чтоб тут же страх, сковавший человека,
В блаженство обратить, его смятенью
Дать раствориться в светлом славословье,
Лишь только капли на ветвях повиснут,
И в каждой капле солнце отразится,
И легкоперстая Ирида тучи
Чертою многоцветной рассечет,
О, дайте мне в объятиях сестры
И па груди у друга дорогого
Священным счастьем вдосталь насладиться!
Проклятье миновало — вижу сам,
Чу! Евменид ужасная толпа
Спустилась в ад, и кованая дверь
Захлопнулась, вдали прогрехотав!
С земли восходит благовонный пар,
И манит вдаль, ожившего, меня,
И к радостям и подвигам взывает.

П и л а д

Не будем медлить! Время на счету!
Пусть ветер, раздувающий наш парус,
К Олимпу вознесет твою молитву!
Скорее! Здесь судьбу решает миг!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

И ф и г е н и я

Боги, решившие
Смертного грешника
Тяжкой бедой покарать,
Уготовить ему
От печалей к веселью,
От веселья к печалям

Переход, сотрясающий дух,
Берегут для него —
Тут же, в граде родном,
Иль в краю чуждеальнем —
Друга с ясным челом,
Чтобы помощь подать
В грозный час тот сумел!
Благословен всевышними Пилад
И помыслы разумные его!
Десница юноши — в пылу боев,
Он — око старца мудрое в собраниях,
Ибо душою тих; он в ней хранит
Спокойствия неистощимый дар
И в силах нам, мятущимся, подать
Из недр ее покой и помощь! Так
Он оторвал меня от брата! Я
Все на него глядела, умиляясь,
Все не могла сродниться с счастьем, все
Из рук его не выпускала, будто
И не было грозившей нам беды!
Но вот идут они, во исполнение
Задуманного, к морю, где корабль,
С товарищами, в бухте притаившись,
Их знака ждет! Они в уста вложили
Мне речи хитрые, чтоб знала я,
Как отвечать царю, когда на жертве
Настаивать он будет. Вижу, мной
Руководить, как девочкою, надо.
Не научилась правду я таить
Иль прибегать к измене. Горе тем,
Кто лгать приговорен! Ложь не дает
Избавиться от гнета, как любое
Правдивое признание. Не бодрит,
Страшит она ее кующих тайно;
Стрелой стремительной, рукою бога
Повернутая вспять, она летит
Сразить стрелка! Забота за заботой
В уме проносится! Быть может, брат
Вновь фурией настигнут, лишь коснулся
Стопою он земли неосвященной?
Иль схвачены они? Я слышу ясно
Шаги вооруженных! Нет, то вестник
Фоанта приближается сюда,

Забилось сердце! Знать, душа смутилась,
Достойного завидев человека,
Которому я лгать принуждена.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

И ф и г е н и я. А р к а д.

А р к а д

Не медли, жрица, жертву принеси!
Царь ждет ее и требует народ.

И ф и г е н и я

Исполнила б я царский приговор,
Когда б нежданное не встало вдруг
Препятствие меж мною и обрядом.

А р к а д

Что царскому перечит повеленью?

И ф и г е н и я

Лишь случай, а над ним мы не вольны.

А р к а д

За чем же дело стало? Я с ответом
Спешу к царю. Он порешил их смерть.

И ф и г е н и я

Ее еще не порешили боги.
На старшем из мужей лежит вина.
Он кровь, ему родимую, пролил,
И еврипиды гонятся за ним;
В священном храме даже злой недуг
Его настиг. Присутствием своим
Он святость места осквернил. Немедля
Я с девами пойду на берег моря
Омыть в волнах богини изваянье,
Как таинство священное велит!
Непосвященный да покинет нас.

А р к а д

Я сообщу царю об этом новом
Препятствии, ты ж, дева, задержи
Обряд, пока согласишься не получишь!

И ф и г е н и я

Обрядами располагает жрица.

А р к а д

Ужели царь и знать о том не должен?

И ф и г е н и я

Его приказ в таких делах — ничто!

А р к а д

Хотя б для виду вопросы царя!

И ф и г е н и я

Не вынуждай согласишься: я тверда.

А р к а д

Хоть в добром не отказывай царю!

И ф и г е н и я

Я уступаю; но ускорь ответ.

А р к а д

Я в царский стан доставлю эту весть
И не замедлю с ней прийти обратно!
О, если б я ушел с другою вестью,
Способною все беды разрешить!
Но ты советы друга отвергаешь.

И ф и г е н и я

Все, что могла, я совершила, друг!

А р к а д

Еще не поздно слово изменить.

И ф и г е н и я

Не в нашей власти изменять его!

А р к а д

Ты невозможным трудное считаешь.

И ф и г е н и я

А ты возможной лживую мечту.

А р к а д

Ужель на все пойдешь, не содрогаясь?

И ф и г е н и я

Все судьбы я доверила богам!

А р к а д

Они людей людской рукой спасают.

И ф и г е н и я

Все на земле решает перст богов!

А р к а д

Так знай же: их судьба в твоих руках.
Лишь гнев рассвирепевшего царя
Пришельцам горькую готовит участь.
Дружина о кровавых приношеньях
Богине отучилась помышлять.
Ведь не один, кого злосчастный рок
На чуждый берег вынес, сам познал,
Каким небесным чудом кроткий лик
Тем кажется, кого смущали беды
В неведомой, жестокой стороне.
О, не лишай нас благи своей!
Ужель не завершишь великих дел?
Нигде не может кротость, что с небес
В людском обличье к людям низошла,
Быстрее строить, чем в стране дикарской,
Где племя юное в расцвете сил,
Без помощи сторонней, груз тяжелый
Юдоли человеческой несет.

И ф и г е н и я

Не потрясай души моей, когда
Не властен ты душою управлять,

А р к а д

Пока не поздно, не хочу скупиться
Ни на советы, ни на увещанья,

И ф и г е н и я

Твои советы для меня — мученье
Напрасное. Так пощади ж меня.

А р к а д

Твои мученья я зову на помощь:
Они совета злого не дадут.

И ф и г е н и я

Они мне тяжело уязвляют душу,
Но отвращения им не превозмочь.

А р к а д

Душе твоей впускает отвращенье
Вознаградить за милости царя?

И ф и г е н и я

Да, если благодетель пожелал
Не слов моих хвалебных, а меня.

А р к а д

Кто склонности не чувствует, тому
Нетрудно отговорку отыскать.
Что ж, я иду оповестить владыку.
О, если бы тебе сказало сердце,
Сколь многим ты обязана царю
От первого до нынешнего дня!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

И ф и г е н и я
(одна)

От речи мужа этого — совсем
Не вовремя! — перевернулось сердце
В груди моей, И вновь мне стало страшно.

Как волны рек могучих в половодье,
Вдруг затопившие вершины скал
Вдоль берегов, так захлестнула всю
Меня волна восторга: я в руках
Держала непостижное душе!
Как будто снова облако меня
Заволокло и тихо понесло
Над горестной землей и в ту дремоту
Нежданно погрузило, что богиня
Наслала на меня, когда ее
Десница увлекла меня от смерти.
Всем сердцем потянулась к брату я!
Во всем послушная советам друга,
Лишь их спасти стремилась я душой!
И как моряк спешит пустынный берег
Страны безлюдной бросить, так сквозь мглу
Мне виделась Таврида! Лишь напомнил
Мне голос мужа честного, что я
И здесь людей бросаю благородных,—
Как вдвое ненавистна стала мне
Измена! Но уймись, томленье сердца!
Ужель сомненьям буду предаваться?
Ты одиноких дум немой затвор
Должна покинуть! Вновь на корабле
Тебя качают волны! В страхе ты
Узнать не можешь мира и себя,

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

И ф и г е н и я. П и л а д.

П и л а д

Так где ж она? Как поделиться с нею
Счастливой вестью о спасенье нашем?

И ф и г е н и я

Я здесь — полна тоски, но не теряю
Надежды на спасительную весть,

П и л а д

Знай, брат твой исцелен! Тропой кремнистой
На том неосвященном берегу
Мы бодро шли в беспечных разговорах,
Святилище оставив позади.
И с каждым шагом ярче и светлей
Играло пламя юности чудесной
В его кудрях и разгоралось око
Отвагой беспримерной. Всей душой
Он отдавался радостной мечте:
Спасти тебя, спасти себя и друга.

И ф и г е н и я

Благословенный вестник! Никогда
Да не раздастся с уст, вещавших благо,
Стенанье боли, жалоба тоски!

П и л а д

И вот вторая весть! С окольной ратью,
Как властелин, приходит счастье к нам:
Мы и дружину нашу отыскали.
В заливе между скал, укрыв корабль,
Товарищи томились в ожиданье,
Но, чуть узрев Ореста, дружным хором
Возликовали, требуя отплыть
От берегов немилой им страны.
У каждого рука рванулась к веслам.
И, трепеща на легких крыльях, ветер
Замечен всеми, устремился к морю!
Так поспешим же! Проводи пришельца
К святилищу богини! Дай ему
Благоговейно к цели прикоснуться
Паломничества нашего! Один
На плечи крепкие я изваянье
Возьму и понесу желанный груз!
*(С последними словами идет к храму, не
замечая, что Ифигения не следует за ним;
потом оборачивается.)*
Ты в страхе и сомненье? Ты молчишь?
Ты цепенеешь? Иль грозит беда
Мелькнувшему нам счастью? Говори!

Успела ль передать ты государю
Условленные мудрые слова?

И ф и г е н и я

Успела. Но боюсь твоих упреков.
Твой вид один немым укором служит!
Явился царский вестник; я ему
Сказала все, что ты велел сказать.
Но, изумленный, он просил помедлить,
Чтобы царю известье передать
И от него услышать указанье!
И вот я жду, с чем возвратится он.

П и л а д

Увы! Возобновленная беда
Парит, как встарь, над нами! Или ты
Прикрыться саном жрицы не могла?

И ф и г е н и я

Покровом сан свой не считаю я!

П и л а д

Так, чистая душа, себя и нас
Погубишь ты! Как не предвидел я
Ловушки этой! Как не научил
И тут умно слукавить!

И ф и г е н и я

Укоряй

Одну меня: лишь я виновна здесь.
Но что могла сказать я человеку,
Меня просившему о том, что сердце
И без того считало справедливым?

П и л а д

Сгущается опасность, но и тут
Робеть не надо или неразумно
Себя же выдать недругу! Спокойно
Дождись, когда вернется царский вестник,
Но будь тверда, что б он ни говорил:

Ведь назначать обряды очищения
Не государю, жрице подобает.
А коль захочет царь взглянуть на мужа,
Сраженного безумьем роковым,
Не допускай его, скажи, что оба
Мы в храме под запором. Дай нам срок,
Поспешно оттягав у диких скифов
Священный клад, покинуть этот край.
Нам счастье предвещает Аполлон.
Не раньше ль, чем сестра вернулась в Дельфы,
Он обещанье выполнил свое:
Орест воскрес душою. С исцеленным
Вы, ветры благостные, унесите
Нас на утес, где обитает бог.
А там — в Микены! Пусть воскреснет город,
И пусть из пепла очага родного
Восстанут лары пращуров в веселье
И вновь огнем осиротевший кров
Заблещет! Ты в светильники насыпь
Заветные священный ладан! Ты
Повсюду благодать с собой приносишь!
Ты разрешишь проклятье! Ты старинный
Украсишь кров цветами новой жизни!

И ф и г е н и я

От слов твоих перевернуло душу!
Как вслед лучу цветок головку клонит,
Так я, пронзенная бодрящим светом
Твоих речей, тянусь надежде вслед!
Нам так нужны уверенные речи
Из уст друзей! Небесной силы их
Не зная, одинокий угасает!
Как долго созревают в нелюдимой
Душе мечты и мысли! Близость друга
К решеньям побуждает нас легко.

П и л а д

Прощай! Спешу оповестить друзей,
Томящихся в тревожном ожиданье!
Но я вернусь и буду знака ждать,
Таясь в кустах прибрежных возле скал.
О чем ты? Вновь по ясному челу
Скользнула тень печали непонятной.

И ф и г е н и я

Прости! Как тучи легкие под солнцем,
Так легкие заботы и боязнь
По сердцу проплывают!

П и л а д

Не страшись.
Страх и опасность тайный договор
Навечно меж собою заключили.

И ф и г е н и я

Не так легко мне отогнать заботу,
Что не велит царю, отцу второму,
Ни лгать, ни похищать его добро.

П и л а д

Зачем не видишь в нем убийцу брата?

И ф и г е н и я

Но от него я видела добро!

П и л а д

Здесь нет вины: так требует нужда.

И ф и г е н и я

Ужель вину оправдывают нужды?

П и л а д

В глазах людских и в божеских глазах.

И ф и г е н и я

Но собственное сердце не спокойно.

П и л а д

Кто слишком строг, тот втайне горд душой.

И ф и г е н и я

Я не сужу, но чувство не молчит.

П и л а д

Отбрось печаль. Ни в чем ты не виновна!

И ф и г е н и я

Кто не запятнан, только тот счастлив.

П и л а д

Такой себя ты сохранила в храме;
Но жизнь нас учит быть не слишком строгим
К себе и к людям, — научись тому ж.
Так непонятно род людской сложился,
Так страшно он запутался в сегах,
Что и с собой, не только что с другими,
Быть чистым не удастся никому.
Судить себя? На это нас не станет!
Но видеть путь и им идти упорно —
Долг человека первый и прямой!
Мы редко ценим прошлые деянья,
А что вершим, и вовсе никогда.

И ф и г е н и я

Меня почти склонил ты речью этой.

П и л а д

Склонил? Но здесь и выбор невозможен.
Один лишь путь ведет к спасенью брата,
Тебя и друга. Что тут выбирать!

И ф и г е н и я

Как мне не содрогаться? Ты и сам
Обиды не нанес бы с легким сердцем
Тому, кто был к тебе так милосерден.

П и л а д

Когда погибнем мы, тебя упрек
Стократ тягчайший будет осаждать!
Знать, горьких ты не ведала потерь,
Когда не хочешь, от беды спасаясь,
И слово кивды ты произнести.

И ф и г е н и я

Зачем я не женщиной родилась!
Не в силах я, избрав благую цель,
Замкнуть свой слух для голосовых.

П и л а д

Сомнение оставь! Железный перст
Необходимости владычит здесь,
Ее ж закону грозному и боги
Покорствуют. В безмолвии царит
Сестра судьбы, не ведая советов.
Что взвалит на тебя, то и неси!
Покорствуй ей одной! А остальное
Ты знаешь все. Я возвращусь принять
Из рук твоих благой залог спасенья,

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

И ф и г е н и я
(одна)

Я подчинюсь ему: грозит беда
Возлюбленному брату. Но — увы! —
Все больше я своей судьбы пугаюсь.
Так мне не уберечь надежды, тайно
Взлелеянной в священной тишине?
Не снять с себя проклятья? Иль никак
Дом Тантала для жизни не воскреснет
Благословенной? Исчезает все:
И страсти отмирают, и величье
Идет на убыль. А проклятье — нет?
Так я напрасно здесь, в святом затворе,
В разлуке с кровом отчего дворца,
Надеялась очистить дом Атридов
От древней скверны чистыми руками?
Едва в моих объятьях брат любимый
Был от недуга дивно исцелен,
Едва приплыл корабль многожеланный
Меня нести к родимым берегам,
Как вот уже Нужда глухая хочет
Железною рукой вину двойную
Взвалить на сердце, требуя похитить
Святое изваянье, мне страной
Доверенное, и солгать тому,
Кто дал приют изгнаннице злосчастной.
О, только б не возшла в груди моей

Воскреснувшая ненависть титанов,
Былых богов, низвергнутых с небес,
К вам, олимпийцы! Не когтила б сердце
Без устали! Спасите же меня
И образ ваш в груди многострадальной!
В моих ушах звучит старинный лад,
Казалось бы, забытый так давно.
То песня парск, что они пропели
Над Танталом, поверженным во прах.
Они титану сострадали: гневен
Был голос их, ужасен песни звук.
Ее кормилица певала в детстве
Мне и сестре — припомнилась она:

«Пусть люди боятся
Всесильных богов.
Владычить над миром
Они не устанут
И вечной десницей
Расправу творят.

Вдвойне да боится
Обласканный ими!
На скалах и тучах
К столу золотому
Придвинуты ложа.

Чуть спор разгорится,
И гостя низринут
С позором и срамом
В ночные стремнины;
И там он томится
В напрасных надеждах
На суд справедливый.

А боги пируют,
Не ведая горя,
За трапезой вечной.
Беспечно шагают
По горным вершинам;
Из мрачных обрывов
Доходит зловонье
Погибших титанов,

Как запахи дыма
От жертвы кровавой.

Отводят владыки
Свой взор милосердный
От целого рода,
Не видят во внуках
Любимые прежде,
Молящие тихо
О счастье черты».

Так плакали парки;
Их слушал страдалец,
Низринутый в бездну,
И думал, злосчастный,
О детях, о внуках
И тряс головой».

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Ф о а н т. А р к а д.

А р к а д

В смущенье сознаюсь: все не решу,
Куда направить розыски свои?
Не сами ж пленники в предсмертный час
Задумали побег? Иль жрица им
Пособница? Разносится молва,
Что где-то здесь, среди прибрежных скал,
Скрывается неведомый корабль.
Безумье узника и этот странный
Обряд, затеянный для промедленья,
К сугубой осторожности зовут.

Ф о а н т

Пусть скажут жрице, чтобы шла ко мне!
Вы ж, ратники, обшарьте берега

От скал прибрежных до священной рощи,
Святыню пощадите, но дозор
Держите крепко. Изловите их,
Где б ни скрывались! Понял? Так иди!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Ф о а н т
(один)

Ужасная в груди клокочет злоба —
И на нее, кого я мнил святой,
И на себя — ведь я ее толкнул
На путь измены лишним снисхожденьем,
Отлично привыкает человек
К неволе и смиренью, коль его
Лишают *всей* свободы. Попадись
Она моим жестокосердным предкам
И избеги священного ножа,
Она б себя счастливицей считала!
Избегнув смерти, славилась б судьбу
Свою и не чинилась бы пролить
Чужую кровь на алтаре, считая
Обычай — долгом! Милостью моей
В ней поощрил я дерзкие мечты!
Напрасно я стремился к браку с нею,
Она своею жизнью хочет жить...
Мне сердце лестью оплела она,
А чуть что не по ней, уже идет
На ложь и хитрость. Что ей моя милость?
Привычная, положенная дань!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

И ф и г е н и я. Ф о а н т.

И ф и г е н и я

Ты звал меня? Что хочешь мне сказать?

Ф о а н т

Ты жертву отложила? Почему?

И ф и г е н и я

Я все Аркаду точно разъяснила.

Ф о а н т

Но я хочу услышать от тебя.

И ф и г е н и я

Богиня срок дает тебе подумать.

Ф о а н т

Тебе он, видно, нужен, этот срок?

И ф и г е н и я

О, если кровожадный приговор
Твой неизменен, ты пришел напрасно.
Жестокий властелин всегда найдет
Усердных слуг, за милость и за мзду
С ним разделить проклятие готовых,
Ведь государя не пятнает грех,
И смерть в его устах — как темень тучи,
Уже спешат приспешники огонь
Несчастному на голову обрушить,
А властелин проносится по небу
Под грохот грома, недоступный бог.

Ф о а н т

Ты жрица, а в словах твоих — мятеж!

И ф и г е н и я

Не жрица, только дочь Агамемнона.
Безвестной деве покорялся ты,
А над царевной властвуешь? Так нет!
Я с детских лет привыкла подчиняться
Сперва родителям, потом богине,
Но, и смиряясь, душу почитала
Свою свободной. Быть рабою слова
Жестокого, мужскому злодеянью
Покорствовать не научилась я.

Ф о а н т

Не я повелеваю, а закон,

И ф и г е н и я

Мы на закон ссылаемся охотно,
Когда он вторит пагубным страстям.
Другой закон, древнейший, мне велит
Тебе противоборствовать: согласно
Ему, любой пришелец свят.

Ф о а н т

Должно быть, очень по сердцу тебе
Пришельцы эти? В горестной тревоге
Забыла первый ты закон рассудка,
Что раздражать не следует царя.

И ф и г е н и я

И если даже я смолчу, — ты знаешь,
Чем сердце переполнено мое.
И в черствой-то душе воспоминанья
О сходной доле жалость пробуждают, —
Стократ в моей! Я вижу в них себя:
Вот так же я пред алтарем дрожала,
Торжественная осеняла смерть
Меня, склоненную! Вот нож блеснул,
Направленный в трепещущее сердце!
И вздыбилась душа в предсмертной муке,
И помутился взор! Но я спаслась.
Ужель такую ж милость оказать
Мы не должны многострадальным людям?
Меня ты знаешь, а чинишь насилье,

Ф о а н т

Не государю — службе подчинись!

И ф и г е н и я

Оставь! Достойно ль услаждать насилье
Над бедной женщиной? Я родилась
Не менее свободной, чем мужчина.
Когда бы внука грозного Атрида
Ты к недостойным принуждал делам,
Он, верно, отстоял бы право сердца
Мечом и неослабною рукой.
Я защищаюсь словом. Честный муж
Не презирает женского оружия!

Ф о а н т

Я больше чту его, чем меч Ореста,

И ф и г е н и я

Судьба мечей изменчива бывает!
Для мудрых нет ничтожного врага.
И слабого пред злобой и насильем
Природа беззащитным не оставит.
Она его лукавству научает,
Искусству обходить и избегать.
Насильник эти козни заслужил!

Ф о а н т

С их кознями покончит осторожность,

И ф и г е н и я

Ее отвергла чистая душа!

Ф о а н т

Ты приговор сама себе выносишь!

И ф и г е н и я

Когда б ты знал, как борется душа,
Как страстно хочет натиск отразить
Лихой судьбы, меня стгнуть готовой!
Так безоружна я в борьбе с тобою?
Мою мольбу, пленительную ветвь
(В руках безвинной женщины она
Сильней меча!), ты хочешь оттолкнуть?
Чем защищу я достоянье сердца?
Иль только чудо оградит меня
И силы нет в моей душе усталой?

Ф о а н т

Я вижу, этих пленников судьба
Тебя страшит безмерно. Кто они,
Кого твой дух так страстно защищает?

И ф и г е н и я

Они... Я греками считаю их!

А! Земляки! И, видно, удалось
Им воскресить в тебе мечту о доме?

И ф и г е н и я

Иль право на неслыханное только
Мужам дано? И лишь они вольны
Держать судьбу в тисках необоримых?
Что звать величьем? Что не перестанет
Неугомонно вдохновлять певца?
О, только ли, когда смельчак берется
За дело небывалое, когда,
В успех не веря, на уснувший лагерь
Он ночью нападает, как гроза,
Разя нещадно спящих и неспящих,
А там, отброшен осмелевшей ратью,
На вражеском коне летит назад
С добычею? Лишь тех поют, кто путь
Отверг надежный и в горах лесистых,
Кочуя по неведомым тропам,
Разбойников бесстрашных истребляет?
Так подвиг нам заказан? Иль должны
Мы, позабыв о женском добронравье,
Как амазонки дикие на диких,
С мужским мечом идти на вас, чтоб кровью
За унижение отплатить? В душе
Не угасает смелая надежда!
Я не избегну тяжкого укора
И тяжких бед, коль ошибусь в расчетах,
Но предаюсь вам, боги! Если вы
Правдивы, как гласит молва людская,
Так помогите мне! Прославьте правду
Через меня! Послушай, государь!
Здесь тайный затевается обман.
Напрасно ты о пленных вопрошаешь —
Их в роще нет! Они друзей скликают,
Их в бухте ждет припрятанный корабль!
Тот, старший, на кого напал во храме
Недуг, теперь оставивший его, —
Мой брат Орест, а тот, другой, — наперсник
Его и друг, по имени Пилад.
Их Аполлон послал на берег этот

Из древних Дельф; он строго наказал
Дианы изваяние похитить
И отвезти сестру к нему; за это
Бог обещал освободить Ореста,
Убийцу матери, от еменид.
И вот судьбу последних двух Атридов
Кладу в твои я руки, государь!
Губи, коль смеешь, нас!

Ф о а н т

Ты мнишь, суровый
И дикий скиф услышит голос правды
И человечности, Атреем, греком,
Отвергнутый?

И ф и г е н и я

Его услышит всякий,
Под чьим бы небом ни родился он,
В ком бьет источник жизни и любви
Незамутненный! Что же ты молчишь?
Что в глубине души своей решаешь?
Погибель! Так рази меня сперва!
Я сознаю теперь, когда спасенья
Нам больше нет, ужасную беду,
В которую я бросила любимых,
Безумная! Ведь на моих глазах
Их свяжут! Так какими же словами
Я провожу возлюбленного брата,
Погубленного мной? Я никогда
Уж не взгляну в любимое лицо!

Ф о а н т

Так вот в какие сети залучили
Затворницу лукавые лжецы!
И ты поверила их измышленьям
Доверчивой душой?

И ф и г е н и я

Нет, царь мой, нет!
Пусть обмануть меня легко, но эти
Правдивы и чисты. Когда другими
Ты их найдешь, казни их, а меня

За простоту мою сошли на берег
Суровой, неприветливой страны,
Но если этот муж — столь долгожданный
Любимый брат, тогда нас отпусти;
Будь и ему, как прежде мне, защитник!
Отец мой был убит рукой жены,
Она — рукою сына. Все надежды
Лежат на нем, последнем из Атридов!
Дай с чистым сердцем, с чистою рукой
Отплыть мне и очистить дом родимый!
Ты сдержишь слово! В час, когда к любимым
Мне возвратиться будет суждено,
Ты клялся уступить мне! Час настал.
Цари не станут, как простые люди,
Притворно соглашаться, чтоб проситель
Ушел на время! Не к лицу владыке,
Не веря в исполнение, обещать.
Царь лишь тогда не умаляет сана,
Когда просящего счастливит он.

Ф о а н т

Как борется огонь, с водой встречаясь,
И уничтожить силится врага,
Шипя в изнеможенье, так в груди
Мой гнев с твоими борется словами!

И ф и г е н и я

Пусть милость воссияет, как святой
И тихий пламень жертвоприношенья,
Хвалою и ликованием окружен!

Ф о а н т

Как часто покорял меня твой голос.

И ф и г е н и я

В знак примиренья протяни мне руку.

Ф о а н т

Ты в малый срок о слишком многом просишь!

И ф и г е н и я

Для добрых дел не надо промедленья!

Ф о а н т

Нет, надобно. Злом сменится добро!

И ф и г е н и я

*Сомненья в зло добро преображают,
Не рассуждай, а сердцу покорись,*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

О р е с т, вооруженный. Те же.

О р е с т

Удвойте стойкость! Задержите их
Хотя б на малый срок! Не уступайте
Их натиску! Прикрыть дорогу к судну
Мне и сестре!

(К Ифигении, не видя царя.)

Мы преданы. Не медли!
Бежим! Минуты на счету! Скорей!
(Замечает царя.)

Ф о а н т

(хватаясь за меч)

Наказан будет всякий, кто дерзнул
Меч обнажить передо мной!

И ф и г е н и я

Святыню

Не оскверните кровью и враждой!
Уймите ваше войско! Подчинитесь
Сестре и жрице!

О р е с т

Кто он, говори,
Нам угрожающий?

И ф и г е н и я

Ты в нем почти
Царя, мне ставшего вторым отцом!

Прости мне, брат! Но женская душа
Ему доверчиво вручила судьбы,
Мою и вашу! Я во всем открылась
И душу от измены сберегла.

О р е с т

Так нас с тобою он отпустит с миром?

И ф и г е н и я

Твой грозный меч мне не дает ответить!

О р е с т

(влагая меч в ножны)

Теперь скажи! Ты видишь: я покорен!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же. Пилад. Вслед за ним Аркад. Оба с обнаженными мечами.

П и л а д

Не медлите! Мы напрягаем силы
Последние! Под натиском врага
Мы постепенно к морю отступаем!
Что вижу я? Беседу государей?
Чту венценосца доблестной страны!

А р к а д

Спокойно, как царю и надлежит,
Стоишь ты пред врагами! Но сейчас
Мы дерзких покараем! Отступает
Их шайка, и корабль пришельцев — наш!
Дай знак — и мы зажжем его!

Ф о а н т

Ступай!

Останови дружину! Пусть не тронет
Никто врага, пока мы говорим!

Аркад уходит.

О р е с т

Да будет так! Сзывай, мой верный друг,
Остаток войска! Мирно дожидайтесь,
Какой исход борьбе готовят боги.

Пилад уходит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

И ф и г е н н я . Ф о а н т . О р е с т .

И ф и г е н н я

Уймите, приступив к переговорам,
Мои волнения! Распри я страшусь,
Коль ты, мой царь, отвергнешь справедливость,
Ее молящий голос, ты, мой брат,
Не одолеешь юности своей.

Ф о а н т

Я гнев уйму, как старшим подобает
При встрече! Отвечай! Чем доказать
Ты можешь, что отец твой — Агамемнон
И что она сестра тебе?

О р е с т

Вот меч

Его, троянцев поразивший! Снял
Его с Эгисфа я, прося всевышних
Мне даровать: былую мощь, и счастье,
И доблесть богоравного царя,
А также смерть, достойную героя!
Из благородных латников твоих
Дай мне с одним скрестить мое оружие!
Везде, где есть герои на земле,
В сей просьбе чужестранцу не откажут,

Ф о а н т

Такого права пришлым не дает
Старинный наш обычай,

О р е с т

Пусть начнется
Обычай новый от обоих нас.
И позже, в подражанье государю,
Народ твой подвиг возведет в закон.
Дай биться мне не за одну свободу,
А за судьбу всех припавших, всех гонимых.
Коль я паду, судьба моя да будет
Судьбою их; но коль сподоблюсь я
Победы славной, пусть на берег ваш
Не ступит чужеземец, не увидев
Гостеприимной ласки, не уйдет
Отсюда неутешенный домой.

Ф о а н т

Ты, юноша, достоин, мнится мне,
Высоких предков, названных тобою.
Мужей немало доблестных и честных
Среди моих дружинников, но я,
Хоть стар годами, сам с врагами бьюсь.
Ну что ж, давай оружие попытаем,

И ф и г е н и я

Нет, никогда! Здесь доводов кровавых
Не надо! Не беритесь за мечи!
Подумайте об участи моей!
Венчает мужа быстротечный бой:
Он пал, и мир поет ему хвалу!
Но не считает бесконечных слез
Оставшейся, покинутой жены
Потомство, и поэты не поют
Про дни и ночи плача и стенанья,
Когда душа осиротевшей — друга,
Так быстро отошедшего, позвать
Напрасно силится в немой тоске!
Верь, и меня забота осаждает:
А вдруг обманом захотел пират
Мной завладеть, чтобы продать в неволю
Тягчайшую? Упорно и прилежно
Допытывалась я вернейших знаков —
Искала и уверилась вполне.
Вот посмотри: родимое пятно —

Как три звезды. Оно со дня рожденья
Мне памятно. Я твердо знаю, жрец
Истолковал его как тяжкий подвиг,
Сужденный брату. Но еще сильней
Меня уверил в том рубеж, рассекший
Вот эту бровь. Орест младенцем был,
Когда его ударила Электра
В порывистой поспешности своей
О бронзовый треножник. Это — он.
Прибавить ли к приметам опознания
Еще и сходство дивное с отцом
И ликованье сердца моего?

Ф о а н т

И если ты рассеешь все сомненья
И я смирю свой неослабный гнев,
Нас и тогда рассудит только лязг
Мечей нещадных, — миру не бывать,
Они пришли, ты говоришь сама,
Похитить изваяние Дианы.
Ты думаешь, я это потерплю?
Не в первый раз высматривают греки
Богатство в чуждеальной стороне:
О золотом руне, о конях, девах
Кто не слыхал? Но, помнится, добыча
Не всякий раз давалась в руки им!

О р е с т

Нас изваянье не должно поссорить!
Мы наважденье поняли, что бог
На нас наслад, запорошив нам очи,
Когда направил нас в далекий край.
Я избавленья у него просил
От гневных еврипидов. И Феб сказал:
«Когда сестру, что против воли в храме
На берегу Тавриды пребывает,
На родину вернешь, падет проклятье»,
Мы думали, что речь шла о Диане, —
Бог разумел тебя! Оковы пали
Суровые: ты возвратилась в лоно
Своей семьи. Я исцелен тобой,
Пречистая. В твоих руках схватила
Меня болезнь жестокими когтями

В последний раз, ужасно сотрясая
Мой бедный мозг, но уползла тотчас,
Как змей в пещеру ада. Ты, святая,
Мне вновь даешь сияньем дня упиться.
Во всей красе и блеске вижу я
Здесь божий промысел. Как изваянье,
С которым, по решению олимпийцев,
Родного града связана судьба,
Она тебя, заступницу Атридов,
Спасла от скверны, сберегла от бед,
На благо брату и родному крову.
Когда, казалось, не было спасенья
На всей земле, ты все мне возвратила.
Могучий царь! Склонись душою к миру!
Не помешай ей довершить обряда,
Очистить прародительский дворец.
Дай ей вернуть меня под кров священный,
Мне на чело надеть венец державный!
Воздай добром за всю ее любовь!
Пойми, мой царь, что наш союз древнее.
Насилье, ложь — все, чем гордимся мы,
Правдивостью ее души высокой
Посрамлены, высокое доверье
К мужскому сердцу одолело зло,

И ф и г е н и я

Ты обещал. Бесхитростному слову
Из благородных уст подвигнуть дай
Себя на подвиг! Государь! Не часто
Дается людям повод для таких
Высоких дел! Спеши творить добро!

Ф о а н т

Что ж — в путь!

И ф и г е н и я

Нет, царь мой. Без благословенья
И во вражде с тобой не разлучусь!
Не изгоняй нас! Пусть гостеприимство
Царит меж нами: так мы не на веки
Разлучены с тобою. Дорог мне
Ты, как отец мой, славный Агамемнон,
И это чувство в сердце не погаснет!

Ничтожнейший из подданных твоих
Чуть донесет до слуха моего
Знакомый звук далекого наречья,
Последний нищий, что одет, как вы,—
Я встречу их, как вестников небес,
Собственноручно постелю им ложе,
Их усажу у очага родного
И не устану вопрошать с любовью
Лишь про тебя. О, пусть тебе благие
За милости и подвиг воздадут!
Прощай же! Оглянись на нас! Скажи
Приветливое слово на прощанье —
И ветром натянутся паруса,
И слезы благодатные польются
Из наших глаз! Прощай! Дай руку мне
В залог вовеки нерушимой дружбы!

Ф о а н т

Счастливый путь!

ТОРКВАТО ТАССО

Драма

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Альфонс Второй — герцог Феррарский.
Леонора д'Эсте — сестра герцога.
Леонора Санвитале — графиня Скандиано.
Торквато Тассо.
Антонио Монтекатино — государственный секретарь.

Место действия — в увеселительном замке Бельригуардо.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Садовая площадка, украшенная бюстами эпических поэтов.
Впереди сцены справа Вергилий, слева Ариост.
Принцесса. Леонора.

П р и н ц е с с а

С улыбкой на меня, Элеонора,
Ты смотришь и, взглянувши на себя,
Смеешься вновь. О, что с тобой, подруга?
Ты и задумчива и весела.

Л е о н о р а

Я вижу с удовольствием, княжна,
Обеих нас среди сельской тишины.

Беспечны, как счастливые пастушки,
Мы заняты веселою работой,
Мы вьем венки. Пестреющий цветами,
Простой венок растет в моей руке.
Тебе ж, с умом возвышенным и сердцем,
Приличен этот нежный, стройный лавр.

П р и н ц е с с а

Сплетенный мной в раздумии венец
Себе чело достойное находит,
Я в дар Вергилию его несу.
(Увенчивает бюст Вергилия.)

Л е о н о р а

Венчаю полным, радостным венком
Твое чело, учитель Людовико.
(Увенчивает бюст Ариоста.)
Ты, чье неувядаемо веселье,
Прими участие в празднике весны.

П р и н ц е с с а

Как мило с нами поступил мой брат,
Что нас послал в деревню эти дни,
Мы можем вместе целые часы
О веке золотом поэтов грезить.
Люблю я Бельригардо; здесь в веселье
Я проводила молодости дни,
И эта зелень юная и солнце
Дают мне чувство прошлого на миг.

Л е о н о р а

Да, здесь нас окружает новый мир!
Отраднa тень дерев вечнозеленых,
Прохладного источника журчанье
Нас освежает, молодые ветви
Колышутся от утреннего ветра,
С душистых гряд приветливо цветы
Глазами детскими на нас глядят,
Уже садовник смело отворил
Теплицы померанцев и лимонов.
Покоится над нами синий свод,
На горизонте чуть белеет снег
Далеких гор, переходя в туман.

П р и н ц е с с а

Приход весны мне был бы так желанен,
Когда бы он не отнимал подругу.

Л е о н о р а

Княжна, о том, что мы должны расстаться,
Не вспоминай в отрадный этот час.

П р и н ц е с с а

То, что теряешь, ты найдешь вдвойне
В том городе большом, куда поедешь.

Л е о н о р а

Меня зовет обязанность моя —
Любовь к супругу, ждущему давно.
Ему везу я сына, что возрос
За этот год и развился так быстро,
И я делю отеческую радость.
Флоренция прекрасна, велика,
Но всех ее сокровищ не сравнишь
С Феррары драгоценными камнями.
Народом был воздвигнут город тот,
Феррару же возвысили князья.

П р и н ц е с с а

Скорее люди добрые, что здесь,
Случайно встретившись, соединились.

Л е о н о р а

Но случай разрушает, что собрал,
И только благородный человек
Влечет к себе, связуя благородных.
Твой брат и ты объединили души,
Достойные обоих вас, как вы
Достойны ваших предков благородных.
Здесь был зажжен науки чистый свет,
Свободной мысли, в дни, когда кругом
Скрывало варварство тяжелым мраком
Печальный мир, и уже в детстве мне
Звучало имя Геркулеса Эсте
И Ипполитом полон был мой слух.
Феррара, как Флоренция и Рим,
Моим отцом была ценима! Часто

Сюда стремилась я, и вот я здесь,
Где был Петрарка принят и любим,
Где образцы созданий Ариоста.
Ведь нет в Италии имен великих,
Кто б не был гостем принят в этот дом.
Нам выгодно бывает гения
Принять: ведь за гостеприимство он
Нам воздаст сторицею всегда.
Места, где жил великий человек,
Священны: через сотни лет звучат
Его слова, его деянья — внукам.

П р и н ц е с с а

Коль внуки живо чувствуют, как ты,
Завидую тебе я в этом счастье.

Л е о н о р а

Которое так чисто, как никто,
Вкушаешь ты. От сердца полноты
Хочу сказать, что чувствую так живо:
Ты глубже чувствуешь, и ты молчишь,
Тебя мгновенья блеск не ослепит,
Тебя остроты не подкупят, лесть
Вотще, ласкаясь, льнет к твоим ушам,
Твой разум тверд, безукоризнен вкус,
К великому участие велико,
Которое ты знаешь, как себя.

П р и н ц е с с а

Ты не должна утонченную лесть
Рядить в наряд доверия и дружбы.

Л е о н о р а

Нет, дружба справедлива, лишь она
Вполне твои достоинства оценит.
Допустим, что в развитии твоём
Участвовали счастье и случайность.
В конце концов ты овладела им:
Тебя с твоей сестрою чтит весь мир
Как величайших женщин в наши дни.

П р и н ц е с с а

Мне это безразлично, Леонора,
Когда подумаю, как ничтожны мы.

Тем, что он есть, другим обязан каждый,
И знаньем древних языков, и лучшим,
Что мы имеем, матери мы нашей
Обязаны, но с ней в уме и знанье
Нельзя сравнить обеих дочерей,
А если сравнивать, то надо мною
Сестра Лукреция одержит верх,
Могу тебя уверить, никогда
Я не считала собственностью то,
Что мне дано природою и счастьем.
Людей разумных слыша разговоры,
Я рада, что могу понять их мысли.
О человеке ль из былых времен
Ведется речь и подвигах его
Иль о науке, что путем познания
Растет все шире, пользу человеку
Всегда приносит, возвышая ум,—
О чем ни шел бы умный разговор,
Слежу за ним, и это мне нетрудно.
Я слушаю охотно умный спор,
Когда о силах, что волнуют грудь
Так сладостно и страшно в то же время,
С изяществом оратор говорит,
Когда желанье славы у князей
И жажда обладанья — матерьял
Мыслителю дает, и тонкий ум
Высокоразвитого человека
Нас поучает, не вводя в обман.

Л е о н о р а

И после этих важных разговоров
Внимать мы любим слухом и умом
Стихам поэта, что нам в душу льет
Заветные и дорогие чувства,
Звучащие мелодией любви.
Владеет царством твой высокий дух,
А мне всего милей волшебный остров
Поэзии среди лавровых рощ.

П р и н ц е с с а

У нас в стране, как говорили мне,
Растет охотнее других деревьев

Прекрасный мирт. И если много муз,
То люди редко ищут между ними
Себе подруг, чтоб разделить забавы,
Но жаждут все порта повстречать.
Он избегает нас, бежит от нас,
Он ищет то, чего мы все не знаем.
Чего, быть может, он не знает сам.
Но если нас он встретит в добрый час,
Он нас признает, быстро восхищен,
За то сокровище, что он искал
Так долго и бесплодно на земле.

Л е о н о р а

Должна я с этой шуткой согласиться,
Она меня задела, но слегка.
Я каждого лишь по заслугам чту,
И к Тассо только справедлива я.
Едва скользит он взором по земле,
Он внемлет ухом голосам природы;
Что нам дают история и жизнь,
Его душа воспринимает жадно.
Что было врозь, связует он умом
И мертвое одушевляет чувством.
Порой облагораживает он
То, что для нас казалось повседневным;
Блуждает в собственном кругу волшебном
Чудесный человек, и нас влечет
Бродить с ним вместе, быть его друзьями;
Он кажется нам близким, но далек,
На нас как будто смотрит он, но могут
Над нами духи грезиться ему.

П р и н ц е с с а

Порта тонко ты обрисовала,
Что в царстве грезы сладостной живет.
Но думаю, что и действительность
Его влечет к себе и крепко держит.
Прекрасные стихи, что мы находим
Привешенными на деревьях наших,
Подобно золотым плодам Гесперии,
Благоуханьем веющие, — что же
Как не плоды действительной любви?

Л е о н о р а

Я также этим радуюсь листкам.
Единый образ прославляет он
На все лады в своих стихотвореньях.
Его подняв до неба звездного,
В сияющую славу, богомольно
Он перед ним склоняется, как ангел
Над облаком; он бродит по лугам
И все цветы собирает для венка.
Во дни разлук он освящает след,
Оставленный прекрасною ногой.
Таясь в кустах, подобно соловью,
Он полнит из больной любовью груди
Рыданьем жалоб воздух и леса.
Чарующая грусть его манит
Всеобщий слух, и все сердца должны...

П р и н ц е с с а

И если надо милую назвать,
Он назовет ее Элеонора.

Л е о н о р а

Да, так зовут тебя, как и меня,
Другое имя было б мне обидно.
Я рада, что свою любовь к тебе
Он может так двусмысленно скрывать
И что он помнит также обо мне
При милом звуке этом: Леонора.
Ведь здесь вопрос идет не о любви,
Которая желает для себя
Владеть возлюбленною и ревниво
Ее от всех других оберегает.
Когда в блаженном созерцанье он
Тобою занят, может в то же время
Пленяться мной, беспечным существом.
Прости меня! Но верь: не нас он любит,
Из сфер других он перенес любовь
На имена, которые мы носим,
И с нами делит чувство. Мы, как будто
Любя мужчину, любим вместе с ним
Лишь высшее, что может быть любимо.

П р и н ц е с с а

В прекрасную науку углубясь,
Ты вещи говоришь, Элеонора,
Которые мне задевают ухо,
Не проникая до моей души.

Л е о н о р а

Ты ль не поймешь, Платона ученица,
То, что болтать дерзает новичок?
Возможно, что я сильно ошибаюсь,
Но все же ошибаюсь не совсем.
По этому прекрасному ученью
Любовь не есть капризное дитя,
Но юноша, вступивший в брак с Психеей,
Имеющий в собрании богов
Свой трон и голос. Не порхает он
Из груди в грудь, он не стремится жадно
Лишь к чувственной, телесной красоте
В обмане сладком и не искупает
Мгновенный хмель досадой и тоской.

П р и н ц е с с а

Идет мой брат. Не дай ему заметить,
Куда опять склонился разговор!
Пришлось бы пережить его насмешки,
Уж он одежды наши осмеял,

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Т е ж е. А л ь ф о н с.

А л ь ф о н с

Ища везде, не нахожу я Тассо
И не встречаю даже здесь у вас.
Не можете ль вы мне о нем поведать?

П р и н ц е с с а

Его мельком я видела вчера.

А л ь ф о н с

Он издавна привык предпочитать
Уединенье обществу людей,

Могу простить ему, что от толпы
Он убегает, любит на свободе
С своей душой беседовать в тиши,
Но похвалить его я не могу,
Что он бежит от дружеского круга.

Л е о н о р а

Коль я не ошибаюсь, скоро, князь,
Упреки ты заменишь похвалами.
Я видела его издалека
Сегодня, с книгой шел он и писал.
Из слов, что он вчера мне быстро бросил,
Я думаю, что труд его закончен.
Теперь ему осталось лишь исправить
Немного, чтоб милости твоей
Преподнести достойное творенье.

А л ь ф о н с

Да, если он его преподнесет,
То он себя надолго оправдает.
Чем больше я участия принимаю
В его работе, чем отрадней мне
Великий труд, тем больше нетерпенье
В моей душе он множит с каждым днем.
Не может он закончить и отделать,
Меняет, медленно идет вперед,
Стоит на месте, губит все надежды.
Отсрочка наслажденья тяжела,
Которое нам близким представлялось.

П р и н ц е с с а

А я хвалю и скромность и старанье,
С какими он идет за шагом шаг.
В единое благоволеньем муз
Стекаются столь многие напевы,
И вдохновенья ждет его душа.
Он должен округлить свою поэму,
Он громоздить не хочет баснословья,
Которые обманывают нас
Бренчаньем слов, красивых, но ничтожных.
Оставь его, мой брат! Прекрасный труд
Не временем должны мы измерять,

Улада он для будущих веков,
И надо позабыть про современность.

А л ь ф о н с

Так будем вместе действовать, сестрица,
Как к нашей пользе делали не раз.
Смирять мой пыл, когда я слишком рьян,
Я ж подгоню, где слишком ты мягка.
И так его, быть может, наконец
Увидим скоро мы достигшим цели.
Должны отечество и целый мир
Творению такому удивиться.
Я, славу разделяющий его,
В действительную жизнь его введу.
Образоваться в слишком тесном круге
Не может благородный человек.
Он должен выносить хулу и славу
И под влияньем родины и мира
Познать других и самого себя.
Его уединенье не лелеет.
Не хочет враг щадить, а друг — *не должен*.
Пусть юноша в борьбе растет и крепнет,
Чтоб ощутить мужчиною себя.

Л е о н о р а

Все для него готов ты сделать, князь,
Как уже много сделал до сих пор.
Таланты образуются в покое,
Характеры — среди житейских бурь.
О, если б душу он образовал
По твоему уменью! Не бежал бы
От всех людей и склонность к подозренью
Не превратилась в ненависть и страх.

А л ь ф о н с

Не знающий людей боится их,
А кто бежит от них, их знать не может,
Вот так и с ним: свободная душа
Становится опутанной и пленной.
Заботится о милости моей
Он более, чем надо, против многих
Питает подозренье, но я знаю,
Что не враги они ему. Случись,

Что пропадет письмо или на службу
Его слуга к другому перейдет,
Бумагу ль он случайно потеряет,
Сейчас же видит умысел и кознь,
Подкапыванье под его судьбу.

П р и н ц е с с а

Мой милый брат, возможно ль человеку
Отделаться от самого себя?
Ведь если друг, гуляя с нами вместе,
Себе поранит ногу, не должны ли
Мы медленней идти и протянуть
Ему с любовью руку?

А л ь ф о н с

Было б лучше,
Когда б могли мы вылечить его
По указанью верному врача
И с исцеленным весело потом
Пошли дорогой новой, свежей жизни.
Но я надеюсь, милая моя,
Что не придется быть врачом суровым.
Я делаю все, что могу, чтоб влить
Доверчивость и мир в больное сердце.
При обществе ему я выражаю
Мое благоволение. Если он
Пожалуется, разбираю дело,
Как, например, когда вообразил он,
Что комнату его взломали. Если
Ничто не обнаружится, спокойно
Даю понять, в чем дело. Так на Тассо
Я упражнять терпение учусь,
И вы со мной, я знаю, заодно.
Я вас привез в деревню и обратно
Сегодня вечером уеду в город.
Антонио здесь будет на мгновенье:
Он — на пути из Рима и заедет
За мной. Мы с ним должны договориться
О многом, написать немало писем,
Все это в город требует меня.

П р и н ц е с с а

Ты нам сопровождать тебя позволишь?

А л ь ф о н с

Останьтесь в Бельригуардо, прогуляйтесь
В Консандоли вдвоем! И на свободе
Прекрасным этим наслаждайтесь днем.

П р и н ц е с с а

Не можешь ты остаться с нами? Разве
Нельзя и здесь, как в городе, работать?

Л е о н о р а

Увозишь ты Антонио от нас,
Который должен рассказать о Риме?

А л ь ф о н с

Так не выходит, дети, но обратно,
Возможно, скоро мы вернемся с ним.
Тогда он вам расскажет, вы же мне
Должны помочь его вознаградить:
Он трудится так много для меня.
Когда же мы вполне наговоримся,
Пускай сюда приходит рой прелестный,
Чтобы в садах веселье разлилось,
Чтобы и мне во мгле прохладной сени
Желанную красотку повстречать.

Л е о н о р а

О, мы на это поглядим сквозь пальцы.

А л ь ф о н с

И я умею тем же отвечать.

П р и н ц е с с а

(поворачиваясь лицом к сцене)

Давно я вижу Тассо. Он ступает
Так медленно, порою неподвижно
Вдруг остановится, замедлив шаг,
Идет опять поспешно и опять
Стоит на месте.

А л ь ф о н с

Мыслит он и грезит,
Оставьте же его бродить в мечтаньях,

Л е о н о р а

Нет, он увидел нас, идет сюда.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Т е ж е. Т а с с о,

Т а с с о

(с книгой, переплетенной в пергамент)

Мой труд преподнести тебе я медлил
И с трепетом его тебе вручаю.
Что он не завершен, я слишком знаю,
Пусть он законченным казаться может.
Хоть не хотелось мне незавершенным
Тебе вручить его, но вот пришла
Забота, чтобы ты не счел меня
Чрезмерно мнительным, неблагодарным.
Как может человек сказать: «Я здесь»,
Чтобы друзьям своим доставить радость,
Так я могу сказать одно: «Прими!»
(Он передает том.)

А л ь ф о н с

Меня ты изумляешь этим даром
И в праздник превращаешь этот день.
Итак, в моих руках его держу я
И наконец могу назвать моим!
Я долго ждал, чтобы ты мог решиться
Промолвить: «Вот! Я удовлетворен»,

Т а с с о

О, если вы довольны, он закончен;
Он в полном смысле вам принадлежит.
Смотря на труд, упорный и усердный,
И на черты прилежного пера,
Я мог бы эту вещь назвать моей.
Но, всматриваясь ближе в то, что песням
Достоинство и цену придает,
Я признаю, что это лишь от вас.
Хоть наделил дарами песнопенья
Меня природы щедрой произвол,
Но счастье своеправное меня
Прочь от себя жестоко оттолкнуло.
Едва пред взором мальчика раскрылся
Прекрасный мир со всею полнотой,

Как омрачила юношеский ум
Родителей возлюбленных беда.
Едва уста для пения раскрылись,
Как полилась глубокой скорби песнь,
И вторил я чуть слышными тонами
Скорбям отца и матери тоске.
Лишь ты один из этой тесной жизни
Меня возвел к свободе и красе,
Ты устранил заботы от меня,
Свободу дал, чтобы душа моя
Могла раскрыться в мужественной песне.
И если труд мой значит что-нибудь,
Я этим всем вам одному обязан.

А л ь ф о н с

Вторично ты достоин похвалы,
Ты скромно честь воздал себе и нам.

Т а с с о

О, если б мог я высказать, как живо
Я чувствую, что всем обязан вам!
Бездейственный юноша — иль взял
Он из себя поэзию? Веденье
Умелое войны — он сам придумал?
Искусство брани, что в урочный час
Выказывает с мужеством герой,
Отвагу рыцарей и ум вождей,
Как бдительность с коварством входит в спор,
Не ты ли мне, разумный, храбрый князь,
Все это влил, как будто бы ты был
Мне гением, которому отрадно
Все то, что в нем высоко, непостижно,
Разоблачить чрез смертное творенье?

П р и н ц е с с а

Так наслаждайся радостным трудом!

А л ь ф о н с

И радуйся рукоплесканью добрых!

Л е о н о р а

Всеобщей славой радуйся, мой друг!

Т а с с о

Я этим мигом удовлетворен.
Я думал лишь о вас, когда я пел:
Вам угодить — была моя мечта.
Вас усладить — заветнейшая цель.
Тот, кто не видит мир в своих друзьях,
Не заслужил, чтоб мир о нем услышал.
Здесь родина моя, здесь милый круг,
Где любит пребывать моя душа.
Я вслушиваюсь здесь во все слова,
Здесь говорят мне опыт, знание, вкус;
Потомство, мир я вижу пред собой.
Бежит художник в страхе от толпы:
Лишь тем дано судить и награждать,
Кто с вами в чувствах схож и в пониманье.

А л ь ф о н с

Когда мы о потомстве говорим,
То поучать не подобает праздно.
Я вижу знак, почетный для певца,
Что сам герой на голове его
Без зависти способен видеть: здесь
Он предка твоего чело венчает.
(Указывает на бюст Вергилия.)
Случайно это, или гением
Сплетен он и возложен? Только здесь
Он — не напрасно. Говорит Вергилий:
«Что чтите мертвых? Ведали они
Еще при жизни радость и награду;
И если вы теперь дивитесь им,
То и живым почтенье воздавайте.
Давно увенчан мраморный мой лик,
Живым принадлежит зеленый лавр».

Делает знак своей сестре, она снимает венок с бюста Вергилия и приближается к Тассо. Он отступает.

Не хочешь ты? Подумай, чья рука
Тебе венок нетленный предлагает!

Т а с с о

Помедлить дайте! Не могу постичь,
Как жить я дальше буду с этих пор;

А л ь ф о н с

Прекрасным этим даром наслаждаясь,
Которым ты испуган в первый миг,

П р и н ц е с с а
(поднимая венок вверх)

Какую радость ты даешь мне, Тассо,
Сказать тебе без слов о том, что мыслю.

Т а с с о

Смиренно принимаю на коленях
Прекрасный дар из дорогой руки.

Опускается на колени, принцесса возлагает на него венок.

Л е о н о р а
(рукоплеща)

Да здравствует увенчанный впервые!
Как мужу скромному пристал венок!

Тассо встает.

А л ь ф о н с

Но это лишь того венца прообраз,
Что ждет на Капитолии тебя,

П р и н ц е с с а

Там громкие тебя приветы встретят,
Здесь дружбы славят тихие уста.

Т а с с о

О, с головы моей его снимите,
Возьмите прочь! Он волосы сжигает!
Как солнца луч, что слишком горячо
Палит чело, он у меня в мозгу
Сжигает силу мысли. В лихорадке
Клокочет кровь. Простите! Это слишком!

Л е о н о р а

Напротив, эта ветвь хранит главу
Того, кто бродит в жарких странах славы,
И охлаждает воспаленный лоб,

Т а с с о

Я недостойн чувствовать прохлады,
Лишь над геройским веющей челом,
Венок возьмите, боги, в облака,
Чтобы он там сиял, паря все выше
И недоступнее! Чтоб к этой цели
Блужданьем вечным жизнь моя была!

А л ь ф о н с

Умеет тот, кто рано приобрел,
Ценить златые блага этой жизни;
Кто рано наслаждался, добровольно
Не бросит то, чем он уже владел;
Кто овладел, тот будь вооружен.

Т а с с о

Он должен силу чувствовать в груди,
Не изменяющую никогда.
Она меня покинула теперь,
В минуту счастья! Твердо я встречал
Доселе горе, гордо принимал
Несправедливость. Или радость мне
И этого мгновения восторг
Былую силу в членах угасили?
Колени подгибаются! Принцесса,
Смотри, я вновь склоняюсь пред тобой!
Услышь мою мольбу: сними венок!
Чтоб я, проснувшись от прекрасных грез,
Почувствовал биенье новой жизни.

П р и н ц е с с а

Коль свой талант, прекрасный дар богов,
Умешь тихо, скромно ты нести,
Учись носить и эту ветвь, она
Прекраснее всего, что дать мы можем.
До чьей она коснулась головы,
Над тем парить она уж будет вечно.

Т а с с о

Я пристыжен, позвольте мне уйти
И счастье скрыть мое в глубокой роще,
Где прежде я скрывал свою печаль!

Там буду я бродить, мне не напомнит
О счастье незаслуженном никто.
Источник светлый в зеркале прозрачном
Покажет мне, как некий человек,
Увенчан дивно, ясно отражен
Среди небес, деревьев, меж утесов,
Покоится задумчиво; мне мнится,
Что вижу я Элизий на волшебной
Поверхности. Я тихо вопрошаю:
Кто это? Юноша ли одинокий
Из времени былого? Он — в венке?
Как звать его? Чем заслужил венок?
Я долго жду и думаю: пускай
Придет другой и третий, чтобы с ним
Соединиться в дружеской беседе!
О, если б мне героев и портов
Былых времен у этих струй увидеть,
И здесь соединенных неразрывно,
Как были связаны они при жизни!
Как вяжет силой дивною магнит
Со сталью сталь, так связывает крепко
Один порыв героя и поэта.
Гомер себя не помнил, созерцая
Двоих мужей в течение долгой жизни,
И Александр в Элизии спешит
Скорей найти Ахилла и Гомера.
О, если б мог присутствовать я там,
Чтоб созерцать союз их душ великих!

Л е о н о р а

Проснись! Проснись! Почувствовать не дай нам,
Что ты о настоящем позабыл.

Т а с с о

О нет: оно возвысило меня,
Отсутствующим только я кажусь.

П р и н ц е с с а

Я рада, что, беседуя с духами,
Так человечески ты говоришь.

Паж подходит к князю и тихо докладывает ему что-то.

А л ь ф о н с

Приехал он! Как вовремя явился
Антонио! Веди его. Вот он!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Т е ж е. Антонио.

А л ь ф о н с

Добро пожаловать! Ты нам с собою
Приносишь вести добрые.

П р и н ц е с с а

Привет!

А н т о н и о

Едва сказать дерзаю, что за радость
Меня живит, когда я вижу вас.
Я перед вами обретаю снова
То, в чем давно нуждался. Вы довольны,
Как кажется, тем, что исполнил я,
И я вознагражден за все заботы,
За много дней тяжелых ожиданий,
Хлопот и нетерпенья. Мы имеем,
Чего желали: распри больше нет.

Л е о н о р а

Привет тебе, хоть я уже сердита:
Ты здесь как раз, когда мне надо в путь,

А н т о н и о

Тогда мое не будет счастье полным,
Ты отняла его большую часть.

Т а с с о

И мой привет! Мне будет счастьем близость
С тем, кто так много в жизни испытал.

А н т о н и о

Поверь, меня правдивым ты найдешь,
Из мира своего взглянув на мой,

А л ь ф о н с

Хотя уж ты докладывал мне в письмах,
Что сделал ты и как все это вышло,
Тебя о многом расспросить я должен.
Каким путем уладил дело ты?
На этой дивной почве каждый шаг
Размерен должен быть, чтоб наконец
Мы к цели собственной своей пришли.
Кто предан государю своему,
Тому бывает в Риме тяжело:
Рим хочет взять и ничего не дать;
Придя туда, чтоб получить хоть малость,
Порой не получают ничего,
И счастье — получить хоть что-нибудь.

А н т о н и о

Нет, не моим искусством, государь,
Я выполнил желание твое.
Кто так умен, чтоб не дал Ватикан
Учителя ему? Соединилось
Здесь многое, что служит нашей пользе.
Григорий чтит тебя и шлет привет
С благословеньем. Старец, столь достойный
Носить венец, тебя в свои объятья
Рад заключить. Людей распознавая,
Тебя он ставит очень высоко,
И для тебя уже он много сделал.

А л ь ф о н с

Я добрым мнением его польщен,
Коль искренне оно. Но знаешь ты,
Что Ватикан глядит на государства,
У ног его лежащие, с презреньем,
Тем более на смертных и князей.
Но что ж тебе, признайся, помогло?

А н т о н и о

Коль хочешь знать — высокий папы ум.
Он мелочам не придает значенья;
Чтоб властвовать над миром, он готов
Своим соседям уступить охотно.
И, отдавая пограничный край
Тебе, ценить твою умеет дружбу.

Италия должна спокойной быть.
Он хочет мира на своих границах,
Друзей в своем соседстве, чтобы мощь
Христовой церкви, коей правит он,
Внушала страх еретикам и туркам.

П р и н ц е с с а

Каких людей особенно он ценит?
Кому дарит доверие свое?

А н т о н и о

Лишь к опытным он приклоняет слух,
Лишь к деятельным он благоволит.
Служивший государству с юных лет,
Он им теперь владеет, на дворы
Влияет те, что раньше как посол
Он видел, знал и часто направлял.
Пред взорами его так ясен мир,
Как интересы папского двора.
В дни деятельности всеми он хвалим,
И рады все узнать в урочный час
То, что в тиши готовил долго он.
Нет зрелища прекрасней на земле,
Чем правящий разумно государь,
Чем край, где каждый — с гордостью послушен,
Где каждый мнит, что служит сам себе,
Где велено лишь то, что справедливо.

Л е о н о р а

Как страстно я б хотела этот мир
Увидеть близко!

А л ь ф о н с

Чтоб в него вмешаться?
Не будет Леонора никогда
Смотреть — и только! Милая подруга,
Недурно было б нежными руками
В игру великую вмешаться — так ли?

Л е о н о р а (к Альфонсу)

Меня ты дразнишь. Не удастся, нет.

А л ь ф о н с

Я пред тобой за прошлое в долгу.

Л е о н о р а

А я в долгу перед тобой сегодня!
Прости и не мешай моим вопросам.
А много ли он сделал для родных?

А н т о н и о

Не меньше и не больше, чем должны
Властители: коль помогать своим
Они не станут, будет сам народ
Их порицать. Умеренно родным
Григорий помогает, и они
Поддерживают государство. Так
Он две обязанности исполняет.

Т а с с о

А так же ль покровительствует он
Наукам и искусствам? С тем же ль рвением,
Как славные князья былых времен?

Т а с с о

Он чтит науку, видя средство в ней,
Чтоб управлять и узнавать народ;
Искусство ценит он, поскольку им
Украшен Рим: его дворцы и храмы
Дивят весь мир чудесной красотой.
Нет места праздности в соседстве с ним!
Служить и действовать обязан всякий.

А л ь ф о н с

Но думаешь ли ты, что скоро мы
Окончим дело? Что в конце концов
Они нам не наделают препятствий?

А н т о н и о

Я в сильном заблужденье нахожусь,
Коль с помощью твоих немногих писем
Навек не прекратится эта распря, "

А л ь ф о н с

Я эти жизни дни благословляю,
Они несут мне счастье и успех.
Расширены мои границы, я
Уверен в будущем. Ты это сделал
Без помощи меча, венок гражданский
Ты заслужил. Прекрасным этим утром
Тебе венок из зелени дубовой
Пусть на чело возложат наши дамы.
Меня меж тем обогатил и Тассо:
Иерусалим для нас завоевал он
И посрамил всех новых христиан,
Далекая возвышенная цель
Достигнута стараньем и борьбой,
И видишь ты увенчанным его.

А н т о н и о

Ты разрешил загадку. С удивленьем
Я двух увенчанных увидел здесь.

Т а с с о

Когда ты видишь счастье мое,
То я б желал, чтоб тот же самый взор
Увидел стыд души моей смятенной.

А н т о н и о

Уж мне давно известно, что в наградах
Альфонс не знает меры, испытал
Ты то, что мы испытываем все.

П р и н ц е с с а

Узнав его творенье, ты найдешь,
Что были мы умеренны и правы.
Мы — первые свидетели восторгов,
Которыми его встречает мир,
Которым суждено расти в грядущем.

А н т о н и о

С него довольно вашей похвалы.
Раз вы одобрили, то места нет
Сомнениям. Но кем сплетен венок
Для Ариоста?

Л е о н о р а

Этою рукой.

А н т о н и о

Как он хорош! Он украшает так,
Как самый лавр его бы не украсил.
Да, как природа покрывает грудь
Зелено-пестрою одеждой, он
Все то, что может сделать человека
Достойным уваженья и любви,
Цветущей ризой вымысла облек.
Довольство, опыт трезвый, ясный ум,
Могучий дух, изящный вкус, влечение
К спокойному и чистому добру
Являются в его прекрасных песнях,
В тени дерев, цветов легчайшим снегом
Осыпаны, увенчаны венками
Душистых роз, окружены волшебю
Амуров прихотливою игрой.
И изобилья ключ играет рядом,
Давая видеть в нем чудесных рыб.
И редких птиц прозрачный воздух полн,
Луга и рощи — незнакомых стад.
Подслушивает, в зелени таясь,
Лукавый смех, и истины глаголы
Из золотого облака звучат;
Безумие на лютне сладкогласной
Порой издать готово звук глухой,
Но сдержано гармонией и мерой!
Кто выступить решился рядом с ним,
Уже за смелость заслужил венок.
Простите, что я так одушевился:
Я не считаюсь с временем и местом
И сам не знаю, что я говорю.
Ведь эти все поэты, эти лавры,
Одежды праздничные дам прекрасных
Меня ведут в чужую мне страну.

П р и н ц е с с а

Кто может так ценить один талант,
Не может не признать другого. Ты
Когда-нибудь укажешь в песнях Тассо
То, что тебе доступно одному,

А л ь ф о н с

Пойдем со мной, Антонио! Тебя
Я расспросить хочу еще о многом.
Потом ты будешь до захода солнца
В распоряжение женщин. Так идем!

Антонио следует за князем, Тассо за дамами.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

З А Л А

П р и н ц е с с а. Т а с с о.

Т а с с о

Я неуверенно иду, княжна,
Тебе вослед, и смутных мыслей рой
В моей душе несется в беспорядке.
Меня уединение манит
И шепчет мне: приди, и я развею
Сомненья, вставшие в твоей груди.
Но только на тебя я брошу взгляд,
Звук уст твоих поймаю чутким слухом,
Кругом меня сияет новый день,
И все оковы падают с меня.
Тебе признаюсь я, что человек,
Пришедший неожиданно, меня
От чудных грез сурово пробудил;
Все существо его и все слова
Меня так поразили, что себя
Я чувствую раздвоенным, и вновь
Моя душа в борьбе сама с собой.

П р и н ц е с с а

Да, невозможно, чтобы старый друг,
Что долго жил вдали иною жизнью,
В тот миг, когда он видит нас опять,
Таким же оказался, как и был.
Конечно, он внутри не изменился,

И пусть немного он побудет с нами,
В нем зазвучат те и другие струны.
И все их счастливо соединит
Гармония. Когда поближе он
Узнает то, что ты осуществил
За это время, он тебя поставит
С тем наравне, кого, как великана,
Тебе противопоставляет он.

Т а с с о

Ах, эта Ариосту похвала
Из уст его была отрадна мне,
А не обидна. Что за утешенье
Нам узнавать про славу человека,
Которого мы чтим за образец!
Себе сказать мы можем тихомолком:
Прибрати хоть часть его достоинств,
И славы часть тебе принадлежит.
Нет, что глубоко сердце взволновало,
Чем и теперь полна моя душа,
То — образ мира чудного того,
Что быстро и неутомимо вкруг
Великого, мудрейшего из смертных
Вращается и круг свой совершает,
Что предписать дерзает полубог.
Я жадно слушал и впивал слова
Уверенные опытного мужа.
Но — ах! — чем глубже вслушивался я,
Тем больше пред собой самим я падал,
Боясь, как эхо гор, навек исчезнуть,
Как слабый отзвук, как ничто, погибнуть.

П р и н ц е с с а

Ты живо чувствовал еще недавно,
Как тесно связаны герой с поэтом
И как они один другого ищут;
Завидовать не должен ни один.
Как ни прекрасны громкие дела,
Прекрасно также полноту деяний
Потомкам передать посредством песен.
С тебя довольно — в малом государстве,
Тебя хранящем, бурный мира бег,
Как с берега, спокойно созерцать

Не здесь ли я увидел в первый раз,
 Как награждают храбрых? Лишь пришел
 Я мальчиком неопытным сюда,
 Как этот праздничный турниров шум
 Феррару вашу средоточьем чести
 Мне показал. Какой блаженный мир!
 Арену, на которой во всем блеске
 Была должна теперь явиться храбрость,
 Круг замыкал, какого солнца свет
 Не озарит вторично никогда.
 Там женщины прекрасные сидели
 И первые вельможи наших дней.
 По их рядам носился в изумленье
 Мой взор; и слышалось: их всех сюда
 Прислал их тесный, сжатый морем край,
 Они все вместе образуют суд,
 Который о заслуге и о чести
 Последний произносит приговор.
 Пройди ряды, и никого не встретишь,
 Кто б мог стыдиться своего соседа!
 И наконец раздвинулся барьер:
 Чу, стук копыт, блещут щиты и шлемы,
 Пажи столпились, грянула труба,
 И копыта затрещали, и, встречаясь,
 Щиты и шлемы загудели, пыль
 Окутала, мгновенно закружась,
 Победы честь, сраженного позор.
 О, дай пред этим зрелищем прекрасным
 Мне опустить завесу, чтобы я
 Не чувствовал в блаженный этот миг,
 Как недостойн я и как ничтожен.

П р и н ц е с с а

Коль этот круг и славные деянья
 Порыв к труду в тебе воспламенили,
 То я тебе могла, мой юный друг,
 Урок терпенья тихий дать в то время.
 Те праздники, которые ты славишь,
 Что восхваляли сотни языков
 Передо мной, я не видала их.
 В том тихом месте, где звучал чуть слышно
 Мне отголосок счастья и утех,

Чтоб замереть, пришлось мне много скорби
И много грустных пережить раздумий.
Там образ смерти надо мной парил,
Широкими крылами закрывая
Надежду на прекрасный новый мир.
Он только постепенно исчезал,
Давая мне увидеть краски жизни,—
Как сквозь покров, хоть тускло, но отрадно,
Вновь форм живых я видела движенье.
Поддержанная женщинами, я
Впервые поднялась с одра болезни.
Лукреция, полна цветущей жизни,
Явилась, за руку тебя ведя.
Ты первый был, кто в этой новой жизни,
Неведомой, навстречу вышел мне,
Надеялась я для обоих нас,
И та надежда нас не обманула.

Т а с с о

И я, людскою давкой оглушенный
И непривычным блеском ослеплен,
Волнуем бурей множества страстей,
По коридорам дремлющим дворца
С твоей сестрою молча рядом шел.
И только что ты в комнату вошла,
На женщин опираясь, о, какой
То был блаженный миг! Прости, прости!
Как исцеляет близость божества
Того, кто пьян безумною мечтой,
Так я от всех фантазий, ото всех
Моих страстей и ложных устремлений
Был исцелен, взглянув в твои глаза.
И если раньше тысяче предметов
Я страстное желанье расточал,
Я со стыдом опять пришел в себя,
Познав одно, достойное желаний.
Так тщетно ищут на морском песке
Жемчужину, которая, сокрыта,
Спокойно дремлет в тихой скорлупе.

П р и н ц е с с а

Тогда пришли златые времена.
Не будь в то время герцогом Урбино

Взята от нас сестра, то наши годы
В безоблачном бы счастье потонули.
Но нам теперь недостает — увьы! —
Ее веселья, бодрости беспечной,
Ее очаровательных острот.

Т а с с о

Я это слишком знаю: с той минуты,
Когда она уехала, никто
Не заменил тебе былую радость.
Как это грудь терзало мне! Не раз
Мою печаль вверял я тихой роще.
Ах, восклицал я, иль одна сестра
Была всем счастьем жизни для нее?
Иль нет сердец, достойных твоего
Доверия, и чувств, согласных боле
С твоей душой? Погасло ль остроумье?
И неужели женщина *одна*
Всем для тебя являлась? О, прости!
Порой я думал о себе, желая
Быть для тебя хоть малым чем-нибудь,
И не словами — делом я хотел
Тебе служить, доказывая в жизни,
Как это сердце предано тебе.
Но это мне не удавалось, я
Впадал в ошибки, часто оскорблял
Того, кто был тобой оберегаем,
Что разрешала ты, я только путал
И чувствовал, что только отдаляюсь,
Когда к тебе приблизиться хотел.

П р и н ц е с с а

Не отрицала, Тассо, никогда
Я твоего желания и знаю,
Как ты себе вредишь усердно. Если
Моя сестра с людьми умеет жить,
То ты не можешь после стольких лет
Сдружиться с кем-нибудь.

Т а с с о

Брани меня!

Но укажи мне, где тот человек,
Та женщина, с которой, как с тобой,
Я мог бы говорить с открытым сердцем?

П р и н ц е с с а

Доверься смело брату моему.

Т а с с о

Он — князь мой! Но не думай, что меня
Порыв свободы дикой надмевает.
Не для свободы люди рождены;
Для благородных больше счастья нет,
Чем быть слугами преданными князя,
Он — повелитель мой, я ощущаю
Во всем объеме силу этих слов.
И я молчу, когда он говорит,
И слушаюсь, хоть этому порой
Противятся рассудок мой и сердце.

П р и н ц е с с а

Все это к брату применить нельзя.
Теперь мы и Антонио имеем,
Ты друга в нем разумного найдешь.

Т а с с о

Я сам так раньше думал, но теперь
Я сомневаюсь. Был бы мне полезен
Его совет! Ведь обладает он
Всем тем, что мне — увы! — недостает.
Но пусть все боги собрались с дарами,
Когда малюткой спал он в колыбели,
Но грации отсутствовали там.
А кто лишен даров красавиц этих,
Тот может много дать, владея многим,
Но на груди его не отдохнешь.

П р и н ц е с с а

Ему поверить можно — это много.
Поверь, никто не может дать всего,
А этот даст все то, что обещает.
Как только станет другом он твоим,
Так он тебе придет на помощь сам.
Вы вместе быть должны. Я льшу себя
Надеждою устроить это скоро,
Но только не противься, как всегда.
И есть у нас еще Элеонора,
Она тонка, изящна, с ней легко

Живется. Ты не приближался к ней,
Как этого она сама хотела.

Т а с с о

Я слушался тебя, иначе б я
Не приближался к ней, а отдалялся.
Хоть кажется пленительной она,
Но, сам не знаю почему, лишь редко
Я мог с ней откровенным быть; хотя
Она друзьям добро желает делать,
Намеренность расстраивает все.

П р и н ц е с с а

Идя таким путем, мы никогда
Людей не встретим, Тассо! Этот путь
Уводит нас сквозь заросли кустов
В спокойные и тихие долины,
И все растет стремление в душе
Век золотой, что на земле утрачен,
Восстановить хотя б в глубинах сердца,
Хотя попытка эта и бесплодна.

Т а с с о

О, что ты говоришь, моя княжна!
О, век златой! Куда он улетел?
О нем вотще тоскуют все сердца!
Тогда свободно люди на земле,
Как их стада, утехам предавались.
И дерево старинное над лугом
Давало тень пастушке с пастушком.
Младой кустарник гибкими ветвями
Любовников уютно обвивал,
И ясный ключ в своем песчаном лоне,
Шальную нимфу нежно обнимал.
И в зелени испуганно терялась
Безвредная змея, и дерзкий фавн
Пред мужественным юношей бежал.
Тогда все птицы в воздухе свободном
И каждый зверь в удолях и горах
Вещали: все позволено, что мило.

П р и н ц е с с а

Но век златой давно прошел, мой друг:
Лишь добрым возвратить его дано.

И я тебе мои открою мысли:
Тот век златой, которым нас порты
Прельщают, так же мало был златым,
Как этот век, в котором мы живем,
А если был он вправду, то для нас
Он и теперь восстановиться может.
И ныне встреча родственных сердец
Дает вкусить блаженство тех времен.
Но изменить должны мы твой девиз:
«Позволено лишь то, что подобает».

Т а с с о

О, если б благородными людьми
Произносился общий суд о том,
Что подобает! Но считают все
Пристойным то, что выгодно для них.
Мы видим, что для сильных и для умных
Нет непопозволенного в этом мире.

П р и н ц е с с а

Коль хочешь знать о том, что подобает,
То спрашивай у благородных женщин:
Им в высшей мере свойственна забота,
Чтоб все дела пристойно шли кругом.
Приличие стеною окружает
Чувствительный и нежный пол, и где
Царит мораль, там царствуют они.
Где правит дерзость, там они — ничто.
И здесь различье двух полов: мужчина
Свободы ищет, женщина — добра.

Т а с с о

Так, значит, мы бесчувственны, грубы?

П р и н ц е с с а

Нет, вы стремитесь к отдаленным благам
И с силою стремиться к ним должны.
В вас дерзость есть для вечности работать,
Тогда как мы способны на земле
Иметь лишь ограниченное благо
И прочно им всегда владеть желаем.

Не можем верить мы мужскому сердцу,
Хоть отдалось оно нам горячо.
Проходит красота, а лишь она
Вам дорога, а то, что остается,
Уж больше не прельщает и мертво.
Когда бы сердце женское ценить
Могли мужчины, если б понимали,
Какой прекрасный клад любви до гроба
Бывает скрыт у женщины в груди,
Когда бы вы в душе своей хранили
Воспоминая о часах блаженства,
Когда бы пронизательный ваш взор
Проник чрез ту завесу, что на нас
Набрасывает старость и болезнь,
И если б обладания покой
Не звал вас к новым, чуждым наслаждениям,—
Тогда для нас блеснул бы день прекрасный,
Мы праздновали бы златой наш век.

Т а с с о

Ах, разбудила ты в моей груди
Наполовину спавшие тревоги!

П р и н ц е с с а

Что думаешь? Открыто говори.

Т а с с о

Слышал давно я и опять услышал
На этих днях, да я и сам так думал,
И не слыхав, что знатные князья
Твоей руки желают! Ожиданье
Приводит нас в отчаянье и страх.
Естественно, что ты нас покидаешь;
Но трудно это нам перенести,

П р и н ц е с с а

Спокоен будь пока, и я почти
Могу сказать: спокоен будь навеки.
Охотно здесь я навсегда останусь,
Ничто меня из этих мест не манит;
Коль вы меня хотите удержать,
Живите дружно и самим себе
Создайте счастье, радуя меня.

Т а с с о

Учи меня возможное свершать!
Я посвятил тебе все дни и годы.
Когда тебя хвалить, благодарить
Я начал сердцем, понял в первый раз
Я чистое блаженство человека.
О, лишь в тебе постиг я божество!
Так отличаются земные боги
От всех людей, как промысел верховный
Отличен от сознания и воли
Людей умнейших. Ведь привычно им,
Когда мы видим ярость буйных волн,
На многое не обращать вниманья,
Не слышать бури под ногами их,
Которая нас повергает в прах,
Не слышать наши жалкие моления,
Как бедным детям, нам предоставлять
Стенаньями и криком полнить воздух.
Божественная, ты меня терпела,
Подобно солнцу, осушал твой взор
Очей моих соленую росу.

П р и н ц е с с а

Да, это справедливо, что нашел
Ты в женщинах друзей, ведь прославляет
Твоя поэма их на все лады.
Ты их умел достойными любви
И благородными всегда представить;
И пусть Армида ненавистна нам,
Ей все простишь за прелесть и любовь.

Т а с с о

За все, что в песнях отзвук находило,
Я лишь одной-единственной обязан!
Не образы туманные царили
Перед моим воображеньем, близясь
В сиянии и исчезая вдруг.
Я видел первообраз красоты
И добродетели перед глазами.
Что с ним согласно, то навек бессмертно:
Танкредова любовь к Кларинде, верность
Эрминии, сокрытая в тиши,

Величие Софронии, печаль
Олинда — это не мечты, не тени;
Они бессмертны, потому что есть.
И что достойней пережить столетья,
Влияя тихо на сердца, чем тайна
Любви возвышенной и благородной,
Прекрасной песни вверившей себя?

П р и н ц е с с а

Сказать тебе, достоинство какое
Еще в себе имеет эта песнь?
Она к себе все более влечет;
Мы слушаем и нечто понимаем,
Что поняли, то порицать не можем,
И этой песнью мы покорены.

Т а с с о

Ты небо разверзаешь предо мной!
Не будь я этим мигом ослеплен,
Я б увидал, как в золотых лучах
Ко мне нисходит вечное блаженство.

П р и н ц е с с а

Довольно, Тассо! Много есть вещей,
Доступных только бурному стремлению,
Другими же мы можем обладать
Лишь чрез умеренность и отречение.
И таковы любовь и добродетель,
Родные сестры. Это не забудь!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Т а с с о

Дерзнешь ли ты теперь, поднявши взоры,
Взглянуть кругом? Да, ты теперь один!
Подслушали ли речь ее колонны?
Бояться ли ты будешь этих счастья
Свидетелей, свидетелей немых?
Восходит ярко солнце новой жизни,
И этот день с былыми несравним.
Богиня подымает до небес

Простого смертного, и новый мир
Пред взорами моими восстает!
Желанье жаркое награждено!
Я грезил, что к блаженству близок я,
Но это счастье превзошло все грезы.
Слепорожденный представляет свет
И краски так, как хочет, но когда
Увидит день, он весь преображен.
Я смело, пьяный счастьем, вступаю
На этот путь. Ты много мне даешь,
Как нам земля и небо расточают
Свои дары из щедрых рук, без меры,
И требуешь в ответ то, что по праву
Ты можешь требовать за дар великий.
Я должен быть умеренным, отречься,
Чтоб заслужить доверие твое.
Что сделал я, чтоб мог быть избран ею?
Что должен сделать, чтоб достойным быть?..
Она тебе доверилась — и, значит,
Ты заслужил! Ее словам и взорам
Моя душа посвящена навек!
Всего, что хочешь, требуй, раз я твой!
Пошли меня опасностей и славы
Искать в далеких странах, протяни
Мне в тихой роще лиру золотую
Или пошли в награду мне покой, —
Я — твой, и делай из меня, что хочешь:
Сокровища души моей — твои.
О, если б некий бог мне даровал
И тысячу талантов, я б не мог
Благоговенье выразить мое.
Я кистью живописца и поэта
Устами сладкими, что вешним медом
Напитаны, хотел бы обладать!
Блуждать не будет Тассо средь деревьев,
И средь людей, печальный, одинокий!
Он не один, отныне он с тобой.
О, если бы передо мной предстал
Прекрасный подвиг в грозном окруженье
Опасностей! Я б ринулся к нему
И жизнью бы рискнул, что из твоих
Имею рук, я лучших бы людей
Потребовал в товарищи себе,

Чтоб невозможное с толпой друзей
По твоему исполнить мановенью.
Я поспешил. Зачем мои уста
Не скрыли чувств, пока я недостойн
Упасть к ее возлюбленным ногам?
Я так хотел, намеревался так,
Но все равно: прекрасней много раз
Подарок получить не по заслугам,
Чем понемногу грезить до тех пор,
Пока его потребовать мы вправе.
Грядущее раскрылось вширь и вдаль,
И манит юность, полная надежды,
Тебя туда, где чудно и светло.
О, ширься, сердце! Счастья гроза,
Растенье это осласливь! Оно
Уже стремится тысячью побегов,
Зацвести готово, к чистым небесам.
Пусть принесет оно и плод и радость!
Пусть милая рука златой убор
Себе сорвет с богатых, свежих сучьев!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Т а с с о . А н т о н и о .

Т а с с о

Привет! Тебя как будто в первый раз
Теперь я вижу, и ничей приход
Мне не был столь же радостен. Я знаю
Теперь тебя, достоинства твои.
Тебе без колебаний предлагаю
И сердце я и руку, от тебя
Того же жду.

А н т о н и о

Ты предлагаешь щедро
Прекрасные дары, я их ценю.
Но дай подумать, прежде чем принять их.
Не знаю я, могу ль тебе ответить
Таким же даром. Быть я не хочу
Поспешным слишком и неблагодарным.
Дай мне разумным быть за нас обоих.

Т а с с о

Кто порицает разум? Каждый шаг
Показывает, как он нам полезен.
Но ведь порой велит сама душа
Оставить мелкую предосторожность.

А н т о н и о

Уж это дело наше: каждый сам.
Свою ошибку будет искупать.

Т а с с о

Да будет так! Я выполнил мой долг,
Не пренебрег советами княжны,
Которая желает нашей дружбы.
Я ничего не буду брать назад,
Но не хочу настаивать. Быть может,
Со временем ты будешь горячо
Искать даров, которые теперь
Так холодно и гордо отклоняешь.

А н т о н и о

Умеренность холодностью зовут
Нередко те, кто за тепло считают
Случайный, скоропроходящий пыл.

Т а с с о

Ты порицаешь то, что мне противно.
Я понимаю, как ни молод я,
Что длительность ценнее, чем порыв.

А н т о н и о

Весьма умно! Держись же этих мыслей!

Т а с с о

И вправе ты советы мне давать,
Предостеречь, ведь опытность — твоя
Испытанная, верная подруга.
Но только знай, что сердце каждый час
Безмолвно внемлет предостереженьям
И тайно упражняет добродетель,
Которой строго учишь ты меня,

А н т о н и о

Самим собою заниматься нам
Весьма приятно, но не столь полезно.
Ведь внутренне не может человек
Себя познать и часто мнит себя
То слишком малым, то — увь! — великим.
Лишь в людях можно познавать себя,
Лишь жизнь нас учит, что мы в самом деле.

Т а с с о

С почтением я слушаю тебя.

А н т о н и о

И думаешь, внимая эти речи,
Совсем не то, что я хочу сказать.

Т а с с о

Таким путем мы не сойдемся ближе.
И не добросердечно, не умно
Заранее отвергнуть человека.
Он будет тем, что есть. Из слов княжны
Тебя легко узнал я в тот же миг:
Я знаю, что желаешь ты добра,
Творишь его. Забывши о себе,
Ты думаешь и помнишь о других,
И на волнах колеблющейся жизни
Ты сердцем тверд. Таким тебя я вижу.
Как мог я не пойти тебе навстречу
И не стремиться жадно разделить
Сокровище, хранимое тобой?
Ты не расквесишь, себя открывши,
И станешь другом мне, узнав меня,
А я давно в таком нуждаюсь друге.
Неопытности, юности моей
Я не страшусь: златые облака
Грядущего чело мне осеняют,
Прими, о благородный человек,
Меня на грудь и посвети меня
В умеренное пользование жизнью.

А н т о н и о

Ты требуешь в одно мгновенье то,
Что могут дать лишь время и старанье.

Т а с с о

В одно мгновение дает любовь
То, что не может дать и долгий труд.
Я не прошу, но требовать я должен.
Во имя добродетели к тебе
Взываю я, что хочет дружбы добрых,—
Произнесу ль ее именованье?
Надеется княжна Элеонора,
Она желает нас с тобой свести.
Пойдем ее желанию навстречу!
Предстанем же друзьями пред богиней,
Предложим ей всю душу и услуги,
Соединившись для достойных дел!
Еще раз! Вот моя рука! Ударь!
Не отступай и не противься боле
И мне даруй прекрасную усладу
Людей хороших — лучшему отдаться
Без удержу, с доверьем беспредельным!

А н т о н и о

На всех ты парусах плывешь! Привык
Ты побеждать, повсюду находить
Широкий путь, растворенные двери.
Достоинств я твоих не отрицаю
И счастьем рад, но слишком вижу я,
Как далеко стоим мы друг от друга.

Т а с с о

Ты опытен и зрел, я ж никому
Не уступаю в мужестве и воле.

А н т о н и о

Но воля не всегда ведет к делам,
И мужество путей кратчайших ищет.
Кто прибыл к цели, заслужил венец,
Порой его лишается достойный.
Но также есть и легкие венцы,
Венцы другого рода: можно их
Удобно получать и на прогулке.

Т а с с о

То, что дает богиня одному,
Другому в нем отказывая строго,
Не всякий может получить легко.

А н т о н и о

Коль это ты приписываешь счастью,
Я соглашусь: ведь выбор счастья слеп.

Т а с с о

Повязку носит также справедливость
И закрывает взоры на обман.

А н т о н и о

Всегда счастливый превозносит счастье!
Ему приписывает сотню глаз,
Разумный выбор, строгое старанье,
Зовет Минервой, как-нибудь еще,
Наградю считает скромный дар,
Случайное — заслуженным убором.

Т а с с о

Ты высказался до конца. Довольно!
Я в сердце заглянул твое и знаю
Тебя навек. О, если б знала так
Тебя княжна! Не расточай же стрелы
Твоих коварных глаз и языка!
Ты тщетно мечешь их! Не попадают
Они в неувядаемый венок.
Будь так велик, чтобы отринуть зависть!
Тогда мой лавр оспаривать ты можешь,
Я свято чту его; но покажи
Мне человека, что достиг того,
К чему стремлюсь я, укажи героя,
Знакомого нам только по преданьям,
Поэта укажи, кого сравнить
С Гомером и Вергилием возможно,
И, наконец, такого человека,
Кто трижды эти лавры заслужил,
Кому в три раза более, чем мне,
Их стыдно, и паду я на колени
Пред божеством, венчавшим мне главу;
Не прежде встану, чем она убор
С моей главы возложит на него:

А н т о н и о

Ты заслужил их, можешь быть уверен.

Т а с с о

**Я от суда не стану уклоняться,
Но я презрения не заслужил.
Меня мой князь признал венка достойным,
Он был сплетен рукой моей княжны,
Никто его оспаривать не смеет!**

А н т о н и о

**Такой высокий тон и страстный жар
Тебе не подобают в этом месте.**

Т а с с о

**Мне подобает здесь все, что тебе.
Иль правда изгнана из этих мест?
Иль во дворце свободный дух закован,
Подавлен благородный человек?
Мне кажется, что здесь уместнее всего
Возвышенность души! К великим мира
Ужель она свой доступ не найдет?
Должна найти. Лишь благородство крови
Доселе приближало нас к князьям,
Но почему ж не чувство, что природой
Не в равной мере каждому дано,
Как и не всем — толпа великих предков?
Здесь робость чувствует одна ничтожность
И зависть, что сама себя срамит,
Как неприлично грязной паутине
Ползти по этим мраморным стенам.**

А н т о н и о

**Ты дал мне право пренебречь тобой!
Мальчишка бойкий, силой ты хотел
Стягать доверие и дружбу мужа?
Иль наглостью своей кичишься ты?**

Т а с с о

**То, что ты наглостью зовешь, милей,
Чем то, что я зову неблагородным,**

А н т о н и о

Достаточно ты молод, чтоб тебя
На добрый путь направить воспитаньем.

Т а с с о

Не так я юн, чтоб падать пред кумиром,
Довольно стар, чтобы давать отпор.

А н т о н и о

Где губ игра и струн решает дело,
Ты — гордый победитель и герой.

Т а с с о

Хвалить не стану силу рук моих,
Она себя еще не доказала,
Но верю ей.

А н т о н и о

Ты веришь в дерзость счастья,
Щадившего тебя до этих пор.

Т а с с о

Я чувствую теперь, что вырос я.
С тобой желал я менее всего
Игру оружия грозную изведать,
Но ты раздул во мне огонь, кипит
Вся кровь моя, болезненная жажда
Жестокой мести пенится в груди.
Когда ты смел, то выходи на бой!

А н т о н и о

Ты позабыл, *кто ты и где стоишь.*

Т а с с о

Святилище не терпит оскорблений.
Ты этот храм поносишь и сквернишь.
Не я, кто шел тебе навстречу с даром
Доверия, почтения и любви, —
Твой дух грязнит прекрасный этот рай,
И чистый зал сквернят твои слова,
А не волнение сердца моего,
Что и пятна малейшего не терпит.

А н т о н и о

Высокий дух в такой груди тщедушной!

Т а с с о

Здесь место есть, чтоб ей вздохнуть свободно!

А н т о н и о

И чернь словами воздух потрясает.

Т а с с о

Ты дворянин, как я? Так докажи.

А н т о н и о

Я дворянин, но знаю, где стою.

Т а с с о

Пойдем со мной туда, где можно биться.

А н т о н и о

Ты требовать не вправе, я — идти.

Т а с с о

Препятствие желательно для труса.

А н т о н и о

А трус грозит, где безопасен он.

Т а с с о

В охране этих стен я не нуждаюсь.

А н т о н и о

Не в месте дело, а в тебе самом.

Т а с с о

Прости, творец, что это я терпел.

(Вынимает шпагу.)

**Иди за мной, иль так, как ненавижу,
Тебя я вечно буду презирать!**

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Т е ж е и А л ь ф о н с.

А л ь ф о н с

Какую ссору я застал неожиданно?

А н т о н и о

Ты видишь, князь, спокойно я стою
Пред тем, кто бешенством охвачен весь.

Т а с с о

Молю тебя, чтоб ты, как божество,
Меня смирил своим единым взглядом.

А л ь ф о н с

Антонио и Тассо, расскажите,
Как мог раздор проникнуть в этот дом?
Как он заставил умных двух людей
С пути добра, закона-уклониться
В неистовство? Я в страшном изумленье.

Т а с с о

Я верю, что ты нас не узнаёшь.
Вот этот человек, слывущий умным,
Воспитанным, со мною обошелся,
Как человек неблагородный, грубый.
С доверьем я приблизился к нему,
Он оттолкнул меня, и чем сердечней
Я шел к нему, тем он язвил все злее,
Пока во мне все капли крови в желчь
Не обратил. Прости! Меня застал
Ты в бешенстве, но он — всему виной:
Он раздувал огонь с такою силой,
Что он мою всю душу охватил.
И, наконец, нас опалил обоих.

А н т о н и о

Высокий портический порыв
Его увлек с дороги! Ты с вопросом
Ко мне сначала обратился, князь,
Позволь теперь и мне промолвить слово.

Т а с с о

Рассказывай, осмелюсь передать
Твой каждый слог и каждую манеру
Пред этим справедливым судьей!
И выкажи себя во всей красе
Вторично! Я не стану отрицать
Ни одного биенья пульса, вздоха.

А н т о н и о

Коль говорить ты хочешь, говори,
А если нет, не прерывай меня.
Вопрос о том, кто первый начал спор,
Горячая ли эта голова
Иль я; кто был неправ — вопрос пространный.
И мы его оставим в стороне.

Т а с с о

Как так? Мне первым кажется вопросом,
Кто здесь из нас был прав или неправ.

А н т о н и о

Нет, не совсем, как представляет ум
Разнузданный.

А л ь ф о н с

Антонио!

А н т о н и о

Твой знак

Я чту, мой князь, но пусть же он замолкнет;
Когда я кончу, пусть он продолжает,
А ты решишь. Я говорю одно:
Я не могу сейчас вступить с ним в тяжбу,
Ни обвинять, ни защищать себя,
Ни вызывать его на поединок.
Сейчас он — несвободный человек:
Над ним тяжелый властвует закон,
Его смягчить твоя лишь может милость.
Он мне грозил и звал на поединок,
Едва перед тобой он спрятал меч,
И если б между нами ты не встал,
То я б стоял с позором соучастья
Перед тобой, нарушивши мой долг.

А л ь ф о н с
(к Тассо)

Ты дурно поступил.

Т а с с о

О государь,
Я верю, что меня ты оправдаешь;
Да, это правда: я ему грозил,
Я вызывал. Но ты не представляешь,
Как он язвил коварным языком:
Как быстро зуб его свой тонкий яд
Пролил мне в кровь, как лихорадку гнева
Он миг за мигом разжигал во мне!
Как холодно меня он доводил
До крайности! О, ты его не знаешь
И, верно, не узнаешь никогда!
Ведь я к нему с дарами дружбы шел,
Он мне с презреньем под ноги их бросил.
И если б я не воспылал душой,
То был бы я навеки недостойн
Твоих щедрот, и если я нарушил
Закон дворца, то ты меня прости.
Я не могу ни на какой земле
Переносить такого униженья.
Коль это сердце пред тобой виновно,
Тогда наказывай меня, отвергни,
И я навек сокроюсь с глаз твоих,

А н т о н и о

Как юноша легко несет вину,
Ее, как пыль, с одежды, отряхая!
Здесь можно было б удивляться, но
Поэзия своей волшебной силой
Обычно любит с тем, что невозможно,
Вести игру. Но сомневаюсь я
Весьма, весьма, чтобы ты мог, мой князь,
Незначашим считать такое дело.
Величество защиту простирает
На каждого, кто, как к жилищу бога,
К его чертогам близко подошел.
Как пред святым подножием алтаря,
Здесь у порога затихает страсть,

Не блещет меч, не слышно грозных слов,
Не требует обида отомщенья.
Ведь есть довольно места на земле
Для ярости, не знающей прощенья,
Там трус не будет даром угрожать.
Твои отцы сложили эти стены
На камне безопасности; святыня
Их стережет; покой их обеспечен
Тяжелым и суровым наказаньем:
Тюрьма, изгнание, смерть грозят винозному.
Здесь правил нелицеприятный суд,
Здесь кротость не удерживала право,
И сам преступник в страхе трепетал.
И после мира долгого ты видишь,
Как в царство добрых нравов ворвались
Безумие и ярость. Государь,
Решай, карай! Кто может пребывать
В границах долга, если не хранит
Его закон и сила государя?

А л ь ф о н с

Что б вы ни говорили, буду слушать
Я только голос собственной души.
Вы лучше бы исполнили свой долг,
Избавивши меня от приговора.
Здесь правда с кривдой тесно сплетены:
Коль оскорбил Антонио тебя,
Пусть даст тебе он удовлетворенье,
Какого ты потребуешь, а я
Хотел бы здесь посредником явиться.
И все-таки своим поступком, Тассо,
Ты заслужил оков. Тебя прощаю
И для тебя закон смягчаю строгий.
Покинь нас, Тассо! Оставайся дома
Под караулом собственным твоим.

Т а с с о

И это твой судебный приговор?

А н т о н и о

Ты здесь не видишь кротости отца?

Т а с с о
(к Антонио)

Я с этих пор не говорю с тобой.
(К Альфонсу)

О князь, твоим суровым словом я
Лишен свободы. Пусть же будет так!
Ты вправе. Чтя твое святое слово,
Я заглушу глубокий сердца ропот.
Но я теперь совсем не узнаю
Тебя, себя и этих мест прекрасных.
Но вот его я знаю хорошо...
Я слушаюсь, хоть мог сказать бы много
И должен бы! Мои уста немеют.
Ужели было преступление здесь?
Я вам кажусь преступником, и что бы
Ни говорило сердце, я — в плену.

А л ь ф о н с

Ты это выше ценишь, чем я сам.

Т а с с о

Мне непонятно, что все это значит,
Но нет, понятно, я ведь не дитя,
Пожалуй, я бы мог постигнуть это.
Мгновенно все в уме моем светлеет
И мраком застилается опять.
Склоняюсь я, внимая приговор.
Довольно сказано ненужных слов!
Привыкни же теперь к повиновенью;
Бессильный, ты забыл, где ты стоял!
Чертог богов ты мнил на ровной почве.
Тебя удар внезапный ниспроверг.
Так повинуйся: подобает мужу
Тяжелое охотно исполнять.
Возьми же шпагу, данную тобой,
Когда я ехал вслед за кардиналом
Во Францию, ее я не прославил,
Не посрамил сегодня. Этот дар
Я отдаю с глубокой болью сердца.

А л ь ф о н с

Мое благоволение ты забыл.

Т а с с о

Мой жребий — слушаться без размышлений.
Увы! И от прекраснейшего дара
Судьба велит отречься мне теперь.
Не украшает пленников венок:
Я сам с чела снимаю украшение,
Что было мне для вечности дано.
Да, счастье получил я слишком рано,
Вознесся высоко, и слишком скоро
Я потерял его. Сам у себя
Я отнял то, что взять никто не может
И ни один не даст вторично бог.
Как дивно люди созданы: терпеть
Мы не могли б, когда б не наделила
Нас легкомыслием сама природа.
Нас горе научает расточать
Безумные дары, как бы играя:
Готовы сами руки мы раскрыть,
Чтобы они исчезли безвозвратно.
Я мой венок целую со слезою
И предаю забвенью! Это знак
Минутной слабости, но он прекрасен.
Как не рыдать, когда бессмертное
Не может разрушенья избежать?
Со шпагой этою соединишь,
Которою ты не был завоеван.
Обвейся вокруг нее и почивай,
Как на гробнице счастья и надежды!
К твоим ногам кладу их добровольно.
К чему оружие, если ты — во гневе?
К чему венок — отвергнутый тобой?
Иду в мой плен и буду ждать суда.
По мановению князя паж поднимает шпагу и венок и уносит
прочь.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

А л ь ф о н с. А н т о н и о.

А н т о н и о

Какими красками рисует мальчик
Свою судьбу, достоинства свои!
Да, мнит себя неопытная юность

Предызбранным, особым существом.
Он все себе со всеми позволяет.
Когда он станет мужем, будет нам
За наказание это благодарен.

А л ь ф о н с

Боюсь, не слишком ли наказан он.

А н т о н и о

Коль можешь ты с ним мягко поступить,
Верни ему, о князь, опять свободу,
И пусть рассудит нашу ссору меч.

А л ь ф о н с

Да, если б это требовала честь.
Но чем, скажи, ты вызвал гнев его?

А н т о н и о

Как это вышло, трудно мне сказать.
Быть может, я его слегка задел
Как человека, не как дворянина,
И с уст его не сорвалось во гневе
Ни слова непристойного.

А л ь ф о н с

И мне

Оно казалось так; что ты сказал,
Мне подтверждает то, что сам я думал.
При ссоре мы считаем справедливо,
Что виноват тот, кто умней. Не должен
Ты был сердиться. Ведь тебе пристало
Руководить им. Время не ушло:
Здесь нет совсем причины к вашей ссоре
Покуда длится мир, в моем дому
Я наслаждаться им хочу. Ты можешь
Спокойствие восстановить легко.
Ленора Санвитале усмирить
Его сумеет нежными устами.
А ты, вернув от моего лица
Ему свободу полную, добейся
Его доверья добрыми словами.
Уладь же все, как ты всегда умеешь,
Поговори с ним, как отец и друг.

Но я хочу, чтоб мир был восстановлен
До моего отъезда: для тебя
Нет невозможного, когда ты хочешь.
Ну, а затем мы предоставим дамам
Закончить нежно то, что начал ты,
И мы, вернувшись, не найдем следа
От этой ссоры всей. Ведь ты, Антонио,
Не хочешь изменить себе. Едва
Одно устроил дело ты, и вот,
Вернувшись, создаешь себе другое.
Надеюсь я и здесь на твой успех,

А н т о н и о

Я пристыжен. В твоих словах я вижу,
Как в ясном зеркале, мою вину.
Легко служить властителю тому,
Что убеждает нас, повелевая,

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

П р и н ц е с с а о д н а .

П р и н ц е с с а

Но где ж Элеонора? Все большее
Тревога мне охватывает сердце.
Едва я знаю, что произошло,
Едва я знаю, кто из двух виновен.
Когда ж она придет! Я не хочу
Увидеться с Антонио и с братом,
Пока не успокоюсь, не узнаю,
К чему все это может привести.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

П р и н ц е с с а . Л е о н о р а .

П р и н ц е с с а

Скажи скорее, Леонора, что
Произошло меж нашими друзьями?

Леонора

Я больше, чем мы знали, не узнала.
Они схватились, Тассо напирал,
Твой брат их разнимал; сдается мне,
Что эту ссору первым начал Тассо.
Антонио гуляет на свободе
И с князем говорит, меж тем как Тассо
Сидит как пленник в компате своей.

Принцесса

Антонио, наверно, раздражил
И оскорбил его холодным тоном.

Леонора

Я и сама так думаю. Когда
Он шел к нему, он хмурился, как туча.

Принцесса

Мы разучились следовать — увы! —
Внушеньям сердца, чистым и безмолвным,
Чуть слышно бог подсказывает нам,
Чуть слышно, но понятно для души,
К чему стремиться, от чего бежать.
Суровей, резче, чем когда-нибудь,
Антонио казался мне сегодня.
Меня предчувствие предупреждало,
Когда он с Тассо встретился. Сравни
Наружность их, походку, шаг и взгляд!
Здесь все в противоречье, и не смогут
Они друг друга полюбить вовеки.
И в то же время лстивая надежда
Шептала мне: они разумны оба,
Твои друзья, учены, благородны!
Что крепче связи двух людей хороших?
Я торопила юношу, и он
Так чудно, горячо отдался весь,
О, если б так же я поговорила
С Антонио! Я медлила, ждала,
Меня пугало с самых первых слов
Неопытного юношу ему
Навязывать, и здесь я полагалась

На вежливость, на светскость, что мостом
Легко ложится даже меж врагами.
Я не боялась перед зрелым мужем
За юность пылкую. И вот пришла
Беда, что так далекою казалась.
О, что теперь нам делать? Дай совет!

Л е о н о р а

Я думаю, ты чувствуешь сама,
Как трудно мне советовать. Ведь здесь
Не столкновение душ, родных друг другу,
Когда словами или поединком
Легко поправить дело. Но они,
Как уж давно я это замечала,
Лишь потому враги, что не могла
Одним созданием сделать их природа.
Полезно и разумно было б им
Навек соединиться тесной дружбой.
Тогда б они и силою и счастьем
Дышали, как единый человек.
Так я сама надеялась, но тщетно.
Конечно, будет нынешний раздор
Улажен, но ручаться нам нельзя
За будущее, за ближайший день.
Всего бы лучше было, чтобы Тассо
На время нас покинул, он бы в Рим
И во Флоренцию поехать мог.
Через несколько недель я там могла бы
С ним встретиться и оказать влияние.
Ты между тем должна Антонио,
Что стал для нас чужим, приблизить снова
К себе самой и всем твоим друзьям.
Что невозможным кажется теперь,
Легко, быть может, время разрешит.

П р и н ц е с с а

Ты для себя желаешь наслаждения,
А я должна отречься? Милый друг,
Где ж справедливость?

Л е о н о р а

Ты бы все равно
Не наслаждалась в этом положении,

П р и н ц е с с а

Так я должна изгнать спокойно друга?

Л е о н о р а

Изгнав его для вида, удержать.

П р и н ц е с с а

Мой брат его охотно не отпустит.

Л е о н о р а

На это дело он глядит, как мы.

П р и н ц е с с а

Как тяжело обречь изгнанию друга!

Л е о н о р а

Но ты иначе друга не спасешь!

П р и н ц е с с а

Я не могу на это дать согласие.

Л е о н о р а

Тогда случится бóльшая беда.

П р и н ц е с с а

Меня ты только мучаешь напрасно.

Л е о н о р а

Но скоро мы узнаем, кто был прав.

П р и н ц е с с а

Пусть будет так, но прекрати вопросы.

Л е о н о р а

Тот, кто решился, побеждает скорбь.

П р и н ц е с с а

Я не решилась, но пусть будет так,

Коль не надолго удалится он...

Заботиться я буду, Леонора,

Чтоб в будущем он не терпел нужды,

Чтоб герцог там оказывал ему

Поддержку, доставляя средства к жизни,
Поговори с Антонио, ведь он
У брата значит много, и едва ль
Он с нами вступит в спор и с нашим другом.

Л е о н о р а

Здесь больше б слово значило твое.

П р и н ц е с с а

Я не могу, и это знаешь ты,
Просить ни за себя, ни за своих,
Как то возможно для сестры Урбино.
Я здесь живу спокойно, в тишине,
От брата принимая благодарно
То, что он может и желает дать.
За это я терпела укоризны
Немалые, но их преодолела.
Одна подруга говорила мне:
Ты бескорыстна, это хорошо,
Прекрасно, но поэтому не можешь
Ты чувствовать нужды твоих друзей
Как следует. Но равнодушно я
Переношу такую укоризну.
Тем более мне радостно теперь,
Что я могу помочь на деле другу.
Я матери наследство получу
И другу окажу охотно помощь.

Л е о н о р а

И я, княжна, могу здесь очень кстати
Ему подругой выказать себя.
Хозяин он плохой, и я могу
Ему прийти на помощь в этом деле.

П р и н ц е с с а

Возьми ж его, коль я должна отречься,
Пусть он тебе одной принадлежит!
Я вижу ясно: лучше будет так.
Могу ли я считать и эту скорбь
Целительной? От юности таков
Был жребий мой, я к этому привыкла!
Потеря счастья вдвое легче нам,
Когда непрочно было обладанье,

Л е о н о р а

Надеюсь я, что счастье по заслугам
Получишь ты.

П р и н ц е с с а

Элеонора! Счастье?

Но кто же счастлив? Я могла бы, правда;
Назвать счастливым брата моего.
Он с мужеством несет высокий жребий,
Но по заслугам он не награжден.
А счастлива ль сестра моя Урбино?
Она прекрасна, высока душой,
Но с мужем молодым они бездетны,
Он чтит ее, мирится с этим горем,
Но счастья не видно в их дому.
Что дали нашей матери несчастной
Высокий ум и знаний широта?
Хранили ли ее от заблуждений?
Нас взяли прочь, теперь она мертва,
И детям не осталось утешенья,
Что в мире с богом умерла она,

Л е о н о р а

О, не на то, чего недостает,
Смотри на то, что нам еще осталось!
Что ж у тебя, княжна, осталось?

П р и н ц е с с а

Что?

Терпенье, Леонора! С юных лет
Я упражнялась в нем. Когда веселью
Мои друзья и сестры предавались,
Меня держала в комнате болезнь,
И отреченью среди мук моих
Я научилась рано. Лишь одно
Меня в уединенье услаждало:
То радость песен; я, сама с собой
Беседуя, желанье и тоску
Напевом тихим сладко усыпляла.
И горе становилось наслажденьем,
Гармонией — тяжелая печаль,

Недолго я вкушала это счастье:
Мне лекаря сурового запрет
Замкнул уста, я стала жить, страдая,
Последнее утратив утешенье.

Л е о н о р а

Ты множеством друзей окружена,
Здорова, жизнерадостна теперь.

П р и н ц е с с а

Да, я здорова, то есть не больна,
И преданность друзей дает мне счастье.
Был у меня один любимый друг...

Л е о н о р а

Он твой еще.

П р и н ц е с с а

Потерян будет скоро.
Тот миг, когда его я в первый раз
Увидела, значенья полон был.
Тогда, едва от муки и болезни
Оправившись, смотрела робко я
Опять на жизнь и, обществу сестры
И солнцу радуясь, впивала жадно
Надежды новой сладостный бальзам.
Тогда дерзнула я взглянуть пошире
Вперед на жизнь, и ласковые лики
Приветствовали издали меня.
Тогда сестра представила впервые
Мне юношу, он с нею рядом шел,
И признаюсь тебе: он овладел
Моей душой, и овладел навеки.

Л е о н о р а

О, не жалею, моя княжна, об этом!
Прекрасное познала ты душой,
Твой выигрыш навеки неотъемлем!

П р и н ц е с с а

Но опасаться должно и прекрасного,
Как пламени, что так полезно нам,

Когда оно горит на очаге
Или прекрасно с факела сияет.
Кто от него откажется тогда?
Когда ж оно охватит все кругом,
То сколько бед наделает! Оставь.
Болтлива я. Мою болезнь и слабость
Мне лучше было б скрыть перед тобой.

Л е о н о р а

Всего действительней болезнь души
Доверчивость и жалобы врачуют.

П р и н ц е с с а

О, если так, я скоро исцелюсь;
Всецело доверяюсь я тебе.
Ах, милая! Хотя я и решилась,
Чтоб он уехал, чувствую уже
Я длительную боль тоскливых дней,
Раз я должна от радости отречься.
Уж солнце предо мною не осветит
Прекрасный образ, светлый, как мечта;
Надежда встречи пробужденный дух
Не исполняет радостным желаньем;
Напрасно взор бросаю в сумрак сада,
Ища его среди росистой мглы.
Как было хорошо, наверно, знать,
Что будешь с ним и нынче веселиться!
О, как при встречах все росло желанье
Друг друга больше знать и понимать!
Как с каждым днем все чище и прекрасней
Гармонию полнилась душа.
Какой же мрак упал передо мной!
Вся роскошь солнца, радостное чувство
Дневных лучей и тысячей цветов
Блестевший мир закутались туманом,
Что встал передо мной, глубок и глух.
Тогда мне каждый день был целой жизнью;
Молчала скорбь, предчувствие немело,
И, как в ладье, по легкой зыби волн
Нас уносило счастье без руля.
Теперь печально все, и тайный страх
Перед грядущим в сердце мне проник.

Л е о н о р а

Грядущее тебе друзей воротит
И новые отрады принесет.

П р и н ц е с с а

Я сохранить хочу то, чем владею:
Не вижу пользы я от перемен.
Я не стремилась с юною тоской
Из урны жребиев в чужом мне мире
Случайно выловить предмет любви
Для моего неопытного сердца.
Его я чтить должна была, любя,
Должна была любить, — ведь только с ним,
Что значит жизнь, впервые я узнала!
Себе я говорила: «Удались!»
Но между тем все больше приближалась
На милый зов. Сурово я теперь
Наказана. Действительное благо
Теряю я, и подменил злой дух
Скорбями мне и радости и счастье.

Л е о н о р а

Коль ты не внимлешь дружеским словам,
То укрепит тебя земного мира
Спокойная и мощная краса.

П р и н ц е с с а

Да, он прекрасен, мир! И в нем так много
Хорошего встречается везде.
Ах, но оно все далее вперед
От нас бежит всю нашу жизнь
И манит наше робкое желанье
За шагом шаг до гробовой доски!
Так редко люди обретают в жизни,
Что предназначенным казалось им.
Так редко кто умеет удержать,
Что схвачено счастливою рукой.
Уходит то, что только что далось,
Теряем мы то, что держали жадно.
Мы счастья нашего не узнаем,
А если бы узнали, не ценили,

Л е о н о р а
(одна)

Как сердца благородного мне жаль!
 Какой печальный жребий выпал ей!
 Ах, выгодна ль тебе ее потеря?
 И так ли нужно, чтоб уехал он?
 Иль делаешь ты это для того,
 Чтоб обладать талантами и сердцем,
 Которые с другою до сих пор
 Делила ты? И честно ли так делать?
 Чего тебе еще недостает?
 И муж, и сын, и красота, и знатность
 Есть у тебя, и хочешь ты его
 Иметь в придачу? Любишь ты его?
 Коль нет, зачем не можешь больше ты
 Отречься от него? Должна признаться,
 Что сладостно в душе его прекрасной
 Мне созерцать, как в зеркале, себя.
 Какой восторг, когда он до небес
 Тебя возносит песнею своей!
 Ты зависти достойна! Ты не только
 Владеешь тем, что многие желают,
 Но каждый знает, чем владеешь ты.
 Твоя отчизна смотрит на тебя,
 И ты достигла высшей точки счастья.
 Иль должно только имени *Лаура*
 Звучать со всех прелестных, нежных уст?
 И лишь один Петрарка вправе был
 Обожесть безвестное создание?
 Кто в мире равен другу моему?
 Как почитает мир его теперь,
 Так будет он прославлен и потомством.
 О, как прекрасно в блеске этой жизни
 Идти с ним рядом! После вместе с ним
 Вступить в грядущий сумрак легким шагом!
 Тогда бессильно над тобою время,
 И старость дряхлая, и плеск молвы,
 И наглый гул хулы и одобрений,
 Все преходящее навек хранит
 Нам песнь его. И в ней ты будешь юной,

Куда б ни мчал круговорот вещей.
И у нее ты не отнимешь друга.
Я знаю, что ее влечение к Тассо
Подобно и другим ее страстям.
Они, подобно месячным лучам,
Едва мерцают, озаряя путь.
Они не греют и не льют вокруг
Блаженства жизни. Будет ей отрадно
Узнать про то, что счастлив он вдали,
Как было сладко видеть каждый день.
И, наконец, от этого двора
И от нее мы изгнаны не будем,
И вместе с ним я возвращусь обратно.
Да будет так! Идет суровый друг.
Удастся ль укротить его? Посмотрим.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Леопора. Антонио.

Леопора

Ты нам войну приносишь вместо мира,
Как будто ты из лагеря пришел,
Где сила и кулак решают дело,
А не из Рима, где с благословеньем
Подъемлет руки разум, видя мир
У ног своих послушно преклоненным.

Антонио

Терпеть упрек, прелестная подруга,
Обязан я, но оправданье есть.
Опасно долго проявлять себя
Умеренно-разумным: караулит
Тебя злой гений, он желает жертву
От времени до времени иметь,
И этот раз ему я, к сожаленью,
Ее принес за счет моих друзей.

Леопора

Ты слишком долго был среди чужих,
С их мыслями привык согласоваться.
Теперь, когда ты видишь вновь друзей,
Готов ты с ними спорить, как с чужими.

А н т о н и о

Здесь и лежит опасность, милый друг!
Среди чужих мы напрягаем силы,
Внимательны к себе, чтоб нашу цель
Осуществить чрез их расположение.
Но мы распущенны в кругу друзей,
Мы отдыхаем в их любви, себе
Причуды позволяем, наша страсть
Несдержанна, и оскорбляем мы
Невольно тех, кого всех больше любим.

Л е о н о р а

В твоём спокойном рассужденье, друг,
Всего тебя я с радостью узнала.

А н т о н и о

Досадно мне — охотно признаюсь,
Что я сегодня меру потерял.
Но согласись: когда с горячим лбом
Приходит от работы человек,
Чтоб отдохнуть под сладостною тенью,
Под вечерок, для нового труда,
И вдруг находит, что уж раньше тенью
Бездельник завладел: ужели в нём
Не вспыхнет человеческое чувство?

Л е о н о р а

Когда он настоящий человек,
Он эту тень разделит с человеком,
Что отдых усладит и облегчит
Ему работу чудною беседой.
Ведь дерево даёт большую тень,
И нет нужды, чтоб вытеснять друг друга.

А н т о н и о

Не будем дальше вновь и вновь играть
Одним сравнением, Элеонора.
Да, много в этом мире есть вещей,
Что мы готовы разделить с другими.
Но есть одно сокровище: оно
Дается только истинной заслугой.
И есть другое, что и с заслужившим

Никто не пожелает разделить.
Ты хочешь знать их имя? Это — лавр.
Другое же — благоволение женщин.

Л е о н о р а

Венок на юношеской голове
Заслуженного мужа оскорбил?
За труд его, за сладостные песни
Не мог бы ты найти скромней награды..
Заслуга неземная, что парит
Лишь в воздухе и нам чарует дух
Лишь в легких образах и нежных звуках,
Она одним лишь символом прекрасным
Достоинно может быть награждена.
Как он едва касается земли,
Едва касается высокий дар
Его чела. Бесплодна эта ветвь,
Поклонников бесплодное вниманье
Ее дарит ему, чтоб облегчить
Свою вину. Едва ли будешь ты
Завидовать сиянью золотому
Вкруг мученика голой головы.
И знай, что так же лавровый венок —
Скорее знак страдания, чем счастья.

А н т о н и о

Ужель хотят прелестные уста
Учить презренью к суетности мира?

Л е о н о р а

Ты не нуждаешься в моих уроках,
Чтобы ценить достойное. Но все ж
От времени до времени и мудрый
Нужду имеет в том, чтоб в верном свете
Ему явили то, чем он владеет.
Не будешь, благородный человек,
Ты притязать на призрачную почесть.
Ведь служба, за которую тебе
Обязаны твой князь, твои друзья,—
Жива и действенна, твоя награда
Должна живой и действенною быть.
Твой лавр — доверье герцога, оно,
Как сладостное бремя, на плечах

Покоится твоих, доверьем всех
Прославлен ты.

А н т о н и о

Но ты не говоришь
О ласковом благоволенье дам?
Иль ты его изобразишь ненужным?

Л е о н о р а

Как посмотреть! Ты не лишен его,
Хоть без него ты обошелся б легче,
Чем тот прекрасный, милый человек.
Скажи одно: могла ли б о тебе
Какая-нибудь женщина с успехом
Заботиться, тобою заниматься?
Все прочно у тебя, в порядке все.
Умеешь ты доставить и себе
То, что другим. А он по нашей части
Нас занимает. Мелочей без счета
Недостает ему, а их как раз
Умеет женщина ему создать.
Ходить он любит в тонком полотне,
В роскошно шитой шелковой одежде,
Он любит наряжаться, он не может
Материю, приличную слуге,
Терпеть на теле. Все должно на нем
Сидеть прекрасно, тонко, благородно.
И он, однако, вовсе не умеет
Себе все это завести, беречь
Полученное; денег и заботы
Недостает ему; то здесь, то там
Он оставляет вещи. Никогда
Из странствия не возвращался он,
Не потерявши треть вещей. Слуга
Ворует у него. Итак, мой друг,
Забот о нем на целый год хватает.

А н т о н и о

И оттого он всех для вас дороже!
Счастливый юноша! Ему пороки
Вменяют в добродетели, дают
Разыгрывать мальчишку из себя,
И слабостями он гордиться может!

Прости меня, прекрасная подруга,
Что буду я немного ядовит.
Ты говоришь не все, не говоришь,
Что дерзок он, умнее, чем на вид.
Он хвалится победою двойной,
Он рвет узлы и вяжет, побеждает
Сердца такие! Можно ли поверить?

Л е о н о р а

Но это и доказывает нам,
Что нас лишь дружба оживотворяет.
И, на любовь любовью отвечая,
Мы лишь достойно награждаем сердце,
Которое, себя позабывая,
Живет в прекрасной грезе для друзей.

А н т о н и о

Балуйте же его и за любовь
И дальше принимайте себялюбье,
И, оскорбляя преданных друзей,
Восторгов дань давайте добровольно
Надменному! Разрушьте до конца
Прекрасный круг взаимного доверья!

Л е о н о р а

Нет, мы не так пристрастны, как ты мнишь,
И другу нашему даем уроки.
Желаем мы его образовать,
Чтоб больше наслаждался он собою
И услаждал других. Мы знаем то,
Что в нем заслуживает порицанья.

А н т о н и о

Но многое, что должно порицать,
Вы хвалите. Его давно я знаю.
Он слишком горд, чтобы скрываться. Вдруг
В себя он погружается, как будто
Весь мир в его груди, он тонет в нем,
Не видя ничего вокруг себя.
Тогда он все отталкивает прочь,
Поконит в себе самом, и вдруг,
Как мина загорается от искры,
Он бурно извергает радость, скорбь,

Причуду, гнев. Он хочет все схватить,
Все удержать, тогда должно случиться
Все, что сейчас пришло ему на ум.
В единый миг должно произойти,
Что медленно готовится годами.
В единый миг он хочет разрешить
То, что во много лет неразрешимо.
От самого себя и от других
Он требует того, что невозможно.
Желает он пределы всех вещей
Схватить зараз, а это удастся
Едва ль из миллионов одному,
Он не из тех, и должен наконец
Уйти в себя, не став нисколько лучше.

Л е о н о р а

Но он вредит себе, а не другим.

А н т о н и о

Нет, и других он слишком оскорбляет.
Едва ли ты решишься отрицать,
Что, схваченный внезапной страстью, он
Дерзнет бранить и князя, и княжну,
И всякого злословить, кто б он ни был,
Лишь на мгновенье, правда, но оно
Приходит вновь: он языком своим
Владеет так же мало, как и сердцем.

Л е о н о р а

Я думаю, что, если бы он мог
Отсюда удалиться ненадолго,
Для всех бы это было хорошо.

А н т о н и о

Да, может быть, а может быть, и нет.
Но нечего об этом думать. Мне
Не хочется вину взвалить на плечи.
Покажется, что я его гоню.
Я не гоню его. Спокойно может
Он и со мной остаться при дворе.
И если он желает примириться
И следовать совету моему,
Мы кое-как ужиться вместе можем.

Л е о н о р а

Ты повлиять надеешься на душу,
Которую пропащею считал?

А н т о н и о

Всегда надежда лучше, чем сомнение,
И мы должны надеяться всегда.
Кто может все возможности учесть?
Он дорог князю, пусть же остается,
И если мы напрасно бьемся с ним,
Он не единственный, кого мы терпим.

Л е о н о р а

Что можешь ты судить столь беспристрастно,
Я все-таки не думала, мой друг.

А н т о н и о

Ведь преимущество имеет старость:
Хоть ей ошибок и не избежать,
Она с собой справляться быстро может.
Ты примирить меня старалась с другом,
Теперь об этом я прошу тебя.
Ты делай все, что можешь, чтобы Тассо
Опомнился, скорей пришел в себя.
Я сам пойду к нему, как только я
Узнаю от тебя, что он спокоен
И что не может увеличить зла
Присутствие мое. Но в сей же час
Ты это сделай, вечером Альфонс
Обратно едет, и его я должен
Сопровождать. Ну, а пока прощай.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Л е о н о р а (одна)

На этот раз мы разошлись, мой друг,
И наши интересы не идут
Рука с рукой. Чтоб Тассо получить,
Я временем воспользуюсь. Скорей!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

КОМНАТА

Т а с с о
(один)

Проснулся ль ты внезапно ото сна,
Покинул ли тебя обман прекрасный?
Иль после дня блаженства страшный сон
Тебя связал и душу заключил
В тяжелые оковы? Да, теперь
Ты наяву и гредишь. Где ж часы,
Игравшие цветущими венками
Над головой твоей, когда твой взор
Тонул свободно в синеве небес!
Ты жив еще, и чувствуешь себя,
И все-таки, живешь ли ты, не знаешь.
Моя ли в том, другого ли вина,
Что я здесь оказался как преступник?
Что сделал я, что должен так страдать?
И не был ли заслугой весь мой грех?
Его увидев, я с такой надеждой,
С такой мечтой навстречу поспешил:
Его я принимал за человека,
Я шел к нему открыто и нашел
Замок, засов и никакого сердца.
О, должен был обдумать я умно,
Как встретиться мне с этим человеком,
Что подозрителен мне был давно.
Но что б с тобою ни произошло,
Не потеряй уверенности в ней!
Ее я видел пред собой! Она
Со мною говорила, и я слышал!
Волшебный звук ее речей и взор
Навек мой, и не похитит их
Ни время, ни случайность, ни судьба.
Я слишком скоро ввысь поднялся духом
И в сердце разгореться дал огню,
Которым пожираем я теперь...
Я не могу раскаиваться, даже
Когда б и жизнь навеки погубил.

Отдав себя, я весело пошел
На зов ее, готовивший мне гибель.
Да будет так! Себя я показал
Достойным драгоценного доверья,
Оно дает мне бодрость в этот час,
Что раскрывает черные врата
Печали долгой. Кончено теперь!
Заходит солнце милости ее
Передо мной! Ее прекрасных взоров
Меня лишает князь, оставив здесь
Затерянным на сумрачном пути.
Противные, двусмысленные птицы —
Старинной ночи безотрадный сонм —
Кружат, жужжат над головой моей.
Куда, куда направлю я шаги,
Чтоб убежать от гнусного гуденья,
От бездны, что лежит передо мной?

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Леонора. Тассо.

Леонора

**Мой милый Тассо, что произошло?
Куда зашли твой пыл и подозренья?
И что случилось? Мы поражены.
Где прежний нрав твой, кроткий и любезный,
Твой быстрый взор, твой верный ум,**

способность

**Всем воздавать, что им принадлежит,
И равнодушие, чтобы терпеть
То, что терпеть умеет благородный,
И мудрое владенье языком?
Нет, я почти тебя не узнаю.**

Tacco

А если бы я это все утратил
И друг, кого ты мнила богачом,
Внезапно пред тобой явился нишим?
Да, перестал я быть самим собой,
И все же я таков, как раньше был.
Загадку эту разгадать легко.

Нас тихий месяц радует в ночи,
Своим сияньем душу и глаза
Влечет неодолимо, но при солнце
Он еле бледным облачком парит.
Я в блеске дня потух, вы узнаете
Меня, но я не узнаю себя.

Л е о н о р а

Не понимаю я, мой милый друг,
Что говоришь ты. Объяснись со мной.
Иль оскорбленье грубое его
Тебя задело так, что ты не можешь
Узнать ни нас, ни самого себя?

Т а с с о

Я не был оскорбленным, но обратно:
Наказан я за то, что оскорбил.
Сплетенье слов распутывает меч
Легко и быстро, между тем я — пленник.
Не испугайся, нежная подруга:
Ты друга застаешь в его тюрьме.
Ведь герцогом наказан я, как школьник.
Я не хочу с ним спорить, не могу.

Л е о н о р а

Мне кажется, ты слишком возбужден.

Т а с с о

Ты думаешь, я слабое дитя,
Что мог меня расстроить этот случай?
Он огорчил меня неглубоко,
Но горько то, что он обозначает.
Моих завистников, моих врагов
Дай вызвать мне: открыто поле битвы.

Л е о н о р а

Подозреваешь многих ложно ты,
Как я сама могла в том убедиться.
Антонио совсем тебе не враг,
Как грезишь ты. Сегодняшний раздор...

Т а с с о

Я это оставляю в стороне,
Беру Антонио, каким он был и есть.
С его умом, холодным, неподвижным,
Учителя разыгрывает он.
Не разобрав, что слушатель уж сам
Ступил на верный путь, он поучает
Нас многому, что сами лучше, глубже
Мы чувствуем, не слышит наших слов.
И к нам относится с пренебреженьем.
В пренебрежение быть у гордеца,
Который смотрит на тебя с усмешкой!
Не так я стар, да и не так умен,
Чтобы в ответ смеяться терпеливо.
Должны мы были рано или поздно
С ним разорвать, — тем хуже, чем поздней,
Лишь *одного* я знаю господина:
Меня он кормит, я ему служу
С охотой, мне учителей не надо.
Свободы я хочу для дум и песен;
Довольно мир стесняет нас в делах.

Л е о н о р а

Он говорит с почтеньем о тебе...

Т а с с о

Со снисхожденьем, хочешь ты сказать,
И это мне досаднее всего,
Умеет он так гладко говорить,
Что похвала нам кажется укором.
Нет ничего обидней похвалы
Из уст его.

Л е о н о р а

О, если б ты, мой друг,
Услышал, как всегда он говорит
И о тебе, и о твоём таланте,
Что щедро так тебе природой дан!
Он живо чувствует его и ценит.

Т а с с о

Поверь, себялюбивая душа
От зависти не может уберечься.

Подобным людям свойственно прощать
Богатство, честь; им хорошо известно,
Что можно волей этого достичь,
Упорством и благоволеньем счастья.
Но что одна природа нам дает,
Что недоступно никаким усилиям,
Чего не может золото добыть,
Ни меч, ни разум, ни настойчивость, —
Вот это не простит он никогда.
Простит он мне? Он, кто с тупым умом
Добиться мнит благоволенья муз?
Он, кто, собрав поэтов многих мысли,
Поэтом мнит и самого себя?
Скорее он простит мне милость князя,
Хотя б желал иметь ее один,
Чем тот талант, что дочерьми небес
Мне, юноше безродному, дарован.

Л е о н о р а

О, если б ты, как я, все ясно видел!
Ты ошибаешься: он не таков,

Т а с с о

А если ошибаюсь, все равно!
Как о враге, я думаю о нем,
Я был бы безутешен, будь я должен
Смягчить вражду. Ведь справедливым быть
Во всех вещах — безумно, это значит
Разрушить самого себя! Всегда ли
К нам справедливы люди? Нет, о, нет!
Ведь человек нуждается при жизни
В двух чувствах: в ненависти и в любви.
Иль ночь ему не так нужна, как день,
И сон не так, как бденье? С этих пор
Его иметь я должен, как предмет
Глубокой злобы, и ничто не может
Меня лишить блаженства — с каждым часом
О нем все хуже думать.

Л е о н о р а

Милый друг,
Не вижу я, как в этом настроенье
Ты можешь оставаться при дворе.
Ты знаешь, как он много значит здесь.

Т а с с о

Прекрасный друг, что я уже давно
Здесь лишним стал, мне хорошо известно.

Л е о н о р а

Не лишний ты и лишним стать не можешь!
Ты знаешь сам, как любят жить с тобой
Князь и княжна, придет скоро к нам
Сестра Урбино, и она придет
И для тебя, не только для сестры.
Ты всем им дорог, и они к тебе
Питают безусловное доверье.

Т а с с о

О, Леонора, где ж доверье здесь?
Поговорил ли он со мной хоть раз
О государственных делах? Когда ж
Случалось, что в присутствии моем
Советовался он с сестрой, с другими,
Не спрашивал меня он никогда.
Он лишь взывал: «Антонио придет!»
«Об этом надо нам спросить Антонио!»

Л е о н о р а

Не жалуйся, а благодарен будь,—
Раз дал тебе он полную свободу,
То чтит тебя, как только может чтить.

Т а с с о

Но он меня считает бесполезным.

Л е о н о р а

Полезен ты как раз, уйдя от дел.
Давно ты на груди своей лелеешь
Досаду, как любимое дитя.
Я часто думала,— могу я думать
Так, как хочу,— на этой дивной почве,
Где ты, казалось, счастьем насажден,
Ты не процвел. О, Тассо! — Дать совет?
Сказать ли все? — Ты должен удалиться!

Т а с с о

Больного не щади, мой милый врач!
Лекарство дай, о горечи его

Не думая, по только о здоровье
Болящего, о добрая подруга!
Все кончено, я это вижу сам!
Я б мог простить, но не прощает он.
Он нужен здесь, а я — увы! — не нужен.
Он делает мне вред, я не могу
Противодействовать. Иначе смотрят
Мои друзья на вещи, оставляют
Все это без вниманья и едва
Противятся, когда должны бороться.
Уехать ты советуешь, я сам
Так думаю. Перенесу и это.
Вы бросили меня, и, бросив вас,
Я обрету и мужество и силы!

Л е о н о р а

Все в отдаленье кажется яснее,
Что дома лишь запутывает нас.
Быть может, ты поймешь, какой любовью
Был окружен везде, какую цену
Имеет верность истинных друзей,
Как близких не заменит целый мир

Т а с с о

Мы это испытаем! С юных лет
Я знаю, как нас покидает мир
Беспомощных, идя своим путем,
Как солнце, месяц и другие боги!

Л е о н о р а

Послушавшись меня, ты никогда
Не повторишь, мой друг, печальный опыт.
Советую тебе прежде всего
Поехать во Флоренцию, а там
Тебе поможет друг, и этим другом
Сама явлюсь я. Еду я на днях
Туда, чтоб видеть мужа, и ничто
Не может быть для нас двоих приятней,
Чем если в нашу вступишь ты средю.
Я ничего тебе не говорю,
Ты знаешь сам, с какими там князьями
Ты сблизился, каких мужей и жен

Умел вскормить прекрасный этот город!
Что ж ты молчишь? Подумай и решай!

Т а с с о

Согласно то, что ты мне говоришь,
С моим в тиши питаемым желаньем.
Но это слишком ново: я прошу
Мне время дать об этом поразмыслить.

Л е о н о р а

Я удаляюсь с лучшею надеждой
Для дома этого и для тебя.
Подумай же, и если ты решишь,
То лучшего придумать невозможно.

Т а с с о

Еще одно! Скажи, мой милый друг,
Что обо мне подумала княжна?
Она сердилась? Что она сказала?
Меня бранила? Смело говори.

Л е о н о р а

Она легко тебя простила, верь мне.

Т а с с о

Я потерял в ее глазах? Не лсти.

Л е о н о р а

Не так легко проходит милость женщин.

Т а с с о

Она согласна, чтобы я уехал?

Л е о н о р а

Да, если в этом счастье для тебя.

Т а с с о

И я не потеряю милость князя?

Л е о н о р а

Спокоен будь: великодушен он.

Т а с с о

И бросим мы княжну совсем одну?
Ты уезжаешь. Если не теперь,
То прежде для нее я что-то значил,

Л е о н о р а

Нас может радовать издалека
Наш друг, когда мы знаем, что он счастлив.
Уже счастливым вижу я тебя,
Ты не уйдешь отсюда недовольным,
По приказанью князя уж тебя
Антонио отыскивает. Он
Себя бранит за то, что оскорбил
Тебя так зло. Прими его спокойно.

Т а с с о

Что ж? Я могу пред ним явиться смело.

Л е о н о р а

Пусть мне поможет небо, милый друг,
Тебе глаза открыть перед отъездом,
Что здесь никто тебя не ненавидит,
И не преследует, и не теснит!
Ошибся ты, и как другим на радость
Ты прежде сочинял, так ты теперь
Плетешь себе на горе паутину
Фантазии. Но сделаю я все,
Чтоб разорвать ее, чтоб ты свободно
Дорогою прекрасной жизни шел.
Прощай! С надеждой буду ждать ответа.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Т а с с о
(один)

Итак, меня никто не ненавидит
И не преследует, и все коварство,
Вся паутина заговоров тайных
Лишь у меня прядется в голове!
Признать я должен, что не прав, что часто
Чиню обиды тем, кто их ничем

Не заслужил, и это все в то время,
Когда открылись ясно перед солнцем
Коварство их и правота моя!
И должен чувствовать я глубоко,
Что князь идет ко мне с душой открытой
И уделяет щедро мне дары
В тот миг, когда он стал настолько слаб,
Что недругам моим позволил взоры
Ему затмить и руку оковать!
Но он не может видеть, что обманут,
Я ж не могу обман их показать.
И чтобы он в обмане оставался
И им его обманывать спокойно,
Я должен замолчать и отойти!
Кто мне дает совет? Кто так умно
Навязывает мне любовь и верность?
Ленора! Да, Ленора Санвитале,
Мой нежный друг! А, знаю я тебя!
Зачем я доверял ее устам!
Нечестною была она, когда
Выказывала мне любовь и нежность
Словами сладкими! Она была
И остается с хитрым сердцем, тихо
И вкрадчиво доверия ища.
Как часто я обманывал себя
Насчет ее! И чем я был обманут?
Тщеславием! Я знал ее прекрасно,
Но льстил себе. Я часто говорил:
Пусть она такая для других,
Но предана тебе душой открытой.
Ах, слишком поздно вижу я теперь:
Когда я счастлив был, она ко мне
Так нежно льнула. При моем паденье
Она мне поворачивает тыл.
Она — орудье моего врага,
Она шипит мне, маленькая змейка,
Своим волшебным, лстивым языком.
Она была еще милей, чем прежде,
Роняя с уст приятные слова!
Но лезть ее не скрыла предо мной
Их лживый смысл; казалось, слишком ясно
Написано на лбу ее иное
И противоположное. Легко

Я чувствую, когда не с чистым сердцем
Дороги ищут к сердцу моему.
Я во Флоренцию уехать должен?
Зачем туда? Я вижу хорошо:
Там Медичи воздвигли новый дом.
Хоть не в открытой он вражде с Феррарой,
Но зависти холодная рука
Высокие разъединяет души.
И если я от тамошнего князя
Благоволенья знаки получу,
Чего я должен ждать, то царедворцу
Легко удастся замарать сомнением
И верность, и признательность мою.
Уйду я, но не так, как вы хотите,
И далее, чем думаете вы.
И что меня задерживает здесь?
О да, я понял слишком хорошо
Слова, что вырвал я из уст Леноры!
Внимательно ловил я каждый слог.
И знаю все, что думает княжна,—
Да, это так, сомнений больше нет!
«Она меня отпустит, если это
Мне счастье даст». Ужель без боли в сердце
Она меня и счастье мое
Причиной выставляет? Лучше смертью
Быть схваченным, чем этою рукой,
Что холодно меня отвергла. Еду!
И видимости дружбы и добра
Остерегусь! Не может быть обманут,
Кто не обманывает сам себя.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

А н т о н и о . Т а с с о .

А н т о н и о

Имею я к тебе два слова, Тассо,
Коль выслушать спокойно можешь ты.

Т а с с о

Ты знаешь, действие запрещено мне,
И мне всего приличней ждать и слушать.

А н т о н и о

Я рад, что застаю тебя спокойным,
И говорю с тобою от души.
Во-первых, слабые твои оковы
По воле князя разрешаю я.

Т а с с о

Меня связал, меня освободил
Лишь произвол. Не требую суда.

А н т о н и о

Тогда позволь сказать тебе, что я
Тебя словами огорчил больней
И глубже, чем, разгорячившись, сам
Я это полагал. Но с уст моих
Не сорвалось презрительное слово.
Ты мне не можешь мстить как дворянин,
Как человек в прощенье не откажешь.

Т а с с о

Что хуже — огорчить иль оскорбить —
Большой вопрос, ведь огорчение в мозг
Нам проникает, дерзкие слова
Царапают по коже, их стрела
Летит назад. Общественное мнение
Мечом мы можем удовлетворить —
Обида ж исцеляется с трудом.

А н т о н и о

Настойчиво тебе я повторяю:
Не отступай и удовлетвори
Желание мое, желанье князя.

Т а с с о

Я сознаю мой долг, и я готов
Простить, поскольку это мне возможно!
Нам говорят порты о копье,
Целящем им же сделанную рану
Своим прикосновеньем. Ту же силу
Имеет человеческий язык,
Я ей сопротивляться не хочу.

А н т о н и о

Благодарю. Хотел бы я, чтоб ты
Мое желанье услужить тебе
Немедленно проверил. Чем, скажи,
Тебе теперь могу полезен быть?

Т а с с о

Мне предложение это очень кстати.
Ты мне вернул свободу, а теперь
Дай средство мне воспользоваться ею.

А н т о н и о

Что ты задумал? Ясно говори.

Т а с с о

Ты знаешь, что закончил я мой труд,
Его усовершенствовать мне надо.
Я передал его сегодня князю
В надежде тотчас обратиться с просьбой.
Немало в Риме собралось сейчас
Моих друзей, отдельно мне они
Уже свои высказывали мнения
Посредством писем, уже многим я
Воспользовался, многое еще
Обдумать должен, мне бы не хотелось
Переменять различные места,
Пока они меня не убедят.
Но это в письмах сделать невозможно,
Свиданье все распутает узлы.
Об этом сам хотел просить я князя,
Но места не нашел, теперь дерзаю
Просить об отпуске через тебя.

А н т о н и о

Не нахожу полезным уезжать
В те дни, когда законченный твой труд
Тебя приблизил к князю и княжне.
День милости — как день прекрасной жатвы;
Посев созревший требует труда.
Ты ничего не выиграешь, уехав,
И потеряешь то, что приобрел.
Присутствие — могучая богиня,
Учись ее влияние ценить!

Т а с с о

Я не боюсь. Альфонс так благороден,
Он так ко мне великодушен был.
Что ж до надежд, я здесь лишь сердцу князя
Хочу обязан быть, его щедрот
Не надо мне, не стану добиваться
Того, в чем он раскаяться бы мог.

А н т о н и о

Так не проси об отпуске его,
Он неохотно даст его тебе
И, опасаясь я, не даст совсем.

Т а с с о

Он даст, коль хорошенько попросить.
Ты это можешь, если только хочешь.

А н т о н и о

Какие ж основанья привести?

Т а с с о

Дай говорить моей поэмы стансом!
Похвального желал я, если цель
Для сил моих была недостижима.
В ней много прилежанья и труда.
И много дней, веселых и прекрасных,
Ночей безмолвных много я всецело
Благочестивой песни посвятил.
Приблизиться я чаял к тем великим
Учителям прошедшего, хотел
Воззвать от сна на подвиг благородный
Я наших современников, затем,
Быть может, разделить с Христовой ратью
Святой войны опасности и славу.
И если лучших песнь моя разбудит,
Она должна достойна лучших быть.
За прошлый труд обязан я Альфонсу,
Обязан буду за его конец.

А н т о н и о

И может этот князь ничуть не хуже,
Чем римляне, тобой руководить,

Окончи *здесь* свой труд и вслед за тем,
Чтоб действовать, спеши скорее в Рим.

Т а с с о

Альфонс меня впервые вдохновил
И будет мне учителем последним.
И твой совет, совет людей разумных,
Людей двора, ценю я высоко.
И вам решать, коль римские друзья
Меня не убедят вполне. Но раньше
Я должен видеть их. Совет судей
Сбирает для меня Гонзага, там
Предстану я. Едва могу дожждаться.
Фламинио де Нобили, Анджельо
Да Барга, Антоньяно и Сперон Сперони!
Ты знаешь их — какие имена!
Они доверье проливают в душу,
И радостно я подчиняюсь им.

А н т о н и о

Ты думаешь здесь только о себе,
А не о князе. Он тебя не пустит,
А если отпуск даст, то неохотно.
И с этим делом докучать ему
Нельзя. Могу ль посредником явиться
Я в том, чего не одобряю сам?

Т а с с о

Ты мне отказываешь в первой просьбе,
Когда хочу я дружбу испытать?

А н т о н и о

Да, проявляется порою дружба
В отказе, и любовь дарует часто
Нам вредный дар, заботясь о желанье
Того, кто требует, а не о счастье.
За счастье ты считаешь в этот миг
То, что иметь так пламенно желаешь,
И хочешь получить его мгновенно.
Ведь пылкостью безумный возмещает
Отсутствие правдивости и сил.
Мой долг велит умерить, как могу,
Твою поспешность, вредную тебе.

Т а с с о

Давно уж эту тиранию дружбы
Я знаю, и она невыносимей
Всех тираний. Иначе мыслишь ты
И потому лишь думаешь, что мыслишь
Ты правильно. Я признаю, что ты
Мне счастья хочешь, но не требуй, чтобы
Я на твоём пути его нашёл.

А н т о н и о

Так должен я сейчас тебе вредить
С холодной кровью, с ясным убежденьем?

Т а с с о

От этого тебя освобожу!
Меня ты этим словом не удержишь.
Ты дал свободу мне, и эти двери
Открытыми стоят передо мной.
Я предлагаю выбор. Ты или я!
Князь уезжает. Мира одного
Нам ждать нельзя. Скорее выбирай!
Или... или я сам отправлюсь к князю.

А н т о н и о

Дай мне немного времени подумать
И возвращенья князя подожди!
Но только не сегодня!

Т а с с о

Нет, сейчас,
Коль это можно! Мраморная почва
Мне жжет ступни, не раньше я могу,
Найти покой, пока вокруг меня
Дорожная не закрутится пыль.
Прошу тебя! Ты видишь, как теперь
Мне трудно говорить с властителем моим,
Ты видишь — да, я скрыть не в силах, —
Что я сейчас не властен над собой
И мне никто указывать не может.
Меня сдержать могли б одни оковы!
Альфонс со мной свободно говорил,
Он — не тиран, и я ему всегда
Послушным был, но нынче не могу!

Опомниться могу я лишь на воле!
К обязанностям скоро я вернусь.

А н т о н и о

Ты ввел меня в сомненье. Что мне делать?
Уж сам я заблуждением заражен.

Т а с с о

Коль должен верить дружбе я твоей,
То сделай то, чего я так хочу.
Коль князь отпустит, я не потеряю
Ни милости, ни помощи его.
Тогда тебе я буду благодарен.
Но если ты в груди питаешь злобу
И от двора прогнать меня желаешь,
Мою судьбу навек испортить, бросить
Меня беспомощным в широкий мир,
Противься мне, в своих упорствуй мыслях!

А н т о н и о

Коль должен я тебе вредить, о Тассо,
Я избираю путь, что ты избрал.
Исход покажет, кто из нас был прав,
Но я тебе заранее говорю:
Лишь ты от дома этого отъедешь,
Как станет сердце звать тебя назад.
Упрямство будет гнать тебя вперед,
Тоска, смущенье в Риме ждут тебя,
И здесь и там ты не достигнешь цели.
Я это говорю не для совета,
Я лишь предупреждаю наперед
О том, что будет, приглашая
Мне доверять, когда придет беда.
Я князю передам твоё желанье,

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Т а с с о
(один)

Иди, иди и будь уверен в том,
Что можешь убедить меня, в чем хочешь.
Учусь я притворяться и в тебе
Учителя великого имею,

Так нас казаться заставляет жизнь
Таковыми же, как те, кого бы вправе
Мы гордо презирать. Как ясно мне
Искусство все придворной паутины!
Антонио меня прогнать желает,
Но этого не хочет показать.
Он мудреца разыгрывает роль,
Чтобы меня нашли больным, неловким,
Он представляется опекуном,
Чтоб, как ребенка, унижать того,
Кого нельзя принудить, как слугу.
Так он туманит княжеские взоры.
Я все же нужен, — рассуждает он,
Природа мне дала прекрасный дар,
Но слабостями многими, к прискорбью,
Она сопровождала дар высокий:
Неукротимой гордостью, чрезмерной
Чувствительностью, сумрачным умом.
Иначе быть не может: только раз
Природа образует человека,
И мы должны таким, каков он есть,
Его терпеть; быть может, в добрый час
Делить его восторги с наслаждением,
Как выигрыш нечаянный, а впрочем,
Каким однажды он на свет родился,
Его оставить жить и умереть.
Могу ль узнать Альфонса твердый дух?
Узнать того, кто верно охраняет
Своих друзей, непримирим к врагам?
Я только узнаю мое несчастье.
Да, это жребий мой, чтоб для меня
Менялся каждый, — кто для всех других
Неколебимо верен, изменялся
Мгновенно от дыханья ветерка.
Иль человека этого приход
Мою судьбу мгновенно не разрушил?
Не он ли зданье счастья моего
С его основ глубоких опрокинул?
Ужель мне нынче это испытать?
Как все ко мне теснились, так теперь
Все бросили меня; как раньше каждый
Стремился жадно мною завладеть,
Так все меня отталкивают прочь.

И почему? Ужели он один
Меня лишил любви и уваженья,
Которыми я щедро обладал?
Все от меня бежит. И ты! И ты!
Уходишь ты, любимая княжна!
Она мне в эти скорбные часы
Не подала расположенья знак.
Того ли заслужил я? Так привыкла
Моя душа пред ней благоговеть,
Когда я слышал голос, наполнявший
Невыразимым чувством грудь мою!
Когда ее я видел, ясный свет
Темнел в глазах, влекли неудержимо
Меня к себе ее глаза, уста,
Колени подгибались, собирал
Я силы духа все, чтоб не упасть
К ее ногам, и это опьянение
Едва я мог рассеять. Но теперь
Будь крепким, сердце! Ты, мой ясный ум,
Не дай себя туманить! И она!
Я говорю, и сам едва я верю.
Я верю и хотел бы умолчать.
Да, и она! Прости ее, но правды
Не закрывай: да, и она, она!
О, это слово я б не произнес,
Пока во мне дыханье веры живо.
Да, это слово — приговор судьбы,
На гробовой доске моих мучений
Ее рукой иссеченный в конце.
Мои враги окрепли в первый раз,
И силу я навеки потерял.
Как воевать, когда средь вражьей рати
Стоит *она*? Откуда взять терпенья,
Когда *она* мне не подаст руки
И взор *ее* моя мольба не встретит?
Об этом думал я и говорил,
И это оправдалось слишком скоро!
И прежде чем отчаянье когтями
Тебе на части душу разорвет,
Оплакивай лишь горький жребий свой
И только повторяй: да, и *она*!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

САД

Альфонс. Антонио.

Антонио

Вторично по желанью твоему
Я Тассо посетил, я — от него.
Настойчиво его я убеждал,
Но он не оставляет прежних мыслей
И страстно просит, чтоб уехать в Рим
Ты на короткий срок ему позволил,

Альфонс

Досадно мне тебе сознаться в этом,
Но лучше это мне тебе сказать,
Чем скрытностью усиливать досаду.
Он хочет ехать — хорошо, его
Я не держу, он хочет в Рим — пускай!
Но только б у меня его не взял
Лукавый Медичи или Гонзага!
Что сделало Италию великой,
За что сосед с своим соседом спорит,
Есть обладанье лучшими людьми.
Вождем без войска кажется мне князь,
Который не собрал к себе таланты,
И кто не внемлет голосу поэтов,
Тот только варвар, кем бы ни был он.
Я этого нашел, избрал себе,
И я горжусь им, как моим слугой.
И раз я много сделал для него,
Его утратить было бы мне больно.

Антонио

В смущенье я, ведь все ж лежит на мне
Вина за то, что нынче здесь случилось.
В моем грехе признаться я хочу,
И дело милости твоей — простить,
Но если бы ты думал, что не все
Использовал я средства к примиренью,

Я был бы безутешен. О, скажи
Мне ласковое слово, чтоб я снова
Пришел в себя и доверял себе!

А л ь ф о н с

Антонио, ты можешь быть спокоен,
Я здесь не нахожу твоей вины,
Я знаю хорошо его характер
И слишком знаю то, что сделал я,
Как пощадил его, как все забыл,
Что от него, по правде говоря,
Я мог бы требовать. Ведь человек
Господствует над многим, дух его
Ни времени, ни горю не подвластен.

А н т о н и о

Коль многие хлопочут об одном,
То не мешало б и ему подумать
О том, чтоб пользу принести другим.
Кто так усовершенствовал свой дух,
Кто знаниями всеми овладел,
Которые позволено постигнуть,
Не вдвое ли обязан над собой
Господствовать? Он думает об этом?

А л ь ф о н с

Должны мы никогда не знать покоя!
Когда мы мним отдаться наслаждению,
Для храбрости нам дан бывает враг
И друг для упражнения в терпенье.

А н т о н и о

А первый человека долг — разумно
Себе питье и пищу выбирать
(Ведь этим и отличен он от зверя) —
Он исполняет? Нет, но, как дитя,
Он любит все приятное для вкуса.
Когда водой он разбавлял вино?
Но пряности и крепкие напитки
Глотает он одно вслед за другим
И жалуется после на тоску,
Горячность крови, бурный свой характер
И лишь бранит природу и судьбу.
Я видел часто, как он безрассудно

И злобно спорит с лекарем своим.
Ведь это — смех, коли смеяться можно
Над тем, что мучит и его и всех.
«Мне больно здесь,— он говорит с испугом.—
Коль хвалитесь своим искусством вы,
То помогите!» Отвечает врач:
«Не делайте того-то». — «Не могу».
«Питье примите». — «Нет, оно противно,
Моя природа им возмущена».
«Так выпейте воды». — «О, никогда!
Боюсь воды, как бешеный!» — «Итак,
Я не могу помочь вам». — «Почему?»
«Одна болезнь усилится другими,
И если вас они не умертвят,
То будут больше мучить с каждым днем».
«Прекрасно. Для чего ж ты врач? Ты знаешь
Мою болезнь и должен средства знать
Приятные, чтоб не страдал я вновь,
От прежнего страданья избавляясь»,
Смеешься ты, но это правда все,
Из уст его ты, верно, это слышал.

А л ь ф о н с

Я часто это слышал и прощал.

А н т о н и о

Конечно, неумеренная жизнь
Нам посылает тягостные сны
И в ясный день нас заставляет грезить.
Не греза ль — подозрительность его?
Он думает, что окружен врагами,
Куда б ни шел. Его талант никто
Без зависти не может видеть, зависть
Родит преследованье и вражду.
Так жалобами докучал он часто.
Ведь взломы, перехваченные письма,
Кинжал и яд мерещатся ему.
Ты это все исследовать велел
И что ж нашел? Ни тени, ни следа.
Он не спокоен под охраной князя,
Не радостен на дружеской груди.
И ты ему покоя, счастья хочешь
И радости желаешь от него?

А л ь ф о н с

Ты был бы прав, Антонио, когда б
Я в нем искал моей ближайшей пользы!
Но польза для меня и в том, что я
Не жду прямых и безусловных выгод.
Ведь все не одинаково нам служит:
Кто пользуется многими, тот каждым
Владеет на особый образец.
Так научил нас Медичи пример,
И это сами папы показали.
Как снисходительно, с каким вельможным
Терпением они переносили
Великие таланты, что, казалось,
В их щедрой благостыне не нуждались!

А н т о н и о

Кто этого не знает? Только опыт
Ценить нас учит блага этой жизни.
Он слишком рано многого достиг,
Чтобы уметь довольно наслаждаться.
О, если б он в борьбе приобретал
То, что обильно щедрыми руками
Ему дарят, он силы бы напруг
И делался счастливей с каждым шагом.
Ведь бедный дворянин уже достиг
Своих желаний цели, если князь
Его избрал, позволил быть, как другу,
С ним при дворе и кроткою рукой
Из бедности извлек. И если он
Ему дарит доверие и милость
И на войне, в беседе иль в делах
Его перед другими возвышает,
То думаю, что скромный человек
Здесь мог бы счастлив быть и благодарен.
Сверх этого всего у Тассо есть
Прекраснейшее счастье: на него
Уже глядит с надеждою отчизна.
О, верь мне: мрачные его причуды
Почиют на большой подушке счастья.
Но он идет, будь милостив к нему,
Пусть ищет он в Неаполе и в Риме
Того, чего не замечает здесь
И что лишь здесь опять найти он может.

А л ь ф о н с ,

Заедет он в Феррару на пути?

А н т о н и о

Еще побыть он хочет в Бельригуардо!

Необходимейшие из вещей

Ему послать он другу поручает.

А л ь ф о н с

Доволен я. Моя сестра с подругой.

Вернутся скоро, я же буду дома

Скорее их, поехавши верхом.

Ты также, позаботившись о нем,

Последуешь за ними. Кастеляну

Скажи, что может, сколько хочет, он

Остаться в этом замке, до тех пор,

Пока друзья пришлют ему пожитки.

И я ему отправлю письма в Рим

Для передачи. Он идет! Прощай!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

А л ь ф о н с. Т а с с о.

Т а с с о

(сдержанно)

Передо мной сегодня в новом свете

Явилось милосердие твое:

Ты мне простил, что я перед тобой

Так безрассудно, дерзко поступил,

Ты примирил противника со мной,

Ты позволяешь на короткий срок

Уехать мне и милости твои

Желаешь сохранить великодушно.

Я расстаюсь, исполнен упования,

Надеясь исцелиться в краткий срок

Ото всего, чем удручен теперь.

Мой дух по-новому воспрянуть должен,

И на пути, которым шел я смело,

Твоим приветным взором ободрен,

Я буду вновь твоих щедрот достоин.

А л ь ф о н с

Тебе желаю счастья в пути,
Надеюсь я, что весел и здоров
Ты возвратишься и тогда вдвойне
За каждый час, который отнимаешь
Теперь у нас, достойно наградишь.
К моим друзьям, которых много в Риме,
Я письма дам тебе, и я хочу,
Чтобы ты мог доверчиво везде
Себя держать с моими, я тебя
И в отдалении *моим* считаю.

Т а с с о

Ты осыпаешь милостями, князь,
Того, кто недостойн, кто не смеет
Тебя сейчас за них благодарить.
Не благодарность выслушай, а просьбу!
Моя поэма у меня на сердце.
Я поработал много, не берег
Труда и сил, но много остается
Доделать мне. Я мог бы там, где дух
Мужей великих до сих пор парит,
И действительно парит; там мог бы в школу
Я снова поступить, чтобы достойной
Твоих похвал моя явилась песнь.
Дай мне назад листы, в твоих руках
Незрелый труд, которого мне стыдно!

А л ь ф о н с

Ты у меня сегодня не отнимешь
То, что сегодня только преподнес?
Дай меж тобою и твоим трудом
Мне быть посредником! Остерегись
Сухой работой оскорбить природу,
Которая живет в твоих стихах,
И не внимай со всех сторон советам!
Ведь отзывы бесчисленные многих
Людей различных, что друг другу все
Противоречат в мнениях и в жизни,
Поэт в одно соединяет, не страшась,
Что многим он не угодит, чтоб многим
Тем больше угодить. Не говорю,

Что ты не должен скромно кое-где
Отшлифовать свое произведение;
Я обещаю тотчас, в краткий срок
Тебе вручить с твоей поэмы список.
Но рукопись твоя должна остаться
В моих руках, чтоб с сестрами моими
Я радовался ей, а если ты
Ее усовершенствуешь, мы больше
Получим радости и, как друзья,
На слабые места тебе укажем.

Т а с с о

Я лишь смущенно повторяю просьбу:
Скорее дай мне копию, теперь
Я всей душой в моем произведение.
Пусть станет тем оно, чем может стать.

А л ь ф о н с

Я одобряю твой порыв! Однако,
Мой добрый Тассо, было б хорошо
Тебе свободной жизнью насладиться
На краткий срок, немного поразвлечься,
Улучшить кровь лечением. Тогда
Гармония восстановленных сил
Тебе в готовом виде даст все то,
Что ты напрасно ищешь смутным чувством.

Т а с с о

Так кажется, мой князь, но я здоров,
Когда могу отдать себя труду,
И труд здоровым делает меня.
Меня ты видел долго, не люблю
Я роскоши свободной, и покой
Не отдых для меня. Моя душа
Не для того назначена природой,
Чтоб на ладье веселых, мирных дней
В простор времен безбрежный уноситься.

А л ь ф о н с

Ты всеми мыслями влечешься в глубь
Своей души. Хоть окружает нас
Большая бездна, вырытая роком,

Но глубже та, что скрыта в нашем сердце,
И кинуться в нее бывает сладко,
О, оторвись от самого себя!
И пусть порт уступит человеку.

Т а с с о

Напрасно я смиряю мой порыв
И день и ночь в груди попеременно.
Когда я не могу слагать стихи
Иль размышлять, мне больше жизнь — не
в жизнь.

Кто шелковичному червю пред смертью
Прясти его одежду запретит?
Он выпрягает дорогую ткань
Из недр своих и бросит труд не прежде,
Чем заключит себя в своей гробнице.
О, пусть и нам дарует добрый бог
Завидный жребий этого червя,
Чтоб радостно и быстро развернуть
Крыла в долине солнечной!

А л ь ф о н с

Послушай!

Двойное наслажденье жизнью ты
Даруешь многим, научись же сам
Знать цену жизни, пользуешься ею
Ты в десять раз богаче их. Прощай!
И чем скорей вернешься ты назад,
Тем более тебе мы будем рады.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Т а с с о
(один)

Ты поступаешь правильно, крепись,
Моя душа, хоть было тяжело
Учиться мне притворству в первый раз!
Ты здесь услышал не его слова
И чувства. Мне казалось, что опять
Антонио я различаю голос.

Будь осторожен! Ты со всех сторон
Теперь его услышишь. Лишь крепись!
Притворствоваться осталось только миг.
Кто поздно в жизни притворяться стал,
Того считают честным наперед.
Пойдет на лад, лишь упражняйся с ними.
(После паузы.)

Ты слишком рано стал торжествовать!
Она идет, прекрасная княжна!
О, что со мной! Она идет, и в сердце
Все подозренья разрешились в скорбь.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

П р и н ц е с с а . Т а с с о . К концу явления — п р о ч и е .

П р и н ц е с с а

Ты хочешь нас покинуть иль еще
Останешься немного в Бельригуардо
И лишь тогда от нас уедешь, Тассо?
Надеюсь я, что на короткий срок
Ты едешь в Рим?

Т а с с о

Я направляю путь
Туда сначала. Если благосклонно
Меня друзья там примут, как могу
Надеяться, с терпением и старанием
Я, может быть, закончу труд мой там,
Где люди собрались, учителями
Слывущие во всех родах искусств.
И разве же в столице мировой
Не говорит нам громко каждый камень?
Там манят нас в своем величье строгом
Не тысячи ль немых учителей?
И если там не кончу я поэму,
То никогда не кончу. Ах, уже
Я чувствую, мне счастья нет ни в чем!
Я изменить могу, но не закончить.
Я чувствую, великое искусство,
Что всех питает и здоровый дух

Крепит и освежает, беспощадно
Меня погубит. Я уеду прочь!
Скорей в Неаполь!

П р и н ц е с с а

Ты дерзнешь на это?
Ведь в силе приговор, что на изгнание
Обрек тебя и твоего отца.

Т а с с о

Уж я об этом думал, ты права.
Но я переоденусь пилигримом
Иль буду в бедном платье пастуха.
Я проберусь чрез город, где движенье
Народных тысяч скроет одного.
Я поспешу на берег, там найду
Челнок с людьми, что ездили на рынок,
Теперь же возвращаются домой
С крестьянами из моего Сорренто.
Ведь надо мне в Сорренто поспешать.
Там у меня сестра, она со мною
Утехою родителей была
В их горестях. Я буду плыть безмолвно,
Вступлю на берег, тихо я пойду
Родной тропой и у ворот спрошу:
«Где здесь живет Корнелия? Скажите!
Корнелия Серзале?» Благосклонно
Прядильщица мне улицу укажет
И дом ее. Я дальше поднимусь.
Вот выбегают дети, с изумленьем
На трепаного, мрачного пришельца
Они глядят. Вот у порога я.
Открыты двери, я вступаю в дом...

П р и н ц е с с а

Опомнись, Тассо! Что ты говоришь?
Пойми, в какую ты зашел опасность!
Щажу тебя, иначе бы сказала:
Ужель ты благородно говоришь?
Ужели благородно думать только
Лишь о себе и огорчать друзей?
Иль от тебя сокрыто, как мой брат,
Как мы с сестрой тебя ценить умеем?

Ты это не почувствовал? Не знал?
Ужели все мгновенно изменилось?
О Тассо! Если хочешь ты уйти,
Не оставляй нам скорби и кручины.

Тассо отворачивается.

Как утешительно бывает другу,
Что уезжает на короткий срок,
Подарок сделать маленький, будь это
Оружье только или новый плащ!
Но ничего дарить тебе нельзя:
Ты все бросаешь прочь, чем обладаешь.
Ты черный плащ и посох пилигрима
Избрал и добровольным бедняком
Идешь в свой путь, лишая нас того,
Чем только с нами мог бы наслаждаться.

Т а с с о

Меня совсем ты оттолкнуть не хочешь?
О, утешенья сладкие слова!
Храни меня! Возьми под свой покров!
Здесь, в Бельригуардо, ты оставь меня,
Отправь в Консондоли, куда захочешь!
У князя много чудных замков есть
И много есть садов, что целый год
Стоят пустыми, разве только на день
Вы ездите туда, на час, быть может.
Да, выбери мне самый дальний, где
Вы не были годами, что теперь
В пренебреженье, может быть, заглох.
Туда меня пошлите! Как хочу
Я о твоих заботиться деревьях!
По осени закутывать лимоны
Тесинами и вязью тростниковой.
Пускай цветы прекрасные на грядках
Свой корень пустят; чисты и красивы
Пусть будут все местечки и тропы.
Мне предоставь и о дворце заботу!
Я своевременно раскрою окна,
Чтобы картин не повредила сырость;
Со стен, украшенных изящной лепкой,
Я осторожно буду пыль стряхать.

Должны полы блестеть светло и чисто,
На месте быть кирпич и каждый камень,
Нигде травинка не пробьется в щелях!

П р и н ц е с с а

Я в сердце не могу найти совета
И утешенья для тебя и... нас.
Смотрю кругом, ища, чтоб некий бог
Нам помощь оказал, открыл бы мне
Целительное зелье иль напиток,
Что принесли бы мир тебе и нам.
Не действуют уж более — увы! —
Слова, с моих летающие уст.
Тебя должна оставить я, но сердце
Тебя не может бросить.

Т а с с о

Боги! Боги!

Она ль с тобой так нежно говорит?
Ты в сердце благородном сомневался?
Возможно ль, чтоб в присутствии ее
Ты был унынием поработен?
Нет, это ты! Я стал самим собою.
О, продолжай и дай мне услышать
Из уст твоих целительное слово!
О, говори! Что должен делать я,
Чтоб мог простить меня твой брат, чтоб ты
Сама меня простила, чтобы вашим
Могли меня по-прежнему считать
Вы с радостью? Ответь же мне, скажи!

П р и н ц е с с а

Мы от тебя немногого желаем,
И все ж великим кажется оно.
Ты сам нам должен дружески отдаться.
Не надо нам, чтобы ты стал другим,
Когда в согласье ты с самим собой.
Мы радуемся радостью твоей,
Нам грустно, если ты ее бежишь,
И если мы с тобой нетерпеливы,
То это оттого, что мы желаем
Тебе помочь, но этого нельзя,
Когда ты сам отталкиваешь руку,
Протянутую с ласкою к тебе.

Т а с с о

Ты — та ж, какой явилась в первый раз
Небесным ангелом навстречу мне!
Прости печальным взорам смертного,
Коль он не узнает тебя на миг.
Он вновь узнал! Открылась вся душа,
Чтоб лишь одну тебя любить навеки.
Сейчас все сердце полно нежностью...
Что чувствую! Она передо мной!
Безумие ль влечет меня к тебе?
Иль в первый раз высокая мечта
Чистейшую охватывает правду?
Да, это чувство, что меня одно
Счастливым может сделать на земле
И жалким сделало, когда ему
Сопrotивлялся я, хотел из сердца
Его изгнать. Я думал эту страсть
Преодолеть, боролся с самой глубио
Моей души, и дерзко разрушал
Я суть свою, с которой ты слита...

П р и н ц е с с а

Когда тебя должна я слушать, Тассо,
Умерь свой пыл, пугающий меня.

Т а с с о

Как может кубок удержатъ вино,
Когда оно чрез край клоочет в пене?
Ты каждым словом множишь мой восторг,
И все светлей твои глаза сияют!
Я весь до дна души преобразился,
Избавился от всех моих мучений,
Через тебя свободен я, как бог!
Владеют мной с невыразимой силой
Твои уста; ты сделала меня
Всего твоим, и не принадлежит
Мне ничего из собственного «я».
Мой взор померк в блаженстве и в лучах,
Колеблется мой ум. Едва стою,
Меня к тебе влечет неодолимо,
Неудержимо рвусь к тебе душой,

Ты сделала меня твоим навеки,
Итак, прими все существо мое!
(*Падает в ее объятия и крепко прижимает ее к себе.*)

П р и н ц е с с а
(*отталкивает его от себя, бросаясь в сторону*).

Прочь!

Л е о н о р а
(*которая уже немного ранее показалась в глубине
сцены, подбегая*)

Что случилось? Тассо! Тассо!
(*Уходит за принцессой.*)

Т а с с о
(*намереваясь за ними следовать*)
Боже!

А л ь ф о н с
(*который уже некоторое время приближался с Антонио*)
Держите крепче! Он сошел с ума,
(*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Т а с с о. А н т о н и о.

А н т о н и о

Стой здесь твой враг,— ты думаешь всегда,
Что окружен кольцом врагов,— о, как бы
Теперь он мог торжествовать! Несчастный!
Едва-едва я прихожу в себя!
Когда неожиданное случится с нами
И необычное увидит взор,
Наш дух немеет на одно мгновенье,
И с этим ничего нельзя сравнить.

Т а с с о
(*после долгой паузы*)

Исполни же обязанность свою!
Я вижу, это ты! Доверье князя
Ты заслужил, так истязуй меня,

Раз я обезоружен, истязуй
Медлительно, до смерти! Острие
Вонзай мне в грудь, дай чувствовать железо,
Что рвет мне плоть!
Ты — верное орудие тирана;
Его тюремщик, будь же палачом!
О, как к лицу тебе то и другое!

(За сцену.)

Иди, тиран! Ты до конца не мог
Притворства выдержать, так торжествуй же!
Ты хорошо умел сковать раба
Для медленных, изысканных мучений.
Тебя я ненавижу, уходи!
Какое мне внушает отвращенье
Твой беззаконный, дерзкий произвол!

(После паузы.)

Итак, себя я вижу под конец
Отвергнутым и проклятым, как нищий:
Меня украсили и увенчали,
Чтобы вести, как жертву, к алтарю.
Единственную собственность мою,
Мою поэму льстивыми словами
Они сумели выманить и держат!
У вас в руках — единственный мой клад,
Что придавал мне цену: ведь поэмой
Я мог себя от голода спасти!
Вот почему я должен праздным быть.
Здесь заговор, и ты его глава.
Чтоб песнь моя неконченной осталась,
Замолкла слава, сотни недостатков
Могли найти завистники мои,
Чтоб, наконец, меня совсем забыли, —
Вот для чего советуют мне праздность,
Вот для чего себя беречь я должен.
О, верная заботливость и дружба!
Мне гнусным представлялся заговор,
Сплетавшийся незримо вокруг меня,
Но он еще гнуснее, чем я думал.
А ты, сирена, что влекла меня
С такой небесной нежностью, теперь
Тебя я вижу всю! Зачем так поздно!
Ах, любим мы обманывать себя,
Порочных чтить в ответ на их почтение,

Ведь людям знать друг друга не дано,
Друг друга знают лишь рабы галер,
Что чахнут на одной скамье в оковах;
Где ни потребовать никто не может,
Ни потерять, друг друга знают там,
Где каждый плутом чувствует себя
И может всех других считать за плута.
Но мы других не узнаем учтиво,
Чтоб и они не узнавали нас.
Как долго закрывал священный образ
Прелестницу ничтожную! Теперь
Упала маска: вижу я Армиду,
Утратившую чары. Вот кто ты!
Предугадал тебя в моей я песне!
А хитрая посредница ее!
Как унижалась предо мной она!
Я слышу шелест вкрадчивой походки,
Я знаю цель, куда она ползла.
Я всех вас знаю! Будет! Пусть несчастье
Меня всего лишает, все ж ему
Я радуюсь: оно научит правде.

А н т о н и о

Я с изумленьем слушаю тебя.
Я знаю, Тассо, как твой быстрый дух
Колеблется в две стороны. Опомнись
И яростью безумной овладей!
Ты произносишь резкие слова,
Что можно бы простить твоим скорбям.
Но сам себе ты их простить не можешь.

Т а с с о

Не говори мне кротким языком,
Разумных слов я не желаю слышать!
Оставь глухое счастье мне, чтоб я,
Опамятовавшись, не сошел с ума.
Я раздроблен до глубины костей,
Живу, чтоб это чувствовать, охвачен
Отчаяньем, и в вихре адских мук,
Которые меня уничтожают,
Моя хула лишь слабый боли стон.
Я прочь хочу! И если честен ты,
То помоги мне выбраться отсюда!

А н т о н и о

Тебя я в этом горе не покину.
И если ты не властен над собой,
То я не ослабел в моем терпенье.

Т а с с о

Итак, тебе я должен в плен отдаться?
Я отдаюсь, и это решено.
Я не противлюсь, лучше будет так —
И повторяю я себе со скорбью:
Прекрасно было то, что ты утратил.
Они уехали — о, боже! Вижу
Я пыль от экипажей, впереди
Несутся всадники... Их нет, их нет!
Они умчались! Если бы я мог
За ними вслед! Они умчались в гнев.
О, если бы я мог принасть хоть раз
К его руке, проститься пред разлукой,
Хоть раз сказать: «Простите!» И услышать
Еще хоть раз: «Иди, все прощено!»
Но никогда я это не услышу...
О, я уйду! Лишь дайте мне проститься,
Проститься! Дайте снова хоть на миг
Увидеть вас, и, может быть, тогда
Я выздоровлю вновь. Нет, я отвергнут,
Я изгнан, и себя изгнал я сам.
Я не услышу больше этот голос
И этот взор уж больше никогда
Не повстречаю...

А н т о н и о

Пусть тебя ободрит голос мужа,
Что близ тебя растроганный стоит!
Не так несчастен ты, как представляешь.
Мужайся же! Не уступай себе.

Т а с с о

А так ли я несчастен, как кажуся?
И так ли слаб, как пред тобой являюсь?
Ужели все я потерял и скорбь

Уж превратила, как землетрясенье,
Весь дом лишь в груды мусора и пыли?
Иль не осталось у меня таланта,
Чтоб поддержать меня и дать забвенье?
И неужель угасла сила вся
В моей груди? Ужель я стал теперь
Совсем ничтожным?
Нет, это так, и я теперь — ничто.
Ее утратив, я себя утратил!

А н т о н и о

Когда всего себя ты потерял,
Сравни себя с другим! Познай себя!

Т а с с о

Ты вовремя об этом мне напомнил!
Поможет ли истории пример?
Могу ль себе представить человека,
Что более, чем я, перестрадал,
Чтоб, с ним сравнив, я овладел собою?
Нет, все ушло! Осталось лишь одно:
Нам слез ручьи природа даровала
И скорби крик, когда уже терпеть
Не может человек. А мне в придачу
Она дала мелодиями песен
Оплакивать всю гора глубину:
И если человек в страданиях нем,
Мне бог дает поведать, как я страдаю.

Антонио подходит к нему и берет его за руку.

Стоишь ты твердо, благородный муж,
А я — волна, колеблемая бурей.
Но силою своею не кичись!
Та самая могучая природа,
Что создала незыблемый утес,
Дала волне мятежное движение.
Пошлет природа бурю, и волна
Бежит, вздымается и гнется в пене.
В ней отражались солнце и лазурь
Прекрасные, и звезды почивали
В ее так нежно зыблющемся лоне.
Но блеск исчез, и убежал покой.

Я более себя не узнаю
И не стыжусь себе признаться в этом.
Разломан руль, и мой корабль трещит
Со всех сторон. Рассевшееся дно
Уходит из-под ног моих! Тебя
Обеими руками обнимаю!
Так корабельщик крепко за утес
Цепляется, где должен был разбиться.

ВНЕБРАЧНАЯ ДОЧЬ

Трагедия

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Король.	Священник.
Герцог.	Судья.
Граф.	Губернатор.
Евгения.	Игуменья.
Воспитательница.	Монах.
Секретарь.	

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛЕСНАЯ ГЛУШЬ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Король, герцог.

Король

Гоньбою вспугнут, царственный олень
Принудил всех — людей, коней и псов —
Его меты держаться, пролежавшей
По кручам и обвалам. Я и сам
Не ведаю, куда нас занесло,
Хоть порскал здесь немало. Где мы, дядя?
Я этих мест не видел отродясь.

Г е р ц о г

Ручей, обдавший нас бурливой стужей,
Течет по землям твоего слуги,
Дарованным мне щедростью твоей
Как первому вассалу королевства.
А за хребтом лесистых этих гор
Таится домик мой, не для царей
Воздвигнутый, конечно, но готовый
Тебя принять и обслужить радушно.

К о р о л ь

Дай под высоким куполом деревьев
Нам кафедральным мраком насладиться!
Дай трепетной листве густую сеть
Вкруг нас сплести, чтоб звонкий шум охоты
На краткий час сменила тишь благая,

Г е р ц о г

Не правда ли, как дышится легко
Отгородившимся от бурь житейских
Нерукотворным этим бастионом?
Здесь не достигнет нас ни ропот черни,
Ни наглых трутней алчная ладонь.
Не углядишь отсюда, как тишком
К твоим врагам пристал неблагодарный.
Здесь шумный мир не потревожит нас,
Что вечно требует, трудов чураясь.

К о р о л ь

Не надо бы напоминать о том,
О чем забыть стремится скорбный разум.
Пусть отзвук гула отдаленных бурь
Заглохнет и замрет хотя б на время,
Не лучше ль нам затеять разговор,
Достойный благодатного укрытья?
Здесь скромная чета гулять могла бы,
Любуясь на детей, больших и малых,
Тревог не ведая. Здесь мог бы друг
Довериться отзывчивому другу.
Не ты ли сам мне намекнул на днях,
Как показалось мне, любезный дядя,

Что хочешь тайну мне открыть, поведать
Давно томящее тебя желанье
В надежде, что исполнится оно.

Г е р ц о г

Ты большую мне милость оказать
Не мог бы, мой державный повелитель,
Как развязать язык мне добрым словом.
Не станет кто другой внимать признаньям
Моим участливей, чем наш король,
Кому дороже всех сокровищ мира
Его родные дети. Лишь с тобой,
Мой государь, хочу я говорить
О радостях счастливого отцовства.

К о р о л ь

О радостях отцовства? Неужель
Они тебе знакомы? Разве он,
Твой сын единственный, не омрачил
Строптивостью, распутством, мотовством
Твоей к закату близящейся жизни?
Иль буйный нрав его угомонился?

Г е р ц о г

От сына я не жду отрадных дней.
Его мятежный норов обложил
Весь горизонт грядую туч грозowych.
Не он, звезда другая, свет другой
Открылись мне. Карбункулы мерцают
В пустынной тьме, по древнему поверью,
И разрезают мрак безлунной ночи
Нездешним светом призрачных огней.
Такой волшебный клад и мне доверен,
Счастливому! И я его храню
С надеждой, с робкой радостью, с тревогой,
Заботливее, чем зеницу ока,
Чем жизни, мне дарованной, свечу.

К о р о л ь

Не затемняй таинственностью тайну.

Г е р ц о г

Бестрепетно *кто* кается в грехе
Пред королем, не зная, претворит ли
Монаршья воля грех в источник счастья?

К о р о л ь

И этот клад, от всех тобой таймый...

Г е р ц о г

То дочь моя.

К о р о л ь

Как? Твоя дочь?.. Ужель,
Подобно олимпийским божествам,
Искал мой дядюшка услад любовных
И радостей отцовства в низшем круге?

Г е р ц о г

Высокое и низкое равно
Порой повелевают нам молчанье.
Ах! слишком высоко она стояла,
Та, с кем связал меня всевластный рок!
По ней твой двор поныне носит траур,
Деля со мной снедающую боль.

К о р о л ь

Ты — о принцессе, родственнице нашей
Почившей?

Г е р ц о г

Да.— Но дай мне слово молвить
О нашей дочери, что с каждым днем
Родителей становится достойней
Своею статью, благородством чувств.
Да будет прошлое погребено
С любимым прахом под одной плитой!
Ее кончина мне вернула право
Перед тобою дочь назвать мою,
Моля монарха до меня поднять
Ее и до себя; признать открыто
За ней права высокого рожденья
Перед двором, страной и целым миром
В неистощимой благодати своей,

К о р о л ь

Когда сестра, неведомая мне,
И впрямь все совершенства съединила
Родителей своих высокородных,
То должен двор и наш державный род
Приветствовать столь чудную звезду,
Взошедшую взамен звезды угасшей.

Г е р ц о г

Поговори с ней, прежде чем решать
Судьбу ее. Отцовым славословьям
Не доверяйся! Много ей дано
Благоволением самой природы.
Но я ее старался оградить
Со дня рожденья лучшими из лучших;
Наставницу усердную и мужа
Обширных знаний я приставил к ней.
Какими восхищенными глазами
Она взирает на творенье божье!
Какими красками рисует ей
Воображение путь, ей предстоящий!
Отцу она всем сердцем предана.
И если дух ее день ото дня
Мужает, набираясь новых знаний,
То юный стан, чтоб крепость обрести,
В утехах рыцарских нужды не ведал.
Ты сам в пылу охоты наблюдал
За смелой всадницей, тебе неизвестной,
Не далее, как нынче. Амазонка,
Что в реку бросилась вослед оленю
На взмыленном коне, была она.

К о р о л ь

Хоть натерпелся страху я, мне льстит,
Что нашей крови Артемида эта.

Г е р ц о г

Не в первый раз я испытал в тот миг,
Как страх и гордость, ужас и восторг
Сплетаются в нерасторжимый узел,

К о р о л ь

С уверенной отвагой борзый конь
Бесстрашную стремглав на берег вынес
В суровый сумрак зарослей густых
И с ней исчез бесследно,

Г е р ц о г

Только раз

Она еще мелькнула вдалеке
И в глухомани леса затерялась.
Бог весть, где носится она теперь,
Досадуя, что не удастся ей
Порфинозного ее кумира
Хотя бы издали еще увидеть,
Как то и подобает ей,— до дня,
Когда угодно будет государю
Признать за ней права принцессы крови.

К о р о л ь

Что за смятение вдруг объяло всех?
Все ринулись к подножию утеса.
(*Подает знак рукою в сторону кулисы.*)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Т е ж е. Г р а ф.

К о р о л ь

Без лишних слов скажи, что там случилось?

Г р а ф

Наездница с кремнистой крутизны
В зияющую пропасть сорвалась,

Г е р ц о г

О, боже!

К о р о л ь

Что с ней сталося?

Г р а ф

Тотчас мы
Гонца послали за твоим хирургом.

Г е р ц о г

К ней! Что гадать? Коль нет ее в живых,
Ничто меня не связывает с жизнью!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Король. Граф.

К о р о л ь

Как это было? Как стряслась беда?

Г р а ф

Все на моих глазах произошло:
Большой отряд ретивых удалцов,
От прочих обособясь во главе
С прекрасной всадницей, вдруг появился
С той стороны лесистых этих гор
И слышат, чуют, видят, что олень
Добычей стал освирепевших псов.
И в тот же миг рассеялся отряд,
И каждый стал — кто тут, кто там — искать
Себе тропу в объезд разверстой бездны,
И лишь она, одна из всех, бесстрашно
Принудила коня вперед рвануться
С уступа на уступ ко дну обрыва,
Мы изумлялись дерзости такой,
Успешной поначалу. Но, ступив
С опаскою на край последней кручи,
Вдруг поскользнулся конь и сорвался
С утеса вместе с нею. Вот и все,
Чему я был свидетель. А потом
От глаз моих толпа ее закрыла,
И за хирургом послан был гонец.
Ты подал знак, и я к тебе явился.

К о р о л ь

Лишь уцелела б дочь его! Опасен,
Кому на свете нечего терять.

Г р а ф

Смертельный ужас вырвал у него
Былую тайну из душевной глубины,
Которую хранил он так ревниво?

К о р о л ь

Он час назад во всем признался мне.

Г р а ф

Как видно, смерть принцессы разрешила
Ему открыться в том, что для двора
И для страны открытой было тайной
Уж столько лет. Потешная черта!
Молчать и думать, что своим молчаньем
Мы в силах сделать бывшее небывшим.

К о р о л ь

Не обойтись без этой нам черты,
Немало дел вершится на земле,
Каких огласке предавать зазорно.

Г р а ф

Несут. Боюсь, она уже мертва.

К о р о л ь

Ужасная, неожиданная утрата!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Т е ж е. **Евгения** — ее несут, как покойницу, на сплетенных
из ветвей носилках. **Герцог.** **Хирург.** **Свита.**

Г е р ц о г
(*хирургу*)

Когда твое искусство, эскулап,
Усердный страж бесценного здоровья
Монарха нашего, чего-то стоит,
Так сделай, чтоб глаза ее раскрылись,
Их взор во мне надежду пробудил!
Дай хоть на миг воспрянуть мне душой
Из пропасти страданий безысходных!

А если ты лишь на ничтожный срок
Ей жизнь продлить своим искусством можешь,
Так помоги мне раньше умереть,
Чем навсегда замрет ее дыханье.
Чтоб в свой предсмертный миг я вскрикнуть мог,
Исполнясь верой: дочь моя жива!

К о р о л ь

Уйди отсюда, дядя! Долг отца
Я на себя беру. Все, что возможно,
Он сделает — как будто перед ним
Не дочь твоя, а я лежу простертый.

Г е р ц о г

Пошевелинулась!..

К о р о л ь

Правда?

Г р а ф

Да.

Г е р ц о г

Глядит!

Бесстрастно на небо, вокруг смятенно.
Она жива!

К о р о л ь

(отступив, хирургу)

Удвой свои старанья!

Г е р ц о г

Жива! Глядит разверстыми глазами
На божий мир! Дай срок, и нас узнает,
Отца родного, преданных друзей!
Ах, не туда ты смотришь, светик мой!
Ну что тебе до этих? На меня
Гляди, дружок, на своего отца!
Ужель не узнаешь? Пусть голос мой
Коснется первым слуха твоего,
Прервав безмолвие досрочной ночи.

Евгения
(чуть приподнявши голову и постепенно приходя в себя)

Как мы здесь очутились?

Герцог

Нет, сперва
Меня узнай! Не узнаешь?

Евгения

Отец!

Герцог

Да, твой отец, которого из бездны
Отчаянья вернул твой милый голос,

Евгения

Где мы, отец?

Герцог

(которому хирург подал белый платок),

Не думай ни о чем,
Доверчиво прими из рук отца
Платок, пропитанный целебной влагой.

Евгения

(берет от отца платок и покрывает им лицо,
затем быстро встает, отбросив его),

Все вспомнила — рассеялся туман!
Там мы стояли, там дерзнула я
Послать коня вперед ко дну обрыва.
Я сорвалась, и замертво меня
Снесли к тебе. Прости мне безрассудство!
Меня любить ты можешь ли еще,
Подвергшую тебя таким страданиям?

Герцог

Казалось мне, что я и прежде знал,
Какой бесценный клад доверен мне,
Но страх утратить счастье во сто крат
Умножил цену клада чудного.

Король
(графу)

Пусть все уйдут! Хочу поговорить с ней,

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Король. Герцог. Евгения.

Король

Как всадница отважная? Она
Не пострадала?

Герцог

Нет, мой государь!
'А если след безмерного испуга
Еще не стерся, ты сотрешь его
Целебной силой кротости своей.

Король

Какого рода-звания она?

Герцог
(помолчав)

На твой вопрос отвечу я признаньем,
На твой приказ — тем, что представлю я
Ее как дочь тебе.

Король

Как дочь твою?
Мой милый дядя, счастье одарило
Тебя куда щедрее, чем закон.

Евгения

Как не спросить себя: а вправду ль я
Из морока томительного бреда
Вернулась к яви жизни? Или всё,
Что вокруг меня, обманный сон, и только?
Отец меня представил королю
Как дочь свою. Ужели это правда?
Но раз отец мой — дядя короля,
Тем самым довожусь я государю
Сестрой двоюродной?.. Прости меня,
Великий наш король! Прости за то,
Что, вырванная из глухого мрака
Безвестности, я — от обилья света —
Не знаю, как ступить и что сказать...
(Припадает к стопам короля.)

К о р о л ь

Пусть знаменует твой земной поклон,
Покорность непреложной воле рока:
Нелегкий долг смиренья ты несла
Безропотно немало горьких дней
Наперекор высокому рождению.
Но пусть и этот час, когда тебя,
Подняв с земли, я к сердцу прижимаю
И твоего прекрасного чела
Отеческим касаюсь поцелуем,
Не меньшим будет знаменьем судьбы!
В тебе признал я кровь державных предков,
И вскоре всё, что вам поведал тайно,
Я пред двором открыто повторю.

Г е р ц о г

Столь щедрый дар нас обязует к вечной
И безраздельной верности тебе.

Е в г е н и я

Наставникам внимала я усердно,
А также зову собственной души,
Но говорить с возлюбленным монархом
И отдаленно я не научилась.
Но если даже не удастся мне
Все высказать, как должно, государь,
Молчать перед тобой мне не пристало.
Чем услужить, что дать тебе могу я?
Ведь даже скопища своих богатств
Ты подданным вседневно возвращаешь.
Здесь тысячи стоят тебе к услугам,
Здесь тысячи ждут знака твоего!
И если кто из них свой ум, и душу,
И кровь, и жизнь тебе отдать готов,
В толпе несметной он — ничто и в море
Безвестной каплей кануть обречен

К о р о л ь

Толпу ты грозной силой считаешь,
Дитя мое? Не стану отрицать:
Она сильна. Но сколь сильнее те
Немногие, что ей повелевают,
Ведут ее и властвуют над ней!

И если, по преемству, государь
Глава страны, то родичи его —
На страх врагам и благо королевству —
Ближайшие советники ему.
О, если б никогда в высокий круг
Сподвижников моих единокровных
Не проникал губительный раздор!
Я нерушимым королевским словом
Тебе отца сегодня даровал,
Мне близкого по крови. Сохрани
Для государя ум его и сердце!
Противников немало у меня,
Так пусть он их числа не преумножит!

Герцог

Чем заслужил столь тяжкий я укор?

Евгения

Как непонятны мне намеки эти!

Король

Не торопись досрочно их понять!
Все двери в королевские чертоги
Открыты для тебя. Ты в тронный зал
Идешь по плитам мраморного пола,
Дивясь потоку праздничной толпы;
И чаешь детским сердцем встретить здесь
Любовь, согласие, преданность престолу.
Увидишь ты другое! Мы живем
В такие дни, когда тебя король
Не на веселый праздник приглашает,
Будь даже он днем моего рожденья.
И все же, горьким думам вопреки,
Он мне сулит усладу! В этот день
Я назову тебя своей сестрой.
Все взоры обратятся на тебя!
По прихоти природы ты прекрасна;
А что до ценных тканей, бриллиантов,
Мы раздобудем их, отец и я.

Евгения

Нежданной радости невольный вскрик,
Слеза, дрожащая в счастливом взоре,
Не выразят безбрежного блаженства,

Каким ты душу всколыхнул мою.
К твоим стопам склоняюсь я безмолвно,
(Хочет пасть на колени.)

К о р о л ь
(удерживая ее)

Не надо так!..

Е в г е н и я

О, дай же мне сполна
Блаженство преданной любви изведать!
Когда в часы безудержной отваги
Мы нерушимо верим в свой успех,
Всецело уповая на себя,
Нам кажется, что мы владеем миром.
Но сладостен и миг, зовущий нас
В немом восторге на колени пасть:
Все, что мы жаждем в жертвенном порыве
Отцу поведать, государю, богу —
Любовь свою и преданность до гроба,
Не выразить полнее, как упав
Перед тобой в молчанье на колени.
(Падает ниц перед королем.)

Г е р ц о г
(преклонив колени)

Дозволь вторично присягнуть тебе!

Е в г е н и я

Навеки мы вассалы венценосца!

К о р о л ь

Ах, встаньте же! Вступите в круг моих
Соратников достойных! Твердо стойте
За правду, за исконные права!
Наш век — увы! — отмечен страшным знаком:
Ничтожное растет, величье никнет;
Безродный хочет, с родовитой знатью
Сравнявшись, буйным бредням предаваться,
Чтоб больше не осталось никаких
Различий меж людьми, и все мы в общем
Потоке устремились к океану,
Чтоб сгинуть в нем бесследно и бесславно.

Но да не будет так! Возобновим
Поблекший блеск величия былого
Удвоенной отвагой! Позабудем
Былые распри сильных против сильных!
Не станем изнутри крушить фрегат,
Способный лишь единодушным рвением
Смирить извне грозящую беду.

Е в г е н и я

Какой ликующий, бодрящий блеск!
Он светит мне, очей не ослепляя.
Так высоко нас ставит государь,
Что сам же нас зовет к себе на помощь;
Не только мы сородичи ему,
Он видит в нас оплот верховной власти,
И если жизнь монарха охранять
Доверено его окольной рати,
То нам не меньший жребий предназначен:
Сердца народа возвратить монарху
Есть высший долг сподвижников его.
Где трон непрочен, непрочна держава,
Где рухнул он, огулом рухнет всё.
Нередко старость порицает младость
За самомнение буйное ее,
Но весь избыток наших юных сил
Принадлежит тебе, наш повелитель!

Г е р ц о г

Восторженность младенческой души
Ты выслушал с улыбкой снисхождения,
Но и отец, бывалый муж, сполна
Уразумев и разумом и сердцем
Великодушие дара твоего,
Тебе клянется в верности до гроба.

К о р о л ь

Мы вскоре встретимся на торжестве,
Которым я, в угоду моим верным,
Отмечу час рожденья моего.
Я подарю тебя большому свету,
Дитя мое, родителю и мне;
Вблизи от трона будешь ты блистать.

Но до поры до времени храните
Молчанье... Всё, что совершилось здесь,
О том — ни слова! Зло вздымает волны,
За валом вал, за штормом шторм, и судно
К таким уносит скалам, что его
И опытнейший кормчий не спасет.
Порукою успеха служит тайна:
Что ты дружкам поведал — не твое.
Ничтожный случай волею играет,
Врагов приказом настигай врасплох!
Немало лучших помыслов моих
Пресекла сила встречной воли тысяч.
О, если б я помимо доброй воли
И полнотою власти обладал,
Последний уголок моей страны
Отеческую б ощутил заботу:
В довольстве жили б и под низкой кровлей,
В довольстве — и под крышами дворца.
Когда добыюсь я счастья такого,
Охотно и престолом поступлюсь.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Герцог. Евгения.

Евгения

Какой чудесный, благодатный день!

Герцог

Почаще бы такие выпадали.

Евгения

Как щедро одарил нас государь!

Герцог

Так радуйся неожиданному подарку!

Евгения

Сдается, он несчастлив... А так добр!

Герцог

И доброта подчас плодит врагов.

Евгения

Кто недруг добродетельному монарху?

Герцог

Кто ждет добра от строгости одной.

Евгения

Монархья кротость кротость насаждает.

Герцог

Но может и строптивость породить.

Евгения

Он благородством наделен природой.

Герцог

Но ей поставлен слишком высоко.

Евгения

Он оснащен высоким чувством долга.

Герцог

Для частной жизни, не для короля.

Евгения

Он — отпрыск рода царственных героев.

Герцог

В праправнуках скудеет предков мощь.

Евгения

Утраченную мощь мы воскресим!

Герцог

Да, если в наши он поверит силы.

Евгения
(задумчиво)

В душе моей мелькнуло подозрение...

Г е р ц о г

«Какое? Не скрывай его, дитя!

Е в г е н и я
(помолчав)

И ты из тех, кого король страшится.

Г е р ц о г

Пусть он страшится тех, кто враг ему,

Е в г е н и я

А тайные враги его — опасны?

Г е р ц о г

«Скрывающий опасность — злейший враг,
В какие дебри мы зашли, однако,
Дитя мое! Наплыв тревожных дум
Нас в сторону угнал от светлой цели,
Неподготовленный, я только сбил
Тебя своим сумбуром с панталыку.
Должно же было случиться, что, едва
Обретши счастье, ты вкусила горечь;
В неведение невинном не смогла
Ему отдаться сердцем безраздельно!
Уже почти у цели ты. Но колют
Твой лоб шипы тернового венца,
Любимая, не этого я ждал!
Хотелось мне, чтоб спрорехвала, неспешно
К большому свету приобщалась ты,
Лишь постепенно с юными мечтами
И грезами былыми распростилась;
И вдруг — как то паденье с высоты
На дно обрыва — ты низверглась в мир
Опасностей, коварства и тревог,
Где самый воздух дышит преступленьем,
Где зависть людям распаляет кровь
И зараженных ей сдает кручине.
Неужто же мне впредь не суждено
В твой тихий рай под вечер возвращаться,
Чтоб врачевать невинностью твоей
Уколы светской пошлости и злости!
В одной сети запутавшись со мной,
Ты горевать за нас обоих будешь,

Е в г е н и я

Нет, мой отец! Коль скоро дочь твоя
В глухой тиши невольного затвора,
В ребяческом нинтожестве своем
Могла невинной детской болтовней
Тебя развлечь, ободрить, успокоить,
Так как же мне, в твою судьбу вплетенной,
Не расцветить веселой пестрой нитью
Суровой, многотрудной жизни ткань?
Как буду я сочувствовать деяньям
И подвигам, какими королю
И родине ты славу преумножишь!
Мой юный пыл, восторженность души
Передадутся исподволь тебе,
Вспугнут томящий морок, что невмочь
Нести тому; кто до сих пор один
Сгибался под крестом постылых козней.
В часы невзгод, скорбей и тревожений
Еще недавно забавляла я.
Тебя каскадом взбалмошных затей;
Теперь, проникнувши в обширный план
Твоих разумно взвешенных деяний,
Я буду дочерью тебе во всем.

Г е р ц о г

Что ты утратила, порвав с былым,
Ты слишком мало ценишь, дорогая,
Чрезмерно веря в блеск грядущих дней.

Е в г е н и я

Делить с высокородными мужами.
Заботы о народе и стране
Для душ отважных — доблестный удел.

Г е р ц о г

Да, это так! Прости, что изменило
Мне мужество в великий этот миг.
С тобою обменялись мы ролями:
Не я — тебя, а ты меня ведешь.

Е в г е н и я

Итак, отец, отправимся с тобой
В те области высокие, откуда
Мне солнце новой жизни воссияло.

Боюсь, что только улыбнешься ты,
Когда и я признаюсь, в свой черед,
В моих заботах.

Г е р ц о г

В чем они, скажи?

Е в г е н и я

Мгновений важных много в этой жизни,
То горестью, то радостью великой
Пронзающих нам душу. При таких
Оказиях о внешности своей
Мужчины зачастую не хлопчут;
Не то — у нас: мы, женщины, хотим
И нравиться, и зависть возбуждать
Своим обличем при любом событье.
Я это наблюдала и сама.
И вот, в желанный час, мне предстоящий,
Я чувствую, что слабости такой
Девической подвержена и я.

Г е р ц о г

Чего ж, дитя, тебе недостает?

Е в г е н и я

Ты на меня расходов не жалеешь,
Я это знаю. Но великий день
Так близок, что боишься упущений.
Все, что должно составить мой убор,
И кружево, и ткани, и брильянты —
Как их достать и к сроку изготовить?

Г е р ц о г

Хоть счастье и настигло нас врасплох,
Но мы, с его возможностью считаясь,
Всем нужным постарались запастись.
Еще сегодня праздничный наряд
Получишь ты в ларце, его достойном,
И все ж, в залог грядущих испытаний,
Я подвергаю искусу тебя:
Вот ключ к тому ларцу. Храни его.
Не любопытствуй! Прежде чем с тобой
Мы свидимся, ларца не открывай.

Не доверяйся никому! Так разум
Глаголет нам, и так велит король.

Евгения

Для девушки не легок йскус твой,
Но обещаюсь выдержать его.

Герцог

Мой злобный сын не устает следить
За каждым шагом на твоём пути.
Припомни, как взъярился он, узнав,
Что я тебе удел отвел ничтожный.
Так как ему, проведавши о том,
Что вскоре, по указу государя,
Ты с ним в своих сравняешься правах,
Не взбелениться, не пойти на всё,
Чтоб воспрепятствовать державной воле?

Евгения

Давай спокойно выждем день желанный,
Который право закрепит за мной
Его сестрою зваться. И тогда,
Уступчивость и сестринская ласка
Уж у меня найдутся для него.
Он все же сын тебе. Ужели он
Любви и доброходству недоступен?

Герцог

Любого чуда жду я от тебя,
Сверши и этот подвиг миротворный!
Ну, а теперь: прощай! Ах, в миг разлук
Меня опять одолевает страх!
Здесь ты лежала мертвой. Здесь меня
Отчаянье, как лютей зверь, когтило.
Кто этот ужас заслонит от глаз?
Тебя я видел мертвой! И такой
Ты будешь днем и ночью мне являться.
Когда я не тревожился в пути?
Но то был бред пророчески-неясный,
Теперь он примет грозный облик яви:
Евгения, отрада моей жизни.
Недвижна, бездыханна, холодна...

Евгения

Не призывай виденья мнимой смерти!
Смотри на воскрешение мое
Как на символ завещанного счастья:
Живая, я стою перед тобой
(Обнимая его.)

И льну к груди родительской, живая.
Такой меня и вспоминай всегда,
И от наплыва светозарной жизни
Померкнет смерти ненавистной лик.

Герцог

Нет, детям не постигнуть, как отец
Терзается от страха их утратить!
Скрывать не стану: глядя на твою
Отвагу безрассудную, с которой
Ты, чувствуя себя одним куском
С послушной лошастью, кентавру равной,
Носилась по ущельям и горам,
Привольной птицей воздух рассекая,
Я не восторг, я ужас ощущал.
О, если б рассудительнее впредь
Ты рыцарским забавам предавалась!

Евгения

Опасности мирволят смельчакам,
А робким душам пагубу сулят.
Будь тем же, как в былые дни, когда
Ты научал меня, еще ребенка,
Бесстрашью буйных рыцарских утех.

Герцог

Я был неправ, как вижу. И за то
Мне до скончанья дней терзаться страхом?
А разве мы погибель безрассудством
Не накликаем на себя?

Евгения

Удача,

А не боязнь смиряет гнев судеб.
Прощай, отец! Покорствуй государю!
И будь, хоть ради дочери твоей,
Ему надежным другом и вассалом,
Прости!

Г е р ц о г

Побудь со мной! Живая встань
На благодатном месте, где судьба
Тебе дала воскреснуть, где блаженством
Целебным ты меня у врачевала.
Чему-то счастье научает нас:
Я памятником место освящу,
Воздвигну здесь господень храм во имя
Чудесного спасенья. А вокруг
Своей рукой ты мир взрастишь волшебный:
Мачтовый лес и заросли глухие
Пересечет тропинок лабиринт.
Доступны станут горы. А ручей
По ступеням зеркал вольется в русло.
И странник изумленный возомнит
Себя в раю. Здесь выстрел впредь не грянет,
Пока я жив. Никто не сымет птицы
Дробинкой с ветки, не поранит зверя
В кустарнике, не поразит в бору,
Сюда подамся я, тобой ведомый,
Когда в глазах моих погаснет свет
И ноги мне откажутся служить;
Но благодарность в сердце не иссякнет!
Ну а теперь расстанемся. Ты плачешь?

Е в г е н и я

Уж если мой отец томится страхом
Меня утратить, как же мне тогда
Не сокрушаться — я и слово это
Сказать не в силах — о разлуке с ним.
Горька судьба отцов осиротелых,
Но сколь ужаснее — сирот-детей!
Злосчастная, стояла б я одна,
Совсем одна, в жестоком, чуждом мире,
С отцом, моим оплотом, разлучась.

Г е р ц о г

Как ты — меня, тебя ободрю я:
Пойдем, как прежде шли, прямой стезею,
Залогом жизни — жизнь. Она сама
Себе оплот и зиждущий источник.

Без долгих проводов — прощай, дитя!
Счастливое свиданье исцелит
Обоих нас от горечи разлуки.

Быстро расходятся. Издали простирают друг к другу руки
в знак последнего «прости» и уходят прочь.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КОМНАТА ЕВГЕНИИ В ГОТИЧЕСКОМ СТИЛЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Воспитательница. Секретарь.

Секретарь

Я шел сюда обрадовать тебя
Счастливой вестью. Чем я заслужил
Такую встречу? Выслушай хотя бы!

Воспитательница

С чем ты пришел, нетрудно угадать.
Я не могу без ужаса твой взор
Знакомый встретить, слышать голос твой.
Дай мне спастись от силы, что меня
Дарила лаской и любовью, ныне ж
Стоит при мне, как призрак на часах.

Секретарь

Теперь, когда посыпались дары
К стопам твоим из рога изобилья,
Когда заря ликующего дня,
Который наш союз благословит,
Торжественно зажглась на небосклоне,
Ты, в страхе и смятении, готова
Влюбленного отвергнуть жениха?

Воспитательница

Ты светлой стороною обратил
Ко мне грядущее. Оно слепит
Как плёс, залитый солнцем; но за ним
Таится ночь, грозя крошечным мраком.

Попробуем с отрадной стороны
 На все взглянуть. О доме ты мечтала
 Вблизи дворца, просторном и богато
 Обставленном, приятном для житья,
 А также для взыскательных гостей?
 Он мною куплен. Этой же зимой
 Мы поселимся в нем, лишь захоти!
 Весной потянет за́ город? И там
 Тебя усадьба ждет, тенистый сад
 И прочие уголья: луг и лес,
 Ручей журчащий, тихие озера.
 Всем этим будем наслаждаться мы
 И как владельцы, и в дворцовом парке,
 А сверх того нам рента принесет
 Достаток прочный при разумных тратах.

Воспитательница

Послушаешь, так мир — светлей лазури.
 Но для меня он в сумрак погружен.
 Фортуна к нам явилась не благой,
 Отвратной гостьей с рогом изобилья.
 Какой ей жертвы надобно? Чтоб я
 Участвовала в убиенье счастья
 Моей любимицы? И мне такую
 Ценой добытым счастьем — наслаждаться?
 Евгения! Ты под моим крылом
 Высоких чувств и знаний набиралась
 От юных лет! Кто в силах различить,
 Кто — угадать, чем ты сама себе
 Обязана и чем — моей заботе!
 И мне тебя, кого я кочитала
 Своим созданием чудным, погубить?
 Скажи мне, из какого вещества
 Вы сделаны, жестокие, за мзду
 Толкающие нас на тяжкий грех?

Секретарь

Немало женщин, добрых, благородных,
 О нещечке пекутся с ранних лет,
 Мечтая, что дитяти предстоит
 Стать божеством невесты какого храма.

Но если сила, что нещадна к нам,
С нас жертвы требует, то мы ее
С кровоточащим сердцем ей приносим.
Два мира нами правят, ангел мой,
Друг с другом во вражде, и нас неволят.

В о с п и т а т е л ь н и ц а

Ты в мире, вовсе чуждом мне, живешь,
Должно быть, коль задумал господина
Ты своего обречь таким страданьям,
Предательски пристав к бесчестной шайке
Его сына. Когда благой творец —
Так кажется — потворствует злодейству,
Мы говорим: «Не нам судить!»; но тот,
Кто, взвесив все, идет тропкою зла,—
Для нас загадка. Но и я себе
Кажусь загадкой, раз я — вопреки
Всему — тянусь к тебе, хоть знаю, что
Ты и меня столкнуть хотел бы в бездну.
Зачем, скажи, природа одарила
Неотразимой прелестью тебя,
Когда она в твою вложила грудь
Холодное, бесчувственное сердце?

С е к р е т а р ь

Так ты не веришь и в любовь мою?

В о с п и т а т е л ь н и ц а

О, я тогда б покончила с собой!
Но почему с тем замыслом ужасным
Ты вновь пришел ко мне? Ведь ты клялся
Забить его, похоронить навек.

С е к р е т а р ь

Он сам воскрес, набравшись новых сил.
Принц рвет и мечет, и отсрочки нет!
Евгения в безвестности росла
Ребенком, не приметным никому,
Никто как ты ее со дня рожденья
Блюла в покоях этих. Мало кто
Вас навещал тогда, и то тишком.
Но тайн не терпит отчая любовь!

Гордась прекрасной дочерью своей,
Ей герцог доступ испросил являться —
Верхом, в карете ли — в толпе гостей,
И вскоре всем открылось, кто она.
Тут мать ее почила. Для нес
Ребенок был уликой ненавистой
Минутной женской слабости ее;
Едва ли дочь она видала даже...
Смерть матери позволила отцу
Мечтать о большем: он решил опять
Являться ко двору и, позабыв
Свой гнев, обиды, распри, с государем
Пойти на примиренье — с тем, чтоб тот
Признал законной дочь его по крови,

В о с п и т а т е л ь н и ц а

И вам претит признать за ней права
Высокого ее происхождения?

С е к р е т а р ь

Куда как просто, ласочка моя,
От мира оградясь стенами замка,
По-монастырски толковать со мной
О пагубе богатства. Но, взглядишь,
Мир лучше знает цену благ земных:
Отца снедает зависть к сыну; сын
Подсчитывает дни отцовы; братья
Разобщены взаимною враждой
На жизнь и смерть. Глядишь, и капеллан,
Забыв о кушах рая, алчет злата.
Чего ты ждешь от принца? Он считал
Единственным наследником себя
И не потерпит нѣзванной сестры,
Грозящей умалить его богатства.
Пойми его, как должно, и суди!

В о с п и т а т е л ь н и ц а

Принц и теперь неслыханно богат,
А будет он, наследовав отцу,
Богат превыше меры. Что ему,
Ничтожной частью поступившись, стоит
Приобрести достойную сестру?

Секретарь

Богатому в отраду произвол!
Что для него законы естества,
Обычай, право, доводы рассудка?
Он случаю в подол дары бросает.
Ему недостаток — горшая нужда!
Владеть — так всем! Чтоб прихоть сделать явью,
Пределов расточительности нет!
Тут ни к чему ни просьбы, ни моления,
Не хочешь нам помочь, тогда — прощай

Воспитательница

Что значит вам помочь? Уже давно
Грозите вы бедой моей голубке.
Так что ж вы на совете нечестивых
С ней сделать порешили? Вам угодно,
Чтоб я служила вам слепым орудьем?

Секретарь

Нимало! Все узнаешь, и сейчас,
Что суждено ей и чего с тебя
Принуждены мы требовать. Должна ты
Евгению немедля увезти.
Ей надлежит из мира так исчезнуть,
Чтоб мы могли оплакивать ее
Кончину, чтоб судьба ее была
Неведома для нас, как судьбы мертвых.

Воспитательница

Вы заживо хороните ее,
А мне ее велите проводить
И в ту же лечь могилу? Что же, мне,
Предательнице, с преданною мною
Делить при жизни призрачную смерть?

Секретарь

Ты отвезешь ее и к нам вернешься.

Воспитательница

А ей закахнуть в монастырской келье?

Секретарь

О нет! Мы церкви не вручим такой
Заклад бесценный! Не позволим ей
Использовать его противу нас.

Воспитательница

Иль вы на острова ее сошлете?

Секретарь

Всему свой час. Узнаешь, Успокойся.

Воспитательница

Как быть спокойной, раз беда грозит
Любимице моей... и мне самой.

Секретарь

Ах, дитятко и там не пропадет!
Тебя же ждет здесь нега и довольство.

Воспитательница

Не обольщайтесь замыслом своим!
Нет проку принуждать меня к злодейству
Ужасному. Она, хоть и дитя,
Сама сорвет, порушит ваши ковы.
Не думайте ее покорной жертвой
Предать закланью! Знайте, гордый дух,
Живущий в ней, безмерная отвага —
Наследье предков — ей помогут сеть,
Расставленную вами, разорвать.

Секретарь

Твоя забота удержать ее.
Иль ты внушить нам хочешь, что дитя,
Лелеянное счастьем с колыбели,
В суровый час нежданной беды
Проявит хитрость, зоркость, твердость, ум?
В ней дух окреп не для житейских битв,
Отменно чувствовать и рассуждать
Еще не значит быть пригодной к делу.
Высокий дух, безопытный в борьбе,
При встрече с вдруг представшею бедой
Робеет и в отчаянье впадает.

Что мы решили, ты должна свершить.
Минутна скорбь, а счастье долговечно.

В о с п и т а т е л ь н и ц а

Дай срок подумать, прежде чем решиться.

С е к р е т а р ь

Все сроки для раздумий истекли.
Ведь герцог твердо верит, что король
В день своего рожденья явит милость
И дочь его признает всенародно.
Наряд и драгоценности ее
Уже уложены в ларец роскошный,
И ключ к нему хранит он у себя,
Как будто, спрятав ключ, он скрыл и тайну.
Нам все известно! Больше ждать нельзя.
Итак — сегодня вечером. Прощай!

В о с п и т а т е л ь н и ц а

На темный, гиблый путь вступили вы,
И верите — успех вам обеспечен.
Неужто вы реченье позабыли,
Что над виновным и безвинной жертвой
Спасительный и мстящий реет дух?

С е к р е т а р ь

Кто, дерзкий, смеет силу отрицать,
Которая исход деяний наших
Всевластна вышней воле подчинить?
Но кто дерзнет себя причастным счесть
Той вышней воле? Кто ее законы,
Пути и средства разгадать способен?
Нас разумом всевышний наделил
В земных делах посильно разбираться,
И что полезно нам, для нас закон.

В о с п и т а т е л ь н и ц а

Вы отреклись от бога уже тем,
Что голос сердца стал для вас ненужен,
Меня ж зовет он отвратить беду,
Нависшую над милым мне созданием,
Восстать бесстрашно на тебя, на всех
Насильников нещадных! Ни угрозы,

Ни лести, ни подкуп ни смиряют меня,
Я здесь стою оплотом ее блага.

Секретарь

О милая! О добрая! Лишь ты,
Одна из всех, сумеешь отворотить
Грозящую ей гибель... и притом
Не иначе, как покорившись нам.
Возьми ее и увези скорей,
Чем дальше, тем надежней. Скрой от глаз
Ее людских, не то... ты содрогнулась?
Предчувствуешь, что я скажу? Ну что ж!
Раз ты велишь сказать, произнесу:
Изгнание — мягчайший приговор.
И если ты нам в помощи откажешь,
Противодействовать нам будешь тайно,
Из добрых побуждений донесешь
Кому-нибудь, что я тебе открыл,
Ты мертвую ее обнимешь! Знай:
Что горестно и мне, произойдет.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Воспитательница

Угрозы этой надо было ждать!
Который день мигает эта искра,
Готовясь хворост пламенем объять.
Дабы спасти тебя, дитя мое,
Должна я сон твой радужный разрушить.
Одна надежда унимает боль,
Но и она, чуть прикоснись к ней, меркнет.
Евгения! Когда б высоким счастьем
Ты поступиться, деточка, могла!
Ведь у его порога рыщет смерть
Иль — на благой конец! — твоё изгнание.
О, если б все сказать тебе могла я,
Назвать те закоулки, где тебя
Наемные убийцы стерегут!
Но я молчать присуждена, я смею
Лишь тихо вразумлять тебя... А ты,
В угаре счастья, речь мою поймешь ли?

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Евгения. Воспитательница.

Евгения

Как хорошо, что ты пришла, родная,
Сыздѣтства заменявшая мне мать!

Воспитательница

Как сладко мне прижать тебя к груди
И радоваться радости твоей,
Переполюющей твое сердечко.
Как светятся глаза твои, как рдеют
Румянцем щеки! Так скажи ж скорей,
Какой такой восторг тобой владеет?

Евгения

Со мной беда случилась. Я с конем
С кремнистой кручи в пропасть сорвалась.

Воспитательница

О, боже!

Евгения

Успокойся! Я здорова
И веселее, чем была допрежь.

Воспитательница

В толк не возьму...

Евгения

Потерпишь — и узнаешь,
Как вмиг несчастье счастьем обернулось.

Воспитательница

Увы! Бывает и наоборот!

Евгения

Предчувствия свои попридержи!
Почто меня пугаешь понапрасну?

Воспитательница

Скорее бы ты мне во всем призналась!

Евгения

Тебе — конечно, первой. Но теперь
Уволь меня, родная! Я должна
Побыть с собой наедине немного.
Тебе ль не знать, как радуется отца,
Когда его, с благословенья муз,
Встречаю я неожиданными стихами,
Подсказанными случаем? Иди,
Любимая! Стихи текут, журчат.
Упустишь их, назад уж не воротишь.

Воспитательница

Когда ж мы насладимся, как бывало,
Утешной, задушевною беседой?
Когда — подобно закадычным двум
Подругам, что одна перед другой
Никак не может в досталь нахвалиться
Подарками, — мы наконец с тобой
Поделится секретами своими?

Евгения

Возобновятся и беседы наши,
И станем мы о сладости доверья
Взаимного охотно вспоминать.
Сегодня ж дай в безлюдной тишине
Обдумать все, что мне судьба готовит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Евгения. Позднее воспитательница (за дверью),

Евгения

(вынимая карманный портфельчик)

Ну а теперь — за грифель и пергамент!
Стихи сложились. Дело лишь за тем,
Чтоб записать их и преподнести
Монарху в светлый день его рожденья,
Когда и я вторично в жизнь вступлю.
(Медленно читает и записывает.)

О ты, нам всем дарованный судьбою!
Ужели ты к неопытной, к смущенной
Не обратишь улыбки благосклонной?
Молитвенно склоняюсь пред тобою.

Но вот опять взношусь к тебе душою!
Ведь я впервые в этой зале тронной
Присутствую преемницей законной
Земных божеств, как снилось мне порою.

Так лейтесь же, высоких благ избытки!
Я вас приемлю с набожной любовью.
Но долго ль будет это счастье длиться?

Судьба моя висит на тонкой нитке:
Томлюсь желаньем собственною кровью
За дар, тобой врученный, отдариться.

(С чувством удовлетворенности перечитывает написанное.)

Так горячо в размеренных строках
Уже давно не изъяснялось сердце!
Какое счастье: чувства и мечты
Запечатлеть в веках нетленным словом!
Но все ль сказала я? Еще стихи
Во мне теснятся, ропщут... Близок день,
Нам давший короля; да и меня
Дарующий отцу, и государю,
И мне самой, какую стану я.
Пусть песнь моя прославит этот день!
Фантазия, опережая время,
Несет меня к престолу короля,
Я перед ним...

В о с п и т а т е л ь н и ц а
(за дверью)

Евгения! открой!

Е в г е н и я

Что там за слух?

В о с п и т а т е л ь н и ц а

Скорее отопрй!

Е в г е н и я

Дай мне побыть одной. Я занята.

Воспитательница
От герцога посылка!

Евгения

От отца?

Открою.

Воспитательница
Знать, богатые дары
Он шлет тебе!

Евгения

Сейчас.

Воспитательница
Ты слышишь?

Евгения

Слышу.

Куда стихи я спрячу? Непременно
Они мои надежды выдают,
А запереть их некуда... Иль здесь,
В портфеле, их оставить?.. Нет — опасно!
Увы! Не вся прислуга мне верна.
Немало мной исписанных листов,
Пока спала я, похищались кем-то.
Вот и не знаю, как сокрыть мне тайну
От этих глаз и рук?

(Пристально присматривается к боковой стене.)

Да! Он был здесь,

Мой милый тайничок, хранитель верный
Ребяческих невинных тайн моих.

Тебя я заприметила давно

Пытливым детским оком, предаваясь
Игре в открытие сказочных пещер.

Мне лишь одной известный, отворись!

(Нажимает потайную пружину. Дверца распахивается.)

Как лакомства запретные в тебе,

Таясь от взрослых, я тогда хранила,

Так счастье всей моей грядущей жизни

На малый срок тебе я предаю.

(Кладет пергамент в тайник и закрывает дверцу.)

Часы бегут, и с ними страх и радость

Пророчески витают надо мной,

(Открывает двери.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Евгения. Воспитательница. Слуги, вносящие в комнату великолепный ларец.

Воспитательница

Я помешала? Но прибывший ларь,
Быть может, мне послужит оправданьем.

Евгения

Ларь, присланный отцом? Как он красив!
Вот только бы узнать, что он содержит!
(Слугам.)

Постойте!

(Дает им свой кошелек.)

В предвкушении наград,
Достойных вас, примите эту малость.

Слуги уходят.

И ни ключа, ни весточки! Досадно!
Ларь здесь, при мне... Но как его открыть?
О любопытство жгучее! А ты
Мне не поможешь разгадать загадку?

Воспитательница

Сдается мне, что ты и так все знаешь!
В ларце хранится пышный твой наряд,
В котором ты впервые пред двором
Предстанешь полноправною принцессой.

Евгения

С чего взяла ты это?

Воспитательница

Тайн таких

На свете нет, чтоб их не rozpoзнали.

Евгения

Раз все тебе известно, что скрываться?
Зачем смирять без нѹжды любопытство,
Не заглянуть в таинственный ларец?
Вот ключ к нему. Хоть гердог запретил
Его открыть... Но по какой причине?

Чтобы досрочно тайну не предать
Огласке. Но ведь ты и так все знаешь,
Пожалуй, больше и узнать нельзя.
Чего же медлить нам? Заглянем в ларь
И насладимся всем, что в нем сокрыто.

В о с п и т а т е л ь н и ц а

Стой! А запрет родительский? Как знать,
Что герцогу внушает опасенье?

Е в г е н и я

Одну лишь цель преследовал отец,
И не достиг ее: ты знаешь все,
Но, из любви ко мне, меня не выдашь.
Запремся в нашей комнатке и вместе
Изучим досконально чудный клад.
(*Запирает двери и направляется к ларю.*)

В о с п и т а т е л ь н и ц а

(*удерживая ее*)

Пусть златотканых платьев яркий блеск,
Лучи алмазов, ласка жемчугов
Лежат в ларце недвижно! Роскошь их
Прельстительна, и ты поддашься ей.

Е в г е н и я

Прельстительность — в высоком их значенье.
(*Открывает ларь. На обратной стороне его крышки —
зеркало.*)

Какой наряд роскошный! Чуть рука
Его коснулась, и заиграло сердце.
А зеркало! Не для того ль оно,
Чтоб отразить меня во всем убранстве?

В о с п и т а т е л ь н и ц а

Мне кажется, что я держу в руках
Одежду смертоносную Креузы.

Е в г е н и я

Что за сравненье! Вспомнила бы лучше
Счастливых дев, обряженных к венцу.

Подай мне весь убор, за вещью вещь!
Чехол серебряный! Как дивно он
Сквозь золотую сетку проступает.

В о с п и т а т е л ь н и ц а

Но стоит солнцу отвратить свой лик,
И твой заемный свет тотчас померкнет.

Е в г е н и я

Кто сердцем чист, заслужит милость солнца,
Ее утратив, милость возвратит.
Теперь подай накидку золотую
И распластай в длину широкий шлейф;
Он весь в цветах эмалевых, искусно
Рассыпанных по золотой канве.
Не правда ли, я хороша собой?

В о с п и т а т е л ь н и ц а

Знарок, тот больше ценит красоту
Природную в ее простом обличье,

Е в г е н и я

Возможно, но на то он и знарок;
Толпу пленяет красота в оправе.
Теперь скрестим жемчужин мягкий свет
С победоносным блеском бриллиантов.

В о с п и т а т е л ь н и ц а

Но ты превыше чтила чистоту
Души своей, а не наружный блеск.

Е в г е н и я

Наружный блеск — что стоит без души?
Но сер лишенный блеска мир душевный.

В о с п и т а т е л ь н и ц а

Но разве ты в глухом затворе нашем
Не провела счастливейшей поры?
И, припадая к любящей груди,
Не наслаждалась жизнью безмятежной?

Евгения

Буто́н не распускает лепестков,
Пока трещит мороз и воют вьюги,
Но с первым дуновением весны
Он предстаёт во всем великолепии.

Воспитательница

Умеренность — залог житейских благ.

Евгения

Для тех, кто жизнь неполной мерой мерит.

Воспитательница

Довольство малым — драгоценный дар.

Евгения

Нет, ты меня с пути не сочинишь!
Вообразим: укромный наш покой
Преобразился в царственный чертог,
Где высоко над тронном короля
Победным нимбом блещет балдахин.
Вокруг монарха избранная рать
Высокородных слуг его стоит
В почтительном величии своем.
И среди гордых родичей и я,
Им равная по крови и по сану.
Дай мне счастливый миг предошутить,
Когда ко мне все взоры обратятся!

Воспитательница

Увы! Не восхищение одно
Ты в них прочтешь, а ненависть и зависть.

Евгения

Завистник подтверждает нашу мощь,
А ненависть нас бдительности учит.

Воспитательница

Смирени́к гордых побеждал не раз.

Евгения

Уж как-нибудь управлюсь я и с ним.
(*Склонившись над ларем.*)

Еще с тобой не все мы разглядели.
Не обо мне здесь речь! И для друзей
В ларце найдутся ценные вещицы.

Воспитательница
(*вынимая ящичек*)

Вот и шкатулка с надписью «Подарки».

Евгения

Возьми себе на память что-нибудь
Из часиков и табакерок этих.
А впрочем, что спешить? Быть может, в ней
И лучшая отыщется вещица.

Воспитательница

О, если б в ней нашелся талисман,
Смягчить способный злобный норов брата!

Евгения

Своим радушьем эту неприязнь
Надеюсь побороть я постепенно.

Воспитательница

Но те, что раздували в нем вражду,
Меж вами примиренья не потерпят.

Евгения

Они не раз вредить мне порывались,
Но нерушимо слово короля,
И кто пойдет ему наперекор?

Воспитательница

Еще твоя надежда не сбылась.

Евгения

Но сбывшейся ее я почитаю.
(*Склонившись над ларцом.*)
Что в этом ящике продолговатом?

В о с п и т а т е л ь н и ц а

Атласных лент прельстительный набор.
Но хватит этой пестрядью мишурной,
Дитя мое, беспечно любоваться.
О, если б ты, хоть на короткий миг,
Моим словам вниманье уделила!
Из тихой гавани в открытый мир
Уходишь ты, где беды ждут тебя —
Измена, сеть интриг, быть может, смерть
От подлых рук наемного убийцы.

Е в г е н и я

Нет, верно, ты больна! В судьбе моей
Ты только ужас видишь беспросветный...

(Склонившись над шкатулкой.)

А в этом свертке что? А! Знак отличья
Принцессы дома — орденская лента,
Как я о ней мечтала! И ее
Надену. Поглядим, к лицу ли мне
Почетный знак багрянородных дев.

(Надевает ленту.)

Что мне опасности, скажи, что смерть!
Бойца что красит больше, как не час,
Когда, наградой горд, он предстает
Пред королем в ряду других героев?
Чем восторгается и стар и млад,
Как не убранством доблестных дружин?
А эта лента — разве не символ
Опасности, борьбы самозабвенной!
Она — как бранный клич, как шарф бойца,
Которым он сурово подпоясан,
Когда вступает в смертоносный бой.
Пусть этот знак опасен, но позволь
И мне отважно встретиться с врагом
В облинии воительницы грозной!
Неотвратим счастливый жребий мой!

В о с п и т а т е л ь н и ц а *(про себя)*

Неотвратим и рок, бедой чреватый.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ПРИЕМНАЯ ГЕРЦОГА, РОСКОШНО УБРАННАЯ В НОВЕЙШЕМ ВКУСЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Секретарь. Священник.

Секретарь

Входи неслышно в скорбный мир безмолвья!
Прислушайся! Как будто вымер дом:
Сам герцог спит, а преданные слуги
Молчат, его утратой сражены.
Он спит. Я осенил его крестом,
Услышавши, как он спокойно дышит;
Избыток мук природа приглушила
Целительным глубоким забытьем.
Но страшен миг, когда очнется он!
Ты с изможденным встретишься страдальцем.

Священник

Я с страстотерпцем встретиться готов.

Секретарь

К исходу дня к нам вдруг приспела весть,
Что дочь его мертва! С конем низверглась
С кремнистой кручи! И в ближайший храм
Доставлена была для похорон
К тебе со дна ущелья, где она
Сыскала смерть своим же безрассудством.

Священник

А далеко она уже теперь?

Секретарь

Задержек не предвидим мы в пути.

Священник

Нелегкий труд! Кому доверен он?

Секретарь

Разумной женщине, примкнувшей к нам,

С в я щ е н н и к

Куда она должна ее свезти?

С е к р е т а р ь

За тридевять земель — в надежный порт.

С в я щ е н н и к

И далее — в заморские края?

С е к р е т а р ь

Лишь установится попутный ветер.

С в я щ е н н и к

А здесь она считаться мертвой будет?

С е к р е т а р ь

Да, если ты сумеешь нам помочь.

С в я щ е н н и к

Пусть эта ложь в сознании людей
Мгновенно утвердится и навеки!
Над мнимою могилой да замрут
Людские толки! Я тысячекратно
Любви достойный образ изорву
И огненными знаками в сердца
Толпы, объятый ужасом, впишу:
Она мертва! Во прах распалась! Стала
Для всех ничем... И всякий — взор невольно
К живущим обратит. И в суете
И сутолоке мира позабудут,
Что и она жила среди живых.

С е к р е т а р ь

За дело ты берешься горячо,
А каяться не будешь напоследок?

С в я щ е н н и к

Что за вопрос? Я тверд, как никогда!

С е к р е т а р ь

Бывает так, что, воле вопреки,
Мы предаемся поздним сожаленьям.

С в я щ е н н и к

Что это? Сам ли пошатнулся ты?
Иль испытать задумал, хорошо ль
Премудрость вашу ученик усвоил?

С е к р е т а р ь

Все точно взвесить — делу не в ущерб.

С в я щ е н н и к

Но лучше взвесить прежде, чем начать.

С е к р е т а р ь

И начатое не во вред обдумать.

С в я щ е н н и к

Обдумывать? Не поздно ль мне уже?
На то имелось время в дни, когда
Еще я предавался райским грезам
В моем саду, о большем не мечтая,
Растил и прививал мои деревья,
С немногих грядок овощи снимал,
Когда покой, царивший в тихой келье,
Мне был дороже бранных благ земных,
Когда я пастве был отцом и другом,
Доверье заслужившим и любовью,
Благословлял добра благие всходы,
Изничтожал дурного семена.
О, если б ангел божий преградил
Тебе дорогу к моему жилищу
В тот день, когда, охотой утомлен,
Ты заглянул ко мне и покорил
Меня прельстительной своею речью!
Гостеприимством освященный день
Стал первым днем моей душевной смуты.

С е к р е т а р ь

Мы щедро осчастливили тебя.

С в я щ е н н и к

Но пробудив во мне желаний тьму..
Я обнищал, на вашу роскошь глядя,
В унынье впал, достатка недобрав,
Познав нужду, искал поддержку в людях.

Вы помогли мне. Но какой ценой!
Да, вы со мной делились, спору нет,
Но как с сообщником недобрых дел,
Как с прихвостнем своим, с рабом, которым
Стал некогда свободный человек.
Не спорю, вы делились! Но не так,
Как я имел бы право ожидать.

Секретарь

Дай срок, мы рассчитаемся с тобой
И золотом, и лучшим из приходов.

Священник

Не этого мне хочется от вас.

Секретарь

Чего ж тебе еще недостает?

Священник

Слепым орудьем и на этот раз
Я вам служу. Невинное дитя
Изъяли вы живым из круга жизни;
Я ж грех ваш должен скрыть и приукрасить?
А кто меня хоть упредил о том?
Так знайте ж, я присутствовать хочу
В совете вашем, где вершатся судьбы,
Где каждый без зазора голос свой
За неизбывный ужас подает.

Секретарь

Уж тем, что ты нам и теперь помог,
Ты приобрел немалые права.
Во много тайн мы посвятим тебя,
А до того будь верен нам и тверд.

Священник

Я многим тверже, чем казался вам.
Давно я в ваши замыслы проник!
Лишь тот достоин приобщиться к тайнам,
Кто в силах их прозреть, предугадать.

Секретарь

Что ты сумел предугадать?

Отложим

До полночи наш долгий разговор.
Что значит этой девочки судьба!
Она ничтожной каплей в море канет,
Когда подумаешь, как скрытно вы
Сплотились в ваш властительный союз,
Как каверзно преемственную власть
Вы вытеснить собою порешили.
Не вы одни! Повадно и другим,
Вас сокрушив, пробиться к той же цели!
Так губят и державу и престол.
Кто уцелеет, если рухнет всё?

С е к р е т а р ь

Его шаги! Постой за этой дверью
И жди, когда тебя я позову.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Герцог. Секретарь.

Г е р ц о г

Проклятый свет! Постылый голос жизни!
Он мне твердит, что существует мир,
А в нем и я... Все выжжено, мертво,
Обращено в пустыню, в груды пепла,
В толченный щебень безвозвратных дней.

С е к р е т а р ь

О, если б все, кто в этот горький час
С тобою делят скорбь твою, могли бы
Взять на себя толику мук безмерных,
Тебе бы легче стало на душе.

Г е р ц о г

Любовь и боль утраты неделимы,
Как неделима вечность. Я постиг,
Познал сполна, как неизбывно горе
Тех, кто утратил все, чем дорожил.
К чему, скажи, вся эта позолота
И роскошь красок шелковых шпалер?

Они не устают напоминать
Мне о былом — еще вчерашнем! — счастье
Своим парадным блеском. Затяните
Все залы и покои черным крепом!
Чтоб и вокруг меня зияла тьма
Бездонной ночи, как в душе моей.

Секретарь

О, если бы то многое, чем ты
Еще богат, тебе казалось чем-то!

Герцог

Мой дом — холодный морок без души.
Она была его живой душою!
Я, просыпаясь, видел пред собой
Манящий образ дочери любимой.
Здесь от нее я письма получал,
В которых ум игриво вторит чувствам,

Секретарь

Она сыздетства обладала даром
И в звонких рифмах мысли выражать.

Герцог

Мечта с ней вскоре свидеться смягчала
Чреду моих мучительных забот,

Секретарь

Случалось, что, прервав докучный труд,
Ты мчался к пей на борзом скакуне,
Как юноша на тайное свиданье,

Герцог

Не сравнивай мгновенный пыл юнца,
Перегорающий в объятьях страсти,
С отцовским чувством, с нежным восхищеньем
Следящего за тем, как детский лик
Приобретает прелесть четких линий,
Как зреют чувства и взрослеет ум.
Страсть юноши живет насущным счастьем,
Грядущее принадлежит отцу:
Его владенья — радужные дали
И пышный всход посеянных семян.

Секретарь

О, горе! Эту радужную даль
И всходы юных сил ты потерял.

Герцог

Как? Потерял?.. Заговорив о ней,
Забылся я... вдруг счел ее живою...
Но нет! Я потерял ее. Ты прав,
Несчастный! Все вокруг твердят одно:
«Ее ты потерял!» Так хлыньте, слезы!
Размойте стены моего дворца,
Который столько выстоял невзгод!
Мне ненавистен уцелевший мир,
Все, что кичится прочностью своей!
Мне любо то, что рушит и крушит,
Вы, реки, затопите берега!
Разверзни пасти, грозный океан,
И поглоти корабль, людей и груз!
Нагряньте, орды яростных врагов,
И громоздите смерть — над трупом труп!
Пусть молнии с безоблачных небес
Ударят в главы башен и церквей,
Порushат и сожгут их, и пожар
Пусть гонят в тесных улиц лабиринт —
Да так, чтоб я, под плач толпы надрывный,
Мог примириться с участью своей,

Секретарь

Нежданное несчастье тебя
В бездонное отчаянье повергло.

Герцог

Нежданное? Нет! я был упрежден:
В моих руках посланец горних сил,
Поправши смерть, вернул ее к живущим
И показал мне — походя, но зримо —
Ужасное, что совершилось днесь.
Тогда-то я и должен был излить
Свой гнев на дочь за веру в неподвластность
Ее ни смерти, ни увечьям; твердо
Ей запретить взлетать крылатой птицей
Над буйною рекой, сквозь сеть листвы
На гребни гор и выступы утеса,

Секретарь

Ты знал, отвага сходит многим с рук,
С чего бы ты несчастье мог предвидеть?

Герцог

Несчастье я предчувствовал в тот час,
Когда в последний раз — увы! в последний —
Я роковое слово произнес,
Которым омрачен мой страдный путь...
О, если б я хотя бы только раз
С ней свиделся, быть может, я отвел бы
Несчастье это, убедил ее,
Хоть помня об отце, себя беречь,
Уговорил бы бешеной езде
Не предаваться больше так бездумно.
Но встретиться мне с нею не пришлось,
И я утратил милое дитя!
Нет, нет ее... Та призрачная смерть
Лишь приумножила ее отвагу!
И не было кому ее унять!
С наставницей она уж не считалась...
Каким рукам я клад доверил мой?
Услужливым рукам неумной бабы!
Да, дочь не знала над собою власти,
Способной направлять ее шаги
Разумно к предназначенной ей цели.
Ей предоставили свободу: всё,
Что в ум взбредет, дерзать и совершать...
Я это видел, но не признавал,
Что верить этой женщине нельзя.

Секретарь

Не осуждай, злосчастную, ее!
Объята горем, скорбная, она
Бог весть где бродит. Ибо кто дерзнет
Взглянуть в глаза тебе и в них прочесть
Хотя бы тень немого осужденья,

Герцог

Дай мне винить других несправедливо,
Иначе сам себя я разможду!
Вина — на мне! Уж мне ль того не знать?

Кто, как не я, безумною затеей
Навлек погибель на ее главу?
Во всем ее хотел я видеть первой,
И рок мою гордыню покарал.
В седле кто мог идти в сравнение с ней?
Кто правил тверже резвыми конями?
Когда она ныряла в бурных хлябях,
Казалось, Галатея ожила.
Я думал, в смелых играх закалясь,
Она снесет опасности любые...
Но грянул гром! Ее постигла смерть.

Секретарь

К безвременной кончине привело
Ее высокое сознание долга,

Герцог

Какой там долг?

Секретарь

Я огорчу тебя

Ее поступком детски благородным:
Друг и наставник ранних лет ее
Живет вблизи от города, в посаде,
Больной, в унынье впавший нелюдим.
Она одна была его отрадой
И встречи с ним себе вменила в долг.
Ее отлучкам частым мы сочли
За благо воспрепятствовать. Тогда
Она прогулок утренних часы
Использовать решила для свиданий
С несчастным старцем, быстрою ездой
По горным тропам скрадывая время.
Был в эту тайну ею посвящен
Лишь конюх юный, ей коня седлавший,
Все это лишь догадки наши: он
Также, как та, злосчастная, бежал,
Гонимый страхом. Их и след простыл.

Герцог

Счастливые! Они бояться могут!
Их жалость к ней и к бедному отцу,
Все потерявшему, сдает трусость:

Минует гнев, и с ним пройдет печаль,
А у меня — ни страха, ни надежд!
Я все готов услышать, Сообщай
Подробности любые! Всё снесу,

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Герцог. Секретарь. Священник.

Секретарь

В предвиденье желанья твоего
Я задержал в прихожей человека,
Подавленного участью твоей.
Он — тот священник добрый, кто из рук
Нешадной смерти дочь твою приял
И, убедаясь, что врач ей не поможет,
Ее с сырой землею обручил.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Герцог. Священник.

Священник

Желание предстать перед тобой,
Великий муж, питал я с давних пор.
Мечта моя сбылась. Увы! в безмерно
Тяжелый час разлуки с незабвенной.

Герцог

Ты мне желанен, вестник нежеланный!
Ее ты видел, и последний взор
Тускнеющий ее постиг душой,
Последние слова ее услышал
И жалобный предсмертный стон ее.
Скажи, что удалось ей прошептать?
Отца хоть — вспомнила? Из уст ее
Ты мне принес последнее прости?

Священник

Желанен нам посланец нежеланный,
Покуда он молчит, дает простор
Надеждам и благим предположеньям.
Возговоривший, он отвратен нам,

Г е р ц о г

Молчать? Зачем? Что можешь ты прибавить
К тому, что мне известно? — Умерла!
В глухом гробу — ни слез, ни воздыханий,
Ее страданиям пришел конец,
Черед моим настал. Возговори!

С в я щ е н н и к

Смерть — всем положенный предел. Его же
И дочь твоя — увы нам! — не избегла.
А как она ушла из жизни в вечность,
Сокроет холм могильный от тебя.
Не всем из нас нетрудный переход
В немое царство теней уготован;
Иным пройти горнило тяжких мук,
Увечий и ранений суждено,

Г е р ц о г

Она страдала?

С в я щ е н н и к

Тяжко, но не долго.

Г е р ц о г

И все же был такой предсмертный миг,
Когда она о помощи взывала!
А я? А я — где был? Каким трудом,
Какой забавой был я увлечен?
Ничто не возвещало об ужасном
В тот миг, когда лишился я всего.
Ни крика я не слышал, ни беды
Не чуял, сокрушившей жизнь мою!
Общенье близких душ на расстояние —
Пустая басня. Тупо пригвожден
К насущной жизни, чует человек
Лишь близкую усладу или боль,
И даже любящим помехой даль,

С в я щ е н н и к

Сколь ни могуче слово, сознаю:
Словами страстотерпца не утешить.

Г е р ц о г

Слова нас чаще ранят, чем целят,
И повтореньем сетований горе
Напрасно тщится счастье воскресить.
Так не нашлось ни мудрых рук, ни средств
Разжечь заглохшую в ней искру жизни?
Что ты испробовал, предпринял что
Ее спасти? Я верю, ты из тех,
Чей разум бодр и ясен.

С в я щ е н н и к

Ни над чем
Здесь разуму трудиться не пришлось.

Г е р ц о г

Ужель приговорен я потерять
Ее бесследно? Дай мне скорбь свою
Утишить новой скорбью! Дай останки
Ее сберечь. Пойдем к ней! Где она?

С в я щ е н н и к

В моей часовне пышный саркофаг
Ее стоит вблизи от алтаря
За золотой решеткою. Пока
Я жив, молиться буду ежедневно.

Г е р ц о г

Пойдем! Веди меня туда. Пусть с нами
Поедет лучший из моих врачей,
Попробуем от тленья упасти
Земной покров. Пусть мертвою водой,
Настоянной на аравийских травах,
Мы атомы спасем, что эту плоть
Божественную дивно составляли,
Распаду их свершиться не дадим.

С в я щ е н н и к

Что я скажу? Как от тебя я скрою
Ужасное? Разъята красота!
А это и чужому видеть страшно,
Тем более тебе, отцу... Нет, нет!
Избави бог! О том не смей и думать!

Г е р ц о г

Какая пытка мне грозит еще?

С в я щ е н н и к

Дай мне молчать! Дабы моим рассказом
Не оскорбить сердец, ее любивших.
Дай скрыть от всех, как, свергнувшись, она
Сквозь заросли, о ребра скал нещадных
Разбившаяся, с рассеченным лбом
К ногам моим свалилась бездыханно.
Вот тут-то я, слезами обливаясь,
Благословил тот день, когда пред богом
Отрекся я от счастья быть отцом.

Г е р ц о г

О да! Отцом ты не был. Знаю, ты
Принадлежишь к постылым себялюбцам,
Что жизнь свою в бесплодии влечат,
От мира отрешившись. Прочь! Твой вид
Отвратен мне!

С в я щ е н н и к

Другого я не ждал!
Кто благосклонен к вестнику такому...
(Хочет уйти.)

Г е р ц о г

Прости меня! Останься! Ты не знал
Восторгов — лицезреть лицо дитяти,
В котором ты повторно ожил вновь,
Тебе случалось это наблюдать?
О, если бы случалось! Образ той,
Которая и мне и всем на радость
Была живым единством чудных черт,
Ты не решился бы порвать на части
И памяти б ее не осквернил,

С в я щ е н н и к

Что ж делать мне прикажешь? Повести
Тебя ко гробу, чуждыми слезами
Политому, когда я рухлый прах,
Собравши в раку, тленью предавал?

Г е р ц о г

Молчи, бесчувственный! Ты боль мою
Не врачевать пришел, а приумножить!
Увы! Слепые силы естества,
Лишенные главенствованья духа,
В борьбе друг с другом рушат красоту.
В былые дни восторг отца витал
Над неустанным таинством творенья.
И вдруг: все замерло, и скорбный взор
В отчаянье распад и тленье видит.

С в я щ е н н и к

Что свет и воздух хрупко возвели,
То напрочно хранит безмолвный гроб.

Г е р ц о г

Как мудр обычай был великих древних:
Неспешно сотворенное природой
Божественное тело в час, когда
Дух зиждущий его навек покинет,
Без промедленья предавать огню.
И если пламя сотней языков
Взвивалось к небу и, меж туч и дыма,
Плыло, крылам орлиным уподобясь,
Тут высыхали слезы, бодрый взор
Родных и близких, устремляясь ввысь,
Следил, как новый бог вступает в мир
Заоблачных просторов олимпийских.
Сбери в сосуд, из золота литой,
Новопреставленной священный прах,
Чтоб я осиротелыми руками
Хоть что-то ухватил, чтоб я прижать
К груди бы мог, нетерпеливо ждущей
Хотя бы этих горестных объятий.

С в я щ е н н и к

Излишней скорбью обостряешь боль.

Г е р ц о г

Нет, вносишь свет в крошечный мрак страданья,
О, если б я принес хоть горстку пепла

В котомке, как паломник многогрешный,
Босой, в слезах, дорогой утомлен,
К полянке той, где мы тогда расстались.
Там — мертвою — ее держал в руках я
И там же преисполнился надеждой,
Что мне удастся удержать ее
Здесь, на земле. Но нет! Ее не стало.
Вот где я мог бы скорбь увековечить!
В дни радости я думал Храм спасенья
Чудесного воздвигнуть здесь. Художник
Уже наметил мудрую рукой,
Где проложить тропинки и дорожки
Сквозь лес, вокруг скал. Уже обкатан круг,
Где наш король к груди ее прижал,
Все было предусмотрено с любовью,
Но начатого руки не продолжают;
Все прервано, как план моих реформ.
Но памятник я все ж воздвигну там,
Из грузных, необтесанных камней,
Чтоб вновь и вновь паломничать туда.
В кремнистом царстве, сам окаменелый,
Там буду жить, пока следы бывшего
Великолепия не разрушит время
И, сер и сир, не рухнет замок мой.
Пусть порастет травой заветный круг,
Деревья сучья с встречными скрестят,
Берез плакучих ветви в грунт врастут,
Кустарник превратится в лес мачтовый,
Лохматый мох прильнет к стволам дубов!
Что мне до времени? Ее уж нет,
Чьим ростом исчислять привык я годы.

С в я щ е н и и

Бежать таинственных приманок жизни,
В бесплодное уйти уединенье
Возможно ль человеку, кто привык
Разумным предаваться увлечениям;
Тем более, когда нежданный мрак
Тяжелым грузом на тебя налег?
Прочь, с быстротою взмахов орлих крыльев,
Отсюда — в чужедальные края,
Калейдоскопом мира насладиться!

Г е р ц о г

Что делать в чужедальной мне стране,
Когда *ее* со мною там не будет,
Единственной улады глаз моих?
Что мне холмы и реки, дол и лес,
И эти скалы в их докучной смене,
Когда они одно твердят: а где
Она, кого напрасно ищешь всюду?
К чему мне эта роскошь естества,
Росы алмазы и морская ширь,
Глаголющие: ты ее утратил!

С в я щ е н н и к

Но сколько же откроется глазам!

Г е р ц о г

Лишь юный взор сумел бы мне вернуть
Природы пренебрегнутую прелесть,
Когда мое бывшее изумленье
Из детских уст неожиданно прозвучит.
Вот почему мечтал я города,
Леса, поля, все реки королевства
Объездить с ней — вплоть до морских границ,
Чтоб взор ее, впивающий безбрежность,
С безбрежною любовью наблюдать.

С в я щ е н н и к

Поскольку ты и в дни безбедной жизни,
Великий муж, не предавался неге
Безделия, а ревностно служил,
У трона стоя, многим сотням тысяч,
Усугубив достоинство породы
Своей высоким званьем «человек»,
Взываю вкупе я со всем народом
К тебе: мужайся! Предоставь другим
Унынье, изнулившее тебя!
Трудом, радением о благе общем
Померкшей жизни мощь ее верни!

Г е р ц о г

О, как пуста и как постыла жизнь,
Когда она проходит в тусклой смене

Тревог, трудов и сызнова тревог,
И не предвидишь вожделенной цели.
В ней только я и видел эту цель
И радовался, ей гнездо свивая,
Житейский рай, укромный уголок.
Тем я и счастлив был, доступный всем,
Помочь готовый делом и советом,
Ее отец им дорог, думал я.
Они мне благодарны. Как же им
Не полюбить и дочь мою родную!

С в я щ е н н и к

Для томной грусти время истекло!
Совсем другие ждут тебя заботы!
Дерзнуть о них напомнить мне, слуге
Ничтожному? В дни общего разброда
Все взоры на тебя обращены,
В тебе лишь видят силу и оплот.

Г е р ц о г

Лишь тот, кто счастлив, силой наделен,

С в я щ е н н и к

Твои сомненья породила боль
Израненного сердца твоего,
Но мне она вменяет в долг — тебе
Все высказать, как перед ликом бога:
Сказать, что гнев в низах кипит ключом,
А власть в верхах, чуть что, бессильно рухнет.
Немногим это ясно. Но тебе
Куда виднее, чем толпе бесправной.
Без угрызений совести возьми
Кормило власти в руки! Буря зреет!
О родине радея, боль утраты
Смири! Иначе тысячи отцов
Своих детей безвременно лишатся
И тысячи детей отцов своих
Утратят. Плач надрывный матерей
У гулких врат узилищ не умолкнет...
О, принеси — как жертву на алтарь
Отечества — своих мучений бремя!
И все, кого спасти тебе удастся,
К груди твоей отеческой прильнут.

Г е р ц о г

Не призывай из мрачных тайников
Толпы ужасных призраков, которых
Лишь дочь моя умела изгонять
Одной лишь ей дарованною властью.
Нет больше нежной силы, что мои
Заботы в сон блаженный погружала!
Действительность своим тяжелым грузом
Меня грозит раздавить! Прочь, прочь!
Скорее бы покинуть этот мир!
И если мне не лжет твоя одежда,
Веди меня в укро́мный монастырь,
В монашескую келью. Там, в тиши
Безмолвного затвора, дай покорно
Разлуки мне дожидаться с брэнной жизнью.

С в я щ е н н и к

Сан не велит препятствовать тебе!
И все же я сказать тебе дерзну:
Ни в гроб ложиться, ни скорбеть над гробом
Не должен доброчестный человек.
Он замыкается в себе и в сердце,
Дивясь тому, потерянное сыщет.

Г е р ц о г

Все то, чем обладал ты, никогда
До гробовой доски нас не покинет.
Сколь бы ни длилось время, день за днем,
Ты чувствуешь всегда отъятый член,
Недостающий телу. В этом — мука!
Кто жизнь разъятую спясть сумеет?
Умершую — кто возвратит мне?

С в я щ е н н и к

Дух!

Дух человеческий, что всем владеет,
Чем истинно он некогда владел.
Так будет жить Евгения твоя
В душе твоей. Та, что тебя учила
Вновь видеть божий мир и жизнь твою
От скверны защищала, нам грозящей
Со всех сторон, куда мир стоит.

По-прежнему она — надежный щит:
Ее безгрешности священный свет
Погасит ложный блеск мирских соблазнов.
Исполнишь дивной силою ее,
Тем приобщив ее к извечной жизни,
Которой не порушить никому!

Герцог

Дай мне развеять морок тяжких дум,
Порвать тенеты смерти! Да воскреснет
И воцарится в сердце навсегда
Твой образ, вечно юный, неизменный!
Пусть воссиявший свет твоих очей
Мне неустанно светит. Предо мной
Иди, куда б ни шел я. Укажи
Мне верный путь сквозь терний лабиринт!
Нелживый сон, стоишь ты предо мной,
Какой была и будешь. Божество
Задумало тебя как совершенство,
И совершенством в вечности предел
Вступила ты, со мной не разлучаясь,

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ГАВАНЬ. С ОДНОЙ СТОРОНЫ ДВОРЕЦ,
С ДРУГОЙ — ЦЕРКОВЬ; В ГЛУБИНЕ СЦЕНЫ
РЯД ДЕРЕВЬЕВ, ЗА КОТОРЫМИ ВИДНЕЕТСЯ
МОРЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Евгения под прозрачным покрывалом на скамье в глубине
сцены, лицом обращенная к морю. Воспитательница.
судья — на авансцене.

Воспитательница

Мне предписание властное велит,
Покинув сердцевину королевства
И стольный град, направиться сюда,
К морской границе, в ваш далекий порт,

Но шаг за шагом следует за мной
Гнетущая забота. Потому
Я и пришла к тебе, кого в народе
Считают мужем праведным и добрым.
Так будь же путеводной мне звездой!
Прости, что я осмелилась с указом,
Мне полномочья горькие дающим,
К тебе явиться помощи просить.
Давно и всюду чтут тебя: в прошедшем —
Как адвоката, ныне — как судью.

С у д ь я

(внимательно прочитав документ)

Не за мои заслуги, за усердье
Меня иные хвалят. Тем странней
Мне кажется, что ты как раз меня,
Кого сама же в праведниках числишь,
Решилась посвятить в свои дела
И мне прочесть дала бумагу эту,
Способную лишь возмутить меня.
В ней речь идет не о суде и праве,
А о насилье, явном, неприкрытом,
Хотя б его предначертала мудрость.
Невинной, чистой девочки судьбу
Отдать тебе на жизнь и смерть — иль, скажем
Точнее: на полнейший произвол?
И все, будь воин кто или купец,
Должны тебе содействовать во всем
И почитать слова твои законом?

(Возвращает ей бумагу.)

В о с п и т а т е л ь н и ц а

Будь справедлив и в этом деле. Разве
Свидетелем лишь предписание будет?
И с пострадавшей ты поговори,
Да и со мной, пожалуй, горемычной.
Высокой крови пленница моя.
Всех дарований и достоинств тьму
Ей отпустила щедрая природа,
И лишь закон в правах ей отказал.
И вот она — в изгнание. Мне велели
От близких увести ее тайком
И вскорости на острова доставить.

С у д ъ я

Навстречу верной смерти от миазмов,
Свирепствующих в тамошних местах,
Она зачахнет в стороне чужой,
Досрочно побледнеют ее щеки,
И дивный образ, некогда пленявший
Мужские взоры, сгинет навсегда.

В о с п и т а т е л ь н и ц а

Не выноси вердикта так поспешно!
Она невинна — в том сомненья нет,
И все ж она причина грозных бедствий.
Проказливый божок ее метнул
Промеж двух станов яблоком раздора,
И с той поры они живут в разладе:
Один из них ее достойной мнит
Высоких почестей, другой, напротив,
Погибели ей хочет. Смелы оба.
Так тайных козней страшный лабиринт
Двойной петлей обвинил ее судьбу.
Коварство долго спорило с коварством,
Пока нетерпеливый пыл одних
В канун возвеличения ее
Не убыстрил развязку. Тут враги
Покончили с притворством и к насилью
Прибегли, угрожая и престолу.
И вдруг пришел указ: вину с виновных
Немедля снять и устранить причину.
Безвинную великого раздора —
Изгнать ее и заодно меня.

С у д ъ я

Судить тебя не буду. Признаюсь,
И мысли я не допускал, что власти
Творят такое. Видно, и они,
Кичась величьем, редко поступают,
Как честь велит и совесть. Ужас, страх
Пред большим злом великих принуждают
Зло истреблять спасительным злодейством.
Что ж, делай, что велят тебе! Уйди
Из предназначенной мне малой доли.

Воспитательница

От этой малой доли я и жду
Ей и себе спасенья! Не гони нас!
Воспитаннице я своей давно
Уже внушала, что лишь в узком круге
Сословья среднего бытует счастье,
Когда б она от доли отказалась,
Ей недоступной, обрела бы мужа —
Защитника и обратила взор
С высот, грозивших ей изгнанием, смертью,
К домашнему укладу и к семье,
Напасти наши кончились бы, долг
Тяжелый был бы снят с меня, и с ней
Домой, на родину б, мы возвратились.

Судья

Ты странные мне вещи говоришь.

Воспитательница

Не кой-кому, а мудрому судье.

Судья

Она свободна, лишь бы муж сыскался?

Воспитательница

Я на приданое не поскоплюсь.

Судья

А сыщется ли муж в одно мгновенье?

Воспитательница

Мгновенно загорается любовь.

Судья

Кошунственно венчаться с незнакомкой.

Воспитательница

Нетрудно сразу распознать ее.

Судья

Враги жены опасны и супругу.

В о с п и т а т е л ь н и ц а

Конец вражде, лишь повенчают вас.

С у д ь я

Откроют мужу, в чем супруги тайна?

В о с п и т а т е л ь н и ц а

Да, если муж доверье заслужил.

С у д ь я

И в брак она вступает добровольно?

В о с п и т а т е л ь н и ц а

Чтоб горестной судьбины избежать.

С у д ь я

Но если так, то честно ли жениться?

В о с п и т а т е л ь н и ц а

Не мудрствуй, а спеши ее спасти.

С у д ь я

Что для нее теперь всего важнее?

В о с п и т а т е л ь н и ц а

Без промедленья дать тебе ответ.

С у д ь я

Не терпит отлагательства решение?

В о с п и т а т е л ь н и ц а

Попутный ветер зыблет паруса.

С у д ь я

Ты о таком ей браке говорила?

В о с п и т а т е л ь н и ц а

Всего лишь намекала ей о нем.

Судья

И рта мысль не вызвала отпора?

Воспитательница

Былых надежд не забываешь вдруг.

Судья

И эти грезы будут неизбывны?

Воспитательница

Морской волной их смоем навсегда.

Судья

Она страшится с родиной расстаться?

Воспитательница

**И для меня расстаться с нею — смерть.
Но почему, наш добрый покровитель,
Нам тратить столько бесполезных слов?
Ты молод, честен, преисполнен верой
И бескорыстьем — при такой оснастке
Не так уж трудно подвиг совершить.
Есть у тебя и круг друзей достойных,
Тебе подобных — равных не скажу.
Что ж, присмотришь к сердцам своих друзей,
Сравни их с сердцем собственным, и если
Один из вас всех прочих превзойдет
Решимостью и преданной любовью,
Сокровищем пускай владеет он,
И да благословит его господь!**

Судья

**Да, ты права, пожалуй! Не могу
Наедине с собой принять решение.
Дай с ней поговорить!**

Воспитательница быстро направляется к Евгенин.

Что суждено,

**Того не миновать! В делах привычных,
Обыденных, обдумывать уместно.
Но высшее, чем нас дарит судьба,
Нисходит к нам неведомо откуда.**

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Евгения. Судья.

Судья

Вот ты пришла, красавица, ко мне,
И я в сомненье: правду ль мне сказали?
Ты, говорят, несчастна, а приносишь,
Куда ни ступишь, радость, счастье, свет.

Евгения

Ты первый из встречавшихся в пути,
К кому, как к провиденью, я взываю;
Так добр и благороден облик твой,
Что робость в сердце незаметно тает.

Судья

Заслуживал бы жалости и взрослый,
Попавший в обстоятельства твои,
Тем более произает душу мне
О помощи взывающая юность.

Евгения

Недавно я, из мрака мнимой смерти
Воспрянув, вновь узрела божий свет.
Но вспомнила не сразу, что с конем
Мы сорвались с кремнистого утеса...
И вдруг очнулась! Увидала вновь
И этот мир, и мудрого врача,
Склонившегося надо мной, простертой;
И в любящих глазах отца, и в звуке
Его речей я снова ощутила
Дыханье жизни радостной. Но вот
Повторно от паденья с крутизны
Я воскресаю! Чуждым, странным мир
Мне предстает. Людей снующих тени
И даже голос твой — всё как во сне.

Судья

Когда чужие нас дарят участием,
Опи нам ближе близких. Те подчас
На наши беды смотрят равнодушно:
«Так-де бывает!» Чувство в них молчит.

Да, жребий твой печален, но насколько
Неотвратим он, не ответишь сразу.

Евгения

Что я могу сказать? Враждебных сил,
Меня в несчастье ввергших, я не знаю.
Ты объяснялся с женщиною той.
Ей все известно. Я лишь подчиняюсь.

Судья

Гоненье высшей власти на себя
Ты навлекла невольною ошибкой.
Ни в жалости людской, ни в уваженье
Глубоком отказать тебе нельзя.

Евгения

В сознании сердечной чистоты,
Я все гадаю: чем я провинилась?

Судья

Упасть на ровном месте — не беда,
Но на вершине оступиться — гибель.

Евгения

На ней-то я и упивалась счастьем!
Его избыток мне слепил глаза,
Высокий жребий окрылял мой дух,
Ведь я залог его в руках держала.
Лишь малый срок осталось переждать —
И сбудутся, казалось, все мечты!
Но я поторопилась, поддалась
Соблазну чудному. И в том мой грех.
Я не сдержалась, заглянула в ларь
Запрету вопреки. Ужель за это —
Такая кара? Разве, преступив
Завет, уже утративший свой смысл,
Я заслужила вечную опалу?
Так правда то, что древнее преданье
Глаголет нам? Что проклят род людской
Был господом за грех одной четы,
От плода подзапретного вкусившей?
Так был и мне, как в сказке, ключ вручен.

Я отомкнула им запретный ларь
И этим обрела себе погибель.

С у д ь я

Источник бед не так легко найти,
А и найдешь, меж пальцев он сбегает.

Е в г е н и я

В моих проступках малых тщетно б я
Искала корень наступивших бедствий,
Причину выше надобно искать!
Два мужа, от которых я ждала
Великих перемен в моей судьбе,
Притворно, зная, друг с другом помирились,
И распря двух воинствующих станов,
Скрытая досель от глаз людских,
Открыто вскоре выйдет на простор!
Чего я прежде смутно опасалась,
Вдруг стало явью, на погибель мне,
И гибелью грозит всему на свете.

С у д ь я

Мне жаль тебя! Ты обрекаешь мир
Погибели, отчаянью поддавшись.
А в дни беспечной юности твоей
Тебе он не казался светлым раем?

Е в г е н и я

Кого пленял он больше, чем меня,
Своим роскошным, царственным убранством?
В нем все меня дивило красотой
И радостью. Чего бы только взор
Ни возжелал, он получал сторицей,
А кто мне уготовил этот рай,
Как не отец, как не любовь его?
О малом он радел и о великом
И осыпал подарками меня;
А между тем готовил ум и тело
Для восприятия дивных благ земных.
Вся эта роскошь пышная могла б
Меня изнежить, даже обессилить;
Но он еще сыздетства пристрастил
Мой дух к отважным рыцарским забавам.

Как часто предавалась я мечте
Умчаться на коне в чужие страны.
Но любящий отец мечтал и сам
Со мной поехать к морю, предвкушая,
Как будет он восторженно следить
За тем, как я впиваю ширь морскую,
И вот я здесь. Но кажется, что ширь
Томит меня, и давит, и тревожит.
Как тесен мир, как никнет небосвод,
Когда тоска твое сжимает сердце!

С у д ь я

Несчастливая! Тебя с твоих высот
Низвергла беззаконная комета
И, падая, мой путь пересекла.
Отныне мне отвратен навсегда
Морской простор... Когда в часы заката
Возляжет Феб на огненное ложе,
Всем очи увлажнив слезой восторга,
Я отвернусь, чтобы судьбу твою
Злосчастную оплакать. Ибо там,
За полосой тускнеющего моря,
Мне будет видеться твой страдный путь.
Там ты не встретишься с манящей негой,
А с нахлынувшей неисчислимым бед!
Там солнца раскаленное ядро
Новорожденной тверди не осушит.
Там стелются в низинах пеленой
Зыбучей ядовитые пары,
В притворах смерти, мертвенно-бледна,
Ты будешь тщетно жаждать исцеленья.
Сияющая юной красотой
Безвременно добычей смерти станет.

Е в г е н и я

Ты мне открыл ужасное! Так, значит,
Туда меня увозят? В дикий край,
Который — помню с юных лет! — зовут
Земным подобьем ада? Где в иссохших
От зноя тростниках, в гнилых болотах
Таятся тигры лютые и змеи,
Где путника преследует живая
И жалящая туча мошкары,

Где дуновенья гибельных ветров
Страданья длят и сокращают жизнь?
Я думала просить, теперь — молю:
Ужели ты в беде мне не поможешь?

С у д ь я

Губительный могучий талисман —
В руках твоей наперсниды суровой.

Е в г е н и я

Что толку в правосудье, раз оно
Отказывает в помощи безвинной?
И вы на что, кичащиеся тем,
Что правом усмирили произвол?

С у д ь я

Лишь в тесном круге подчиняем мы
Законности чтó происходит в жизни
Обыденной, на малой высоте.
Но что творится в выпренных пределах,
Что там вершат и тайно замышляют,
Возносят, губят, бога не спросясь, —
Иною мерой мерится, видать.
Какою? Остается нам загадкой.

Е в г е н и я

И рто все? И больше ничего
Ты мне не скажешь?

С у д ь я

Ничего.

Е в г е н и я

Не верю,
Не в силах верить!

С у д ь я

Ах, уволь меня!
Ужель я притворяться должен трусом
Беспомощным? Не лучше ль указать
Тебе на путь единственный спасенья?

Но разве в самой смелости такой
Не кроется опасность? Что, как ты
Меня поймешь превратно, заподозришь,
Что мой совет корыстью обусловлен?

Евгения

Нет, нет! Не отпущу! Ты послан мне
В суровый час счастливою звездой.
С младенчества и до недавних дней
Меня от бед оберегало счастье;
Теперь ты заступил его права.
Как мне не знать, не чувствовать, что ты
Во мне участие принял? Не напрасно
Я здесь стою. Не сомневаюсь, что,
Во всеоружье знаний, ты сумеешь,
Захочешь мне помочь в моей беде.
Еще не все пропало! Ты найдешь,
Быть может, уж нашел, пути и средства
Спасти меня. Об этом говорит
Твой взор глубокий, дружески-правдивый.
Не оставляй меня! Произпеси
Способное меня утешить слово!

Судья

Так на врача с надеждою глядит
Недугом обессиленный больной,
Моля спасти его от близкой смерти,
Врача едва ль не богом почитая.
Но врач такое средство называет
Несчастному, которое сулит
Ему — ценой страданий и увечий —
Лишь жизнь, но не здоровье сохранить.
Ты молишь о спасении? Спасти
Тебя — возможно, прошлого — нельзя.
А быть иной, чем некогда, ты — в силах?

Евгения

Лишь о спасении вызывает тот,
Кому грозит могилы темный зев.
С него довольно прелести земной,
Довольно жизни, зелени и света.
А что потом удастся отстоять
И что утратить, жизнь всегда подскажет.

С у д ь я

А кроме жизни просишь ты о чем?

Е в г е н и я

О милых далях родины моей.

С у д ь я

Но это слово многое объемлет.

Е в г е н и я

Все мое счастье в нем заключено.

С у д ь я

Чем одолеть мне приговор изгнанья?

Е в г е н и я

Высокой добродетелью твоей.

С у д ь я

С верховной властью не легко тягаться.

Е в г е н и я

**Уж так ли всемогуща эта власть!
Уверена, что ты среди законов
Для высших и для низших обнаружишь
Возможный выход. Вижу по улыбке,
Что ты нашел его! Так говори!**

С у д ь я

**Что толку, дорогая, говорить
Мне о возможностях. Возможным всё
Надеждам нашим кажется. Но планам
Столь многое извне и изнутри
Препятствует пресуществиться в явь.
Что я могу сказать тебе? Уволь!**

Е в г е н и я

**Пускай оплошно, да скажи! Позволь
Хотя б на миг один воображенью
В сомнительный отправиться полет!
Один исход негодный за другим
Мне предлагай! Ведь выбор-то за мною.**

С у д ь я

Есть способ — но единственный — тебе
На родине остаться. Способ, многим
Желанный даже, господу угодный
И человеку. Святостью его
Ограждены мы им от произвола.
И всякому, кто таинству сему
Причастен, обеспечено довольство,
И счастье, и покой — как на земле,
Так и в загробной жизни, в кущах рая.
Его нам завещали небеса,
Всем предоставивши им овладеть
Отвагой, добротою и любовью.

Е в г е н и я

Какой то рай, в загадки облаченный?

С у д ь я

Небесный рай, но созданный людьми.

Е в г е н и я

Я с толку сбита. Мне не угадать.

С у д ь я

Не угадать? Ты так чужда тому?

Е в г е н и я

Там видно будет. Выскажись ясней.

С у д ь я

Я — о замужестве возможном...

Е в г е н и я

Что?

С у д ь я

Я все сказал. Теперь решай сама!

Е в г е н и я

Замужество? Мне это слово страшно!

С у д ь я

Подумай и ответь мне: почему?

Е в г е н и я

В былые дни мне звук его был чужд,
Теперь мне ненавистно слово это,
Способное мой крест лишь отягчить.
Хоть знала я, конечно, что отец
И наш король мне жениха укажут,
Но я о нем не грезила ничуть,
И тайной страсти сердце не питало.
И вдруг я думать, чувствовать должна,
О чем и мыслить было б мне зазорно!
Должна мечтать о муже, ничего
Не ведая о нем, не встретясь даже,
И в счастье, что сулит нам Гименей,
Корыстно видеть средство для спасенья!

С у д ь я

Достойному мужчине никогда
Страдалица в доверье не откажет.
Кто б ни был он, он защитил ее,
И этим стал ей близок. Нет прочней,
Надежней связи спасших со спасенной.
Что надобней всего супруге? Прочность
И подзащитность. Знать, что никогда
Ей в помощи, в поддержке не откажут.
И это чувство смелый человек
Внушает женщине, в беду попавшей
Нечаянно, мгновенно и навеки.

Е в г е н и я

Но где он ваш, мне суженный, герой?

С у д ь я

Мужчин немало в городе у нас.

Е в г е н и я

Но я-то не известна никому.

С у д ь я

Жемчужину не уберечь от глаз,

Евгения

Не искушай доверчивой души!
Где равный сыщется, кто б предложил,
Униженной, мне руку? Да и смею ль
Я от него принять такой подарок?

Судья

Что нам неравным кажется, не раз
На нашей памяти теряло разность,
В извечной смене погашают зло
Благие всходы, радости — печаль.
Ничто не прочно. Тягостный разлад.
День ото дня мепяясь неприметно,
Гармонию, быть может, обретет.
И, возвышаясь надо всем, любовь
Соединяет с небесами землю.

Евгения

Пустой мечтой меня ты утешаешь!

Судья

Ты спасена, уверовав в нее.

Евгения

Так где ж он, мой спаситель? Укажи!

Судья

Тебе свою он руку предлагает.

Евгения

Ты? Что вскружило голову тебе?

Судья

Я так решил — сегодня и навеки.

Евгения

Мгновенье это чудо породило?

Судья

Мгновенно все вершатся чудеса.

Евгения

Но ведь поспешность — мать заблуждений,

Судья

Не ошибется, кто видал тебя.

Евгения

И все же опыт — лучший нам наставник.

Судья

Я верю сердцу. Опыт тоже может
Нас с толку сбить. Позволь признаться мне:
Лишь час назад я вопрошал себя,
Томимый одиночеством: чем в жизни
Я мог бы похвалиться? Состояньем?
Признанием трудов моих?.. И тут же
О браке я подумал, перебрал
Былые встречи... Дар воображенья
Немало лиц знакомых воскресил;
Но ни одно не взволновало сердце.
Тут ты явилась. И открылось мне
Все, что мне надо. Ты — судьба моя.

Евгения

Изгнанница безвестная, могла б
Гордиться я и радоваться только
Тем, что твою я обрела любовь,
Когда бы я не думала о счастье
Того, кто благородством всех затмил,
В последний час мне помощь подавая.
Уж не ошибся ль ты? Ужель дерзнешь
Ты с силой, мне враждебной, потягаться?

Судья

Не с ней одной! Желая оградить
Нас от мирской, вседневной суеты,
На пристань нам всевышний указал.
Лишь в доме, где спокойно правит муж,
Бытует мир, который ты напрасно
Искала бы в далекой стороне,

Ни зависти, ни гнусному коварству
Ни клевете, ни буйным схваткам партий
Нет доступа в наш заповедный круг;
Там правит лишь любовь и трезвый разум,
Невзгоды скоротечные смягчая.
Доверься мне! В себе-то я уверен,
Я знаю, что я вправе обещать,

Евгения

Ты в доме сам себе король?

Судья

А как же?

Да и не я один, а все мужья,
И добрые, и злые. Никогда
Власть не вторгалась в дом, где муж глумится
Безбожно над страдальцей женой,
И не препятствовала самодуру
В несчастной радость жизни убивать.
Кто слезы ей осушит? Ни закон,
Ни трибунал вины с него не взыщет.
Он здесь король и бог! Жена ж безмолвно
Обиды терпит, вянет, сходит в гроб,
Обычай и закон издревле дали
Супругу нерушимые права,
На ум мужской и сердце полагаясь.
Что до меня, не рыцарскую доблесть,
Не родословье в дар тебе несу я,
Любимая, а мой надежный кров:
Раз ты моя, ничто тебе не страшно,
Ни от кого опасность не грозит.
Пусть сам король потребует тебя,
Как муж и с королем я потягаюсь.

Евгения

Прости! Еще не отмерло во мне
Прошедшее. А ты, мой добрый гений,
Глядишь лишь на оставшееся мне.
А что это за малость! И ее
Меня ценить ты учишь? Пробуждаешь
Своей любовью ту, кем я была?

Чем отдариться мне за этот дар,
Когда не вечной сестринскою дружбой!
Но и признав себя твоей должницей,
Женой твоею стать я не могу.

С у д ь я

Как быстро ты надежды наши рушишь!

Е в г е н и я

Мне рушить безнадежность их велит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Т е ж е. Воспитательница.

В о с п и т а т е л ь н и ц а

Попутный ветер пробуждает флот.
Уж на посадку — по ступеням, вниз —
Спешит толпа. Объяты, вздохи, плач!
И с кораблей и с пристани платки
Последний знак прощальный подают.
Вот-вот поднимет якорь наш корабль!
Чего нам медлить? Нас-то уж никто
Ни окликом, ни плачем не почтит.

С у д ь я

Нет, есть кому оплакивать и вас!
Вот вам-то и протянет скорбный друг
Спасительную руку. Может быть,
Вы все ж опомнитесь в последний миг
И счастье не упустите навек.

(Евгении.)

Еще недавно я тебя назвал
Своей судьбой желанной. Неужель
С тобой мы навсегда должны расстаться?

В о с п и т а т е л ь н и ц а

К чему свиданье ваше привело?

С у д ь я

Готов предстать я с ней пред алтарем.

В о с п и т а т е л ь н и ц а

А ты ему на это что сказала?

Е в г е н и я

Что не забуду доброты его.

В о с п и т а т е л ь н и ц а

И все же руку ты его отвергла?

С у д ь я

А значит, и спасение свое?

Е в г е н и я

Иная близость дали недоступней.

В о с п и т а т е л ь н и ц а

Вдали — увы! — для нас спасенья нет!

С у д ь я

Обдумала ты, что тебе грозит?

Е в г е н и я

Всё, вплоть до мелочей, и даже — смерть.

В о с п и т а т е л ь н и ц а

Так, значит, жизнь тебе недорога...

С у д ь я

...и светлый праздник брачного союза?

Е в г е н и я

Мой праздник был, да сплыл... Других — не надо.

В о с п и т а т е л ь н и ц а

Утраченное трудно ль возместить?

С у д ь я

Мгновенный блеск — незамутненным счастьем.

Евгения

Без блеска мне и счастье ни к чему.

Воспитательница

Довольствоваться надобно возможным.

Судья

Любовь и верность — что дороже их?

Евгения

Как ваши поученья мне постыли!
Терпенья нет внимать пустым словам.

Судья

Ах, знаю я, как тягостно порой
Непрошеную помощь принимать.
Двоится чувство: помощь обязует
Нас к благодарности, а в сердце нет
И признака ее. Но пред разлукой
Позволь мне, по обычаю, вручить
Гостинец вам, чтобы в бесплодном море
Вас услаждали родины плоды.
Ну, а потом я буду влажным взором
Следить за тем, как исчезает парус,
А вместе с ним и светлые мечты,

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Евгения. Воспитательница.

Евгения

Погибель и спасение мое
В твоих руках. О, сжался! Заклинаю,
Не увози меня на острова!

Воспитательница

Всецело ты зависишь от себя.
Ты выбираешь. Я лишь покоряюсь
Руке, сурово вудящей меня,

Евгения

Какой тут выбор? Меж неотвратимым
И невозможным выбирать нельзя,

Воспитательница

Твой брак возможен, ссылка отвратима.

Евгения

Лишь то возможно, что душа приемлет.

Воспитательница

Ты много можешь сделать для него.

Евгения

Верни мне прошлое, и я сумею
По-царски наградить его за все.

Воспитательница

Вот наградила б ты его теперь
И сразу вознесла б его высоко!
Недворянину нелегко достичь
Высоких почестей. Ему годами
Приходится работать за других.
Иное дело — светская жена!
Затем они и ищут в высшем круге
Себе супругу, пренебрегши низшим.
Удастся залучить ее, она
Кратчайший путь всегда ему проложит.

Евгения

Я сокровенный смысл твоих речей,
Обманчивых и лживых, опознала.
На деле все иначе обстоит:
Супруг жену, невольно или вольно,
В свой неизменный увлекает круг;
Столь многим поступившейся невмочь
Его вести своей стезею к цели.
Из низкой доли муж жену возносит,
Из высших сфер ее низводит он.
Исчезнет прежний облик навсегда,
Минувших дней слепящий блеск угаснет,
Воспоминая — кто у ней отнимет?
Утраченное — кто ей возместит?

В о с п и т а т е л ь н и ц а

Ты нас обеих смерти обрекла.

Е в г е н и я

Еще я не утратила надежд.

В о с п и т а т е л ь н и ц а

Но любящий тебя — давно утратил.

Е в г е н и я

Быть может, равнодушный здесь уместней?

В о с п и т а т е л ь н и ц а

Для выбора все сроки истекли.
Судьбу ты предрешила, так идем!

Е в г е н и я

О, если б мне, хотя бы только раз,
Тебя увидеть прежней, доброй, кроткой,
Какой тебя я знала с давних лет!
Благого солнца светозарный блеск
И месяца мерцающая мгла
Мне были не желаннее тебя.
О чем я ни просила, все сбывалось,
Чего бы ни страшилась, страх стихал.
И если от ребенка мать родная
Скрывалась в недоступных мне дворцах,
Ты мне избытком материнских ласк
Ее пренебрежение возмещала.
С чего ты изменилась так? С лица
Все та же ты, любимая сыздетства,
Но сердце кто-то подменил твое...
Бывало, я просила безотказно
Тебя и о великом и о малом.
И с тем же чувством детского доверья
О самом главном я к тебе взываю.
Нет, не унижусь я, когда паду
Перед тобою ниц, как перед богом,
Отцом иль государем: помоги!
(Опускается на колени.)

В о с п и т а т е л ь н и ц а

Припав к стопам моим, ты надо мной
Глумишься втайне? Не терплю притворства!

Е в г е н и я

Жестокость и в словах и в обращенье
Я от тебя должна претерпевать?
Тебе мой сон развеять удалось.
Свою судьбу прозрела я сполна:
Не я всему виной, не распря сильных,
А только злоба брата; ты ж ему —
Сообщница, покорное орудье.

В о с п и т а т е л ь н и ц а

Как зыбки обвинения твои.
При чем тут брат? Да, злобствовать он может,
Но властью он еще не облечен.

Е в г е н и я

Пусть злобствует! Еще не чахну я
В безлюдной, богом проклятой пустыне!
Вокруг меня шумит родной народ,
Живой народ, родительское чувство
Которому понятнее, чем вам.
Я обращусь к нему. И за свободу
Мою простой поднимется народ.

В о с п и т а т е л ь н и ц а

Общалась ты когда-либо с толпой?
Она к сторонним бедам равнодушна.
А если даже дрогнет, до конца
Не доведет столь чуждого ей дела.

Е в г е н и я

Холодным словом веры не убьешь,
Как счастье некогда — преступной ложью!
Там, в городе, я жизни жду от жизни,
Там, где народ довольствуется малым,
Где сердце каждого из горожан
Открыто сострадательной любви.
Меня ты не удержишь! Громко я
Вокруг меня толпящимся открою,
Каким невзгодам я обречена.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ГАВАНЬ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Евгения. Воспитательница.

Евгения

Мы прочной цепью скованы с тобой,
Ужель поддамся я и в этот раз?
Будь проклят голос, некогда меня
Слепому послушанью научивший
И походя сумевший овладеть
Моей еще беспомощной душой!
Из уст твоих узнать мне довелось
Значенье слов, величье языка,
Раздолье речи, тайны естества,
Всё — вплоть до глуби девичьей души.
И вот теперь волжбою тех же чар
Смирила ты меня, поработила,
Сковала чувства, замутила душу,—
В обитель мертвых хочется сойти...

Воспитательница

О, если б сила этих вещей чар
Сказалась в час, когда я так молила
Тебя отречься от былых надежд!

Евгения

Ты знала, что грозит мне. Почему ж
Меня не упредила ты о том?

Воспитательница

Намеками тебя я вразумляла:
Прямое слово означало б смерть.

Евгения

Как недомолвка — верное изгнанье,
Отсрочку недалекого конца.

В о с п и т а т е л ь н и ц а

Беда — предвиденная или нет —
Обеих нас одной петлей связала.

Е в г е н и я

Почем я знаю, много ли тебе
В награду за измену обещали?

В о с п и т а т е л ь н и ц а

В награду? Не на тех ли островах
Мне ждать ее, куда нас увезут?

Е в г е н и я

В плавучую тюрьму я не пойду
По доброй воле! Этого не жди.

В о с п и т а т е л ь н и ц а

Ты раз уже толпу звала на помощь.
Послушали тебя и разошлись.

Е в г е н и я

В неистовом отчаянье моем
Я им могла безумной показаться.
Но нет, ни лживым словом, ни насильем
Ты впредь меня не сможешь удержать!
По направлению к пристани спешат
Нарядною толпою горожане
Полюбоваться видом кораблей,
Готовых — нам на горе! — в путь пуститься.
Уже пред губернаторским дворцом
Застыла стража. Вот он сам выходит,
Блистательною свитой окружен,
Я все ему открою без утайки.
И если он достойно короля
В его владенье дальнем представляет,
Он в милосердьи не откажет мне.

В о с п и т а т е л ь н и ц а

Попробуй! Но имен не называй,
А посвети его лишь в сущность дела.

Евгения

Я назову их, только в нем уверяюсь.

Воспитательница

Он благородный юноша, и все,
Что может сделать, выполнит охотно.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же. Губернатор. Свита.

Евгения

Простишь ли ты прищелице проступок?
Позволишь ли с тобой поговорить?

Губернатор

(пристально глядя в нее)

Кто с первого же взгляда мне внушил
Доверье, тот участия достоин.

Евгения

Пришла я не по радостному делу,
Под натиском грозящей мне беды.

Губернатор

Мой долг тебя избавить от нее
Или хотя бы облегчить невзгоды.

Евгения

Я древнего прославленного рода,
Но имя мне приказано таить.

Губернатор

Забвенью предаются имена,
Но чудный образ сердце не утратит.

Евгения

Меня с отцом обманом разлучили
И силою доставили сюда,

Губернатор

Какой злодей кощунственной рукой
Посмел коснуться девы беспорочной?

Евгения

Как знать! Но мне сдается, что удар
Направлен был сородичем моим.
Корыстью и друзьями поощренный,
Мой брат меня задумал погубить!
И эта женщина — вторая мать,
Как мне казалось, — с ними заодно...

Воспитательница

...во избежанье большего несчастья,
Которого — увы! — не отворотить.

Евгения

Я с ней должна подняться на корабль,
Который нас на острова увозит!

Воспитательница

То, что я с нею еду, — верный знак
Приязни материнской и заботы.

Губернатор

Простите, уважаемые дамы,
Что юноша годами, но давно
В земных делах понаторевший муж,
Вас выслушав, не знает, что сказать.
Доверие внушаете вы обе,
Но тут же подрываете его
Взаимным несогласьем. Потому
Я и не знаю, как распутать мне
Нерасторжимый узел, вас связавший.

Евгения

Я многое могла б тебе сказать.

Воспитательница

И от меня узнал бы ты немало.

Г у б е р н а т о р

Пришлось мне слушать столько лживых басен,
Что истину, окутанную тайной,
Я часто принимаю за обман.

Е в г е н и я

Раз ты не веришь мне, так нет спасенья!

Г у б е р н а т о р

Здесь, и поверив, нелегко помочь.

Е в г е н и я

О, только отпусти меня к родным!

Г у б е р н а т о р

Детей пропавших приютить, тем паче
Отвергнутых корыстною родней,—
Для доброхота безотрадный труд.
Тут сразу о наследстве вспыхнет спор,
О том, не самозванец ли пришлец,
Некстати объявившийся. В одном лишь
Враждующие родичи всегда
Сойдутся дружно: во вражде к тому;
Кто в их ввязался свару. Сколько раз
Случалось, что заступник бескорыстный
В пристрастье обвиняем был судом.
А потому прости мне, что не сразу
Я положительный даю ответ.

Е в г е н и я

Когда большой вельможа так опаслив,
Так кто же нас, гонимых, защитит?

Г у б е р н а т о р

Надеюсь, ты меня не упрекнешь,
Когда тебя, за полным недосугом,
Я только завтра утром попрошу
Прийти ко мне пораньше, чтоб подробней
Порассказать мне о своей беде,

Е в г е н и я

С великой радостью приду. Прими
Заранее спасибо за спасенье.

Воспитательница
(предъявляя ему бумагу)

А если не придем мы на свиданье,
Нас оправдает этот документ.

Губернатор
(внимательно прочитав бумагу, возвращает ее)

Мне остается только пожелать
Вам доброго пути да веры в бога.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Евгения. Воспитательница.

Евгения

Так вот он, талисман, которым ты
Меня в неволе держишь и который
Вселяет страх в заступников моих.
Дай мне прочесть мой смертный приговор!
Свою я участь знаю, но хочу
Узнать, кто мой гонитель беспощадный.

Воспитательница
(протягивая ей бумагу)
Что ж! Прочитай указ!

Евгения
(отвернувшись)

Нет сил взглянуть!
Не разорвется ль сердце, если я
Под ним увижу подпись государя
Или родителя? Еще я тешусь
Надеждой, что подкупленный чиновник
В угоду брату власть свою превысил.
Тогда спасенье есть! Мужайся, сердце!
Дай мне взглянуть на подпись.

Воспитательница

На! Смотри!

Евгения
(*вновь отвернувшись*)

Нет! Не могу решиться... Будь что будет!
Спасенья я не жду. Лишилась я
Всех радостей и благ земного мира.
Не лучше ль мне отречься от него?
Ты возражать не станешь! Все враги
Хотят толкнуть меня, еще живую,
В отверстую могилу. Так позволь
Прибегнуть к церкви мне: она немало
Невинных жертв успела поглотить,
Вот монастырь! Его врата ведут
В обитель тихих радостей и слез.
Позволь мне сделать этот шаг в неизвестность!
С чем там я встречусь, с тем и примирюсь.

Воспитательница

В сопровожденье двух монахинь сходит
Игуменя с предвратных ступеней,
Юна годами и высокородна.
Откройся ей. Не буду возражать.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же. Игуменя. Две монахини.

Евгения

В тревоге и смятении, в разладе
С собой и с миром, я стою у врат
Обители. Плачевная юдоль
И ужас предлежащий привели
Меня к тебе. В несчастье беспримерном
Я уповаю только на тебя.

Игуменя

Коль скоро нам дозволено делиться,
Достойная пришелица, с тобой
Блаженством нашим и покоем в божьей,
Узнаешь ты из уст моих сестер
И от меня, как обретают счастье
Нетленное и ныне и вовек.

Евгения

Страданиям моим предела нет!
И силою божественного слова
Не так-то их легко уурачевать.
Прими меня к себе! Но дай сперва
Мне выплакать всю горечь, всю тоску,
Чтоб сердце вновь внимало утешеньям.

Игуменя

Нередко наблюдала я, как слезы
Земные претворяются в улыбку
Небесную в обители святой.
Но силою к нам вторгнуться нельзя:
Сестра немало искусов тяжелых
Должна пройти, чтоб пострига добиться.

Воспитательница

Достоинство нетрудно опознать,
Нетрудно и пройти чрез испытанья.

Игуменя

Не сомневаюсь, благородна ты
И в состоянье вклад внести достойный.
Тем самым доступ облегчен тебе
В наш монастырь. Признайся мне во всем.

Евгения

Молю тебя, возьми меня к себе!
Сокрой меня от мира в тайной келье.
Прими все достояние мое.
Мой вклад велик, но я его пополню.

Игуменя

Нас трогает краса твоя и младость
И подкупает благородство чувств.
Не откажу тебе в святом приюте.
Дай мне прижать тебя к моей груди.

Евгения

Ты материнской ласкою своей
Мятежное уурачевала сердце
В груди моей. Последний всплеск волны
Отхлынул вспять. Я на надежном бреге.

Воспитательница
(становится между ними)

Да, если бы не твой жестокий жребий!
Прочти указ и пожалей нас, бедных,
(Передает игуменье бумагу.)

Игуменья
(прочитав ее)

Зачем ты преднамеренно дала
Начать нам бесполезный разговор?
Здесь явно виден высший перст — пред ним
Склоняюсь я смиренно.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Евгения. Воспитательница.

Евгения

Высший перст?

Ужели лицемерка говорит
О вездесущем? Непричастен бог
К безбожным ковам. Или короля
Она в виду имела? Я опалу
Его снесу покорно. Но не след
Сомненьями мне тешиться, витать
Меж страхом и надеждами, по-женски
Щадить свое измученное сердце,
Потворствуя изнеженности чувств.
Нет, будь что будет! Дай мне прочитать
Указ ужасный. Кем бы ни был он
Подписан, этот смертный приговор, —
Отцом иль государем, я спокойно
Взгляну в глаза неумолимой силе,
Которая меня повергла в прах.
Хочу предстать пред ней лицом к лицу:
Ужасен взгляд невинности гонимой!

Воспитательница
(подавая бумагу)

Когда же я отказывала в том?

Евгения
(еще не развернув бумаги)

Мы странною наделены чертой:
Великое несчастье испытав,
Мы будто ждем утрат и бедствий худших...
Ужель мы так богаты, силы неба,
Что разом нас всего лишить нельзя?
Все отнял от меня казнящий рок,
И все ж указ грозит мне большей карой.

(Разворачивает бумагу.)

Итак, мужайся, сердце! Пей до дна,
Не отрываясь, кубок, яда полный.

(Читает.)

Печать и подпись короля!

Воспитательница

Родная!

Себя жалея, не кляни меня.
Я лишь затем покорствовалась власти
И вызвалась тебя сопровождать,
Чтоб облегчить страдания твои,
Не отдавать тебя в чужие руки.
Позднее ты узнаешь, что меня
Заставило согласие дать; пока —
Еще не время. Так не обессудь:
Железная необходимость нам
Велит теперь готовиться к отплытью.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Евгения (одна), затем Воспитательница (в глубине сцены).

Евгения

Пустынею мне кажется страна,
Когда-то милая, шумливый порт,
Людьми кишачий, — я как перст одна.
Здесь судьи произвол смиряют правом,
Приказам повинуются войска,
Священники мольбы возносят к богу
И о достатке грезит черный люд.
Лишь я одна, безвинная, в забросе:
Ничья рука меня не защитит.

Приюта мне не обрести; ни в ком
Не шевельнется мысль подать мне помощь.
Изгнанье! Я изведала сполна,
Что значит это слово роковое.
Я — будто член отмерший; для меня
В жизнеспособном теле места нет.
Полуживой мертвец, лежу в гробу,
Бессильно сознавая, что несут
Меня могиле вырытой предать.
О, участь неизбывная! Но так ли?
Мне выбор предоставлен: я могу
Всегда прибегнуть к помощи того,
Кто благородно предложил мне руку.
Но это означало бы от прав
Рождения высокого отречься.
А в силах ли я навсегда порвать
С мечтою горделивой? Никогда!
Схвати меня железными руками,
Нещадный рок! И грозно повели
Одну беду из двух избрать вслепую.
Остановиться на одной из них
Не легче ли, чем колебаться всеу?

Воспитательница в сопровождении носильщиков
с немалым грузом проходит в глубине сцены,

Вот понесли сокровища мои —
Последнее, что у меня осталось,
Коль грабежа враги не довершат.
Опустят груз. И позовут меня.
Попутный ветер вымпелом играет,
И вскоре напрягутся паруса;
Уж флагманский корабль покинул порт,
А вот и наш корабль зашевелился.
Идут за мной! Зовут! О, боже мой!
Ужели из железа небосвод
И этой тверди не прорвать мольбою?
Итак, иду! Но — видит бог! — меня
Плавучая тюрьма не поглотит:
Последняя доска пред входом в ад
Ступенью станет первою к свободе.
Примите же меня, крутые волны,
И опустите на морское дно,
Где вечная зияет тишина!

А позже, если мир меня забудет
И мне ничем не сможет угрожать,
Прибейте к берегу мой застывший труп,
И набожной рукою поселянин
Меня предаст возлюбленной земле,
 (Делает несколько шагов.)
Иду!

(Запнувшись.)

Иль мне уж неподвластны ноги?
Что с места мне препятствует сойти?
Ужели недостойною любовью
К постылой жизни я пригвождена?
Изгнание, Смерть, Бесчестье заключили
Меня в нерасторжимое кольцо, —
Куда ни глянешь, чудища повсюду,
И отвернувшись, их не избежать!
Ужели нет ни на земле, ни в небе
Спасенья от бесчисленных этих мук?
О, если б долетело до меня
Из чьих-то уст пророческое слово
Иль птица мира моего плеча
Наставнически перышком коснулась!
Безропотно я покорюсь судьбе,
Как только знак она мне явит зримый,
Священный знак! — Любую я приму.
Доверчиво, исполнена надеждой.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Евгения. Монах.

Евгения

*(некоторое время стоит, глядя в даль
и вдруг заведя монаха)*

Я спасена! Грешно тому не верить.
Вот он, молённый вестник, кто меня
Освободит от тягостных раздумий
И верный путь перстом укажет мне,
Ему открыться я во всем готова!
 (Идет ему навстречу.)

Отец мой! Дай мне это обращение,
Столь непривычным ставшее, теперь
Перенести с любовью на тебя!

Я о себе немного скажу.
И не как умудренному годами,
А как посланцу присносущих сил
Тебе повем гнетущую печаль.

М о н а х

Откройся мне во всем чистосердечно!
Страдальца сводит промысел порой
С тем, в долг кому господь вменил — смягчать,
По мере сил, страдания людские.

Е в г е н и я

Не жалобы услышишь ты — загадку,
Оракул нужен мне, а не совет.
К двум целям ненавистным два пути
Открыты мне: один ведет направо,
Другой — налево. Так каким идти мне?

М о н а х

Не искушай меня! Негоже быть
Безвестным жребием.

Е в г е н и я

Нет — богоданным!

М о н а х

Насколько понял я тебя, твой взор
Возносится из бездны мрака к небу:
Иссякла воля в искрушенном сердце,
И ты рещенья ждешь от горних сил.
Бывает так, что зиждущая мощь,
Для всех незримо, как бы ненароком,
На благо нам сплетает нить судеб,
Таинственно свою внушает волю
И неприметно к цели нас ведет.
Стократ блажен, кто это испытал!
Но требовать чудес — великий грех.
Нам бог велит хранить надежду в бедах.
О, если б я был послан божеством
Тебе поведать, в чем твое спасенье!
Но голос сердца моего молчит.
И если ты мне больше ничего
Не скажешь, наша встреча бесполезна.

Е в г е н и я

Корабль разбит. Страшась свирепых хлябей,
За щепку я хватаюсь. Вопреки
Неверию в спасенье — доскажу:
Я княжеского рода, а меня
Изгнанницей на острова увозят,
Коль скоро я не соглашусь на брак,
Лишающий меня высокой доли.
Ну, как теперь? Что скажет голос сердца?

М о н а х

Он промолчит, покуда трезвый разум
Свое бессилье не признает сам.
Ты краткие мне сведенья дала,
А потому ответ мой будет краток:
Два ненавистных жребия тебе
Даны на выбор. Взвесь их беспристрастно
И предпочти тот, что тебе простор
Дарует больший для достойных дел
И не стеснит стремленья твоего
Высокому призванию отдаться.

Е в г е н и я

Ты в брак мне не советуешь вступить?

М о н а х

В брак против совести и чувства — нет.
Ужель священник брак благословит,
Когда невесте он — что лечь в могилу?
Не вправе пастырь воссоединять
Несродное для непрерывных распрей.
Стремленье двух сердец в едином чувстве
Взаимную любовь навечно слить,
Пресуществлять порыв мгновенный в вечность —
Таков священника отрадный долг.

Е в г е н и я

Так за море на муки мне отбыть?

М о н а х

На утешенье страждущим, как ты,

Евгения

К лицу ли безутешной утешать?

Монах

Отвагу, твердый разум, светлый дух
Мне удалось прочесть в твоих чертах.
Они помогут и тебе и присным
Свой крест нести. И если бог сподобит
Тебя чужие искупать грехи
Безвинностью младенческой твоей,
Как существо из горних сфер, ты всюду
Внесешь отраду, где б ты ни была.
Плыви бесстрашно к островам. Спустишь
К погрязшим во грехах, ободрю их
Высоким подвигом долготерпенья.
Могучим словом и усердным делом
Вдохну надежду в робкие сердца.
Объедини блуждающих в пустыне
Друг с другом и сплоти их вокруг себя.
Восстанови, чего лишилась здесь,
Свой род, свой край и княжество свое.

Евгения

Ты в силах сделать, что повелеваешь?

Монах

Я это сделал! — К диким племенам
Я в юности поплыл по доброй воле.
Я кротость внес в суровые их нравы,
Бессмертие — в глухую пропасть: в смерть.
О, если б не поддался я желанью
Напрасному — отечеству служить,
Я мерзости б не встретил запустенья,
Утонченного блуда в стогнах града,
Преступного разгула себялюбья!
Я к месту дряхлой немощью приковав,
Привычкой давней, роком, может быть,
Не пощадившим старости моей.
Ты молода, от всех свободна уз;
Беги от места гиблого! Что днесь
Несчастьем ты считаешь, то поздней
Воспримешь ты как благо, Но спеши!

Евгений

Скажи ясней, чего страшишься ты?

Монах

Грядущее нам предстаёт в ночи.
Ближайшего и то нельзя прозреть
При свете дня ни глазом, ни умом.
Когда я прохожу в дневное время
Неспешно по роскошным площадям,
Гляжу на башни грозные, на храмы
Священные, на мачты кораблей,
Стоящих на причале в людном порте,
Мне кажется: всё это на века
Построено и пригнано. И толпы,
Снующие в трудолюбивом рвенье,
Мне представляются все тем же людом,
Незыблемо в бесчисленных обновлениях
Хранящим свой, нам всем знакомый, лик.
Но только в час полуночный в моем
Сознании встает виденье града,
Как тут же вихри поднимают вой,
Земля дрожит, шатаются твердины,
Камень падает из прочных стен,
И в крошево, в зыбучий прах времен
Распался город. Те, что уцелели,
Взбираются на вновь возникший холм,
И под любой развалиной — мертвец.
Стихию обуздать не вмоготу
Согбенной, обезлюдившей стране,
И хляби, набегая вновь и вновь,
Песком и илом засыпают бухту!

Евгений

Обезоружив человека сном,
Пустым виденьем ночь его пугает.

Монах

Ах! Слишком скоро на злосчастья наши
Направит солнце помутневший взор!
А ты беги! Тебя твой добрый гений
От здешних бед упас. Но поспеши!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Евгения
(одна)

Мою беду не ставя ни во что,
Предсказывают мне иные беды.
Но разве беды, родине любимой
Грозящие, нам чужды? Так к моим
Насушным мукам страх перед грядущим
Прибавился, мне сердце отягчая
Заботой новой. Значит, правда то,
Что мне шептали в детстве, а потом
Мне довелось от моего отца
И, вслед за тем, от короля услышать?
Итак, в отечестве нам надо ждать
Крушенья строя. Зиждущие силы
Великой родины разобщены,
Не связаны их единившей целью,
Как было некогда, покои веков.
Распались связи! Каждый помышляет
Лишь о себе одном. Где грозных предков
Могучий дух, который единил
Между собой враждующие силы!
И исстари великому народу
Являвшийся в обличье короля,
Властителя, отца и государя?
Сей дух пропал бесследно! Нам остался
Лишь чахлый призрак власти, безуспешно
Стремящийся бывшее удержать.
И мне уплыть с такой тревогой в сердце
В разгар опасности, грозящей всем?
Мне упустить возможность славным предкам
Явить былой отваги образец
И устыдить гонителей моих,
Придя на помощь им в тяжелый час?
Теперь-то ты и стала мне святыней,
Земля родимая! Теперь-то я
И осознала святость наших уз!
Любую связь с отечеством моим
Отныне почитаю я священной.
Где тот великодушный человек,
Мне бескорыстно предложивший руку?

Ему-то и доверюсь я! Он будет
Хранить меня, как чистый талисман.
Не иначе вершатся чудеса
Здесь, на земле, как по наитью сердца!
Опасностей грядущих не страшусь
И слабости своей я не смущаюсь:
Я верю в благосклонную судьбу,
Ведущую меня к желанной цели!
И ежели отец мой и король
Меня отвергли в час обетованный,
Теперь они воочью убедятся,
Что уцелевшая высоких прав
Достойной оказалась в лихолетье.
Вот он идет! Его я благосклонной
Улыбкой встречу. Ищет он меня,
Чтоб попрощаться, — я останусь с ним.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Евгения. Судья. Мальчик (с красивым ларцом).

Судья

Один корабль уходит за другим
Из гавани. Боюсь, что и тебя
Окликнут вскоре. Так прими мое
Сердечное «прости» и малый дар,
Чтоб скоротать безрадостное время.
Прощай! Взываю к небу, чтоб меня
Ты в черный час не вспомнила с тоскою.

Евгения

Я с радостью приму твои дары —
Залог любви, залог твоей заботы;
Но отошли свой погребец домой.
И если чувств ко мне не изменил ты,
И если можешь сестринскою дружбой
Моей довольствоваться, я — твоя.

Судья

*(после недолгого молчания дает мальчику
знак удалиться)*

Возможно ли? В такой короткий срок
Твои ко мне переменились чувства?

Евгения

Они переменились! Но не страх
Толкнул меня тебе в объятья. Чувство
Высокое — о нем пока ни слова! —
На родине остаться мне велит.
Ну, а теперь скажи: способен ты
Безгрешной, чисто братскою любовью
Откликнуться на девичью любовь
И сестринскую преданность? Способен
Защитником мне быть? Мне предоставить
Надежный кров для безмятежной жизни?

Судья

Я все готов снести, за исключением
Лишь одного — утраты той, что мне
Дарована судьбой. Сочту за благо
Жить близ тебя, тобою любоваться,
Служить тебе. Пусть назначает сердце
Твое условия нашего союза.

Евгения

Тебе лишь ведомая, я должна,
Таясь от света, жить в глухом затворе.
Найдется ли усадьба у тебя,
В которой я могла бы поселиться?

Судья

Есть у меня усадевка глухая,
Но слишком ветх и непригляден дом.
Но по соседству расположен замок,
Пустующий уже который год.

Евгения

Нет, поселюсь в запущенном твоём,
Он больше к настроенью моему,
Пожалуй, подойдет. Когда ж воспряну
Я духом, будет чем заняться мне,
Как только я твоею назовусь,
Отправь меня с слугой надежным в глушь
И там на срок меня похорони,
Пока для лучшей жизни не воскресну,

С у д ь я

Когда тебя я мог бы посетить?

Е в г е н и я

Покорно жди, пока не позову я.
Придет и этот день и, может быть,
Соединит теснее нас обоих.

С у д ь я

Не легкий искус, что и говорить!

Е в г е н и я

Исполни обязательства свои
Передо мной. Свои я помню твердо.
Ты, руку предложив мне, посягнул
На многое и можешь пострадать,
Когда меня досрочно обнаружат.
Строжайшее молчание храни.
Кто и откуда я — о том ни слова!
И с теми, кто мне дороги, я буду
Лишь мысленно общаться. Ни письма,
Ни вестника я не пошлю туда,
Где, может быть, уж искра счастья брезжит.

С у д ь я

Запутанное дело! Что тут скажешь?
В любви безумной наглые уста
Клянутся часто, хоть на дне души
У них дракон лежит, коварно скалясь.
Любовь лишь делом можно подтвердить.
Стремясь к тебе, я должен поступиться
Всем, даже счастьем быть с тобою? Пусть!
Какою в первый миг ты мне открылась,
Такой ты и осталась — существом,
Достойным преклонения. Я стану
Жить для тебя, служить тебе одной.
Как набожный священник день за днем
Пред божеством склоняется незримым,
Ему открывшимся в счастливый миг
Как совершенства высший образец,
Так и меня ничто не отвратит
Служить тебе, хотя бы и заочно.

Евгения

Чтоб доказать тебе, как верю я
Словам твоим и доброму лицу,
Как чувствую, какой ты человек —
Правдивый, чуткий, искренний, надежный,
Я подтверждаю признание образцом,
Едва ль не высшим, женского доверья.
Я не колеблюсь, я спешу сказать:
Веди меня сегодня ж к алтарю!

РЕЙНЕКЕ-ЛИС

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Троицын день, умильный праздник, настал. Зеленели
Поле и лес. На горах и пригорках, в кустах, на оградах,
Песню веселую вновь завели голосистые птицы.
В благоуханных долинах луга запестрели цветами,
Празднично небо сияло, земля разукрасилась ярко.

Нобель-король созывает свой двор, и на зов королевский
Мчатся, во всем своем блеске, вассалы его. Прибывает
Много сановных особ из подвластных краев и окраин:
Лютке-журавль и союшка Маркарт — вся знать родовая.
Ибо решил государь с баронами вместе отныне
Двор на широкую ногу поставить. Король соизволил
Без исключения всех пригласить, и великих и малых,
Всех до единого. Но... вот один-то как раз не явился:
Рейнеке-лис, этот плут! Достаточно набедокулив,
Стал он чураться двора. Как темная совесть боится
Света дневного, так лис избегает придворного круга.
Жалобам счет уж потерял, — над всеми он, плут,
наглумился, —
Гримбарта лишь, барсука, не обидел, но Гримбарт —
племянник.

С первую жалобой выступил Изегрим-волк. Окруженный
Ближней и дальней родней, покровителями и друзьями,
Пред королем он предстал с такой обвинительной речью:
«Милостивейший король-государь! Осчастливьте вниманьем!

Вы благородный, великий и мудрый, и всех вы дарите
Милостью и правосудьем. Прошу посочувствовать горю,
Что претерпел я, со срамом великим, от Рейнеке-лиса!
Жалуюсь прежде всего я на то, что он дерзко бесчестил
Неоднократно супругу мою, а детей покалечил:
Ах, негодяй нечистотами обдал их, едкою дрянью,—
Трое от этого даже ослепли и горько страдают!
Правда, об этих бесчинствах давно разговор поднимался,
Даже назначен был день для разбора подобных претензий.
Плут соглашался уже отвечать пред судом, но раздумал
И улизнуть предпочел поскорее в свой замок. Об этом
Знают решительно все, стоящие рядом со мною.
О государь! Я бы мог обо всем, что терпел от мерзавца,
Если б не комкал я речь, день за днем говорить, хоть неделю.
Если бы гентское все полотно превратилось в пергамент,
То и на нем не вместились бы все преступления прохвоста!
Дело, однако, не в том, но бесчестье жены моей — вот что
Гложет мне сердце! Я отомщу — и что будет, пусть будет!..»

Только лишь Изегрим речь в столь мрачном духе закончил,
Выступил песик, по имени Вакерлос, и по-французски
Стал излагать, как впал он в нужду, как всего он лишился,
Кроме кусочка колбаски, что где-то в кустах он припрятал!
Рейнеке отнял и это!.. Внезапно вскочил раздраженный
Гинце-кот и сказал: «Государь, августейший владыка!
Кто бы дерзнул присягнуть, что подлец навредил ему больше,
Чем самому королю! Уверяю вас, в этом собрание
Все поголовно — молод ли, стар ли — боятся злодея
Больше, чем вас, государь! А собачья жалоба — глупость:
Много уж лет миновало истории этой колбасной,
А колбаса-то моя! Но дела тогда я не поднял.
Шел на охоту я. Ночь. Вдруг — мельница мне по дороге.
Как не обшарить? Хозяйка спала. Осторожно колбаску
Я захватил,— признаюсь. Но уж если подобие права
Пес на нее предъявляет — моим же трудам он обязан...»

Барс зарычал: «Что проку в речах и жалобах длинных!
Дела они не исправят! Хватит уж! Зло — очевидно.
Я утверждаю открыто! Рейнеке — вор и разбойник!
Да, все мы знаем, что он на любое пойдет преступление.
Если бы даже дворянство и сам государь наш великий
Все достойные и честь потеряли,— и в ус он не дунет,
Лишь бы на этом урвать кусок каплуна пожирнее,

Должен я вам рассказать, какую над Лямпе, над зайцем, Подлость вчера учинил он. Он здесь, безобидный наш заяц. Благочестивцем прикинувшись, лис преподать ему взялся Вкратце святую премудрость и весь обиход капелланский. Оба друг против друга уселись — и начали «Credo». Рейнеке не отказался, однако, от старых повадок, Ваш королевский закон о внутреннем мире нарушив, Бедного Лямпе схватил он и стал, вероломец, когтями Честного мужа терзать. А я проходил по дороге, — Слышу, двое поют. Запели — но тут же и смолкли. Я удивленно прислушался, но, подошедши поближе, Рейнеке сразу узнал: держал он за шиворот Лямпе. Да, безусловно б он жизни лишил его, если б, на счастье, Той же дорогой не шел я. Вот Лямпе и сам. Посмотрите, Как он изранен, смиренник, которого мысленно даже Грех обижать. Но уж если угодно терпеть государю, Вам, господа, чтобы над высочайшим указом о мире, О безопасности нашей вор невозбранно глумился, — Что ж!.. Но тогда королю и потомкам его отдаленным Слушать придется упреки ревнителей правды и права!»

Изеграм снова вмешался: «Так вот и будет, к прискорбью! Путного ждать нам от Рейнеке нечего. Если б он только Сдох! Вот было бы благоденствие для всех миролюбцев! Если же все и теперь сойдет ему с рук, то он вскоре Нагло надует всех тех, кто еще сомневается в этом!..».

Тут выступает барсук, племянник Рейнеке. Дядю, Плути прожженного, он, не стесняясь, берет под защиту: «Да, уважаемый Изеграм, старая есть поговорка: «Вражий язык — клеветник», и ваши слова, несомненно, Дяде совсем не на пользу. Но все это, впрочем, пустое. Будь он сейчас при дворе и, как вы, в королевском фаворе, Вы бы, пожалуй, раскаялись в речи язвительной вашей, В коей так явно предвзято события все извратили. Но почему о вреде, что лично вы делали дяде, Вы умолчали? Однако ведь многим баронам известно, Как вы друг с другом союз заключили и клятву давали Жить, как товарищи верные. Слушайте, как это было: Дядя зимою однажды, по милости вашей, подвергся Смертной опасности. Ехал извозчик, нагруженный рыбой. Вы проследили его, и большая взяла вас охота Лакомой рыбки поест. Но денег, увы, не хватало.

Тут и подбили вы дядю, чтоб он на дороге разлегся, Мертвым прикинувшись. Право, отчаянно смелый поступок! Но посмотрите, чем рыба ему между тем обернулась: Едет извозчик, и вдруг в колее замечает он дядю. Мигом схватил он тесак и уже замахнулся, но дядя, Умница, не шевелится, не дышит — как мертвый! Извозчик Бросил его на подводу, заранее радуясь шкуре. Вот ведь на что он решился, мой дядя, для друга!.. Извозчик Едет и едет, а Рейнеке с воза все рыбку швыряет. Изегрим, крадучись, шел им вослед, уплетал себе рыбу. Дядюшке это катанье, однако, уже надоело: * С воза он спрыгнул, мечтая отведать своей же добычи, Но оказалось, что рыбу всю дочиста Изегрим кончил. Так нагрузился обжора — едва он не лопнул! Он только Голые кости оставил, объедочки — другу на радость... Вот и другая проделка, и тут расскажу только правду: Рейнеке знал, что висит на крюке у крестьянина туша Свежезаколотой жирной свиньи. Он открыл это честно Волку, и оба отправились счастье делить и опасность. Впрочем, труды и опасность дядюшке только достались: Он сквозь окошко проникнул вовнутрь и с огромным усилием Эту добычу их общую выбросил волку. К несчастью, Были собаки вблизи, и дядюшку в доме накрыли. Шкуру на нем обработали честно. Весь в ранах, удрал он. Волка немедля найдя, сполна ему выплакав горе, Долю свою он потребовал. Тот говорит: «Отложил я Дивный кусок для тебя. Налегай поусердней, приятель, Все обглодай без остатка. А сало — ты лапы оближешь!» Волк тот кусок и приносит — рогатую палку, на коей Туша свиная висела. Теперь той свинины роскошной Не было: с нею расправился волк, непутевый обжора! Рейнеке речи лишился от гнева. Но что он там думал,— Сами додумайте... О государь, перевалит за сотню Счет подобных проделок волка над дядюшкой-лисом. Но... умолчу я о них. Будь Рейнеке здесь самолично, Лучше б себя защитил он. Впрочем, король благородный, Милостивый повелитель, одно я осмелюсь отметить: Слышали все вы, как Изегрим речью неумной унизил Честь супруги-волчихи, с которой ему надлежало, Хоть бы ценой своей жизни, спять даже тень подозренья! Лет уже семь или больше минуло с тех пор, как мой дядя Верное сердце свое посвятил — я сказал бы — прекрасной Фрау Гирмунде-волчихе. На плясках ночных это было.

Изегрим сам находился, как мне говорили, в отлучке. Дядину страсть принимала волчиха вполне благосклонно. Что ж вам еще? От нее вы ни разу не слышали жалоб? Да, жива, невредима! Зачем же он шум поднимает? Будь он умней, то, конечно, молчал бы: себя же позорит... Дальше,—сказал барсук,—следует сказка про зайца! Пустопорожняя сплетня! Ужели не вправе учитель Строго наказывать школьников за невниманье и леность? Коль не пороть мальчуганов, прощать баловство или грубость,

Как же, позвольте спросить, молодежь мы тогда воспитаем?.. Вакерлос плакался тоже: зимой-де колбаски кусочек Он потерял! Но об этом уж лучше б скорбел втихомолку! Слышали все вы: колбаска ворована. Кто как нажился, Так и лишился!.. И кто упрекнуть бы отважился дядю В том, что украденный клад отобрал он у вора? Конечно, Знатным и власть имущим особам, как вы, не мешало б Строже быть, беспощаднее,—стать для воров устрашеньем. Стоило б дядю простить, если б он и повесил воришку! Но самосуд он отверг, уважая особу монарха, Ибо смертная казнь — лишь королевское право. Ах, благодарностью дядя мой все-таки мало утешен, Как бы он ни был и правым и твердым в борьбе с преступленьем.

Кто же, скажите, с тех пор, как объявлен был мир королевский, Держится лучше его? Он совсем изменил образ жизни: Раз только в сутки он ест, как отшельник живет, угнетает Плоть и на голое тело надел власяницу; давненько В рот не берет он ни дичи, ни мяса домашних животных,— Так мне вчера лишь сказал кое-кто, у него побывавший. Замок он свой, Малепартус, теперь уж оставил и строит Келью себе для жилья. А как отощал он, как бледен Стал от поста, и от жажды, и прочих искусов тяжких, Кои он стойко выносит,—вы можете сами проверить. Хуже ль ему оттого, что здесь его всякий порочит? Если бы сам он пришел — оправдался б и всех посрамил бы...»

Только что Гримбарт умолк, появляется, всех озадачив, Геннинг-петух и при нем все потомство. На черных носилках Курочку без головы и без шеи внесли они скорбно.

Звали ее Скребеножкой, первойшей несущкой считалась. Ах, пролилась ее кровь, и кровь ее Рейнеке пролил! Пусть же король убедится!.. Едва лишь петух благонравный, Горем подавленный тяжким, предстал пред лицом государя, Вслед ему два петуха подошли с тем же траурным видом. Звался один Кукареком — и лучший петух не нашелся б От Нидерландов до Франции самой. Шагавший с ним рядом Имя носил Звонкопев, богатырского роста был малый. Оба зажженные свечи держали. Покойной особе Братьями были родными. Они проклинали убийцу. Два петушка помоложе носилки несли и рыдали,— Их причитанья и вопли издалека доносились. Геннинг сказал: «Мы горюем о невозвратимой утрате, Милостивейший король! Посочувствуйте в горе ужасном Мне, как и детям моим! Вот Рейнеке-лиса работа! Лишь миновала зима — и листва, и трава, и цветочки Радости нам возвестили,— как счастлив я был, наблюдая, Свой жизнерадостный выводок, живший при мне беззаботно! Десять сынков и четырнадцать дочек, веселых, проворных, Сразу, в одно только лето, супруга моя воспитала. Все крепышами росли и свое пропитанье дневное Сызмальства сами себе находили в укромных местечках. Двор ведь у нас монастырский, богатый: надежные стены, Шесть большущих собак, недремлющих стражей домашних. Деток моих так любили, так бдительно их охраняли. Рейнеке, вору, однако, пришлось не по праву, что мирно Жили семьей мы счастливой, козней его избегая. Вечно шнырял он у стен, по ночам караулил ворота. Псы замечали его, он тягу давал. Но однажды Был он всей сворою схвачен, и тут ему шкуру надрали! Все же он спасся, и нас не надолго оставил в покое... Впрочем, послушайте дальше. Вскоре он снова приходит, Схимник по виду, приносит рескрипт за печатью. Я вижу — Ваша печать. Я читаю указ — в нем написано ясно: Вы возвещаете мир нерушимый животным и птицам!.. Лис мне меж тем говорит, что отшельником стал он смиренным,

Дал-де он строгий обет искупить свои прегрешенья, В коих, увы, он теперь сознается. Пускай-де отныне Больше никто не боится его: он свято поклялся Мясом вовек не питаться! Дал он мне рясу пошупать, Даже нарамник; свидетельство мне предъявил он От настоятеля; и, чтобы не было вовсе сомнений,

Он показал власяницу под рясой, сказав на прощанье:
«Будьте же, бог да хранит вас, здоровы! Немало осталось
Дел у меня: прочитать еще следует «Сексту» и «Нону»,
Кроме того, еще «Веспер». Стал на ходу он молиться,
Зло замышляя в уме, нам замышляя погибель...
Я, с просветленной душою, к семье поспешил — поделиться
Радостной вестью о грамоте вашей. Семья взликовала!
Если уж Рейнеке схимником сделался, звать мы не будем
Горя и страха!.. Впервые с детьми я отважился выйти
За монастырские стены. Как рады мы были свободе!
Нам она скоро бедой обернулась! Залег за кустами
Лис вероломный и, выскочив, путь нам к воротам отрезал.
Лучшего нашего сына схватил и унес он, проклятый!
Тут нам спасенья не стало! Уж раз он отведал куренка, —
Так и повадился!.. Ни егеря, ни собаки не могут
Нас от злодея теперь ни днем, ни ночью избавить.
Так вот и перетаскал он чуть ли не всех моих деток:
Двадцать имел я, остался пяток. Остальных он зарезал!..
Сжальтесь над горем горчайшим! Вчера задушил он,
разбойник,
Дочь мою также! Собаки спасли только труп бездыханный.
Вот она, жертва его! Пусть ваше откликнется сердце!..»

Слово король произнес: «Подойдите-ка, Гримбарт, взгляните:
Так-то постится отшельник ваш, так он грехи искупает?
Год бы еще мне прожить, он истинно каяться будет!
Впрочем, что пользы в словах! Послушайте, бедный мой
Геннинг:

Дочери вашей отказа не будет ни в чем, что по праву
Воздано мертвым должно быть — ей будет «Вигилия» спета,
Почести будут оказаны при погребенье, а после
Мы с господами баронами кару убийце обсудим...»

Тут же король приказал «Вигилию» спеть над покойной.
С «Domino placebo»¹ начали певчие петь и пропели
Все стихи до конца. Указать бы я мог и подробнее,
Кто из них лекцию, кто респонсории пел, но уж слишком
Много потребует времени это. Не стоит, пожалуй...
Труп схоронили, могилку накрыли красивой плитой
Мраморной, словно стекло, отшлифованной, грузной,

¹ «Господу богу угоден» (лат.) — начальные слова заупокойной молитвы.

Толстой, солидной. И крупную, четкую высекли надпись: «Тут Скребножка покойся. Геннинга дочь. Между куриц Всех яйценосней была и скребла замечательно землю. Ах, лежит она здесь, убиенная Рейнеке-лисом, Пусть же узнает весь мир о злодействе его и коварстве! Плачьте о жертве безвинной!» Так именно надпись гласила.

Вскоре король на совет созывает умнейших придворных, Чтоб сообща обсудить им, как покарать преступлеенье, Ставшее столь очевидным ему самому и баронам. Вот и решили они, что к преступнику дерзкому нужно Срочно гонца снарядить, чтоб разбойник теперь не пытался Как-нибудь вновь уклониться от явки на суд королевский В самый ближайший из дней заседания членов совета. Браун-медведь был назначен послом. В напутственном слове Брауну молвил король: «Говорю вам, как ваш повелитель: Будьте как можно усердней, но прежде всего — осторожность!

Рейнеке зол и коварен, пойдет он на всякие плутни: Будет лукавить и льстить, обманывать, путать безбожно, Самоуверенно». — «Будьте спокойны! Пускай он посмеет Чуть-чуть хоть попытаться меня одурачить, мерзавец, — Вот вам: богом кляпусь, и да буду покаран я богом, Если я с ним не разделаюсь так, что своих не узнает!..»

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Вот и отправился Браун с решительным видом в дорогу, В дальние горы. А путь пролегал по огромной пустыне, Длинной, широкой, песчаной. Ее пересекши, достиг он Гор наконец, где обычно охотился Рейнеке хитрый. За день как раз перед тем он славно там развлекался. Дальше поплелся медведь в Малепартус, где лис понастроил Всяких диковин. Из всех укреплений и замков, которых Много имел он в округе, надежнейшим был Малепартус. Рейнеке здесь укрывался, как только грозила опасность. К замку Браун приходит, смотрит — ворота закрыты, Накрепко заперты. Он отошел, потоптался на месте, Долго не думал — и рывкнул: «Дома ль вы, сударь-племянник? Браун-медведь к вам пришел как судебный гонец королевский,

Знайте, поклялся король, что предстанете вы самолично
Перед судом высочайшим, а мне надлежит вас доставить;
Суд разберется, виновны вы иль невиновны. Пойдемте —
Или поплатитесь жизнью! Имейте в виду: за неявку
Вам угрожает иль петля, иль колесованье. На выбор!
Следуйте лучше за мной, чтоб дело не кончилось плохо!»,

Рейнеке слышал отлично всю речь до последнего слова.
Сам он лежал, выжидал и раздумывал: «Если бы только
Мне удалось отплатить грубияну за это нахальство!
Что-нибудь надо придумать!» Ушел он в глубины жилища,
В самые недра его. С расчетом был выстроен замок:
Было тут множество нор, подземелий, проходов, лазеек,
Узких и длинных, и разные двери: те распахнутся,
Эти запрутся, смотря по нужде. А случись только розыск, —
Замок мошеннику самым вернейшим убежищем служит.
В сложных извилинах замка и бедные звери нередко
По простоте попадались, жертвы разбойника лиса!
Рейнеке слышал медведя, но, бестия, он опасался,
Нет ли, кроме посла, еще и других там в засаде.
Но, убедившись теперь, что медведь пришел одиночкой,
Вышел хитрец и сказал: «Дражайший мой дядюшка Браун!
Здравствуйте! Вы уж простите! Вечерней молитвою занят,
Ждать я заставил вас. О, я вам так за визит благодарен:
Это ведь и при дворе, я надеюсь, мне службу сослужит.
Дядюшка, милости просим! Я рад вам во всякое время.
Только не совестно ль тем, кто решил послать вас в дорогу?
Путь нелегок, далек! О, боже мой, как вы вспотели!
Вы до шерстинки промокли, вы задыхаетесь, дядя!
Что же, великий король при дворе не имеет хожалых,
Кроме столь знатного мужа, которого так он возвысил?
Впрочем, мне это, может быть, даже полезно. Прошу вас
Помощь мне оказать при дворе, где я зло оклеветан.
Завтра намерен я был, несмотря на свое нездоровье,
Собственной волей пойти ко двору. Я давно собираюсь.
Только сегодня как раз мне трудно пускаться в дорогу,
Кое-чего я поел, чересчур, к сожалению, много, —
Блюдо мне повредило: страшные рези в желудке...»
«Друг мой, а что это было?» — полюбопытствовал Браун,
Лис отвечает: «А вам что за польза, хотя бы сказал я?
Да, питаюсь еважно, однако терплю потихоньку,
Мы бедняки — не графы! Если у нашего брата
Лучшего нет ничего, — начнешь потреблять понеголе

Даже медовые соты. Такого добра сколько хочешь!
Я лишь по крайности пользуюсь ими: меня от них пучит.
Гадость ужасная! Ешь с отвращением,— пойдет ли на пользу?
Если бы выбор иметь, никогда бы и в рот я не брал их!»

«Ай! Что я слышу, любезный! — воскликнул обиженно
Браун.—

Ай! Вы ругаете мед, о котором другие мечтают?
Мед, я вам должен сказать,— вкуснейшее блюдо на свете;
Мед — моя страсть! Достаньте! Жалеть не придется вам,
сударь.

Я вам могу пригодиться!» — «Вы шутите?» — лис оживился.
«Что вы! Ей-богу! — поклялся медведь.— Говорю вам
серьезно».

«Ну, если так,— отвечал ему рыжий,— могу удружить вам.
Рюстефиль-плотник живет в ближайшем селе, под горою.
Меду имеет!.. Наверно, ни вы и ни все ваше племя
В жизни такого запаса не видели!..» Брауну страстно,
Страшно как захотелось любимого лакомства. «Сударь!
Как бы мне там очутиться? Вовек не забуду услуги!
Дайте мне меду поесть! Хоть не досыта,— лишь бы
отведать!»

Лис отвечает: «Пойдемте! За медом дело не станет!
Правда, сегодня я на ноги плох. Но нежные чувства,
Кои всегда к вам питал я, может быть, несколько скрасят
Тяжесть дороги. Поверьте, из всех моих родичей только
К вам я так расположен. Пойдемте же! Дружба за дружбу:
Там, при дворе, вы поможете мне на совете баронов
Сбить с моих недругов спесь и жалобы их опорочить.
Медом сегодня я досыта вас накормлю, до отвала!»
(Плут про себя считал дубины крестьян разъяренных.)

Рейнеке шел впереди, и слепо вослед ему Браун.
«Если затея удастся,— злорадствовал лис,— я доставлю
Нынче тебя на базар — нажрешься ты горького меду!»
Вот и плотника двор. Медведь был в полном восторге,
Правда, напрасно: глупцов очень часто надежды подводят.

Вечер уже наступил, и Рейнеке знал, что обычно
Рюстефиль в эти часы уже находился в постели.
Был он, как сказано, плотником, мастером очень хорошим.
Кряж дубовый лежал во дворе, припасенный к разделке,—

Два основательных клина в него уже загнаны были: Трещина в целый аршин зияла в верхнем обрубе. Рейнеке-лис говорит: «Дядюшка, в этом бревнище Меду накоплено столько, что вам и не снилось! Поглубже, Сколько возможно, всуньте-ка в трещину морду. Однако Жадничать слишком не стоит,— как бы еще не стошнило». «Что ж,— оскорбился медведь,— обжора я, что ли?

Напротив!

Мера должна быть всегда и во всем, как известно...» Короче, Дал он себя одурачить: всунул в расщелину морду Вплоть по самые уши и всунул передние лапы. Рейнеке тут не зевал: он начал потягивать, дергать, Выдернул клинья прочь. Медведь оказался в капкане. Морду и лапы зажало,— бранись, умолай — не поможет. Горя тут Браун хлебнул, хоть был силачом и не трусом! Вот как племянничек дядю завлек хитроумно в ловушку! Браун ревел, и рычал, и задними лапами землю Яростно рыл, и буйствовал,— плотника поднял с постели. «Что это?» — мастер подумал и вышел, топор захвативши, Чтобы не быть безоружным на случай недоброго дела.

Браун тем временем в ужасе был. Защемила колода Страшно! Он рвался, метался, ревел от мучительной боли. Пытка — а все ни к чему! Он думал, что тут ему крышка! (Это же самое думал и Рейнеке, очень довольный.) Издали видя, что плотник бежит, говорит он медведю: «Как там дела у вас, Браун? Умерьтесь — и мед пощадите! Вкусно, скажите? Рюстефиль вам угощенья прибавит: После обеда он даст вам хлебнуть кой-чего на здоровье!..» Рейнеке тут же сбежал в крепость к себе, в Малепартус. Рюстефиль-плотник меж тем подоспел и, медведя увидев, Кинулся сразу в шинок, где за кружкой пивной заболтались Односельчане. «Спешите! — он закричал им.— Поймался Дурень-медведь у меня во дворе! Чистейшая правда!» Все побежали за ним, хватая что ни попало: Вилы один подцепил, другой ухватился за грабли; Третий, четвертый вскочили — бегут с топором и с мотыгой; Пятый за ними торопится, вооружившись дрекольем; Поп, а вослед ему служба с утварью богослужебной; Даже кухарка попа (фрау Ютта, варившая кашу Как-то особенно, лучше, чем все) и Ютта-кухарка, Прялку свою волоча, за которой весь день просидела,— Тоже бежала намылить медведю несчастному шкуру.

Браун, в несносных мучениях, переполох тот услышал. Голову сильно рванул он — и вырвал, но по уши морду всю ободрал и оставил и шерсть и кожу в колоде. Нет! Никто не видал столь жалкого зверя! Хлестала кровь по ушам. Что проку, если он вытащил морду? Лапы-то все же в колоде зажаты! И тут он рванул их резким рывком — и хоть вырвал, но окончательно спятил: Когти и шкуру с обеих лап он оставил в чурбане. Ах, это вовсе не пахло медом любимым, которым Лис обнадежил его! Путешествие кончилось плохо! Сколько же выпало горя ему и страданий! Вся морда залита кровью, и лапы в крови; стоять он не может, ползать не может, бежать — и подавно, А плотник — все ближе,

С плотником вместе и вся толпа на него нападает: Всех обуяло желание убить его! Даже священник длинную жердь захватил и Брауна издали лупит. Вертится бедный туда и сюда, а толпа напирает: Те наступают с дрекольем, эти идут с топорами; Тут с кувалдой, с клещами кузнец, там — держат лопаты, Заступы. Все его били, кричали, горланили, били Так, что от страха и мук он в собственном кале катался. Все на него навалились, никто отставать не желает: Шлеппе тут был колченогий и толстоногий был Людольф — Самые злющие парни, Герольд в скрюченных пальцах Держит цеп деревянный — так и молотит! А рядом — Зять его, Кюкельрей толстый. Как эти двое лупили! Абель Квак с фрау Юттой-кухаркой трудились не меньше. Тальке, жена Лорде Квака, лоханкойхватила беднягу. Да и не только они: сюда поголовно сбежались Все и мужчины и бабы, все жаждали смерти медведя. Кюкельрей всеми командовал, знатностью чванясь, — еще бы! Фрау Виллигетруда с задворков ему приходилась Матерью. Это — известно, Отец неизвестным остался. Впрочем, был разговор, — мол, чернявый косарь этот Зандер, Малый очень бедовый (во сне) — вот он-то, пожалуй, (Так говорили) отец, мол, и есть этот самый... А камни Градом летели в несчастного Брауна. Ах, эти камни! Плотника брат подскочил, увесистой длинной дубиной Так тут медведя по черепу трахнул, — он света невзвидел, Но от чудовищной боли стал на дыбы он — и сразу Ринулся прямо на баб, а те как шарахнутся с визгом, Падают, топчут друг друга, иные бултыхнулись в воду.

Место же было глубоким... Патер кричит, надрываясь:
«Люди! Смотрите! Плывет фрау Ютта, кухарка, в салоне!
Вот и прятка ее! Мужчины, спасайте! Поставлю
Пива дзе бочки в награду, грехи отпустить обещаю!..»
На издыханье покинув медведя, все бросились в воду —
Женщин спасать и всех пятерых извлекли, слава богу!
Так. А покуда крестьяне на берегу хлопотали,
Браун с отчаянья бросился в воду, ревя, как безумный,
От нестерпимых мучений. Он предпочел утопиться,
Лишь бы уйти от позорных побоев. Он сроду не плавал,—
Значит, рассчитывал с жизнью своею разделаться сразу.
Сверх ожидания почувствовал он, что плывет, что течение
Быстро уносит его. Заметили это крестьяне,
Стали кричать: «Позор! Мы посмешимся будем навеки!»
Все от досады обрушились тут же с бранью на женщин:
«Дома бы лучше сидели! Вот из-за вас преспокойно
Он уплывает себе!..» Пошли, осмотрели колоду,—
Видят в расщелине ключья шерсти и кожу с медвежьей
Морды и лап. Ну, и смеху же было! Крестьяне шутили:
«Э, ты вернешься, косматый,— в залог ты нам уши оставил!»
Так над медвежьим увечьем они издевались. Но сам он
Рад был, что хуже не кончилось. Как мужиков этих грубых
Он проклинал! Как лапы и рваные уши болели!
Клял он предателя Рейнеке также. С проклятьями в сердце
Плыл он и плыл, уносимый сильным и быстрым потоком.
Чуть не на милю его отнесло за короткое время.
Тут кое-как он и выполз на сушу, на этот же берег.
Солнце еще не видало столь удрученного зверя!
Он и не думал дожить до утра,— он думал, что тут же
Дух он испустит. «О Рейнеке, лживый, коварный предатель!
Подлая тварь!» При этом он вспомнил крестьян и побой,
Вспомнил чурбан, и еще раз проклинал он лисье коварство...

Сам же Рейнеке-лис после того, что он дядю
Так замечательно свел на базар, угостить его медом,
Сбежал за курочкой (место он знал!) и, зацапнув там
штучку,
С легкой добычей махнул тем же берегом вниз по теченью.
Жертву он быстро уплел и, спеша по делам неотложным,
Так бережком и бежал по теченью, пил воду и думал:
«Ох, до чего же доволен я, что остолопа-медведя
К праотцам ловко спрозадил! Быюсь об заклад я, что
плотник

Славно его топором угостил! Медведь был пастроен
Издавна недружелюбно ко мне. Наконец мы в расчете.
Я его дядюшкой все величал, но теперь он в чурбане
Кончился, надо считать! Я счастлив по гроб моей жизни:
Всех его ябед и пакостей впредь уж не будет!..» Но смотрит
Рейнеке дальше — и видит: валяется Браун избитый.
За сердце так и схватила досада: «Он жив, косолапый!»
«Рюстефиль, — думал он, — ты недотепа, ничтожество, олух!
Ты отказался от этого вкусного, жирного блюда?
Люди почище тебя мечтают о том, что само же
В руки к тебе привалило! Но все ж за твое угощение
Браун, как честная личность, залог, очевидно, оставил!»
Так он подумал, заметив, что Браун истерзан и мрачен.
Тут он окликнул его: «О дядя! Какими судьбами!
Вы ничего не забыли у плотника? Я бы охотно
Дал ему знать о вашем убежище. Но, извините
За любопытство: меду вы много успели там хапнуть?
Или вы честно за все расплатились? Как было дело?
Ай, до чего расписали вас! Это же срам, это ужас!
Может быть, мед оказался неважным? Сколько угодно
Можно купить по такой же цене. Но, дядя, скажите:
Что это вздумали вы щеголять в этом красном берете?
Или вы только что в орден какого-то братства вступили?
Или вы стали аббатом? Наверно, негодный цирюльник,
Вам выбривая макушку, бритвой захватывал уши.
Кажется, чуба вы тоже лишились и шкуры со щечек?
Даже перчаток! Ну, где же вы их умудрились оставить?»
Молча должен был Браун выслушивать слово за словом
Злейшие эти насмешки, сам же не мог и словечка
Молвить от боли. Не знал, что и делать. Но, лишь бы не
слушать,

В воду обратно полез, и поплыл, увлеченный стремниной,
Дальше, и вылез на берег отлогий, и тут же свалился.
Жалкий, больной, он скулил, к себе самому обращаясь:
«Хоть бы убил меня кто! Ходить я не в силах! Ужели
Не суждено ко двору мне вернуться? Ужели я должен
Здесь пропадать, опозоренный гнусным предательством лиса?
Только б уйти мне живым, — меня, негодяй, ты попомнишь!»
Все же он кое-как встал и в муках жестоких поплелся.
Четверо суток он шел ко двору, наконец дотащился.

Лишь показался медведь королю в этом виде плачевном,
В ужасе вскрикнул король: «О, господи! Браун ли это?

Кто изуродовал вас?» А Браун в ответ: «Несомненно — Очень тяжкое зрелище! Рейнеке, наглый преступник, Предал меня, опозорил!» Король возмущился и молвил: «Ну, за такое злодейство я беспощадно расправлюсь! Рейнеке смел опозорить такого вельможу, как Браун! Честью своей и короной клянусь я, и так оно будет: Все возместит он сполна, что Браун взыщет по праву! Если я клятву нарушу, меча не носить мне отныне!..» Тут же король приказал немедля совету собраться, Тщательно все обсудить и назначить кару злодею. Все порешили на том, что, буде король соизволит, Нужно вторично затребовать Рейнеке, чтоб на совете, Выслушав иски и жалобы, лично он дал объяснения. Гинце-коту надлежит с извещением отправиться к лису: Гинце умен и проворен. Так на совете решили...

С мнением своих приближенных король вполне согласился И обратился к коту: «Оправдайте доверье совета! Если он вздумает только и третьего ждать приглашенья, Худо придется ему и всему его роду навеки! Если не глуп он, то явится. Это ему вы внушите! Всех и во грош он не ставит, но с вами он будет считаться». Гинце стал возражать: «Удачей ли иль неудачей Кончится дело, но вот я приду, а с чего начинать, я не знаю. Что вы прикажете, то я исполню, но лично считаю, Было бы лучше другого послать: я так мал, слабосилен. Браун-медведь — великан и силач, а чего он добился? Как же справиться мне? Простите меня, но увольте!»

«Ты меня не убедишь,— ответил король,— ведь нередко В личности самой мизерной сметки и мудрости больше, Нежели в очень внушительной. Ты великаном не вышел, Но образован, умен и находчив». Кот подчинился: «Воля монарха — закон! И первое, что по дороге С правой руки я замечу, то будет приметой удачи...»

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Вышел кот Гинце, идет, шагает своею дорогой.
Издали сизоворонку заметив, он радостно крикнул:
«Добрая птица! Счастливой дороги! Ко мне свои крылья

Ты устрями и сопутствуй мне справа!» И вот прилетела Птица, но слева от Гинце присела на дерево с песней. Гинце весьма огорчился, решил, что беда неизбежна. Но, как бывает со многими, он постарался взбодриться. Шел себе, шел он вперед, в Малепартус приходит и видит Рейнеке, около дома сидящего. Кот поклонился: «Щедрый на милости бог да пошлет нам вечер счастливый! Слушайте, смертью грозит вам король, если только дерзнете Вновь уклониться от явки! Еще передал он: ответить Всем истцам вы должны, иль родня ваша вся пострадает...» «Здравствуйте,— лис отвечает,— привет вам, племянничек милый!

Да наградит вас господь всем, чего вам желаю». Вовсе, конечно, не то затаил он в предательском сердце. Новые козни теперь замышлял он: и этого также Думал спровадить гонца с большим посрамленьем обратно. Гинце-кота называл он племянником: «Чем бы, племянник, Мне угостить вас? На сытый желудок приятнее спится. Дайте-ка мне похозяйничать! Утром отправимся вместе. Так будет лучше. Из всех моих родичей, право, не знаю, Кто есть другой, на кого бы я мог, как на вас, положиться? Этот медведь, объедала, был чересчур уж напорист, Он и силен и свиреп. Я ни за что бы на свете С ним не решился отправиться в путь. Но теперь-то, конечно, С вами охотно пойду я. Завтра же утром пораньше Мы соберемся в дорогу. Пожалуй, так будет разумней». Гинце ему возразил: «Было бы лучше, положим, Сразу же, с места в карьер, ко двору нам и двинуть. Светит над степью луна, дороги все сухи, спокойны...» Рейнеке снова: «Я нахожу путешествие ночью Небезопасным: днем и дорогу иной вам уступит, Ночью ему попадитесь,— кто знает, чем кончится встреча!» Гинце решился спросить: «Ну, а если б я, дядя, остался,— Чем, позвольте узнать, мы закусим?» А лис отвечает: «Мы пробавляемся плохо. Но раз вы решили остаться, Свежие соты медовые дам вам,— достану отборных». «Отроду их не едал,— пробурчал обиженно Гинце.— Если другим угостить вы не можете, дайте хоть мышку: Мышью вполне удовольствуюсь, мед — для других сберегите...»

«Что? Вы любитель мышей?! — Рейнеке воскликнул.— Серьезно?

Этим я вас угощу. Поп тут живет по соседству.

Хлебный амбар у него, а мышей в этом самом амбаре — Возом не вывезешь! Поп, я слышал, огорчается очень: «Нет, говорит, от мышей ни днем и ни ночью покоя...» Гинце сболтнул опрометчиво: «Сделайте мне одолжение, К мышкам меня отведите: ни дичь, ни все остальное Так не люблю, как мышатину». Рейнеке даже подпрыгнул: «Ну, вы, значит, имеете великолепный ужин! Раз я уж выяснил, чем угодить вам, давайте не мешкать...»

Гинце поверил, — пошли они оба, приходят к амбару, Стали под глиняной стенкой. Рейнеке в ней накануне Ловко лазейку прорыл и у спящего патера выкрал Лучшего из петухов. Мартыничик, любимое чадо Богослужителя, месть изобрел: он у самой лазейки Петлю очень искусно приладил в надежде, что с вором За петуха разочтется, как только придет он вторично. Рейнеке это узнал, на примете держал, и сказал он: «Милый племянник, влезайте-ка прямо в дыру. Я останусь Здесь караулить во время охоты. Мышей нагребете Целую кучу в потемках! Вы слышите писк их задорный? Вволю наевшись, назад вылезайте, — я вас дожидаюсь. Нам в этот вечер нельзя разлучаться, а утром пораньше Выйдем мы с вами — и путь скоротаем веселой беседой». «Значит, — спросил его кот, — влезать я могу без опаски? Ведь иногда и священник недоброе может замыслить...» Рейнеке-шельма его перебил: «Кто бы мог заподозрить В трусости вас? Возвратимся домой, — там радушно,

с почетом

Примет вас женушка наша и чем-нибудь вкусным накормит, Правда, не будет мышей, но... чем богаты — тем рады». Кот между тем, пристыженный лисьей насмешливой речью, Лихо метнулся в дыру — и сразу же в петлю попался. Вот как Рейнеке-лис угощал гостей простодушных!

Только почувствовал Гинце прикосновение веревки, Так и шарахнулся сразу назад, перепуганный насмерть. Слишком силен был прыжок, — и петля стянулась на Гинце! Жалобно Рейнеке звал он, который злорадно снаружи, Все это слыша, язвил, просунувши морду в лазейку: «Гинце, понравились мыши? Упитанны? Или не очень? Если б Мартыничик узнал, что вы его дичь уплетали, Он бы горчицы принес вам; он очень услужливый мальчик.

Что?! При дворе это принято — петь за столом?

Сомневаюсь!

Если б в такую ловушку, в какую вас я пристроил, Также попался мне Изегрим, он бы за все свои козни Полностью мне заплатил!» Тут Рейнеке-плут удалился... Надо сказать, что он хаживал часто не только на кражи: Прелюбодеяние, убийство, грабеж и предательство сам он Даже грехом не считал и подобное что-то задумал. Фрау Гирмунду решил он провести с двойкою целью: Выпытать прежде всего, в чем, собственно, жалоба волка, А во-вторых, он намерен был возобновить с ней интрижку. Изегрим был при дворе, — как не использовать случай? Нечего тут сомневаться: ведь именно склонность волчицы К нагло-распутному лису зажгла всю ненависть волка... Рейнеке к даме пришел, но как раз не застал ее дома. «Ну, байстрючки!» — сказал он волчатам, — ни больше ни меньше!

Мило кивнул малышам и ушел по другим он делишкам. Утром чуть свет возвратившись домой, Гирмунда спросила: «Не заходил ли ко мне кто-нибудь?» — «Да вот только что вышел

Дяденька Рейнеке, крестный, — хотел побеседовать с вами. Всех нас, как есть, почему-то он называл байстрючками...» «Что?! — закричала Гирмунда. — Он мне ответит!» И тут же Бросилась вслед за нахалом — с ним рассчитаться. Знакомы Были ей лисьи дорожки. Настигла — и крикнула гневно: «Что это?! Что за слова?! Что за бесстыжие речи?! Как вы, бессовестный, смели так выражаться при детях? Каяться будете!..» Так раскричалась она и, свирепо Зубы оскаля, вцепилась в бороду лису. Узнал он Силу зубов ее острых! Бегством спастись он пытался, — Фрау Гирмунда за ним. История тут получилась! Старый заброшенный замок поблизости был расположен; Оба влетают туда и в башне одной обветшалой Трещину видят: стена за давностью лет раскололась. Рейнеке сразу юркнул, протиснувшись, правда, с натугой, — Щель узковата была. Волчица, дородная дама, Ткнулась также стремительно в щель головой, но застряла, Тыкалась, ерзала, билась, пыталась протиснуться, — тщетно! Только сильнее защемило, — ни назад, ни вперед не пролезет. Стоило Рейнеке это заметить, окольной дорогой Сзади он к ней забежал, — и теперь он ей задал работу! Но уж при этом она не скупилась на ругань: «Мерзавец!

Ты поступаешь бесчестно!» А Рейнеке невозмутимо:
«Жаль, что не раньше, но все-таки — что суждено, да
свершится!»

Это не доблесть — супругу свою утруждать избегая,
К женам чужим прибегать, как Рейнеке делал беспутный!
Ну, а когда из расщелины вырвалась все же волчица,
Рейнеке был далеко, шагал он своею дорогой.
Думала дама сама защищать свое дамское право,
Дамскую честь отстоять, но вторично ее потеряла...

Впрочем, вернемся к злосчастному Гинце. Как только он
понял,
Что в западне очутился, он — в чисто кошачьей манере —
Жалобно начал вопить. Мартыничик сорвался с кровати:
«Ну, слава богу! В счастливый часок я, как видно, приладил
Петлю у этой лазейки! Попался воришка! Заплатит
За петуха он недешево!» Прыгал от счастья Мартыничик.
Живо он свечку зажег (в доме все спали спокойно),
Мать и отца разбудил он, растормошил всю прислугу,
Крикнул: «Лисица попалась! Вот мы ей покажем!»
Сбежались

Все от велика до мала, вскочил и сам папенька-патер,
Спешно подрясник набросив. С двусвечным шандалом бежала,
Всех возглавляя, кухарка. Мартыничик увесистой палкой
Вооружился проворно — и начал с котом расправляться:
Бил его немилосердно — и глаз наконец ему вышиб.
Все колотили кота. С острозубыми вилами патер
Тут подоспел, — самолично разбойника думал прикончить.
Смерть свою Гинце почуял; с отчаянья бешено прыгнул,
Патеру в пах угодил, искусал, исцарапал опасно,
Страшно его осрамил — и за глаз расквитался жестоко.
Крикнул тут патер — и наземь упал, и сознания лишился.
Неосторожно ругнулась кухарка: сам черт, вероятно,
Чтобы напакостить ей, эту штуку устроил! И дважды,
Трижды клялась, что готова последних пожитков лишиться,
Лишь бы такого несчастья с хозяином не приключилось!
Даже клялась, что, когда бы и клад золотой отыскала,
Клада бы не пожалела она, — обошлась бы! Скорбела
Так о хозяйском стыде и тяжелом увечье кухарка.
С плачем по па наконец унесли и в постель уложили, —
Гинце оставили в петле, о нем позабыв совершенно.

Гинце, оставшись один в незавидном своем положении, Тяжко избитый, жестоко израненный, к смерти столь близкий,

Жаждою жизни охвачен, грыз торопливо веревку. Думал он: «Вряд ли от этой великой беды я избавлюсь!» Все же ему посчастливилось: лопнула петля! О, радость! Как он пустился бежать из проклятого этого места! Прыгнул в дыру — и на волю, и по дороге понесся Прямо к дворцу королевскому, так что наутро и прибыл. Ну, и ругал он себя: «Дьявол попутал поддаться Хитрым, бессовестным козням предателя Рейнеке-лиса! Вот возвращаешься ты, опозоренный, с выбитым глазом, Весь так жестоко избитый,— ну, как тебе, право, не стыдно!»

Гневом горячим король вспылал,— угрожал вероломцу Смертью, без всякой пощады. Собраться велел он совету. Вот все бароны его, мудрецы все его и собрались. Задал король им вопрос: «Как наконец нам злодея Все же к ответу привлечь после всех его преступлений?» Жалобы снова посылались кучей на лиса. И снова Выступил Гримбарт-барсук: «В этом судилище, правда, Есть немало господ, враждебно настроенных к лису, Но да не будет никем нарушено право барона: В третий раз надлежит нам затребовать Рейнеке. Если ж Вновь уклонится он, можно его осудить и заочно». «Я опасаясь,— король возразил,— что никто не решится С третьей повесткой отправиться к личности столь вероломной.

Лишним глазом никто не богат. Да и кто б согласился Из-за преступника подлого жертвовать собственной жизнью Или здоровье на карту поставить, и то — без гарантий Видеть его на суде? Таких смельчаков мы не знаем...»

Громко барсук заявил: «Государь мой, король, соизвольте Мне эту честь предоставить,— я с поручением справлюсь,— Будь там, что будет со мною! Хоть официально пошлите, Хоть сам от себя я приду,— вам приказать остается». Принял король предложение: «Вам совокупность и фактов И обвинений известна, но с толком за дело беритесь: Это ведь очень опасная личность...» И Гримбарт ответил: «Что же, рискну! Я надеюсь, что будет он мною доставлен». Так он и выступил в путь — в Малепартус, лисову крепость...

Рейнеке дома застал он с женой и с детьми, — поклонился:
«Здравствуйте, дядюшка Рейнеке! Вы — столь ученая

личность,

Муж многоопытный, мудрый! Вы нас в удивленье повергли:
Как вы могли пренебречь королевским указом?! Ведь это —
Я бы сказал — издевательство! Время одуматься! Столько

скопилось

Жалоб на вас! Отовсюду — прескверные слухи. Пойдемте —
Вот мой совет — ко двору: оттяжкой добра не добьетесь.
Много, много накоплено жалоб на вас у монарха,
В третий, в последний он раз предлагает на суд вам явиться.
Если не явитесь, приговорят и заочно вас к смерти!

Двинет сюда всех вассалов король — и они вас обложат,
В крепости⁴ вашей запрут вас, — и вам, и супруге, и детям,
Вместе с имуществом вашим, гибель грозит, несомненно.
От короля все равно вам не скрыться. Давайте-ка лучше
Вместе пойдем ко двору. Хитроумных уловок в запасе
Хватит у вас. На суде вы их пустите в ход — извернетесь.
Сколько прошли истязаний вы в прежних судебных

процессах,

Более сложных, и все-таки вам же всегда удавалось
Судьям глаза отвести, осраив зложелателей ваших».

Так ему Гримбарт сказал, а Рейнеке вот что ответил:
«Дельный совет! Ко двору мне действительно стоит

явиться —

Лично себя защищать на суде. Государь, я надеюсь,
Милостив будет. Он знает, насколько ему я полезен,
Знает, насколько другие за это меня ненавидят.
Двор без меня обойтись и не может! Да будь я преступец
В десять раз больше, я твердо уверен: мне стоило б только
В очи взглянуть королевские, поговорить с ним — и,

смотришь,

Буря в нем стихла. Многие, правда, и числятся в свите,
И в королевском совете его заседают, однако
Сердце его ни к кому не лежит. Да и что они смыслят?
Как говорится — не бэ и ни мэ! На любом заседании,
Мной посещаемом, я неизменно диктую решения.
Чуть королю и баронам в делах щекотливого свойства
Нужен совет поумнее, — выручить Рейнеке должен.
Вот и завидуют мне! Приходится их опасаться,
Ибо лишить меня жизни они поклялись. Как нарочно,
Самые злые в фаворе! Вот это меня и тревожит.

Больше десятка их там, и как раз наиболее сильных.
Как я один одолеть их могу? Потому я все мешкал.
Все же, я думаю, лучше мне будет отправиться с вами
Дело свое защищать. Это будет намного достсйней,
Чем проволочкой дальнейшей подвергнуть жену и детишек
Страхам и ужасам: можем и все мы, конечно, погибнуть.
Ясно — король несравненно сильнее меня, я обязан
Выполнить все, что потребует он. Попытаемся, впрочем,
Может быть, в мирную сделку мы как-нибудь вступим с
врагами».

Тут он к жене обратился: «Детей береги, Эрмелина
(Я их тебе поручаю). Особенно помпи о младшем,
Росселе, нашем любимце. У крошки чудесные зубки,—
Вылитый будет отец! А вот и мой Рейнгарт-плутишка!
Он мне не менее дорог. Ты можешь побаловать деток,
Быть с ними мягче, пока я в отлучке. А если счастливо
Вскоре, бог даст, возвращусь,— я в долгу пред женой не
останусь».

Так и покинул он дом, и ушел с барсуком-проводятым,
И госпожу Эрмелину с детьми без поддержки,
Без руководства оставил, что очень лису огорчило...

Часа ещё не успели они отшагать по дороге,
Рейнеке Гримбарту так говорит: «Мой милейший племянник,
Друг драгоценный! Признаться, я весь трепещу от боязни:
Все я никак не избавлюсь от страшной, навязчивой мысли,
Будто действительно смерти своей я шагаю навстречу.
Вижу теперь пред собой все грехи, совершенные мною.
Ах, не поверите вы тревоге души угнетенной!
Слушайте! Вам я хочу исповедаться! Где же другого
Духовника я достану? А если я совесть очищу,
Разве не легче мне будет предстать пред моим государем?»
Гримбарт ответил: «Сначала покайтесь в грабительстве, в
кражах,
В злостных предательствах, в прочих злодействах и кознях —
иначе

Исповедь вам не поможет». — «Знаю,— ответил смиренно
Рейнеке,— дайте начать и слушайте с полным вниманьем:
«Confiteor tibi, pater et mater¹, что пакостил часто

¹ «Исповедуюсь тебе, отец и мать...» (лат.) — Начальные слова исповедальной молитвы.

Выдре, коту и всем прочим я, в чем признаюсь и охотно Кару готов понести». Барсук его тут прерывает: «Бросьте латынь, говорите по-нашему — будет понятней...» Лис говорит: «Хорошо. Признаюсь (для чего мне лукавить?), Я перед всеми зверями, ныне живущими, грешен. Дядю-медведя на днях защемил я в дубовой колоде, — Голову он изувечил, подвергся жестоким побоям. Гинце повел я к мышам, но в петлю завлек я беднягу, — Много он выстрадал там и даже остался без глаза. Прав и петух этот, Геннинг: детей у него похищал я — Взрослых и маленьких, всяких. Я их съедал с аппетитом. Я самого короля не щадил, и немало я сделал Гадостей всякого рода и ему, и самой королеве. Поздно она спохватилась!.. И должен еще я признаться: Изегрим-волк мне служил мишенью жестоких издевок. Времени нет обо всем вам рассказывать. Так, для насмешки, Я величал его дядей, а мы с ним ни братья, ни сваты. Как-то, лет шесть уж назад, ко мне он является в Элькмар (В тамашнем монастыре проживал я) и просит поддержки: Он, мол, намерен, постричься в монахи. Профессия эта, Он полагал, подойдет ему очень, — и в колокол бухнул. Звоном он был очарован. Волчьи передние лапы Я привязал к колокольной веревке — и, очень довольный, Так развлекался он: дергал веревку — учился трезвонить, Но незавидную славу стяжал себе этим искусством, Ибо трезвонил, как буйнопомешанный. В переполохе Толпами люди бежали со всех переулков и улиц, Были уверены все, что случилось большое несчастье. Но прибежали — и видят виновника. И не успел он Толком и объяснить, что готовится к сану святому, До полусмерти он был избит налетевшей толпою. Все же, глупец, он стоял на своем и ко мне привязался, Чтобы ему я помог приличную сделать тонзуру. Я его тут надоумил на темени волосы выжечь, Так, что на месте ожога вся вздулась и сморщилась кожа... Рыбу ловить я его научил, — нахлебался он горя!.. Как-то бродил он со мной по Юлихскому краю. Однажды К дому попа мы пробрались. А поп — богатейший в округе. Был у попа и амбар с роскошными окороками; Сало нежнейшее, в виде длинных брусков, там хранилось; Ларь там стоял, а в ларе — солонины свежей запасы. В каменной толстой стене Изегрим выскреб лазейку, Через которую он проникнул довольно свободно,

Я торопил его, жадность его подгоняла сильнее.
Только и тут он не мог обуздать аппетит ненасытный,—
Перегрузился чрезмерно! Брюхо, конечно, раздулось,—
Хочет уйти наконец он, а щель не пускает обратно.
Ах, как ругал он обманщицу! «Голоден был — пропустила,
Стоило только насытиться — не выпускает, злодейка!»
Я между тем учинил суматоху большую в деревне,
Жителей всех взбудоражил, по волчьим следам направляя.
Сам я ворвался к попу, — он мирно сидел и обедал,
Жирный каплун перед ним, только что принесенный, дымился,
Дивно зажаренный! Я его хапнул — и выскочил сразу.
Поп закричал и погнаться хотел, но за стул зацепился,
Стол опрокинул при этом со снедью, с напитками всеми.
«Бейте, ловите, колите!» — патер вопил разъяренный,
Но поскользнулся (он лужи, увы, не заметил) — и в лужу
Шлепнулся гнев охлаждать. С криками люди сбежались,—
Каждый меня растерзал бы! А патер вопит, как безумный:
«Что за отчаянный вор! Со стола утащил он жаркое!»
Люди бегут, я несусь впереди, добежал до амбара,
Здесь каплуна уронив: на беду, непосильно тяжелой
Стала мне ноша. Толпа меня из виду тут потеряла,
Но каплуна получила, а патер, его поднимая,
Волка в амбаре заметил, и сразу же — все остальные.
Патер командовал: «Люди! Сюда! Не зевайте! Хватайте!
Новый грабитель — волк — прямо к нам в руки попался!
Если же он улизнет, это будет позор! Несомненно,
Будем осмеяны мы по всему Юлихскому краю!»
Волк передумал тут все, что хотите. А дождь колотушек
Справа и слева посыпался, счет его ран умножая.
Все надрывались от криков. Сбежались другие крестьяне
И наконец, полумертвого, наземь они повалили,
Больших страданий, чем те, за всю свою жизнь он не ведал.
Редкая вышла б картинка, изобрази живописец,
Как уплатил он священнику за ветчину и за сало!
Вытащен был из амбара на улицу он, и крестьяне
Дружно волочь его стали подальше, без признаков жизни.
Волк обмарался к тому же — и люди его с отвращеньем
Прочь сволокли из деревни и там уже, дохлым считая,
Бросили прямо на свалку. В бесчувствии столь непотребном
Сколько он там провалялся, пока не очнулся, — не знаю.
Как удалось ему выбраться все же оттуда, — загадка!
Но и потом уже (год, вероятно, спустя) он мне клялся
В преданной дружбе навек. Это длилось, однако, недолго.

Ну, а зачем он мне клялся, смекнуть оказалось нетрудно:
Жаждал курятинки он хоть когда-нибудь вволю покушать.
Я, чтоб над ним поглумиться полей, описал ему точно
Некий чердак и чердачную балку, что служит насестом
По вечерам петуху и семи его курицам. Тихо
Вышли мы ночью, идем, чуть двенадцать пробило —

приходим,

Знал я, что ставень оконный, подпертый легкою планкой,
Был еще поднят. Я притворился, что первым влезаю,
Но отстранился — и дядю вперед пропустил я учтиво.
«Лезьте смелее, — сказал я, — хотите хорошей добычи,
Будьте решительней, — стоит! Откормленных кур обещаю».
Он осмотрительно влез, и по всем сторонам осторожно
Долго все щупал и шарил, и мне говорит раздраженно:
«Вы привели не туда! И куриного перышка даже
Здесь не найдешь!» А я отвечаю: «Сидевших поближе
Сам похватать я успел, — остальные садятся поглубже.
Будьте спокойны и двигайтесь дальше тихонько, легонько...»
Балка, державшая нас, и вправду была узковата.
Дядю вперед пропустив, я все время назад подавался,
Пятясь к окошку. Выскочил мигом я, дернул подпорку —
Ставень захлопнулся шумно, и волк от испуга затрясся.
В страхе и в трепете, с узенькой балки он шлепнулся на пол,
Люди, дремавшие возле костра, в перепуте проснулись.
«Что там такое в окошко упало?!» — они закричали,
На ноги стали проворно и сразу фонарь засветили.
Волка, в углу обнаружив, били, дубасили скопом,
Шкуру на нем продубили! Как только жив он остался!..

Дальше откроюсь я вам, что фрау Гирмунду частенько
Явно и тайно проводывал я. Разумеется, лучше б
Вовсе этого не было. О, если б вычеркнуть это!
Ибо по гроб ее жизни позор этот ей обеспечен!..
Вот я теперь уже все вам поведал, все то, что припомнить
Совесть могла бы моя, что душу мою угнетало.
Дайте же мне отпущенье, молю вас! Приму я смиренно
Самую строгую епитимью. Наложите любую!..»

Гримбарт в подобных делах, несомненно, был сведущим очень,
Прутик сорвав по пути, он сказал: «Этим прутиком, дядя,
Трижды себя по спине похлещите, затем положите
Прутик на землю и через него перепрыгните трижды;

Благоговейно его поцелуйте потом — и явите смирение.
Эту епитимью наложив, отпускаю вам ныне
Все прегрешенья, освобождаю от всех наказаний,
Все вам, во имя господне, прощаю, что вы совершили...»

Только Рейнеке кончил смиренно свое покаянье,
Гримбарт сказал: «Исправление доказывать, дядя,
Нужно благими делами: читайте псалмы ежедневно,
В церковь усердно ходите, все постные дни соблюдайте.
Всем вопрошающим путь укажите, а всем неимущим
Жертвуйте щедро. Клянитесь отречься от жизни беспутной,
От грабежа, воровства, от предательства и совращения.
Выполнив это, сподобитесь вы милосердия божья...»
«Выполню,— Рейнеке-лис отвечает,— и вот моя клятва!...»
Исповедь кончилась — и ко двору королевскому дальше
Следуют богобоязненный Гримбарт и Рейнеке-грешник.
Шли черноземною, тучною пашней. Взглянули направо.
Видят — стоит монастырь. Служили там денно и ночью
Сестры-монахини господу, а во дворе содержали
Множество кур, петухов, каплунов и отличных пулярок,
Бегавших в поисках корма и за монастырские стены.
Рейнеке часто проводывал их. Барсуку говорит он:
«Путь наиболее краткий — вдоль этой стены монастырской».
(Сам-то имел он в виду кур, на свободе гулявших!)
Духовника своего он ведет, приближаются к птицам,—
Хищные глазки плута под самый лоб закатились:
Жирненький и молодой петушок ему тут приглянулся,
Как-то отставший от прочих. Рейнеке, глаз не спуская,
Сразу набросился сзади,— перья на воздух взлетели!

Гримбарт, с большим возмущеньем, его упрекал в рецидиве:
«Вот как, дядя беспутный! Из-за курчонка вы снова
Впасть вознамерились в грех, едва принеся покаянье?
Вот так покаялись!..» Рейнеке кротко ему отвечает:
«Я бессознательно так поступил! Дорогой мой племянник!
Богу молитесь, быть может, простит он мне грех милосердно.
Этого больше не будет!..» Они монастырь обогнули,
Вышли опять на дорогу. Пришлось через узенький мостик
Путникам переправляться. Рейнеке-лис вожделенно
Вновь оглянулся на кур, не в силах с соблазном бороться.
Голову если б ему отрубить, голова и сама бы
Сразу на кур наскочила,— так много в нем жадности было!

Гримбарт, заметивший это, воскликнул: «В кого же вы, дядя, снова глазами стреляете? Мерзкий вы чревоугодник!» Рейнеке будто обиделся: «Вы придираетесь, сударь! Не торопитесь на выводы и не мешайте молиться. «Отче наш» дайте прочесть: ведь в этом нуждаются души Курочек всех и гусей, которых так дерзко, бывало, Я похищал у монахинь, у чистых и праведных женщин...» Гримбарт ему не ответил, а Рейнеке взглядом от куриц не отрывался, покуда их видел. Теперь зашагали Спутники верной дорогой. Двор королевский был близок. Рейнеке-лис, чуть увидел вблизи он дворец королевский, сразу же духом упал: надвигалась гроза обвинений!

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Чуть при дворе пронеслось, что действительно Рейнеке
прибыл,
Все побежали взглянуть на него, от велика до мала,
Редко — с сочувствием: зуб на него большинство ведь имело!
Рейнеке этому, впрочем, не придал большого значенья
Иль притворялся, когда проходил, с вызывающим видом,
Очень картинно с Гримбартом через дворцовую площадь.
Он и вошел независимо, смело, как будто законный
Сын королевский, ничем никогда не запятнанный в жизни.
Так во дворце перед Нобелем, пред королем, и предстал он,
Стоя меж прочих баронов. Выдержкой он отличался!

«Милостивейший король, государь мой,— так Рейнеке
начал,—
Вы благородный, великий, средь знатных и доблестных —
первый.

Вас и прошу я поэтому о благосклонном вниманье:
Более преданных слуг, чем я, никогда не имела
Ваша монаршая милость. Смею вас в этом заверить.
Многие здесь, при дворе, меня потому лишь и травят.
Мог бы я вашего расположенья лишиться, когда бы
Верили вы клевете моих недругов, что им и нужно.
К счастью, вникать самолично вы любите в каждое дело,
Жалобу выслушав, и оправданье заслушать. И как бы
Я за спиною ни был оболган, я все же спокоен:
Верность моя вам известна, она — причина интригам...».

Крикнул король: «Молчать! Краснобайство и лесть не помогут!

Ваша преступность ясна, и ждет вас достойная кара. Мир соблюдали вы? Мир, дарованный мною животным? Клятвенный мир?! Вот петух. Где же дети его? И не вы ли, Лживый, презренный злодей, все потомство его потаскали? Преданность вашу вы мне доказать, очевидно, хотели Тем, что мой сан оскорбляли, увечили слуг моих верных? Гинце несчастный здоровье свое потерял, и, как видно, Тяжко израненный Браун не скоро страдать перестанет! Больше отчитывать вас не хочу: обвинителей много, Куча доказанных дел! Оправдаться едва ль вам удастся!..»

«Мне ли за это, король справедливый, нести наказание? — Рейнеке-лис отвечал. — Виноват ли я в том, что вернулся Браун с ободранным теменем? Сам он решился нахально Меду наесться у плотника. Если ему так влетело, Если над ним потешались, пока он не бросился в воду, Мог же он, доблестный муж, за позор отплатить им достойно. Взять бы и Гинце-кота: уж не я ль его принял с почетом, Чем бог послал угостил, но он воровством соблазнился: Ночью к патеру в дом, не внимая моим увещаньям, Все-таки влез он и там кой-какую имел неприятность. Должен ли я отвечать за глупое их поведение? Это могло бы унижить достоинство вашей короны. Впрочем, вольны поступить вы со мной, государь, как угодно. Дело хоть ясно вполне, но по усмотренью решайте: Милуйте или казните, — на то высочайшая воля. Сварят меня, иль изжарят, иль ослепят, иль повесят, Иль обезглавят меня, — ах, пусть уже будет, что будет! Все мы во власти у вас, все — в вашей державной деснице. Вы всемогущий монарх, — как слабому с вами бороться? Если угодно — казните, но что вам от этого пользы? Что суждено, да свершится, — на суд я честно явился...»

Бэллин-баран тут напомнил: «Пора начинать заседание». Изегрим-волк подошел, окруженный роднею; кот Гинце, Браун-медведь да и множество прочих зверей и животных: Болдевин был там — осел, и Лямпе — знакомый нам заяц; Дог, по имени Рин, и Вакерлос, бойкая шавка; Гермен-козел вместе с козочкой Метке, и белка, и ласка, И горностаи. Не отсутствовал бык, да и лошадь явилась, Были, конечно, представлены и обитатели чащи:

Серна пришла, и олень, и Бокерт-бобер, и куница,
Кролик и дикий кабан, и каждый вперед пробивался.
Бартольд-аист, и Лютке-журавль, и союшка Маркарт.
Тоже слетелись на суд. Явилась и уточка Тибке,
Альгейд-гусыня и много других, потерпевших от лиса.
Геннинг, петух безутешный, с последним остатком семейства
Плакал и охал по-прежнему. Не было счету пернатым,
Столько зверей там сошлось, что всех и назвать невозможно,
Все ополчились на лиса. Каждый своим показаньем
Жаждал его уличить и законное видеть возмездье.
Все короля обступили, держали громовые речи,
Иск громоздился на иск, к старым делам добавлялось
Множество новых. Такого количества жалоб не слушал
Суд королевский еще никогда ни в одном заседании!
Рейнеке, тут же присутствуя, стал защищаться искусно:
Дай только слово ему — и сейчас в оправданье польется
Красноречивый поток, столь похожий на чистую правду!
Все он умел опровергнуть и все доказать, что угодно.
Слушаешь — диву даешься: выходит, что он невиновен, —
Сам обвинять очень многих он, собственно, более вправе!
Тут наконец поднимаются верные, честные лица
И, против Рейнеке выступив, снова его уличают.
Ясными стали его преступления. Свершись, правосудье!
Единодушное вынес решение совет королевский:
«Рейнеке-лис осуждается на смерть! Да будет на месте
Взят он и связан — и без проволочек публично повешен,
Чтоб искупил он свои преступления позорною смертью».

Рейнеке сам понимал, что все его козыри биты:
Не помогли ему хитрые речи! Король самолично
Весь приговор огласил, и Рейнеке взят был и связан.
Злостный преступник теперь уже видел конец свой позорный.

Лишь только, по приговору, связанным он оказался,
Засуетились враги, торопясь отвести его на смерть,
А потрясенные скорбью друзья его оцепенели.
Гримбарт, Мартын-обезьяна, вся клика лисовых присных
Чуть не ропща отнеслась к приговору — и больше скорбела,
Чем ожидалось: ведь Рейнеке был среди первых баронов,
А между тем он стоял, лишенный всех званий и чести,
Приговоренный к позорнейшей смерти! Ну, как же спокойно
Близким на это взирать? У короля отпросившись,
Все они, без исключения, покинули двор торопливо,

Все же король пожалел, что так много его покидает Рыцарей. Много у Рейнеке, значит, приспешников было, Смертью его возмущенных! Они от двора отвернулись. И обратился король к одному из своих приближенных: «Рейнеке сам негодяй, разумеется, но, коль подумать,— Многих приверженцев лиса никем при дворе не заменишь!»

В это же самое время Изегрим, Браун и Гинце Заняты были преступником. Троице этой хотелось Казни позорной предать их недруга собственноручно. Вывели спешно его и погнали к лобному месту. Гинце-кот, обозленный, в пути обращается к волку: «Вспомните, сударь мой Изегрим, как в свое время старался Рейнеке (прямо из шкуры он лез), чтобы вашего брата Видеть повешенным! И ведь добился! И как, торжествуя, Вел он его! Постарайтесь же с ним расквитаться за брата! Вспомните, сударь мой, Браун, и вы, как он подло вас предал, Выдал вас Рюстефилю и всей грубой, взбешенной ораве Баб, мужиков — на побои жестокие и на увечье, И — ко всему — на позор, о котором трубят повсеместно! Будем же бдительны! Больше сплоченности! Если б сегодня Он улизнул, иль смекалкой, иль каверзой спас бы он шкуру,— Сладкого часа возмездья судьба не пошлет нам вторично. Нужно скорей расчитаться с мерзавцем за все, что он сделал!»

Волк отвечает: «Довольно болтать! Поскорее достаньте Да понадежней веревку! Не будем длить его муки!» Так вот о Рейнеке-лисе они по пути говорили.

Рейнеке слушал их молча, потом, язычок развязал он: «Столь ненавидя меня, так мечтая лишить меня жизни, Даже не знаете вы, как покончить со мной! Удивляюсь! Гинце по части веревки дал бы вам точную справку: Сам на себе ведь ее испытал он, когда за мышами К патеру в дом он пришел, а ушел без большого почета. Что-то вы, Изегрим с Брауном, очень, однако, спешите Кума спровадить на тот свет. А что, если вдруг не удастся?..»

В это же время король с господами придворными вместе Встал, собираясь присутствовать при совершении казни. В сопровождении свиты примкнула к ним и королева. Сзади валила толпа всех прочих — богатых и бедных,— Все насладиться хотели зрелищем лисовой смерти.

Изеграм вел между тем разговоры с родными, с друзьями, Он горячо убеждал их теснее друг с другом сомкнуться, Глаз ни на миг не сводить, наблюдая за связанным лисом. Все опасались: а вдруг убежать изловчится пройдоха! Волк и жене своей тоже наказывал строго-престрого: «Помни, смотри, наблюдай и держать помоги мне

прохвоста.

Если теперь улизнет он, то солоно всем нам придется!» Брауна волк подстрекал: «Ведь он же вас так опозорил! Нынче вы с ним расплатиться можете, даже с лихвою... Гинце, вскарабкайтесь наверх и закрепите веревку... Браун, держите преступника, — я буду лестницу ставить. Две-три минутки еще — и мы эту сволочь прикончим!» «Ставьте-ка лестницу, — Браун ответил, — а я с ним управляюсь!..»

«Как вы, однако, стараетесь, — Рейнеке им заявляет, — Ближнего вашего смерти предать! А ведь вам не мешало б Стать на защиту его, помочь, посочувствовать в горе. Я бы молил о пощаде, но вряд ли мне это поможет: Изеграм так ненавидит меня, что жене приказал он Крепче держать меня, чтобы удрать я не мог из-под петли. Прошное вспомнить бы ей — уж, конечно бы, мне не вредила...

Если же этого не избежать, я просил бы закончить Дело немедленно... Мучился так и отец мой сначала, Ну, а потом все пошло очень быстро. Покойника, правда, Толпы такие не провожали... Но если вы долго Мучить меня собираетесь, это бессовестно будет!» Браун не вытерпел: «Слышали наглуую речь негодяя? Ну-ка, повыше, повыше! Последний час его пробил!»

В ужасе Рейнеке думал: «О, как бы в беде этой страшной Изобрести мне какой-нибудь новенький фортель удачный, Чтобы король милосердно мне жизнь даровал и чтоб этой Троице недругов злобных досталось и сраму и горя! Надо скорее смекать! Что может, то пусть и поможет! Дело о жизни идет, ведь петля на шее! Где выход? Все поднялось на меня: король не на шутку разгневан, Все друзья удалились, а недруги неумолимы. Редко я делал добро, не питал, признаюсь, уваженья Ни к королевской власти, ни к мудрым советникам трона.

Я провинился во многом, но все-таки был я уверен,
Что от беды увернусь... Ах, только бы слова добиться,—
Знаю — повешен не буду! Я не теряю надежды...»

Он уже с лестницы вдруг решил обратиться к народу:
«Смерть свою вижу я прямо в лицо. От нее не укроюсь.
Все же, пока не покинул я землю, спешу обратиться
С просьбою самою скромной ко всем, кто здесь меня слышит:
Хочется мне перед вами быть совершенно правдивым,
В этот последний мой час признаться вам чистосердечно,
Все рассказать до конца о своих преступлениях, чтобы
После ни в чем из того, что шито-крыто я сделал,
Кто-нибудь не оказался, господь упаси, обвиненным.
Много бедствий тем самым я предотвращу и надеюсь,
Всемилосердный господь зачтет мне мой добрый поступок...»

Многих разжалобил он. Говорили: «Пустячная просьба,
Да и отсрочка-то невелика...» Короля попросили —
Дал изволение король. И сразу у Рейнеке снова
Тяжесть с души отлегла. В счастливый исход он поверил.
Пользуясь данной отсрочкой, речь он повел издалека:

«Spiritus Domini¹, ты помоги мне! Я в этом собранье
Не нахожу никого, кто не был бы мною обижен.
Будучи крохотным пашенком, чуть от груди отлученный,
Страстью обжорства влеком, очень рано я путаться начал
Между ягнят и козлят, резвившихся около стада.
Было сперва мне приятно их милое блеянье слушать,
Дальше — меня повлекло к этой лакомой пище, а вскоре
Я познакомился с ней: укусил как-то насмерть ягненка,
Вылизал кровь. Объедением было! Затем я прикончил
Трех молочных козлят и съел. И пошли упражненья:
Птиц я не миловал, будь это курица, гусь или утка,—
Где бы ни встретил! Я даже в песок зарывал очень много
Жертв, которых съесть не имел я охоты в то время,

Как-то, зимою на Рейне,— довольно давно это было,—
Изеграм встретился мне,— в кустах сторожил он добычу.
Стал он меня уверять, что я-де и он-де родные,
Даже и степень родства он мне точно исчислил по пальцам,

¹ Дух господень (лат.).

Я согласился — и мы с ним союз заключили, поклявшись
Быть навсегда неразлучной, преданной дружеской парой.
Мне, увы, эта дружба порядочный вред причинила.
Всю страну истоптали мы. Он воровал что побольше,
Я — что поменьше хватал. Уговор был — котел у нас общий.
Общим он не был: волк делил произвольно добычу, —
И половины я не получал. Но и хуже случалось:
Только теленочка он задерет иль добудет барашка,
Только застану его среди изобилия жрущим .
Козочку свежезарезанную иль козленка, который
Бился в когтях у него, — он встречал меня, злобно ощерясь,
И прогонял, и тем самым мою он присваивал долю.
Вот оно так и велось, хотя б и попалась добыча
Самая крупная. Даже когда сообща мы, бывало,
Справимся, скажем, с быком иль разживемся коровой, —
Сразу жена его тут и семерка волчат прибежали, —
Все на добычу бросались, меня от еды оттирая.
Хоть бы мне ребрышко перепало! Разве уж вовсе
Дочиста все обглодают. И это терпеть приходилось.
Я тем не менее не голодал и тогда, слава богу.
Да, я питался тайком за счет богатейшего клада
Золота и серебра, что в очень надежном местечке
Некогда я схоронил. Хватило б надолго! Пожалуй,
Возом остатка не вывезешь даже и за десять возок...».

Насторожился король при упоминанье о кладае,
Весь потянулся вперед и сказал: «А к вам он откуда?
Клад я имею в виду. Признавайтесь!..» А лис отвечает:
«Тайны я этой скрывать не намерен. Что мне за польза?
Взять я с собой ничего не могу ведь из этих сокровищ.
Если вы мне разрешите, я все расскажу вам подробно:
Надо же вывести это наружу. Клянусь чем угодно,
Больше я не в состоянье скрывать столь важную тайну:
Это — украденный клад! Сговорила преступная шайка
Вас, государь мой, убить! И не будь этот клад в свое время
Благоразумно похищен, — злодейство б, конечно,
свершилось,

Милостивейший король! Вы учтите: от этого клада
Жизнь и все благоденствие ваши зависели. Кража
Только отца моего повергла в несчастье и рано
В гроб свела, обрекла, может быть, и на вечные муки.
Но, государь мой, что было, то было для вашего блага...»

Ошеломленная, слушала страшный рассказ королева,
Всю эту темную повесть о заговоре на супруга,
С предотвращенным убийством его и с таинственным кладом.
«Рейнеке! Мой вам совет, обдумайте все! Отправляясь
В путь на вечную родину, душу свою облегчите.
Полную правду откройте, скажите ясней об убийстве!..»
Сам государь тут вмешался: «Я всех призываю к молчанью!
Рейнеке может спуститься. Пусть подойдет он поближе,—
Дело касается лично меня, и намерен я слушать...»

Рейнеке это услышал — и успокоился сразу,
С лестницы живо спустился, к досаде всех недругов ярых,
Смело к чете подошел королевской, и тут они оба
Начали строгий допрос об этой истории темной.

Рейнеке-лис приготовился к новым чудовищным вракам:
«Только втереться бы в милость опять к венценосным
супругам,
Только бы трюк мой удался, чтоб самому своих лютых
Мне погубить злопыхателей, на смерть меня отправлявших,
Был бы от всяких опасностей я навсегда уж избавлен!
Счастье совсем неожиданно может мне вдруг улыбнуться,—
Чувствую только, что тут врать свехбессовестно нужно».

Нетерпеливо допрос продолжала меж тем королева:
«Дайте нам ясно понять, как всё это дело случилось.
Правду скажите, по совести, душу свою облегчите!»
Рейнеке ей говорит: «Я все доложу вам охотно.
Мне все равно умирать, тут уж ничем не поможешь.
Стоит ли мне свою душу обременять напоследок,—
Вечные муки себе обеспечивать? Было бы глупо.
Лучше признаться во всем, хотя бы пришлось, к сожаленью,
Родственников дорогих и любимых друзей опорочить.
Ах, что поделаешь! Мне угрожают страдания ада!..»

Но самому королю от этих всех разговоров
Стало уж не по себе. Он спросил: «Говоришь ли ты правду?»
Рейнеке с постно-притворною миной на это ответил:
«Я, разумеется, грешник, но все, что поведал я, правда.
Лгать вам какой мне расчет, государь? Лишь на вечные муки
Сам бы себя я обрек. А вам ведь отлично известно:

Я осужден, я смерть свою вижу,— не время лукавить.
Мне уж ни кротость, ни дерзость — ничто не поможет!..»
Рейнеке вздрогнул при этом, казалось — он еле крепится.

И королева вздохнула: «Ах, бедный! Мне так его жалко!
Будьте к нему снисходительней, о господин мой, и взвесьте:
Сколько несчастий мы предотвратим по его показаньям!
Пусть — чем скорее, тем лучше — истории суть он изложит.
Всем прикажите молчать, чтоб мог говорить он свободно».

Распорядился король, и собрание шумное смолкло.
Рейнеке заговорил: «Если милости вашей угодно,
Слушайте, что я скажу. Хоть я никаких документов
Не предъявлю, но мое показанье правдиво и точно:
Заговор вам открывая, щадить никого я не буду...»

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

Слушайте дальше о лисовой хитрости, как изловчился
Скрыть он свои преступления опять, а других опорочить.
Насочинял он с три короба лжи: во гробу обесчестил
Даже родного отца; очернил клеветою подлейшей
Гримбарта, лучшего друга, кто искренне был ему предан.
Да, ничем он не брезговал, лишь бы создать впечатленье
Правдоподобия, лишь бы с врагами ему рассчитаться.

«Выпало счастье отцу моему,— так Рейнеке начал,—
Клад короля Эммериха Могучего он обнаружил
Тайным каким-то путем. Но не было проку в находке.
Он от большого богатства зазнался с тех пор, и гнушаться
Стал он равных себе и отныне товарищей прежних
Ставил уже ни во что: искал он друзей поважнее.
Гинце-кота снарядил он немедля в глухие Арденны —
Брауна там разыскать, поклясться на верность медведю,
С тем чтоб явился во Фландрию он и воссел на престоле.

Браун посланье прочел и обрадован был чрезвычайно.
Тотчас во Фландрию он и направился без колебанья,
Ибо давно уже в мыслях лелеял преступные планы.
Там он отца разыскал, а тот его встретил радушно.
Изегрим вызван был сразу и Гримбарт, мудрец
просвещенный.

Эта четверка все дело тогда меж собой обсудила. Впрочем, был там и пятый: кот Гинце... Лежит деревушка В этих местах, называется Ифтой. Именно здесь-то, Между Ифтой и Гентом, и произошел этот сговор. Долгая темная ночь их собираше там укрывала. Нет, не господь, сатана соблазнил их. Отец мой покойный Власти своей подчинил их золотом этим нечистым. Смерть короля предрешили они! Меж собой заключили Вечный союз, и преступно над волчьей затем головою Клятву все пятеро дали: Браун-медведь королем-де Должен быть избран; на ахенском древнем престоле Он, мол, воссядет и примет венец золотой и державу. Буде же кто из родных или верных друзей королевских Противодействовать стал бы,— покойный родитель мой должен

Уговорить, подкупить его или подвергнуть изгнанию. Я узнал это так: в одно прекрасное утро Выпивший лишнего Гримбарт стал разговорчив сверх меры: Выболтал, глупый, жене целиком всю преступную тайну, Строго молчать наказал ей и думал, что это — спасенье. Вскоре же встретилась где-то с моею женой барсучиха И, заклиная мою тремя пресвятыми волхвами, Дружеской верностью, честью заставив ее поручиться, Что ни за что, никому ни словечка... открыла ей тайну. Данную клятву держала жена моя так же недолго: Только столкнулась со мной, разболтала мне все, что узнала, Даже примету дала, по которой нетрудно мне было Удостовериться в правде. Я был потрясен несказанно. Вспомнил я тут о лягушках, которые кваканьем долгим Господу на небесах вконец уж проквашали уши. Им захотелось царя, им жить захотелось под гнетом После того, что свободой повсюду они насладились. Внял их просьбе господь и направил к ним аиста. Аист Стал притеснять их, терзать, не стало житья от тирана. Так и свирепствует! Глупые твари поныне всё плачут, Но, к сожалению, поздно — души их царское иго...»

Громко Рейнеке-лис говорил, обращаясь к собранью,— Каждое слово слышали звери, и так продолжал он: «Видите, я опасался за всех. И так бы и было. О государь, я старался для вас, и вот — благодарность! Происки Брауна знал я, знал я коварство медвежье, Знал преступленья его и ждал наихудших последствий:

Если б он стал королем, то все мы пропали б, конечно.
«Наш государь благороден, могущественен, милосерден,—
Так про себя размышлял я.— Добра не сулит нам замена.
Столь возвеличить — кого? Проходимца, болвана-медведя!»
Долго обдумывал я, как замыслы эти расстроить.

Прежде всего хорошо понимал я, что если отец мой
Клад драгоценный удержит, найдет он сторонников многих,
Выиграть сможет игру — и мы государя лишимся.
Я все вниманье свое устремил на одно: обнаружить
Место хранения клада и выкрасть его потихоньку.
Шел ли куда-нибудь в поле отец мой, иль в лес направлялся
Старый пройдоха, днем или ночью, в жару иль в морозы,
В слякоть иль в сушь,— я крался за ним и следил неустанно.

Скрытый бугром, я однажды лежал, озабоченный думой,
Как бы найти этот клад, о котором я слышал так много.
Вдруг я увидел отца,— из какой-то он скважины вылез,
Между камнями возникнув, как будто бы из преисподней.
Я притаился и замер. Хоть он и не думал о слежке,
Но осмотрелся кругом и, когда ни души не заметил,
Странные вещи проделывать стал. Вы послушайте только!
Скважину эту песком он засыпал и очень искусно
Залицевал все под грунт, и кто не видал, что он делал,
Тот ничего б не заметил. Но прежде, чем он удалился,
Тщательно след своих лап мой отец замести постарался
Длинным пушистым хвостом и мордой поверхность
разрыхлил.

Этому я впервые в тот день от отца научился,—
Он же ловкач был и мастер на плутни, на шутики, на трюки!
После отправился он по делам. А меня осенило:
Может быть, именно тут и находится клад знаменитый!
Живо туда побежал я, за дело взялся, и недолго
Землю я лапами рыл, пока обнаружил пещеру.
Влез я туда — и какие сокровища там я увидел!
Сколько же там серебра и червонного золота было!
Право, старейший из вас не видел отроду столько.
Взял я жену — и работа пошла. Мы носили, таскали
Днем и ночью: ни воза, ни тачки ведь мы не имели.
Сколько мы оба трудов, сколько сил и хлопот положили!
Много усердия моя Эрмелина тогда проявила!
Перенесли наконец мы несметные эти богатства.

В более верное место. Мой же отец в это время
Шутался в обществе тех, что на короля покушались,
Что они там порешили, услышите и ужаснетесь.

Изегрим с Брауном тотчас по областям разослали
Письма подметные, — звали наемников: могут являться,
Толпами целыми, Браун их службою, мол, обеспечит,
Даже и плату наемникам выдать вперед обещает.
С этими письмами стал мой отец обходить государство,
Не сомневаясь нисколько в целости скрытых сокровищ,
Но... это было не так! Когда б и со всеми друзьями
Стал он искать в этом месте — даже гроша не нашел бы!

Силы отец не щадил и успел за короткое время
Земли меж Эльбой и Рейном все до единой обегать.
Много нашел он охотников, многих завербовал он:
Деньги в задаток особенный вес придавали посулам.
Лето в стране наступило. К друзьям-заговорщикам снова
Мой отец возвратился и рассказал о невзгодах
И треволнениях дорожных, особенно — как он однажды
Чуть не погиб в Саксонии близ ее замков высоких.
Там его, мол, что ни день, на конях с борзыми травили, —
Чудом ушел он оттуда с неповрежденною шкурой.

С гордостью он предъявил четверем заговорщикам список
Всех завербованных с помощью золота или посулов.
Браун остался доволен. Все пятеро список читали.
Значилось: тысяча двести сорвиголов, родичей волчьих,
Явятся скоро, клыки отточив и оскалившись грозно,
Далее: станут за Брауна также коты и медведи,
Также и саксо-тюрингские все барсуки, росوماхи,
Выдать одно обязательство все же пришлось кондотьерам:
Плата за месяц вперед. При этом условии будет
Вся эта мощная сила по первому зову на месте...
Господу вечная слава за то, что их планы расстроил!

Дело такое наладив, отец мой направился спешно
В поле — хотел он проверить сокровища после отлучки.
Вот где ударило горе его! Он рыл там и рыскал,
Но чем он больше там шарил, тем безнадежней. Напрасны
Были старанья его, и безмерно отчаянье было:
Клада не стало! Отец ни за что не нашел бы пропажу.
От огорченья и срама (вспоминанье об этом
Денно и ночью терзает меня!) мой отец удавился.

Все это я совершил, чтоб не допустить преступления. Дорого мне это стало, и все-таки я не жалею. Жаль мне, что Изегрим с Брауном, эти обжоры, в совете Близ короля заседают. А Рейнеке? Он-то, несчастный, Он-то чем же теперь награжден за то, что родного Предал отца, чтоб спасти государя? А много ль найдется Тех, кто загубят себя для вашей бесценнейшей жизни?..»

Сам же король с королевой, однако, о том размышлялись, Как бы тот клад раздобыть. Они отозвали в сторонку Рейнеке и, чтоб не слышал никто, торопливо спросили: «Где этот клад? Говорите! Знать мы должны непременно!» Рейнеке им возразил: «Простите, а что мне за польза Столько добра завещать королю в благодарность за петлю? Вы моим недругам верите больше, вора и убийцам, Ложью опутавшим вас, чтобы лишить меня жизни...»

«Нет,— королева воскликнула,— нет! Я готова ручаться, Жизнь вам дарует король и прошлое все позабудет! Сменит на милость он гнев. Но впредь постарайтесь, однако, Быть умней и послушней и преданней быть государю». Лис поклонился: «Моя госпожа, если б только могли вы Уговорить короля при вас даровать мне прощение, С тем чтоб мои преступления, проступки и все беспокойство, Мной, к сожаленью, ему причиненное, даже не вспомнить,— То в благодарность открыл бы ему я богатство, какого Из королей современных никто, безусловно, не видел. Клад колоссален! Место я вам укажу — изумитесь...»

«Ах, да не верьте ему,— воскликнул король,— но уж если О грабежах говорит он, о кражах, о лжи,— то всецело Можете верить: крупнее лжеца не бывало на свете».

Но королева сказала: «Всей прежней жизнью, конечно, Мало доверья заслуживал он. Но теперь... согласитесь: Разоблачил он отца и гласности предал все дело. Мог бы отца пощадить при желании,— зверей посторонних Вплел бы в историю эту. Бессмысленно лгать он не станет».

«Если вам кажется,— молвил король,— что подобная мера Может к добру повести и не повлечет за собою Больших несчастий,— по-вашему сделаю: все преступления Рейнеке-лиса беру на себя, как и дело о кладе. Верю ему, но в последний раз — и пусть он запомнит!

Ибо клянусь я короной, что если он вновь провинится
В чем бы то ни было или солжет,— пусть он кается вечно:
Все, с ним в родстве состоящие, даже в десятом колене,
Кто б они ни были, будут в ответе, никто не спасется,—
Всех обреку на позор, на несчастье, на суд и расправу!..»

Рейнеке, видя, как быстро у короля настроенье
Переменилось, духом воспрял и сказал: «Неужели
Так уж я глуп, государь, чтоб рассказывать вам о событиях,
Истинность коих бы не подтвердилась в ближайшее время?..»
Довод вполне убедил короля,— прощены были плуту
Вместе с отцовской изменой и личные все преступления.
Радости Рейнеке не было меры. Какое везенье!
Он заодно избавлялся от власти врагов и от петли.

«Милостивейший король, государь благородный! —
сказал он.—

Полностью бог да воздаст и вам и вашей супруге
Ныне за все добро, что я видел от вас, недостойный.
Я же, клянусь, навсегда глубоко благодарным останусь.
Право же, нет ни в единой стране, ни в каком государстве,
Нет под луной никого, кому бы сокровища эти
С большей охотой, чем вам, преподнес я! Каких только оба
Милостей не оказали вы мне! Отдаю вам с восторгом
Клад короля Эммериха во всем легендарном объеме!
Где он лежит, я сейчас опишу,— говорю я вам правду.

Есть на востоке, во Фландрии, дикая степь, с одинокой
Рощицей — Гюстерло. Это название прошу вас заметить.
Там же источник находится, он Крекельборном зовется,
Роща и рядом источник. Годами души человеческой
В местности этой не встретишь. Ютятся одни лишь
Совы и филины там. И вот тут я сокровища спрятал.
Да, Крекельборн — название места вам нужно запомнить.
Сами с супругой отправьтесь туда. Кто может считаться
Для поручений подобных в достаточной мере надежным?
Риск чересчур уж велик, и рисковать вам не стоит.
Лучше вам лично отправиться. Сразу же за Крекельборном
Две молодые березки стоят. Обратите внимание:
Первая — ближе к источнику. Вы, мой король-благодетель,
Прямо идите к березкам. Под ними сокровища скрыты.
Ройте, копайте! Откроются мшистые корни, а дальше —
Золото! Золото! Множество всяких старинных изделий,

Очень изящных. И тут же найдете венец Эммериха. Сбылись бы плапы медвежьи,— медведь и носил бы корону. Много в ней украшений, а также камней драгоценных Тонкой работы. Таких уж не делают. Кто в состоянии Ныне оплачивать их? Глядя на эти богатства, О государь, я уверен, добром вы помянете лиса: «Рейнеке,— скажете вы,— о преданный лис мой, так мудро Спрятавший эти сокровища здесь, подо мхом,— будь навеки Счастлив, где бы ты ни был!» Так кончилась речь лицемера.

Молвил король: «Но меня же сопровождать вам придется: Как же я сам отыщу это место? Я слышал, конечно, В общем, достаточно много об Ахене, Любеке, Кельне И о Париже. Но Гюстерло! В жизни такого не слышал. О Крекельборне — подавно! Боюсь, не наврал ли ты снова? Не сочинил ли ты просто мудреные эти названия».

Рейнеке был огорчен подозрительностью королевской: «Разве уж так далеко я вас посылаю на розыск? Не Иордан же я вам указал. Почему ж недоверье? Все это, я повторяю, во Фландрии — не за границей. Может быть, спросим кого-нибудь? Пусть подтвердят вам другие:

Гюстерло и Крекельборн. Ведь именно их указал я». Лямпе он подозревал, но заяц дрожал,— не решался. Рейнеке крикнул: «Смелее! Вас государь вызывает,— Хочет он, чтоб, в соответствии с вашей недавней присягой, Правду вы здесь показали, поскольку вам это известно: Где находятся Гюстерло и Крекельборн? Отвечайте!»

Лямпе сказал: «Я отвечу вам точно: в пустыне. Тут Крекельборн, тут — Гюстерло. Гюстерло — роща, в которой

Симон Хромой безнаказанно долго скрывался когда-то С шайкой головорезов, чеканя фальшивые деньги. Многого там натерпелся я! Наголодался, намерзся, В эти края убежав от свирепого дога, от Рина...» «Хватит,— прервал его Рейнеке,— можете вместе с другими Стать в стороне. Государь вполне уж осведомлен вами». Сам же король, обращаясь к Рейнеке, молвил: «Простите, Если я сгоряча усомнился в правдивости вашей. Все же теперь вам придется меня проводить в это место». Рейнеке снова нашелся: «Как был бы я истинно счастлив,

Если бы сопровождать вас во Фландрию был я достоин. Может во грех это вам посчитаться. И, как мне ни стыдно, Пусть уж откроется все, хоть я умолчал бы охотней... Изегрим как-то недавно в монахи постригся. Конечно, Вовсе не богу служить он мечтал, а своей же утробе. Весь монастырь он объел! Но, за шестерых получая, Все же он был недоволен, — о голоде ныл постоянно. Он отощал, захворал, — я жалости как-то поддался, Ну, и помог убежать ему: он же мой родственник близкий. Папа за это меня наказал — подверг отлученью. Мне бы, с вашего ведома и разрешения, хотелось Совесть очистить и без отлагательства завтра с рассветом В Рим пилигримом отправиться, вымолить там отпущенье С тем, чтоб оттуда — и за море. Так, все грехи мои будут Сняты с меня, я надеюсь. А после, домой возвратившись, Честно смогу вам сопутствовать. Сделай я это сегодня, — Всякий ведь скажет: «Да что с королем? Как, он водится снова

С Рейнеке, им же недавно к повешенью приговоренным, Да и помимо того — отлученным папой от церкви?» Ваше величество, видите сами — никак невозможно».

«Верно! — король согласился. — Этого я не предвидел. Раз отлучен ты от церкви, идти мне с тобой неудобно. Лямпе или другой кто-нибудь доведет нас до места. Ну, а намеренье снять отлученье с себя я считаю Делом хорошим, похвальным. Изволь, я даю тебе отпуск, — Завтра чуть свет отправляйся: мешать не хочу богомолью. Вы, как я вижу, решили вступить на стезю исправленья. Благослови вас господь совершить путешествие ваше!»

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

Так вот Рейнеке снова попал в королевскую милость. Сам же король шагнул, поднялся на высокое место И со скалы обратился с приказом к собравшимся тварям Смолкнуть и на траве, соответственно роду и званью, Расположиться. Рейнеке рядом стоял с королевой. Речь свою начал король, между прочим, весьма осторожно:

«Смолкните все и внимательно слушайте, птицы и звери, Слушайте все — и бедняк, и богач, и великий, и малый, Вы, все бароны мои, все придворные, все домочадцы!

Рейнеке тут под моею опекой стоит. Мы недавно Вешать его собирались, однако он тайны такие Здесь нам открыл, что ему я поверил и, по размышленью, Милость вернул ему. Также супруга моя, королева, Очень просила о нем. Я снова к нему расположен, Полностью с ним примирился и жизнь даровал ему снова И достоянье. Мой мир ему будет отныне защитой. Вам же я всем объявляю,— и смертью ответит послушник: Рейнеке чтить вы должны, и жену и детей его также, Где б они впредь вам ни встретились днем или ночью. Жалоб на Рейнеке даже и слушать я больше не стану. Все, что дурного он сделал, то миновало. В дальнейшем Он, несомненно, исправится. Видите, завтра же утром, Посох с котомкою взяв, он паломником в Рим отбывает, А уж оттуда — и за море. Он не вернется, покамест Всем совершенным грехам отпущения там не получит...»

Злобно кот Гинце при этом заметил медведю и волку: «Ну, пропадай все труды и все хлопоты! Если бы только Быть мне подальше отсюда! Коль Рейнеке в милости снова, Пустит он в ход что угодно, а всех нас троих уничтожит. Я уже глаз потерял,— теперь за другой опасаясь!»

«Дорог, я вижу, хороший совет!» — отозвался тут Браун. Изегрим-волк проворчал: «Непонятная вещь! Не пойти ли Нам к самому королю?» С Брауном вместе угрюмо Пред венценосной четою представ, они долго и рьяно Против Рейнеке все говорили. Король рассердился: «Где у вас уши? Ведь я же сказал, что вернул ему милость!» Гневно он это сказал и немедля велел их обоих Взять, связать, запереть. Он ведь отлично запомнил Все, что услышал от Рейнеке-лиса об их заговоре.

Так за какой-нибудь час решительно все изменилось: Рейнеке-лис был спасен, а его обличители были Посрамлены. Он все дело и так повернуть ухитрился, Чтобы содрали с медведя кусок его шкуры размером Фут в длину и фут в ширину — для пошивки котомки. Кажется, это и все, что паломнику нужно в дорогу. Только б еще сапожками снабдила его королева: «О госпожа моя! Если отныне я ваш богомолец, То поспособствуйте мне богомолье свершить поуспешней.

Изеграм носит две пары отличных сапог. Справедливым Было бы, чтобы хоть пару он мне уступил на дорогу. Вам, госпожа моя, стоило б лишь намекнуть государю. Фрау Гирмунде достаточно тоже одной только пары, — Ведь, как хозяйка, почти безотлучно сидит она дома».

Просьбу такую сочла королева вполне справедливой. «Да, — благосклонно сказала она, — им хватит по паре». Рейнеке шаркнул ногой и признательно ей поклонился. «Лишь получу я две пары сапог, так уже мешкать не стану. Все же добро, что свершить я, как пилигрим, там сподоблюсь, Богом зачтется и вам, и моему государю. На богомолье за всех надлежит нам усердно молиться, Кто нам оказывал помощь. Господь да воздаст вам за милость!»

Так и лишился фон Изеграм пары передних сапожек, Снятых под самые когти. Не пощадили, конечно, Также и фрау Гирмунду, — без задних сапожек осталась. Так они оба, кожи с когтями на лапах лишившись, Жалкие, с Брауном вместе лежали, мечтая о смерти. Наглый ханжа между тем, получив сапоги и котомку, К ним подошел и особенно стал над волчихой глумиться. «Милая, добрая, — он ей сказал, — полюбуйте, как впору Ваши сапожки прилились! Надеюсь, они мне послужат. Много хлопот вы затратили, чтобы меня уничтожить, Но постарался я также, и, видимо, небезуспешно. Вы ликовали недавно — очередь снова за мною. Так уж ведется на свете, приходится с этим мириться. Я же в пути, что ни день, вспоминать с благодарностью буду Родичей милых: ведь вы поднесли мне сапожки любезно. Не пожалеете: всем, что теперь получу в отпущенье В Риме и за морем, с вами потом поделюсь я охотно...»

Фрау Гирмунда лежала в ужасных мученьях, не в силах Слова промолвить, но вся напряглась и сказала со вздохом: «Нам за грехи в наказание бог вам посылает удачу». Изеграм с Брауном молча, стиснувши зубы, лежали, Оба достаточно жалки, изранены, связаны, оба Всеми врагами осмеяны. Гинце лишь там не хватало: Задал бы также коту Рейнеке баню на славу!

Утром притворщик уже занимался усердно делами: Смазал сапожки, которых два родича близких лишились, И, ко двору поспешив королю представляться, сказал он: «Верный слуга ваш готов вступить на святую дорогу, Но накажите священнику вашему, сделайте милость, Благословить меня в путь, чтоб я, уходя, был уверен В том, что мое пилигримство господу благоугодно...» Бэллин-баран королевским тогда состоял капелланом,— Ведал он всеми делами духовными, числясь к тому же И королевским писцом. Король приказал его вызывать. «Ну-ка,— сказал он,— над Рейнеке быстренько здесь
прочитайте

Ваши священные тексты и в путь его благословите. Он отправляется в Рим и в заморье — ко гробу господню. На богомольца котомку наденьте и посох вручите». Бэллин ему возразил: «Государь, вы, мне кажется, тоже Слышали, что отлученье с него не снималось покуда. Я же за это могу пострадать, даже очень серьезно: Если дойдет до епископа, он ведь наложит взысканье. Лично я к Рейнеке, собственно, ведь ничего не имею. Если бы дело уладить, чтоб не было мне нагоняя От господина епископа Прорвуса, чтоб и от пробста Блудобеспутуса не нагорело мне и от декана Храпиянуса мне не попало,— я б вам не перечил...»

«Бросьте,— ответил король,— вы все эти песни на «если»! Наговорили с три короба слов, а без всякого толка. Если над ним «ни пера и ни пуха» вы не огласите,— Черта поставлю молиться! Что мне за цаца епископ? Рейнеке в Рим богомольцем уходит, а вы тут помеха!» За ухом Бэллин в испуге почесывал. Сильно боялся Он королевского гнева — и сразу же начал по книге Над пилигримом читать. Но тот и не очень-то слушал: «Если помочь это может,— поможет и так, надо думать».

Благословенье прочли — и котомку и посох вручили Рейнеке-лису. Все было готово, но лгал богомолец. Слезы притворные ливнем лились по щекам у пройдохи, Залили бороду, будто жестоко он каялся в чем-то. Он и действительно каялся в том, что не всех поголовно Недругов сделал несчастными, что лишь троих опозорил. Все же он, кланяясь низко, просил, чтобы каждый сердечно, Кто как умеет, о нем помолился, и стал торопиться:

Рыльце-то было в пушку,— он имел основания бояться.
«Рейнеке,— молвил король ему,— что за чрезмерная
спешка?»

«Делая доброе дело, не следует медлить,— ответил
Рейнеке.— Я вас прошу отпустить меня, мой благодетель.
Час мой урочный настал,— отправиться мне разрешите».
«Что ж,— согласился король,— отправляйтесь!» И тут же
велел он

Бсем господам, при дворе состоящим, за лжепилигримом
Тронуться в путь — проводить его. В это же время в темнице
Мучились Изегрим с Брауном, плача от боли и горя...

Так вот полностью вновь заслужил королевскую милость
Рейнеке-лис. Уходил со двора он с великим почетом,
Шел с посошком и с котомкой — ну, прямо ко гробу
господню,

Где оказался б он так же на месте, как в Ахене клюква.
Он совершенно другое таил на уме, но отлично
Все же ему удалось разыграть короля и предлинный
Нос ему прицепить. Поневоле за Рейнеке следом
Молча его обличители шли — провожали с почетом.
Он же коварства отнюдь не оставил, сказав на прощанье:
«Меры примите, о мой государь, чтоб изменникам подлым
Не удалось убежать. В оковах, в тюрьме их держите:
Стоит им выйти на волю, к делам своим грязным
вернуться,—

Жизни вашей опасность грозит, государь, не забудьте!»

Так и ушел он оттуда с постной, смиренной миной,
Этакий скромный простака,— ну, словно другим он и не был.
Тут лишь поднялся король и в покои свои возвратился.
Звери, согласно приказу его, проводили сначала
Рейнеке-лиса немного, потом и они возвратились.
Плут же настолько сумел прикинуться кротким и скорбным,
Что возбудил состраданье в иных сердобольных особах.
Заяц всех больше о нем сокрушался. «Неужто нам сразу,
Милый мой Лямпе,— воскликнул мошенник,— так сразу
расстаться?

Если бы вам и барану Бэллину было угодно
Несколько дальше со мною пройтись, то, конечно,
Ваша компания мне оказала б огромную милость.
Очень вы милые спутники, оба — честнейшие лица,
Все о вас говорят лишь хорошее — мне это лестно.

Оба духовного званья вы, благочестивцы,— живете
Точно как я, когда схимником был: утоляете голод
Зеленью только, питаетесь листьями, травкой,— не нужно
Вам ни хлеба, ни мяса, ни прочих там деликатесов».
Так этих двух простачков обольстил он своей похвалою,
Оба к жилищу его подошли — и предстал перед ними
Замок его, Малепартус, и лис обратился к барану:
«Можете, Бэрлин, и здесь оставаться и сколько угодно
Лакомьтесь травкой и зеленью. В наших горах — изобилье
Всякой растительной пищи, очень полезной и вкусной.
Лямпе возьму я с собой,— накажите ему, чтоб утешил
Он жену мою: очень горюет и так, а услышит,
Что отправляюсь я в Рим богомольцем, отчаяться может».
Рейнеке сладких речей не жалел,— обманул их обоих.
Лямпе он в замок провел, где застал Эрмелину лежащей
Подле детей, удрученной печалью и тяжелой тревогой,
Ибо не верилось ей, чтобы Рейнеке мог возвратиться
Снова домой. Но, с посохом видя его и с котомкой,
Очень она удивилась: «Рейнгарт, мой милый, скажите,
Что с вами, бедненький, было? Много ль пришлось
настрадаться?»

Он ей ответил: «Я осужден был, задержан и связан,
Но государь проявил милосердие,— вернул мне свободу.
На богомолье теперь ухожу. Как заложники взяты
Изегрим с Брауном в цепи. Для искупленья обиды
Отдал мне зайца король,— мол, делай ты с ним, что угодно,
Так под конец государь мне сказал совершенно резонно:
«Оклеветал тебя Лямпе — и, стало быть, кары суровой
Он заслужил и как следует пусть мне заплатит».
В ужасе выслушал Лямпе страшную выдумку лиса,
Сразу опешил, пытался спастись — и ударился в бегство.
Рейнеке выход отрезал ему — и за горло, разбойник,
Зайца, беднягу, схватил, который с пронзительным визгом
Бэрлина звал: «Погибаю! На помощь! Скорее! Паломник
Режет меня!» Но кричал он недолго: Рейнеке живо
Горло ему перегрыз. Тем кончилось гостеприимство.
«Ну-ка,— сказал он,— съедем его, зайчик упитанный,
вкусный».

Право, впервые на что-нибудь годным и он оказался.
Жалкий, никчемный трусишка! Что я предсказывал дурню,—
То и случилось. Ну, ябедник, жалуйся сколько угодно!»
Рейнеке вместе с женой и детьми не зевали,— содрали
Шкурку с убитого зайца и съели его с наслаждением.

Очень лисе он по вкусу пришелся. Она все твердила: «Ах, королю с королевой спасибо! Имеем сегодня Чудный обед мы, по милости их, дай господь им здоровья!» «Кушайте,— Рейнеке им говорит,— на этот раз хватит,— Все наедемся. В дальнейшем, надеюсь, и больше добуду: Каждый из них неизбежно сполна мне заплатит по счету, Каждый, кто Рейнеке пакостил или напакостить думал».

Тут Эрмелина сказала: «Спросить я, однако, осмелюсь, Как это вы на свободе остались?» А лис отвечает: «Суток мне было бы мало, чтоб рассказать вам, как ловко Мне удалось провести короля и надуть королеву. Впрочем, я лгать вам не буду,— дружба моя с государем Слишком тонка, а что тонко — то очень скоро и рвется. Стоит узнать ему правду — гнев его будет ужасен, И попадись я тогда ему вновь — никакие богатства Мне не помогут уже. Меня он не выпустит больше. Тут уж пощады не будет,— за это могу поручиться: Петля мне обеспечена,— нужно скорее спастись».

В Швабию надо бежать нам! Там нас не знают. Мы быстро К местным условиям принаровимся. О, боже мой, сколько Снеди там лакомой будет, всяких роскошеств — по горло: Куры, гуси, индюшки, зайцы, кролики, сахар, Финики, фиги, изюм, всевозможные птицы и пташки. Хлеб выпекается в этой стране лишь на масле и яйцах. Воды чисты и прозрачны, воздух — приятен и ясен. Рыбы там — хоть завались: галлина, и пуллус, и галлус, Есть еще анас какая-то,— разве их всех перечислишь? Это вот рыбы как раз для меня! Не придется за ними Слишком глубоко нырять. Я, отшельником будучи, тоже Ими питался нередко. Ну, женушка, если хотите Жить наконец беззаботно, со мною туда собирайтесь.

Надо понять вам одно: король и на этот раз также Дал мне уйти потому, что налгал я с три короба сказок; Клад короля Эммериха несметный ему уступил я. Местность я им описал — Крекельборн. Придут в это место Клад извлекать — ничего не найдут они там, к сожаленью,— Даром лишь землю разроют. Когда же король убедится, Как одурачен он был, то взбесится, верно, от гнева. Что я насочинял, чтобы как-нибудь мне отвертеться, Сами представьте себе: ведь петля была уж на горле!

В жизни я в большей беде не бывал и так страшно не трусил. Нет, не хотел бы я снова в такую попасть переделку! Прямо скажу: пусть будет, что будет, никто меня больше Не убедит при дворе появиться и королевской Власти предаться. Нужна была тут величайшая сметка, Чтобы из пасти монаршей все-таки вырвать свой палец...»

Фрау Эрмелина сказала печально: «Ах, что ж это будет? Где ни очутимся — быть нам несчастными, быть чужаками. Здесь мы живем, как нам хочется, здесь вы хозяин Вашим оброчным. Пускаться на риск, искать приключений — Необходимо ли? Право же, за неизвестным гоняться, Бросив известное, и неразумно ведь, и непохвально. Здесь мы живем в безопасности полной. Наш замок —
твердыня!

Если бы двинул все силы король против нас, обложил нас, Занял бы даже дорогу войсками, — мало ли скрытых Выходов мы тут имеем и тайных тропинок? Отлично Сможем спастись! Да что говорить? Вы же знаете лучше. Чтоб захватил нас король в свои лапы военной силой, Много для этого нужно, и я не об этом тревожусь. Но признаюсь, что обет ваш отправиться за море — вот что Очепь меня огорчает. Я вне себя. Что же будет?»

«Милая женушка, вы не грустите — не стоит! — ответил Рейнеке. — Слушайте и согласитесь: страшно — не клясться, Страшно — попасться. Мудрец-исповедник сказал мне
однажды:

«Клятва по принуждению недорого стоит». Мне лично Трижды начхать! Я имею в виду свой обет. Вам понятно? Как вы сказали — так сделаю. Кончено! Дома останусь. В Риме-то мне, разумеется, нечего делать, и если б Десять обетов я дал, Иерусалим этот самый Век бы не видеть! А с вами мне тут, безусловно, спокойней. Лучшего, право, нигде не найду я, чем то, что имею. Перцу король мне задаст, несомненно, но будем готовы. Хоть для меня он и слишком могуч, но, быть может, удастся Снова его провести и дурацкий колпак нахлобучить На венценосную голову. Только дожить бы, — узнает Он у меня, где раки зимуют. За это ручаюсь!..»

Бэллин меж тем за воротами нетерпеливо заблеял: «Лямпе, скоро ль вы там? Выходите! Отправиться время!»

Рейнеке это услышал и выскочил: «Милый мой Бэллин, Лямпе просит у вас извинения,— с тетужкой счастлив Он побеседовать, вы же, сказал он, не будьте в обиде. Так что ступайте себе, не спеша,— не скоро отпустит Тетужка Эрмелин Лямпе. Не омрачайте их радость...»

Бэллин в ответ говорит ему: «Слышал я крики. В чем дело? Лямпе, я слышал, кричал: «Бэллин, на помощь, на помощь!» Вы ему что-нибудь сделали?» Рейнеке хитрый ответил: «Слушайте, милый! Как только с женой о своем

пилигримстве

Речь я завел, так бедняжка в отчаянье полное впала. Смертный объял ее страх — и она потеряла сознание. Лямпе, увидевший это, перепугался и крикнул В ужасе: «Бэллин! Спасите! Бэллин, Бэллин, скорее! Тетужке нехорошо, боюсь, что она не очнется!»

«Помнится,— Бэллин сказал,— что кричал он особенно страшно».

«Что вы! Он ни волоска не лишился,— поклялся обманщик.—

Пусть вместо Лямпе меня постигнет любое несчастье! Знаете ли,— продолжал он,— вчера государь поручил мне Из дому несколько писем ему написать непременно, В них изложив свои мысли по ряду важнейших вопросов. Вы б не доставили их, дорогой мой? Они ведь готовы. Много в них есть интересных вопросов и дельных советов. Не беспокойтесь о Лямпе,— я слышал, как радостно,

с теткой

Оба они предавались воспоминаньям о прошлом. Как заболтались! И не остановишь! Едят, попивают, Счастливы видеть друг друга. Тем временем письма строчил я».

«Милый мой Рейнгарт,— сказал ему Бэллин,— придется вам письма

Тщательно упаковать. Как спрятать их? Сумки-то нету?

Если сломаю печати, то по голове не погладят».

«Это,— заметил Рейнеке,— можно устроить. Котомка, Сшитая мне из шкуры медведя, как раз пригодится: Очень плотна и прочна,— в нее уложу я пакеты.

Знаю, за это король наградит вас особенно щедро, Примет с большим уваженьем и трижды за то обласкает»,

Бэллин-баран и поверил всему, а мошенник немедля
В дом побежал, и котомку схватил, и впихнул торопливо
Голову зайца в нее, соображая при этом,
Как завязать ему сумку, чтобы не вскрыл ее Бэллин.

Из дому выйдя, сказал он барану: «Повесьте-ка сумку,
Милый племянник, на шею себе и не вздумайте только
В письма заглядывать: будет опасно сие любопытство.
Я запечатал их очень старательно,— так и доставьте.
Сумку вскрывать не пытайтесь! Ее завязал я особым,
Сложным узлом, как обычно, когда я пишу государю
Что-нибудь важное. Если король убедится, что так же
Стянуты будут ремни,— вы заслужите милость, награду
Можете вы получить от него как гонец безупречный.
Да, если б вы, лицезрев короля, предположим, хотели
Выиграть больше во мнение его, намекайте, что сами
Подали вы мне совет написать эти письма, и даже
Автору их помогали. И честь вам и выгода будет...»
Бэллин от радости, словно безумный, запрыгал на месте,
Так подскочил он и сая и в бараньем восторге заблеял:
«Дядюшка Рейнеке-сударь, я в вашей любви убедился,—
Хочется вам меня выдвинуть: между придворною знатью
Буду теперь я прославлен тем, что столь мудрые мысли
Я в столь изысканных, тонких словах излагаю. Конечно,
Так я писать не умею, но пусть они этому верят.
Я глубоко вам признателен! Как оно вышло удачно,
Что проводил вас до самого дома я. Все же скажите,
Лямпе не мог бы сейчас же отправиться вместе со мною?»

«Это,— хитрец отвечает,— поймите, пока невозможно.
Вы потихоньку ступайте, а он вас нагонит, как только
Я кое-что поручу ему лично конфиденциально».
«Ну, и бог с вами,— сказал ему Бэллин,— а я отправляюсь».
Тут он пошел, зашагал — при дворе появился он в полдень.

Только увидел барана король и котомку заметил,
Сразу спросил он: «Откуда вы, Бэллин? А где же остался
Рейнеке? Вы его сумку носите,— что это значит?»
Бэллин ответил: «О ваше величество, он поручил мне
Два письма вам доставить. Мы сообща сочиняли
Оба послания. Тонкое в них вы найдете решение
Важных задач. Между прочим, идеи подсказаны мною.
Письма — в котомке. Рейнеке лично завязывал узел».

Распорядился король, чтоб явился бобер неотложно: Был он нотариусом и писцом королевским, и звался Бокертом он. По должности всякие важные письма Вслух королю он читал, как знаток языков иноземных. Вызван был также кот Гинде,— дабы он присутствовал тоже. Бокерт с Гинде, подручным своим, развязал, повозившись, Путаный узел и, вытянув мертвую голову зайца, Ошеломленный, воскликнул: «Ну, знаете, вот так посланья! Прелюбопытно! Кто их писал? Кто прочтет их, скажите? Это — головушка Лямпе! Кто же его не узнает?»

И ужаснулись король с королевой. Повик головою Нобель-король и сказал: «О Рейнеке! Где ты, мерзавец!» Оба, король и супруга его, огорчились безмерно. «Он меня вновь обманул! — воскликнул король. —

О, когда бы

Лжи его наглой и подлой не придал я веры сначала!» Чуть он с ума не сошел, а с ним и все прочие звери.

Но леопард, королевский кузен, к нему обратился: «Право, я в толк не возьму, что это вы с королевой Так сокрушаетесь. Бросьте вы даже и думать об этом. Мужества больше! Себя унижаете вы перед всеми. Не государь ли вы? Все вам обязаны повиноваться».

«Вот потому-то,— король отвечает,— и не удивляйтесь, Что потрясен я душевно. Увы, я был опрометчив! Этот предатель склонил меня мерзким коварством и

лестью —

Наших друзей покарать. Лежат, обещены, в муках, Изегрим с Брауном... Как же могу я не каяться горько? Чести не делает мне, что лучших придворных баронов Так я обидел, а сам лжецу такое доверье Мог оказать и настолько быть безрассудным в поступках. Слишком поспешно жену я послушал. Поддавшись обману, Очень она за него заступалась. Но, будь я подтверже... Впрочем, что каяться задним числом? Ничего не поможет»,

Но леопард возразил: «Государь, послушайтесь друга: Хватит печалиться! Нет той беды, чтоб ее не исправить. Дайте медведю и волку с женой в искупление барана: Он ведь открыто и дерзко признал, что совет об убийстве Лямпе несчастного он подавал. Так пускай он ответит!

Ну, а затем против Рейнеке двинемся общею силой, Схватим его, если только удастся, и сразу повесим. Дать ему слово — опять отболтается, — вздернут не будет. Ну, а всех тех, пострадавших, мы быстро утешим, поверьте».

Благожелательно выслушал это король и промолвил: «Я ваш совет одобряю. Ступайте скорей и доставьте Этих баронов ко мне. Пусть рядом со мною в совете С прежним почетом они заседают. Созвать прикажите Всех поголовно зверей, ко двору имеющих доступ. Всем им да ведомо будет, как Рейнеке лгал нам бесчестно, Как улизнул и совместно с Бэллином Лямпе зарезал. Почести пусть воздают при встречах с медведем и волком. А в искупленье обоим баронам, как вы говорили, Выдам я Бэллина вместе со всею роднею навеки».

Мешкать не стал Лупардус — отправился к узникам бедным, К Изегриму и Брауну. Освободив их, сказал он: «Весть утешения слушайте! Я вам принес нерушимый Мир королевский и полную волю. Поймите, бароны: Если король вас обидел, о чем он теперь сожалеет, То, сообщая об этом, изволит мириться он с вами. А в искупленье обиды — вам Бэллин со всем его родом, Да, со всею родней отдается на вечные веки. Не деремоньтесь — хватайте их, где б они вам ни попались: В поле, в лесу — все равно. Всюду и все они ваши! Кроме того, государь вам еще разрешить соизволил Рейнеке-лису, предателю вашему, мстить как угодно. Лично его, и жену, и детей, и всех родичей лисьих Можете всюду травить и терзать, — вам никто не помеха. От королевского имени я вам сие объявляю, — Это закон для него и для всех восприемников трона. Вы же забыть постарайтесь прискорбную эту ошибку И государю на верность по совести вновь присягните. Впредь не обидит он вас, и совет мой — принять предложение...»

Так восстановлен был мир. Баран за него головою Вынужден был заплатить, а потомки его и поныне Терпят разбой беспощадный всесильного племени волка. Так вековая вражда началась. До сих пор без зазренья, Бешено волки терзают овец и ягнят и несчетно Губят их, это считая своим неотъемлемым правом. Ярости их не унять, — о мире не может быть речи.

Ну, а Браун да Изегрим? В честь пострадавших баронов Задан был пир королем двенадцатидневный. Тем самым Всем доказать он хотел, как серьезно его примиренье.

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

Двор чрезвычайно роскошно обставлен был и разукрашен. Прибыло рыцарей много, все звери собрались, а также Птицы несметными стаями. Все они волку с медведем Почестей столько воздали, что те о страданиях забыли. Общество лучше того, что на празднестве там развлекалось, Вряд ли бывало где-либо. Литавры и трубы гремели, Бал королевский был выдержан в самом изысканном вкусе. Было всего изобилье, чего бы душа ни желала. Мчались гонцы по стране, гостей ко двору созывая. Птицы и звери с насиженных мест отправлялись попарно, Дни проводили и ночи в пути,— ко двору торопились.

Рейнеке-лис между тем залег подле дома в засаде. Он и не думал идти ко двору, этот лжебогомолец: Мало рассчитывал он на награды. По старой привычке В злостных проделках своих предпочел упражняться
пройдоха.

А при дворе в это время звучало чудесное пенье, Всяких там яств и питья предлагалось гостям в преизбытке. Там проводились турниры, велось фехтованье, и каждый К родичам или друзьям примыкал; там плясали и пели, Флейт и цевниц раздавалась веселая там переключка. Сверху, из тронного зала, король наблюдал благодушно, Взор его тешила шумная, праздничная суматоха.

Восемь дней миновало. В кругу своих первых баронов Как-то король за столом находился во время обеда,— Он с королевою рядом сидел. Неожиданно кролик, Весь окровавленный, входит и так говорит в сокрушение: «О государь мой! Король-государь! Господа мои! Сжальтесь! Знайте, о более подлом коварстве, о худшем разбое, Чем потерпел я от Рейнеке-лиса, вы вряд ли слышали. Утром вчера, часов этак в шесть, прохожу по дороге Мимо его Малепартуса, вижу — сидит он у замка. Думал я мирно проследовать дальше. Одет богомольцем Рейнеке был, и казалось, что он, за воротами сидя,

Весь погрузился в молитву. Хотел проскочить я проворно
Мимо него, потому что поспеть ко двору торопился.
Чуть увидал он меня, как поднялся — пошел мне навстречу,
Будто хотел поздороваться. Нет же! Коварный разбойник
Хватъ меня лапой внезапно — и сразу же я за ушами
Когти его ощутил и подумал: конец мне приходит!
О, как остры его когти! Уже он валил меня наземь,
Но удалось увернуться мне: очень проворен я, прыгнул —
И убежал. Он ворчал мне вослед: «Все равно попадешься!»
Я же бегу — и ни слова. Увы, оторвал он, однако,
Ухо одно у меня. Голова моя залита кровью,
Вот эти раны, их целых четыре! Судите же сами,
Как он терзал меня. Чудом каким-то в живых я остался.
Сущее бедствие! Где же закон о свободных дорогах?
Как же теперь путешествовать, к вам на приемы являться,
Если разбойник засел на дороге всеобщей угрозой?..»

Кролик едва только смолк, говорун тут врывается — ворон
Меркенау, прокаркав: «Король-государь благородный!
С очень прискорбною вестью пришел я. От горя и страха
Трудно мне и говорить очень много, боюсь, чтобы сердце
Не разорвалось,— такое пришлось пережить потрясенье!
Вышли мы утром сегодня с женою моею, с Шарфенебе,
Шествуем,— видим, лежит на лужайке Рейнеке мертвый.
Смотрим, уже закатились глаза, из разинутой пасти
Выпал наружу язык. От страха я сразу же начал
Громко кричать,— он лежит недвижим, я кричу, причитаю:
«Горе мне! Ах! Он скончался!» И снова: «Ах, горе мне, горе!
Ах, он скончался! Как жалко его! Огорченье какое!»
Также супруга моя убивалась. Мы оба рыдали.
Стал я живот его щупать и лоб, а жена в это время
Даже и к морде его приложилась — проверить дыханье,—
Нет ли хоть искорки жизни. Но все это было напрасно:
Смерть очевидна была. Ах, послушайте, что за несчастье!

Стоило только жене моей скорбно и без опасенья
К пасти мерзавца свой клюв приложить,— этот выродок
гнусный
Бешено хватъ ее сразу — и голову напрочь отрезал!
Ужас мой даже не стану описывать. «Горе мне, горе!» —
Стал восклицать я. Но тут он как вскочит!.. Хотел уже
хапнуть
Также меня. Я затрясся, но кверху взлетел во мгновение,

Если б не так поворотлив я был, и меня б, несомненно, Не упустил он. Чуть-чуть не попал я разбойнику в когти. Сел я печально на дерево. Лучше б я тоже, несчастный, Жизни лишился! В когтях негодяя жену свою видеть! Ах, у меня на глазах он бедняжку пожрал! Мне казалось, Так ненасытен, так голоден был он, что съел бы десяток! Он от жены моей косточки, крошечки ведь не оставил! Весь этот ужас я сам наблюдал. Он ушел себе, изверг, Я же не мог утерпеть,— подлетел с растерзанным сердцем К месту убийства. Нашел я там кровь и немножечко перьев Милой жены. Я принес их сюда в подтверждение злодейства. Сжальтесь, о государь! Если на этот раз также Вы пощадите преступника, правую кару отсрочив, Мир и свободу всех подданных не подтвердив этой карой,— Толки дурные пойдут,— вам будет весьма неприятно. Ведь говорится же: тот виноват, кто казнить был обязан И не казнил. А иначе бы каждый играл в государя. Это уронит достоинство ваше. Подумайте сами...»

Жалобу доброго кролика с жалобой ворона вместе Выслушал двор. И разгневался Нобель-король и воскликнул: «Вот что: клянусь перед вами супружеской верностью нашей,—

Это злодейство я так накажу, что запомнят надолго! Чтоб над указом глумились моим! О нет! Не позволю! Слишком легко я доверился плуту и дал ему скрыться. На богомолье не сам ли его снарядил я, не сам ли Якобы в Рим провожал? Ах, чего этот лжец не наплел нам! Как он сумел состраданье к себе возбудить в королеве! Это она меня уговорила. Теперь вот — ищите Ветра на воле. Ах, я не последний, кто кается горько, Женских советов послушав! Но если мы впредь негодяя Без наказания так и оставим — позор нам навеки! Плутон он был и останется. Необходимо совместно Нам, господа, обсудить, как взять его, как с ним покончить. Если всерьез нам за дело приняться — добьемся успеха».

Очень понравилась речь короля и медведю и волку. «Все-таки мы отомщеныя дождемся!» — подумали оба, Но говорить не решались, видя, что очень расстроен Всем происшедшим король и что гневался он чрезвычайно. Но королева сказала: «О мой государь! Не должны вы

Гневаться так и клятвы легко расточать: не на пользу Вашему это престижу и весу вашего слова. Истина, собственно, нам и сейчас ведь отнюдь не известна: Сам обвиняемый выслушан не был. Присутствуй он тут же, Может быть, свой язычок прикусил бы иной обвинитель. Обе выслушивать стороны надо. Кой-кто поразвязней Жалобой пробует часто замазать свои преступления. Рейнеке умницей дельным считая, вреда не желала,— Блага желала я вам, как всегда. Получилось иначе. Слушать советы его нам полезно, хоть образом жизни Он заслужил нареканий немало. Учесть не мешает, Кстати, и связи его родовые. В серьезных вопросах Спешка — помощник плохой, а ваше любое решение Вы, государь, повелитель, можете выполнить после...

И заявил Лупардус: «Вы слушали стольких, что можно Выслушать также его. Пусть явится. Что вы решите, Будет немедленно приведено в исполнение. Пожалуй, В этом сойдемся мы все с августейшею вашей супругой».

Выступил Изегрим-волк: «Всякий совет нам на пользу, Сударь вы мой Лупардус! Будь Рейнеке в данное время Здесь, между нами, и даже вполне оправдайся по этим Двум последним делам,— я легко доказал бы, что все же Смертной он казни достоин. Но помолчу я, покуда Нет его здесь налицо. Ужель вы забыли, как нагло Он обманул государя? Под Гюстерло, близ Крекельборна, Клад он открыл! А другие чудовищно грубые враки?! Всех он провел, а меня и Брауна как обесчестил! Жизнью своей рисковал я. А этот прохвост, как и прежде. По пустырям промышляет себе грабежом и разбоем. Если король и бароны находят, что это на пользу,— Пусть он придет. Но если бы он при дворе показаться Думал всерьез, то давно бы явился: гонцы обскакали Все государство, скликав гостей, но остался он дома».

Молвил король: «Нам ждать его незачем. Срок шестидневный Вам назначаю (таков мой приказ!), приготовьтесь, бароны, Выступить вместе со мной. Покуда я жив, я намерен Жалобам этим конец положить. Господа, ваше мнение: Разве не прав я, что он погубить государство способен? Вооружитесь, бароны, получше, явитесь в доспехах, С луками, с пиками да и при всем вашем прочем оружьи».

Бодро и храбро держитесь! На поле сраженья пусть каждый Честное имя блюдет, ибо в рыцари многих намерен Я посвятить. Малепартус обложим — посмотрим, какие Ценности в замке...» И все закричали: «Мы явимся к сроку!»

Так вот задумал король с баронами на Малепартус Двинуться штурмом — разделаться с Рейнеке-лисом.

Но Гримбарт,

Здесь находившийся, вышел тайком и поспешно помчался Рейнеке-лиса искать, сообщить о решении совета.

Шел он понуро и сам про себя говорил, причитая:

«Что ж это, дядюшка, будет? Как горько оплакивать надо Знатному лисьему роду утрату вождя родового!

Был ты предстателем нашим в суде — и жилось нам

спокойно,

Ловок ты был и находчив. Кто мог устоять пред тобою?»

К замку придя, он увидел: сидит благодушный хозяин, — Он перед этим поймал двух юных птенцов голубиных.

Им не сиделось в гнезде — решили испробовать крылья, — Перышки коротки были, и шлепнулись, бедные, наземь.

Им не подняться, а Рейнеке-лис — цап-царап их обоих!

Все по округе шнырял — охотился... Тут он заметил

Гримбарта, стал его ждать и приветствовал гостя:

«Рад я вас видеть, племянник, больше всех родичей наших! Что так бежите? Вы задыхаетесь! Новости, что ли?»

Гримбарт ему отвечает: «Мной принесенная новость Неутешительна. Я, как вы видите, очень встревожен:

Жизнь, достоянье, все — пропадай! Довелось мне увидеть

Гнев короля. Он поклялся поймать и казнить вас позорно.

Всем в шестидневный срок сюда приказал он явиться

Во всеоружье: при луках, мечах, мушкетах, с обозом.

Все это пушено будет на вас, — так примите же меры!

Изеграм с Брауном вновь государем обласканы. Право,

Близости большей не было и между вами и мною.

Все под их дудочку пляшут. Последним разбойником, вором Изеграм вас обзывает и действует на государя.

Вот вы увидите, выскочит в маршалы он через месяц!

Знайте же: кролик явился и ворон — и вас обвиняли

В очень серьезных проступках. Если король вас поймает,

Долго теперь протянуть не удастся вам, — предупреждаю...»

«Только всего? — перебил его лис, — ну, чуточку хоть бы Тронуло это меня! Да если б король хоть и трижды — Вкупе со всеми его мудрецами — божился и клялся, — Стоит мне там появиться, я всех перепрыгнуть сумею. Да, все советы у них да советы, а где результаты? Милый племянник, наплюньте на это. Пойдемте-ка лучше, Я кое-что предложу вам: молоденьких жирных голубок Я только что изловил. Ничего вкуснее не знаю! Очень удобоваримо, — прожевывать даже не надо. Косточки их — объединение, сами во рту они тают! Кровь с молоком — да и только! Мне нравится легкая пища. Очень с женою мы сходимся вкусами... Что же, пойдемте, — Будет нам рада она. Но зачем вы пришли, умолчите: Каждая мелочь волнует ее и влияет на сердце. Завтра я с вами пойду ко двору. Надеюсь, что, милый, Вы мне окажете помощь, как принято между родными».

«Жизнь, достоянье охотно отдам я за друга!» — воскликнул Верный барсук. А лис говорит: «Ваше слово запомню. Буду я жив — позабочусь о вас». Барсук отвечает: «Смело предстаньте пред ними и защищайтесь получше. Главное — слушать вас будут. Ведь леопард уже подал Голос за то, чтобы не осуждать вас, покуда вы лично Не защититесь. Сама королева такого же мнения. Это вам нужно учесть и использовать...» Лис отмахнулся: «Будьте спокойны — уладится. Грозен король, но ведь стоит Рот мне открыть, настроенье изменится мне же на пользу».

В дом они оба вошли и приняты были хозяйкой Очень радушно. Она угостила их всем, что имела. Прежде всего голубей поделили — и как смаковали! Каждый упел свою часть, но никто не наелся. Еще бы! Справились бы и с полдюжиной, если бы только имели.

Рейнеке-лис говорит барсуку: «Согласитесь, племянник, — Деток прелестных имею. Охотно их всякий похвалит; Как вы находите Рейнгарта? Нравится ль младший мой, Россель?

Оба со временем род наш умпожат. Уже помаленьку Стали смекать кое-что. С утра меня до ночи тешат. Этот курочку схватит, другой поймает цыпленка. Даже и в воду ныряют отлично, — чибиса, утку Могут промыслить. Пускал бы их я на охоту почаще,

Но надлежит осторожность еще им привить и сноровку: Как от ловушек, от ловчих, от гончих собак уберечься. Ну, а когда наконец пройдут настоящую школу, Все усвоят как следует,— пусть они хоть ежедневно В дом доставляют добычу,— чтоб не было в нем недостатка. Видно, в меня удались,— играют в опасные игры. Только начнут — и все прочие звери от них врассыпную. Стань на пути — и они тебе в горло, и долго не тянут! Это, конечно, отцовская хватка. Бросаются быстро, Точно рассчитан прыжок. Вот это я главным считаю».

Гримбарт ответил: «О, честь и хвала! Это очень отрадно, Если выходят дети такими, как хочешь, и к делу Сызмала тянутся, в помощь родителям. Рад я сердечно С ними в родстве состоять. Я на них возлагаю надежды». «Что же, на этом закончим,— заметил Рейнеке,— время На боковую,— устали мы все, а тем более Гримбарт». И улеглись они все в просторном покое, обильно Усталенном сеном и свежей листвою, и отлично уснули.

Рейнеке, впрочем, от страха не спал. Понимал он, что дело Надобно обмозговать. До утра он томился в раздумьях. Утром, с бессонного ложа вскочив, он к жене обратился: «Вы не волнуйтесь напрасно: я Гримбарту дал обещанье Вместе пойти ко двору. Дома спокойно сидите. Что бы ни стали болтать обо мне, вы не верьте плохому — И охраняйте наш замок. Поверьте, все к лучшему будет».

Фрау Эрмелина сказала: «Мне кажется странным: решились Вновь ко двору вы пойти, где так вы теперь нелюбимы? Что? Вас принудили? Вряд ли. Но надо же помнить о
прошлом...»

Рейнеке ей говорит: «Там не шутками пахло, конечно,— Многим хотелось меня погубить,— натерпелся я страхов. Но, как известно, под солнцем случаются всякие вещи: То нежданно-негаданно вдруг повезет необычно, То — в руках уже было, а как упустил — не заметил. Дайте уж лучше пойду,— кой-какие дела там имею. Очень прошу, не волнуйтесь,— ведь нет никаких оснований Для беспокойства. Душенька, ну, потерпите, немного,— Сделаю все, чтобы дней через пять или шесть
возвратиться...»

Сопровождаемый Гримбартом, так и ушел он в то утро.

Шли они оба, шагали степью привольной все дальше
Гримбарт и Рейнеке, шли, ко двору короля направляясь.
Рейнеке вдруг говорит: «Будь там что будет, но сердце
Чует мое, что отлично все на сей раз обойдется.
Милый племянник! С тех пор как душу свою перед вами
Исповедью облегчил я, впадал я опять в прегрешенья.
Слушайте все: о большом и о малом, о старом и новом.

Знайте: из шкуры медведя добыть я себе ухитрился
Очень изрядный кусок. Заставил я волка с волчихой
Мне их сапожки отдать. Так мстью себя я потешил,
Все это ложью добыто! Я распалить постарался
Гнев короля и вдобавок ужасно его одурачил:
Сказку ему рассказал — и насочинял в ней сокровищ!
Мало мне было того, — я убил и несчастного Лямпе,
Это убийство взвалив на невинного Бэллина. Страшно,
Рассвирепел государь — и по счету баран расплатился.
Кролика тоже хватил очень здорово я за ушами, —
Чуть он не кончился там. Каково же мне было досадно,
Что убежал он! Еще я покаяться должен: и ворон
В жалобе прав. Я женушку ворона, фрау Шарфенебе,
Скушал! Уже исповедавшись вам, совершил я все это.
Но об одном я тогда позабыл — и хочу вам открыться
В плутне одной, о которой узнать вы должны непременно,
Ибо носить мне на совести это не так уж приятно.
Волку подстроил я пакость: мы с ним в тот раз направлялись
Из Гильфердингена в Кокис. Видим — пасется кобыла
И жеребеночек с нею. Оба черны, как вороны.
А жеребенку — месяца три иль от силы четыре.
Изегрим очень был голоден и говорит мне, страдая:
«Справьтесь-ка, не согласится ль кобыла продать жеребенка?
Сколько возьмет за него?» Подошел я и выкинул штучку:
«Фрау кобыла, — я ей говорю, — жеребеночек этот,
Видимо, собственный ваш, — интересно узнать — не
продажный?»
«Что ж, — отвечает она, — уступлю за хорошую цену, —
Точную сумму прочесть вы можете сами, любезный, —
Тут, под копытом под задним она обозначена ясно».
Дело я сразу смекнул — и ей отвечаю: «Признаться,

В чтении, как и в письме, я меньше успел, чем хотел бы. Не для себя приглядел я ребеночка вашего,— друг мой Изегрим хочет условия выяснить. Я лишь посредник».

«Пусть,— отвечает кобыла,— придет он и выяснит лично». Я удалился, а волк меня все дожидался поодаль.

«Если хотите покушать,— сказал я,— валяйте, кобыла Вам жеребенка продаст. У нее под копытом под задним Значится стоимость. Цену она показать предлагала, Но, к моему огорчению, терять мне приходится много Из-за того, что читать и писать не учился. Что делать? Дядюшка, сами отправьтесь, авось разберетесь получше...»

Волк отвечает: «Чтоб я не прочел! Это было бы странно! Знаю немецкий, латынь, итальянский и даже французский: В школе эрфуртской когда-то учился я очень усердно У мудрецов и ученых. Я перед магистрами права Ставил вопросы и сам разрешал их. Я был удостоен Степени лиценциата! В любом разберусь документе Так же, как в собственном имени. Мордою в грязь не ударю. Вы меня здесь дожидайтесь,— прочту — мы увидим, чем пахнет...»

Вот он пошел и у дамы спросил: «Что стоит ребенок? Но без запроса!» Она отвечает: «Извольте, почтенный, Цену сами прочесть у меня под задним копытом». «Так покажите же!» — волк говорит, а кобыла: «Смотрите!» Ножку она из травы подняла, а подкова на ножке Новая, на шесть шипов. Кобыла и на волос даже Не промахнулась — лягнула в самую голову. Наземь Волк, оглушенный, упал, как убитый, а лошадь махнула Прочь во весь дух. Изувеченный волк провалился немало, Час, вероятно, прошел, пока он чуть-чуть шевельнулся — И по-собачьи завыл. Подхожу, говорю ему: «Дядя, Где же кобылка? Сынок ее вкусен был? Сами наелись, А про меня и забыли? Стыдитесь! Ведь я же посредник! После обеда вы сладко вздремнули. Так что же гласила Надпись у ней под копытом? Ведь вы столь великий ученый!»

«Ах,— он вздохнул,— вы еще издеваетесь? Как же сегодня Не повезло мне! Поистине, камень — и тот пожалел бы! О длинноногая кляча! Скорей бы тебе к живодеру! Ведь оказалось копыто подкованным! Вот что за надпись! Шесть на подкове шипов — шесть ран в голове моей бедной!»

Еле он выжил, несчастный!.. Теперь, дорогой мой племянник, Я вам признался во всем. Простите грехи мои, Гримбарт! Что там решат при дворе — неизвестно, однако я совесть Исповедью облегчил — и грешную душу очистил. Как мне, скажите, исправиться, как мне достичь благодати?..»

Гримбарт ответил: «Новых грехов угнетает вас бремя! Да, мертвецам не воскреснуть, хоть было бы лучше, конечно, Если бы жили они. Но, дядюшка, в предусмотренье Страшного часа и близости вам угрожающей смерти, Я, как слугитель господень, грехи отпускаю вам, ибо Недруги ваши сильны и исход наихудший возможен. Прежде всего, вероятно, вам голову зайца припомнят. Дерзостью было большой, согласитесь, дразнить государя,— Вам повредит это больше, чем вы легкомысленно мните...»

«Вот уж нисколько! — ответил пройдоха.— Сказать вам по правде,

В жизни пробиться вперед — искусство особое. Разве Святость, как в монастыре, соблюдешь тут? Вы знаете сами: Медом начнешь торговать, придется облизывать пальцы. Лямпе меня искушал,— он повсюду прыгал, носился, Все мельтешил пред глазами, жирный такой, аппетитный... И пренебрег я гуманностью. Много добра не желал я Бэллину также. Они страстотерпцы, а я себе грешник. Кстати, каждый из них был достаточно груб, неотесан, Глуп и туп. И чтоб я разводил церемонии с ними? Это уже не по мне! Ведь сам я с отчаянным риском, Спасшись от петли, хотел хоть к чему-нибудь их приспособить,—

Дело не шло. И хотя я согласен, что каждый обязан Ближнего чтить и любить, но таких ни любить не умею, Ни уважать. А мертвец, говорили вы, мертв,— и давайте Поговорим о другом... Наступило тяжелое время. . Что это в мире творится? Хотя мы и пикнуть не смеем, Видим, однако же, многое да про себя и смекаем.

Грабить умеет король не хуже других, как известно: Что не захватит он сам, оставит медведю иль волку. Он-де имеет права! И ведь никого не найдет, Кто бы сказал ему правду! Настолько глубоко проникло Зло! Духовник, капеллан... но молчат и они! Почему же?

Тоже не промахи: глядь — и завел себе лишнюю ряску. Сунься-ка с жалобой! Ах, с одинаковой пользою можешь Воздух ловить! Убьешь только время напрасно.

Искал бы

Прибыльней дело. Что было, то сплыло! И то, что однажды Отнято сильными мира, к тебе не вернется. А жалоб Тоже не любят: они под конец докучать начинают. Лев — государь наш. И все, что себе оторвать он намерен, Рвет он по-львиному. Нас он считает обычно своими, — Ну и, конечно, все наше тоже своим он считает.

Что вам, племянник, сказать? Августейший король уважает Тех исключительно, кто с приношением приходят и пляшут Под королевскую дудку. Ах, это так очевидно! Ну, а что волк и медведь в совете опять заправляют, Многих испортит: воруют и грабят они — а в фаворс. Все это видят, молчат, — ведь каждый о том же мечтает. Четверо-пятеро там наберется вельмож, царедворцев, Что к государю всех ближе и взысканы больше всех прочих. Если такой горемыка, как Рейнеке, стянет курчонка, Все на него ополчатся, на розыски бросятся, схватят, Приговорят его гласно и единогласно все к смерти. Вешают мелких воришек, похитчикам крупным — раздолье: Правь как угодно страной, захватывай замки, поместья! Видите ль, друг мой, на все это глядя и соображая, Начал игру я вести точно так же и думаю часто: Это, как видно, законно, коль так большинство поступает. Правда, совесть иной раз проснется, напомним о божьем Гневе, о Страшном суде и наводит на мысль о кончине: Взыщется там за малейшую мелочь, добытую кривдой. Тут начинаю впадать я в раскаянье, но не надолго. Стоит ли быть безупречным? Время такое, что даже Самые лучшие от пересудов толпы не спасутся. Чернь повсюду тычет свой нос, все выведать любит — И ничего не простит, сочинит не одно, так другое. В этих низах, я скажу вам, хорошего мало найдется, — Мало, по совести, кто заслужил там господ справедливых. Только дурное у них на уме — в разговорах и в песнях. Хоть о своих господах и похвального тоже немало Знают они, но об этом молчат, вспоминают не часто. Я возмущаюсь особенно тем заблуждением тщеславья, Коим охвачены люди: мол, каждый из них, опьяненный Буйным желаньем, способен править судьбою вселенной.

Ты бы жену и детей содержать научился в порядке,
Дерзкую челядь приструнь, и покуда глупцы достоянья
Будут проматывать, ты насладишься умеренной жизнью.
Как же исправится мир, если каждый себе позволяет
Все, что угодно, и хочет другим навязать свою волю?
Так мы все глубже и глубже в безвыходном зле погрязаем:
Сплетни, ложь, оговоры, предательство, и лжеприсяга,
И воровство, и грабеж, и разбой,— лишь об этом и слышишь.
Всюду ханжи, лжепророки народ надувают безбожно.

Так все кругом и живут. А скажешь от чистого сердца,
Каждый беспечно ответит: «Ай, да уж если б настолько
Тяжек и страшен был грех, как эти ученые вечно
Всюду долбят, то священник тогда не грешил бы давно».
Так, на дурные примеры ссылаясь, они обезьянам
Уподобляются, созданным для подражанья, поскольку
Мышленье, выбор, на их беду, не даны им природой.

Правда, лицам духовным вести надлежит себя лучше,
Кое-что даже пускай бы и делали, но втихомолку,
А ведь они же у нас на глазах творят что угодно,
Нас, мирян рядовых, совсем не стесняясь, как будто
Поражены слепотою мы все. Но мы видим отлично:
Этим святошам святые обеты их столь же по вкусу,
Сколь и всем прочим приверженцам грешных мирских
обольщений.

Вот — по ту сторону Альп; у попов там особая мода:
Каждый содержит любовницу. В наших провинциях также
Этим немало грешат. Мне скажут: они ведь имеют,
Как и женатые люди, детей и, чтоб их обеспечить,
Трудятся много и детям дают положение в свете.
Те забывают, откуда произошли они сами,
Чином своим не поступятся — ходят надменно, сановно,
Как родовитая знать, и до гроба уверены будут
В том, что это их право. Раньше не очень-то чтили
Выскачок этих поповских, — теперь они бары:
«Сударь», «сударыня». Да, деньги — великая сила!
Редко на княжеских землях поповство к рукам не прибрало
Пошлину, подать, аренду, доходы от сел и от мельниц.
Вот кто весь мир совращает! Хороший пример для общины:
Видят, что поп не безгрешен — и каждый грешит без
зазренья.

Так вот слепого слепой со стези добродетели сводит!
Где же дела благочестия пастырей праведных, мудрых?
Кто из них добрым примером наставил бы церковь святую?
Кто по стопам их пошел бы? Ведь все закоснели в пороках!
Так уж ведется в народе, — как тут исправиться миру?

Вот еще что я скажу вам: тот, кто родился внебрачным,
Пусть успокоится — он ничего изменить тут не может.
Я, понимаете, думаю: если такой незаконный
Будет вести себя скромно и лишним тщеславьем не станет
Он никого раздражать, то не будет в глаза он бросаться.
Несправедливо таких осуждать: ведь не наше рожденье
Нам благородство дает, и рожденье не может позорить.
Мы отличаемся лишь добродетелью или пороком.
Добрых, ученых мужей в духовенстве всегда по заслугам
Все уважают, однако примеры берут с недостойных.
Пастырь такой призывает к добру, а миряне смеются:
«Он о добре говорит, а зло он творит. Что нам выбрать?»
Он и о церкви не очень печется, других наставляя:
«Чада мои, раскошеляйтесь на храм — и сподобитесь божьей
Милости и отпущенья...» На этом он проповедь кончит,
Сам или мелочь подаст, иль совсем ничего, и пускай там
Храм этот самый развалится! Так он себе продолжает
Жить — не тужить ни о чем, одеваться роскошно и кушать
Сладко да жирно. Когда же мирским наслаждениям
священник
Слишком привержен, какие уж там песнопенья, моленья?
Пастырь хороший всегда — ежедневно и даже всечасно
Господу ревностно служит, в добре совершенствуясь, в
пользу
Церкви святой. Он достойным примером умеет наставить
Паству на путь всеспасительный к светлым вратам
благодати.

Я капюшонников тоже ведь знаю: гнутят и бормочут,
Лишь бы глаза отвести, и тянутся вечно к богатым,
Льстить превосходно умеют и шлятся в гости все время.
Стоит позвать одного, придет и второй, а назавтра —
Двое-трое еще. А тот, кто в обители лучший
Мастер чесать языком, тот в ордене больше успеет:
Станет начетчиком, библиотекарем, даже приором.
А остальные — в тени. Равенства даже и в блюдах
Не соблюдается, ибо одни там обязаны в хорах

Петь еженощно, читать, обходить погребенья, другие — По привилегии — праздны и все, что получше, — съедают.

Ну, а вся папская рать: легаты, прелаты, аббаты, Пробсты, бегинки, монашки... о них говори — не доскажешь! В общем выходит: «Отдай мне твое, моего не касайся». Право же, и семерых таких чудаков не найдется, Чтобы, согласно уставу их ордена, в святости жили. Так-то сословье духовное в хилость, в упадок приходит!..»

«Дядюшка, странно, — заметил барсук, — покаяние ваше Только чужие грехи обличает, что вам не поможет. Думаю, хватит вам собственных? И почему это, дядя, Столь озабочены вы духовенством? Так, мол, да этак! Каждый свое только бремя влачит, и каждому лично И отвечать полагается, как — соответственно званию — Долг исполнять он старался. Отчета никто не избегнет: Юноша ль, старец, в миру иль за стеной монастырской. Вы же о разных материях распространялись настолько, Что в заблужденье чуть-чуть не ввели и меня.

В совершенстве Вникли вы в то, как мир наш устроен, и в связи явлений. Поп замечательный был бы из вас! Я со всею бы паствой К вам приходил исповедаться, ваше учение слушать, Мудрости вашей набраться, ибо, — что правда, то правда, — Мы в большинстве грубияны, невежды, нуждаемся в знаньях».

Так ко двору королевскому оба они приближались. «Ну-ка, смелее!» — воскликнул тут Рейнеке, духом воспрянув.

Им повстречался Мартын-обезьяна, как раз в это время В Рим направлявшийся на богомолье. Он им поклонился. «Дядюшка милый, мужайтесь!» — сказал он сочувственно лису,

Тут же пустившись в расспросы, хоть все ему было известно. Рейнеке грустно ответил: «Ах, за последнее время Счастьем я, видно, покинут! Снова какие-то воры Тут на меня обвиненья возводят, особенно — ворон С кроликом этим: тот без жены, мол, остался, Этот — без уха. А я-то при чем тут? Но если б я лично Мог с королем объясниться, обоим пришлось бы несладко!

Хуже всего, на беду, что с меня отлучение папы
Так и не снято покуда. Один настоятель соборный
Вправе решить это дело. Король с ним считается очень.
Собственно, Изегрим-волк и в моем отлученье виновен:
В Элькмаре жил он в обители как схимонах, но оттуда
Вскоре сбежал — не вынес чрезмерной он строгости схимы:
Долго поститься и столько читать он, мол, не в состоянии,
В гроб его чуть не загнали, мол, эти посты да молитвы.
В бегстве ему я помог и жалею об этом: клеветает
Он на меня государю всегда и вредит мне, как может.
В Рим бы отправиться мне! Но семья! При таком положении
Боязно их покидать! Ведь Изегрим, где б их ни встретил,
Всячески будет им пакостить. И вообще разве мало
Есть у меня злопыхателей, чтоб затравить моих близких?
Хоть бы с меня отлучение сняли, и то стало б легче:
Снова бы исподволь я при дворе попытал себе счастья».

«Как это кстати! — воскликнул Мартын. — Я сейчас
отправляюсь

Именно в Рим, постараюсь и вам оказаться полезным.
Хитрый маневр проведу я. Конечно, не дам вас в обиду!
Я как писец у епископа смыслю в делах: настоятель
В Рим затребован будет, а там я уж с ним потягаюсь.
Дядюшка, знайте: за дело берясь, я веду его верно.
Я-то добьюсь, чтобы с вас отлучение сняли, и лично
Постановление доставлю вам, в пику всем недругам вашим:
Денежки их и труды — все пущено будет на ветер!
Римские мне ведь известны порядки: я знаю, что делать
Или не делать там... Дядя мой в Риме живет, некий Симоц, —
Личность в почете и в силе, заступник даятелей щедрых.
Некий там есть Плутонайд, есть доктор Грабастай, а также
Носкудаветер, Неуповайтус, — я в дружбе со всеми.
Деньги послал я вперед, — это вес придает вам заранее:
Все они там говорить о судебных формальностях любят,
А на уме только деньги. И как бы там ни было дело
Шатко и криво, оно выправляется доброю мздою.
Выложил денежки — прав. А если их мало, то сразу
Двери захлопнутся... Значит, сидите спокойненько дома,
Дело я ваше беру на себя — и распутаю узел.
Вы ко двору направляйтесь, — к жене моей, фрау Рюкенау,
Там обратитесь, — благоволят к ней король-государь наш
И королева. Она обладает недюжинной сметкой,
Редкая умница и за друзей очень частый ходатай.

Много там нашей родни. Правота не всегда выручает. Вы при жене моей двух сестер ее также найдете, Трех моих деток и собственных родичей ваших немало, Очень охотно готовых служить вам во всякое время. Если же вам в правосудье откажут, увидите вскоре, Что я сделать могу. Если вас притеснят, — сообщите. Все государство: король, все мужчины, все женщины, дети — Все отлученью подвергнутся! Я запрещаю интердиктом Петь им в церквах и читать им все требы: венчанья, крестины И погребенья, и всё! Вы, дядюшка, не унывайте!

Папа совсем уже стар и в дела не вникает, и мало Кто с ним считается там, а фактически всем Ватиканом Вертит теперь кардинал Ненасытус — мужчина в расцвете, Крепкий, горячий, решительный. С дамой одной, мне знакомой,

Он в отношениях интимных. Дама подсунет бумагу — И, как всегда, безотказно добьется всего, что ей нужно. Письмоводитель его Иоганнес Пристрастман — ценитель Старых и новых монет. Друг его близкий — дворецкий, Некий Шпионглаз. Нотариус там Путелькрутель — обоих Прав кандидат, подающий большие надежды. Он станет Через какой-нибудь год в юридических сферах светилом. Двое мне также судей там знакомы: Дукат и Донарий, — Что ни присудят они — отменить приговор не удастся,

Так в этом Риме творятся и плутни и козни, а папа Даже не знает об этом. Все дело в знакомствах и в связях. Связями можно добыть индульгенцию, снять отлученье С целой страны. Положитесь на это, дражайший мой дядя! Знает и сам государь: уничтожить вас я не позволю. Вывести мне ваше дело на чистую воду нетрудно. Должен понять государь, что в совете его высочайшем Самые умные мы: обезьянья порода и лисья! Это, как бы там ни было, вам, несомненно, поможет!..»

«Очень утешен, — сказал ему Рейнеке. — Если бы снова Мне уделеть, я бы вас не забыл...» И они распростились. С Гримбартом только одним, без друзей, без родни, приближался Рейнеке-лис ко двору, что кипел к нему лютою злобой,

Рейнеке-лис, ко двору подходя, окрылен был надеждой,
 Что обвинения против себя отведет. Но, увидев,
 Сколько собралось врагов его, как все держались, как явно
 Жаждали все отомстить ему и покарать его смертью,—
 Духом он пал, усомнился, но с вызывающим видом
 Через ряды всех баронов проследовал с Гримбартом вместе.
 К трону уже подходили они — и шепнул ему Гримбарт:
 «Без малодушия, Рейнеке! Не забывайте, что счастье
 Робкому не достается, а смелый идет на опасность
 И вдохновляется ею: опасность — преддверье спасенья!»
 «Истинно так! — сказал ему Рейнеке.— Как благодарен
 Я за поддержку вам! Если опять окажусь на свободе,
 Вспомню я вас!..» Осмотрелся он тут и увидел, как много
 Родичей было в собрание, но доброжелателей мало!
 Он большинству насолить умудрился — великим и скромным,
 Даже гадюки и выдры считали его за прохвоста.
 Все же достаточно в зале друзей он еще обнаружил.

Рейнеке стал на колени пред троном, и очень степенно
 Так он сказал: «Всеведущий и всемогущий от века
 Бог да хранит вас, король, господин мой, а также
 Вашу супругу, мою госпожу, и обоим дарует
 Мудрость и здравые мысли, дабы разуменьем монаршим
 Правое вам отличать от неправого, ибо все больше
 Фальшь на земле процветает. Многие кажутся с виду
 Вовсе не теми, кем суть. О, если б на лбу отражались
 Все сокровенные мысли так, чтоб король, как по книге,
 Мог их читать,— он узнал бы, как я ему искренне предан!
 Многие, правда, чернят меня. Кто? Негодяи! Им нужно
 Мне навредить, чтоб лишить меня вашего расположения:
 Я, мол, его недостоин! Но мне ль не известно, как любит
 Мой повелитель-король справедливость! О нет, не сведете
 Вы короля со стези правосудья! Так было — так будет!..»

Зашевелились тут все, старались протиснуться ближе,
 Дерзости Рейнеке все изумлялись и жаждали слушать:
 Явны его преступленья,— как же ему отвертеться?

«Ах, негодяй! — воскликнул король.— Но пустой болтовнею
 Ты не спасешься на сей раз! Нет, ложь и обман не удастся
 Выдать за истину снова. Конца своего ты дождался!
 Преданность мне, полагаю, ты доказал: несомненно,

Случая с кроликом, дела с вороной достаточно было б,— Ты же везде и повсюду свершаешь деянья измены! Мастер ты подлых проделок, но скоро они прекратятся. Мера терпенья полна,— я бранить тебя больше не стану!»

Рейнеке думал: «Что будет со мною? О, если б добраться Как-нибудь до дому только! Какое бы выдумать средство? Будь там что будет,— испробую все, но пробиться я должен!...»

«О мой великий король, мой монарх благородный! —
сказал он.—

Если считаете вы, что достоин я смерти, вы, значит, Дело не с той стороны рассмотрели. Соболаговолите Выслушать прежде меня! Я бывал вам советом полезен, С вами в беде оставался, когда отступались иные, Те, что меж вами и мною становятся, мне на погибель, Пользуясь каждой отлучкой моей. Государь благородный, Выслушав слово мое, разобраться вы сможете в деле: Если вина моя признана будет,— смирюсь пред судьбою. Думали вы обо мне очень мало, когда беззаветно, Самоотверженно нес я охрану границ и окраин. Иль полагаете вы, что я при дворе появился б, Хоть бы малейшую зная вину за собой? Безусловно, Я б осмотрительно вас избегал и врагов моих также. Нет, все сокровища мира меня бы сюда не сманили! В собственном замке, на собственных землях я жил на
свободе,

Но за собой ничего я не знал — потому и явился.
Я снаряжался в дозор,— в это время племянник мой,
Гримбарт,

С вестью приходит: опять ко двору я обязан явиться. Я о своем отлученье раздумывал все,— и с Мартыном Вел я об этом большой разговор. Обещал он мне свято Снять это бремя с меня. «Вот буду я в Риме,— сказал он,— Полностью все ваше дело беру на себя я отныне; Вы ко двору отправляйтесь, а мы отлучение снимем...» Видите, так мне Мартын говорил,— он знаток в этом деле: Им потому дорожит досточтимый епископ, наш, Прорвус,— Служит Мартын у него лет пять по судебным вопросам! Я же сюда прихожу — и летят на меня обвинения. Кролик налгал на меня, лицемер, но ведь Рейнеке — вот он: Пусть обвинитель мой выйдет, в глаза меня пусть уличает!

Тех обвинять, кто отсутствует, очень легко, в самом деле,—
Но и противную сторону выслушать надо ведь прежде,
Чем осуждать ее. Эти притворщики — ворон и кролик,
Честью клянусь,— лишь добро от меня постоянно видали.
Позавчера поутру чуть свет повстречался мне кролик,
Мило со мной поздоровался. Я же стоял перед замком
И начинал в это время чтение ранней молитвы.
Он мне сказал, что идет ко двору,— я сердечно ответил:
«Бог вам сопутствуй!» Но кролик стал плакаться: «Как я в
дороге

Проголодался, устал!» — «Вы хотите покушать?» —
спросил я

Очень участливо. «Был бы признателен»,— он отвечает.
Я говорю: «Угощу, с удовольствием». В замок мы входим,—
Подаю я вишни и масло: не ем по средам я мясного.
Тут подбегает к столу мой сыночек, мой младшенький,
смотрит,

Нет ли остатков: детишкам остатки особенно сладки.
Чем-то малыш соблазнился, но кролик по мордочке крошку
Так угостил, что и губки и зубки окрасились кровью.
Это заметил мой старшенький — Рейнгарт, схватил лицемера
Сразу за горло — и тут наигрался в отместку за брата!
Вот что случилось — ни больше ни меньше! Я — сразу к
мальчишкам,

Их наказал, но с трудом от обидчика-гостя обоих
Я оттащил. И уж если досталось ему, помолчал бы:
Большого он заслужил! Если б умысел злой тут имелся,
То молодежь моя живо могла б с ним на месте покопчить.
Вот вам его благодарность! Я оторвал ему ухо!
Чести он был удостоен, и это — отметка на память...

Ворон приходит и плачется мне: он супруги лишился.
Та, мол, к прискорбью великому, до смерти утром объелась:
Рыбу приличных размеров она проглотила с костями.
Как это было, он лучше осведомлен, но утверждает,
Будто жену его я умертвил. А не он ли убийца?
Пусть разрешат мне его допросить, запоем он иначе.
Эти вороны взлетают мгновенно настолько высоко,
Что никаким ведь прыжком допрыгнуть до них невозможно.

Если кто хочет меня обличить в столь преступных деяньях,
Пусть хоть свидетели будут надежные! Так ведь обычно
Судят мужей благородных. Я этого требовать вправе.

Если же верных свидетелей нет, прибегают к иному:
Вот! Я готов к поединку! Пусть время назначат и место.
Пусть он сейчас и представится мне, мой противник
достоинный,
Равный мне происхождением: чья правда — нам шпаги
докажут,
Честь в поединке добывший ее закрепит за собою.
Это — старинный закон, я на большее не претендую!..»

Каждый на месте недвижно застыл, это слыша, настолько
Рейнеке всех изумил своей вызывающей речью.
Но перепуганы были особенно ворон и кролик, —
Оба покинули двор, не отважась промолвить словечка.
Прочь удаляясь, они говорили: «Судиться с ним дальше
Было б для нас безрассудством. Действуй мы всем, чем
угодно,
Мы с ним не сладим. Кто видел, как было дело? Мы были
Наедине с негодяем. Свидетелей нет. И, конечно,
Мы же и будем в ответе. Так пусть за его преступления
Возится с плутом палач и за все воздаст по заслугам!
Право же, ну его к черту! Мы знаем, с кем дело имеем:
Лжец, и хитрец, и подлец, он погубит и целый десяток
Нашего брата. Нет же, дорого нам это стало б!..»

Изегрим с Брауном хмуро следили, как парочка эта
К выходу кралась. Тошно им было. Король в это время
Так говорит: «Кто с жалобой здесь? Подходите. Грозились
Многие этим вчера. Обвиняемый прибыл. Ну, кто же?»

Но не нашлось никого, и Рейнеке нагло заметил:
«Ясно, клеветают, клеветают, а чуть только очная ставка,
Так поскорее домой. Подлецы эти, ворон и кролик,
Рады меня очернить, навредить мне, навлечь наказание.
Все же бог с ними! Они отреклись от своих обвинений,
Стоило мне появиться, одумались — и на попятный.
Я посрамил их! Но видите, как доверяться опасно
Злостным клеветникам, очерняющим тех, кто в отлучке:
Все извращают они и достойнейших всех ненавидят.
Не о себе я пекусь, но других от души я жалею»,

«Слушай, — сказал тут король, — отвечай-ка мне, подлый
предатель,
Что побудило тебя умертвить, и к тому же столь зверски,
Бедного Лямпе, кто был самым верным моим письмоношцем?»

Я ли не делал поблажек тебе, не прощал преступлений? Посох, котомку, сапожки вручил я тебе, снаряжая В Рим и в святое заморье; твоим благодетелем был я, Веря в твое исправленье. И вот мне приходится видеть, Как убиваешь ты Лямпе сначала, как Бэрлин в котомке Голову зайца приносит мне и заявляет публично, Будто он письма доставил, что вы сообща обсуждали И составляли и он был их автором главным. И что же? Мертвую голову в сумке находят — ни больше ни меньше! Вы это сделали, чтоб надо мной наглумиться. Был отдан Бэрлин на растерзание волку — черед за тобою!»

Рейнеке вскрикнул: «Что слышу я? Лямпе убит? И Бэрлин Также погиб? Что мне делать? О, сам бы уж лучше я умер! Ах, вместе с ними лишился теперь я великих сокровищ! С ними отправил я вам драгоценности, коим на свете Равных не сыщется! Кто б заподозрить решился барана В том, что он зайца убьет и сокровища ваши похитит? Истинно: там берегись, где не ждешь ни капкана, ни ямы!..»

В гневе король не дослушал, что Рейнеке плел вдохновенно, Встал — и в покои свои удалился и суть этой речи Мимо ушей пропустил. Казнить собирался он плута. Вот он поднялся к себе и застал там как раз королеву С фрейлиной, фрау Рюкенау, мартышкой. Была обезьяна У государыни и государя в особом фаворе. Именно ей предстояло вступить за Рейнеке-лиса. Умной мартышка была, образованной, красноречивой, Всюду желанной, весьма уважаемой всеми. Заметив, Что раздражен был король, сказала она осторожно: «О государь! Если просьбы мои приходилось вам слушать, Вы никогда не жалели о том и всегда мне прощали, Если ваш гнев я дерзала умерить смягчающим словом. Не откажите же мне в благосклонности вновь. Ведь на сей раз

Дело идет о родне моей. Кто от своих отречется?

Рейнеке, кем бы он ни был, — он родственник мой. И уж если О поведение его говорить откровенно — скажу я: Раз он явился на суд, то, видимо, чист в этом деле. Так и отец его тоже, к которому столь благосклонен Был ваш отец, натерпелся немало от сплетников подлых И обвинителей лживых. Но он посрамлял их обычно: Стоило дело расследовать — и выяснялось коварство

Низких завистников: даже заслуги его толковались
Как преступления! Но при дворе он имел неизменно
Больше почета, чем Изегрим с Брауном ныне. Обоим
Стоило б так же уметь от себя отводить нареканья,
Слишком нередкие. Но справедливость им мало знакома:
Все их советы тому доказательство, весь образ жизни!»

«Но почему,— возразил ей король,— это вас удивляет,
Что возмущаюсь я Рейнеке, вором, который недавно
Зайца убил, свел барана с пути и особенно нагло
Все отрицает, нахально собою кичась, как примерным,
Верным слугою моим? Между тем он открыто и всеми
Без исключения изобличается ведь в оскорбленье
Самых надежных персон, в грабежах и в убийствах
И в нанесенье ущерба и всем нашим подданным верным,
И государству всему. Нет, больше терпеть невозможно!»
Но обезьяна на все это так королю возразила:
«Да, но не всем ведь дано при любых обстоятельствах жизни
Мудро самим поступать и порадовать мудрым советом.
Честь и доверье такому! Однако завистники тотчас
Исподтишка начинают вредить ему. Станет их больше —
Выйдут в открытую. Так ведь и с Рейнеке часто бывало.
Все же вы память о том не сотрете, как мудрым советом
Он выручал вас, когда остальные, как рыбы, молчали.
Помните ль случай недавний — тяжбу змеи с человеком,—
Как в этом деле никто не сумел разобраться, и только
Рейнеке выход нашел и пред всеми был вами похвален».

Память немного напрягши, король отвечает мартышке:
«Дело я помню отлично, но самая суть позабылась,—
Что-то в нем, кажется, очень запутанным все оказалось.
Если вы помните сами, то я бы охотно послушал».
«Раз государю угодно,— сказала мартышка,— извольте:

Ровно два года назад к вам, государь мой, приходит
С жалобой шумной змея. Судившийся с нею крестьянин,
Дважды уже проигравший процесс, не желал подчиняться
Постановленью судебному. Этот крестьянин был тут же.
Стала змея излагать горячо и пространно вам дело:
Через дырявый забор проползать ей случилось однажды,
Но, на беду, она тут же попалась в потайную петлю,—
Петля стянулась мгновенно — змея там лишилась бы жизни,

Если бы, к счастью, не оказался случайный прохожий. В ужасе смертном змея закричала: «Спаси меня, сжался! Я умоляю, спаси!» Человек отвечает: «Согласен,— Освобожу, потому что мне жалко тебя. Но сначала Ты поклянись ничего мне худого не сделать». Страшной Клятвой змея поклялась — и была спасена человеком.

Вот они вместе пошли. Вдруг, чувствуя голод жестокий, Бросилась на человека змея, удушить вознамерясь И проглотить. Но несчастный отпрянул в испуге и в горе: «Это ль заслужено мною? Это ль твоя благодарность? Клятвой страшной не ты ли клялась?!» А змея отвечает: «Вынудил голод меня,— ничего не могу с ним поделать: «Нужно» с запретом не дружно. Выходит, что я не в ответе».

И человек тут взмолился: «Меня пощади, хоть куда Кто-нибудь встретится нам, кто нас беспристрастно рассудит!»
«Что ж,— отвечает змея,— могу потерпеть я немного».

Вот они дальше отправились,— ворона видят над лужей,— Имя ему Теребиклюй, Каркарлер с ним — вороненок. Их подзывает змея: «Подойдите-ка, будьте любезны, И рассудите нас». Ворон, внимательно выслушав дело, Сразу изрек: «Человека сожрать!» Ведь рассчитывал ворон Тоже куском поживиться при этом. Змея ликовала: «Значит, победа за мной — и никто меня впредь не осудит!»
«Нет,— возразил человек,— не совсем проиграл я! Как смеет

Приговорить меня к смерти разбойник? И единолично! Требую дело вторично заслушать, судить по закону! Несколько судей должно быть: четверо, пятеро, десять!»

Снова змея согласилась: «Пойдем!» По дороге встречают Волка с медведем, и все собираются в общую кучку. Тут человеку несчастному стало совсем уже страшно: Быть одному среди пяти подобных молодчиков! Шутка ль? Он окружен был змеею, волком, медведем и парой Воронов. Страху набрался он! Волк и медведь очень скоро На приговоре сошлись: «Змея умертвить человека Полное право имеет: безжалостный голод законов Не признает никаких, а клятва нужде не помеха». Путника ужас объял: он понял — лишит его жизни

Все они жаждут. Змея в это время со злобным шипеньем Кверху взвилась — и ядом как брызнет! Но путник отпрянул. «Это же самоуправство! — он крикнул. — Да кто тебя сделал Жизни моей госпожой?» А змея отвечает: «Ты дважды Слышал решение судей и дважды проигрывал дело». Но человек возразил: «Ведь они грабежом и разбоем Сами живут! Я их не признаю! Пусть король нас рассудит! Что он ни скажет, ему подчинюсь. Если я проиграю, То, не ропща, даже самое страшное, все претерплю я!» Волк и медведь ядовито сказали: «Ну, что же, попробуй! Но ведь решение и там будет в пользу змеи, несомненно». Были уверены все, что и двор их всецело поддержит, И, приведя человека, спокойно предстали пред вами: Эта змея, и волк, и медведь, и два ворона. Впрочем, Волк не один, а сам-три оказался: привел двух сынишек, — Звались они Пустобрухелем и Ненадедем, — оба Больше, чем все, беспокоили путника, нетерпеливо Доли своей дожидаясь: ведь волки прожорливы с детства! Ах, как несносно-невежливо были они перед вами! Выгнать пришлось наконец вам обоих оболтусов грубых. Тут человек и поведал, к милости вашей взывая, Как умертвить его хочет змея, не считаясь с великим Благодеяньем его, вопреки своей собственной клятве. Но отпираться змея и не думала: да, всемогущий Голод ее понуждает к тому, — он не знает законов!

Вы огорчились тогда, государь мой! Казалось вам дело И щекотливым весьма, и весьма юридически трудным. Да, вам казалось жестокостью на смерть обречь человека, Столь добросердного. Но и о голоде неумолимом Тоже подумать пришлось, — и придворный совет вы созвали. Но большинство отказалось, увы, поддержать человека: Каждый мечтал пообедать — и все о змее хлопотали. Тут вы послали гонца за Рейнеке: все остальные Слов не жалели, а дела решить не умели законно. Рейнеке прибыл — прочел протокол. На его усмотренье Вы приговор предоставили: как он решит, так и будет.

Он, поразмыслив, сказал: «Мне обследовать место сначала Необходимо. Когда я змею в этой петле увижу, Так, как застал ее там человек, то найдется решение». Вот у того же забора змею в ту же самую петлю Снова запутали так, как она человеку предстала.

Рейнеке вот что сказал: «В исходном своем положении Стороны вновь очутились, и, значит, никто в этом деле Не проиграл и не выиграл. Мне приговор уже ясен: Если из петли змею вынимать человеку угодно — Пусть вынимает. Не хочет — то пусть и висит она в петле, Сам же он с честью, свободно своим пусть идет
направленьем.

Так как за благодеянье змея отплатила коварством, Вправе теперь человек выбирать. И, мне кажется, в этом — Истинный дух правосудья. Но, может быть, я ошибаюсь...»

Это решение понравилось вам и советникам вашим. Благодарил вас крестьянин, и все восхваляли за мудрость Рейнеке-лиса тогда, в том числе и сама королева. Много о том говорилось, что в схватке военной, пожалуй, Изегрим с Брауном были б на месте: их всюду боятся, Там же, где мясом запахнет, — они себя ждать не заставят. Рост у обоих, и сила, и смелость — что правда, то правда, Но в королевском совете им часто ума не хватает. Оба к тому же и слишком бахвалятся силой, а в поле, Чуть настоящее дело — так дело как раз и хромает. Дома послушаешь их — никого нет на свете храбрее. В битве — охотно в резерве лежат, а уж если потребно Действовать мощным ударом, приходится гнать их, как
прочих.

Волки с медведями губят страну: их ничуть не заботит, Чей загорелся дом, кто несчастные жертвы пожара: Были бы угли погреться! Они никого не жалеют, Лишь бы утробу набить. Яйца съедят они сами, А беднякам — скорлупу и считают, что делятся честно! Рейнеке-лис же, напротив, как вся его лисья порода, Мудр и советом силен. А что сам он порой провинится, То, государь мой, ведь он же не камень. Советника лучше Вам никогда не найти. Я прошу вас простить его снова»,

Тут ей ответил король: «Я подумаю. Тем приговором Был я доволен, действительно, ибо змея поплатилась. Сам же он плут по природе, — не верю в его исправленье! Хоть договор с ним подпишешь, тебя все равно он обманет: Кто так хитро извернется, как он, кому с ним тягаться? Волк, и медведь, и кот, и кролик, и ворон — младенцы Все по сравнению с ним, он наделал им бед и позора:

Этот остался без уха, второй — без глаза, а третий — Жизни лишился... Не знаю, как можете вы за злодея Так предо мной заступаться и так защищать его дело?...»
«О государь! — обезьяна сказала, — осмелюсь напомнить: Род его знатен, велик, — вам придется подумать об этом...»

С места поднялся король, чтоб вернуться к придворным, стоявшим
Тесной толпой, дожидаясь его. Среди них очень много Родичей Рейнеке он увидал: главаря родового
Все собрались выручать. Перечислить их было бы трудно. Видит король этот род их обширный, но видит и многих Недругов лисьих напротив. Казалось, весь двор раздвоился.

«Слушай-ка, Рейнеке, — начал король, — оправдайся, коль можешь,
В подлом своем злодеянье, свершенном с Бэллином вместе, В том, что вы кроткого Лямпе убили и голову жертвы Нагло прислали мне в сумке под видом секретных посланий! Вы это сделали, явно глумясь надо мною! Но Бэллин Жизнью уже расплатился за это, — расплатишься тем же!..»

«Горе мне! — Рейнеке скорбно сказал. — Умереть бы мне лучше!
Вы меня выслушать лишь соизвольте, а там и решайте: Если виновен я — сразу казните. Избавиться, видно, Не суждено мне от горя и бед. Все равно я погибший! Знайте же: Бэллин, предатель, мои все богатства похитил. Да, ни единый из смертных не видел подобных сокровищ! Ах, они стоили жизни бедному Лямпе! Доверил Сказочный клад я обоим, — похитил все ценности Бэллин! Если бы только их вновь обнаружить! Но я опасаясь, Что не найдет их никто, что исчезли они безвозвратно!..»

Тут обезьяна вмешалась: «Отчаянью нет оснований! Если они на земле, то еще остается надежда. Будем ходить и расспрашивать всех — и мирян и духовных — Денно и ночью! Но вы драгоценности нам опишите!»

«Неописуемы! — лис говорит. — И пропали бесследно: Кто их присвоил — припрятал. Какой же удар ожидает Фрау Эрмелину мою! Она не простит мне ошибки. Предупреждала ведь: «Не доверяй им обоим сокровищ!»

А на меня же поклеп возвели — и, быть может, осудят.
Нет, я свою правоту докажу, — я дождусь приговора.
Если я буду оправдан, объеду все царства, все страны —
И постараюсь пропажу найти, хоть ценой своей жизни!»

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ

«О мой король благородный! — сказал краснобай
хитроумный. —
Дайте мне, мой государь, пред моими друзьями поведать
О драгоценностях редких, что вам предназначены были.
Пусть не дошли они к вам, но бывает похвально желанье». —
«Ну, говори, — согласился король, — да смотри покороче!»

«Все миновало — и счастье и честь! — так начал печально
Рейнеке. — Первым среди драгоценных изделий был перстень.
Я его Бэллину дал, поручив передать государю.
Из благородного золота отлит был перстень старинный
И удивительным образом собран. Ах! Как он блистал бы
В личной сокровищнице моего короля-государя!
Тыльную сторону перстня, что самого пальца касалась,
Всю испещрил письменами гравер и залил их эмалью:
Те письма составляли три слова еврейских с особым,
Тайным значением. У нас их никто б не прочел и не понял.
В них только Абрион, мастер из Трира, сумел разобраться.
Это — ученый еврей, что все языки и наречья
От Пуату до степей Люнебургских постиг в совершенстве.
В травах же и в драгоценных камнях он знаток несравненный.

Перстень мой он осмотрел и сказал мне: «Волшебные
свойства
Заключены в нем. Слова гравировки — три имени древних,
Нам принесенные благочестивейшим Сифом из рая,
Где он елей милосердия разыскивал. Кто этот перстень
Носит на пальце — от всяких опасностей в жизни избавлен:
Громы, и молнии, и колдовство перед перстнем бессильны». —
Далее мастер открыл мне, что в книгах он вычитал, будто
Перстень носящий на пальце и в самую лютую стужу
Не замерзает и мирно преклоннейших лет достигает.
Вправлен был камень в тот перстень — яркий, редчайший
карбункул,
Вспыхивал он в темноте и все озарял в окруенье.
Много скрывал он таинственных сил: исцелял от болезней,

Кто прикасался к нему, избавлялся от всяких недугов
И от скорбей, и не властен он был над одной только смертью.
Мастер открыл мне и прочие силы чудесного камня:
Странствовать может повсюду счастливый его обладатель —
И ни воды, ни огня не бояться, ни плена, ни козней
И не потерпит вреда от любых покушений от вражьих.
Стоит ему на карбункул взглянуть натошак перед битвой,
Справится с сотней противников он. Благородный тот камень
Силы лишает все яды и все вредоносные соки.
Он укрощает и ненависть: кто обладателя камня
Вдруг невзлюбил бы, тот вскоре изменит к нему отношение.

Кто перечислит все свойства того чудотворного перстня,
Что, меж сокровищ отцовских найдя, предназначил я сразу
И отослал королю! Я-то сам понимал ведь отлично,
Что недостойн такой драгоценности, что, как я думал,
Ею владеть лишь единственный вправе: кто всех благородней,
Тот, на ком зиждется всякое благополучие наше.
Да, я мечтал охранить его жизнь от печалей и бедствий!

Должен был также Бэлли-баран поднести королеве
Гребень и зеркало, чтобы она обо мне вспоминала.
Я для забавы их как-то извлек из отцовского клада, —
Произведений искусства изящнее не было в мире.
Ах, как жена любовалась на них, как иметь их мечтала!
Так никогда б не прельстили ее все земные богатства,
Мы из-за этого ссорились даже, но я не сдавался.
С самыми лучшими чувствами презентовал я недавно
Зеркало это и гребень своей госпоже-королеве,
Что оказала так много мне благодеяний, так часто
Словом своим благосклонным меня из беды выручала.
Блеск благородства и знатность ее — добродетель венчает,
Род ее древний себя проявляет в словах и в поступках.
Вот кто достоин был гребня и зеркала! Но, к сожалению,
Ей не пришлось их увидеть, — они ведь погибли навеки!

Гребень я вам опишу. Художник избрал для изделия
Кости пантеры — останки того благородного зверя,
Что обитает меж кущами рая и чашей индийской.
Шкура ее многоцветна, пестра, и приятнейший запах
Распространяет она, а поэтому звери обычно
Любят бродить по тропам, по которым проходят пантеры,
Ибо тот запах целебен для каждого зверя, что каждый

Чувствует, что общепризнанно. Значит, из кости пантерьей
Выточен был с удивительным тщанием тот гребень изящный.
Невыразимой его белизне серебро уступало,
Благоуханием превосходил он корицу, гвоздику!
Знайте, что запах пантеры по смерти ее проникает
В кости — и, не выдыхаясь, он им сообщает нетленность.
Всякую хворь изгоняет он, лечит от всякой отравы.

Спинку высокую гребня украсил прекрасный орнамент:
Очень изящные переплетения лоз виноградных —
Золото с алой и синей эмалью. На среднем же поле
Изображен был искусно рассказ о Парисе троянском:
Как он увидел трех женщин божественных возле колодца,
Трех знаменитых соперниц: Палладу, Юнону, Венеру;
Как у них спор из-за яблока шел золотого: считалось
Яблоко общим, но каждая лично владеть им хотела.
Спорили — и сговорились: Парис это яблоко должен
Той присудить из богинь, кто окажется самой прекрасной.

Юноша вдумчиво спорщиц осматривать стал, а Юнона
Так говорит: «Если яблоко мне ты отдашь и признаешь
Самой красивой меня — всех смертных ты будешь богаче».
«Нет, — возразила Паллада, — подумай: коль яблоко это
Мне ты присудишь — ты станешь могущественнейшим из
смертных,

Имя твое упомянут — и всех оно в трепет повергнет».
Слово теперь за Венерою было: «Что — власть? Что —
богатства?

Разве отец твой Приам не владыка троянский? А братья —
Гектор и прочие, мало ль богаты и мало ль им власти?
Не охраняет ли Трою могучее войско? И мало ль
Вы покорили и близких и дальних земель и народов?
Если бы самой прекрасной меня ты признал, если б отдал
Яблоко мне, наслаждался б ты лучшим сокровищем в мире.
Это сокровище — женщина! Всех она краше, мудрее,
Вся — добродетель и вся — благородство. Похвал ей не
хватит!

Яблоко мне присуди — и супругой царя Менелая,
Кладом из кладов, Еленой Прекрасною ты овладеешь».

Отдал он яблоко это Венере как самой красивой,
И помогла ему вскоре Венера похитить гречанку, —
Стала жена Менелая женою троянца Париса.

Изображен был резьбой барельефной весь миф посредине
И окружен был щитками, в которые с редким искусством
Вписано было и все изложение бессмертной легенды...

Слушайте дальше о зеркале. Было оно не стеклянным —
Место стекла занимал в нем берилл чистоты небывалой!
Что бы и где бы ни происходило, днем или ночью, —
Зеркало все отражало! А если какой недостаток
Есть на лице у кого-нибудь, хоть бы в глазу небольшое
Пятнышко, что ли, — взглянуть в это зеркало стоит —
Всякое пятнышко иль бородавка бесследно исчезнет.
Что ж удивляться, коль так я горюю об этой пропаже?
Зеркало вправлено в раму редчайшей древесной породы:
Дерево это — сетим, и прочно, и видом роскошно.
Черви не точат его, и недаром же золота выше
Ценится дерево это. С ним черный эбен лишь поспорит —
Вот почему: из него (при Кромпарте-царе это было)
Мастер-искусник коня смастерил исключительных качеств:
Ровно за час уносил седока этот конь деревянный
На сто и более миль! Я подробностей, правда, не знаю,
Знаю одно, что подобных коней на земле не бывало...

К зеркалу я возвращаюсь. Была его рама овальной, —
Фут — ширина, полтора — высота, вся покрыта резьбой.
Дивной работы картинки! Как водится, было под каждой
Золотом к ней объяснение написано. Эти сюжеты
Вкратце я вам расскажу. О завистливой лошади — первый:
В беге однажды решила она состязаться с оленем,
Но, от него очень скоро отстав, огорчилась ужасно.
Тут же она к пастуху поспешила с таким предложением:
«Счастье свое ты найдешь, но меня ты послушаться должен.
Живо садись на меня — и в тот лес мы с тобою помчимся:
Скрылся там крупный олень, — подумай, какая добыча!
Мясо, и мех, и рога ты продашь за большущие деньги!
Живо! Поскачем!» — «Попробовать можно», — пастух
отвечает,

Сразу садится верхом — и в лес они оба несутся.
Вскоре они замечают оленя — и следом вдогонку
Мчатся за ним во весь дух, но олень оставляет их сзади.
Выбилась лошадь из сил и так говорит человеку:
«Слезь. Я устала. Нужна мне какая-нибудь передышка».
«Нет, — возразил человек, — ты обязана мне подчиняться.

Шпоры мои ты узнаешь! Сама навязала мне скачку,—
Значит, скачи!» Так всадник себе подчинил эту лошадь.
Видите, так и всегда наказуются те, кто готовы
Мучиться сами, чтоб только другой пострадал еще больше.

Слушайте дальше об изображеньях на раме зеркальной:
У одного богача служили осел и собака.
Эта собака, конечно, хозяйской любимицей стала:
С ним за его же столом сидела она и питалась
Рыбой и мясом и даже спала у него на коленях.
Лучшим куском благодетель ее баловал, а собака
Мило виляла хвостом перед ним и усердно лизалась.

Болдевин видел удачу собаки — и в сердце ослином
Горечь все больше кипела: «Подумал бы только хозяин:
Что он так возится с этой ленивой, никчемною тварью!
Та перед ним только скачет и руки и бороду лижет,
Мне же приходится вечно работать, таскаться с мешками.
Пусть он с пятью или с десятком собак попытается сделать
Даже и за год все то, что я успеваю за месяц!
Чем только эту подлизу не кормят! А мне — лишь солома.
Сплю я на голой земле, а когда меня гонят с поклажей
Или верхом на мне едут, еще надо мной же смеются.
Хватит! Я понял, чем надо заслуживать милость хозяев!»

Только подумал он это, хозяин ему повстречался.
Хвост осел тут задрал, вскочил на дыбы — и запрыгал
Перед хозяином он с неистовым визгом и ревом,
Бороду начал лизать ему, мордой к щекке прижиматься
Стал на собачий манер,— набил ему несколько шишек.
В страхе пустился хозяин бежать и кричит: «Он взбесился!
Люди! Убейте осла!» Хватил тут хороших побоев,
Слугами в стойло был загнан осел — и ослом он остался.

Есть и поныне такие в ослиной породе: их мучит
Зависть к чужому успеху, а сами — ничем остаются.
Стоит, однако, им выскочить в крезы, получится то же,
Что со свиньею, хлебающей ложкой бульон из тарелки.
Именно так, и не лучше. Раз ты осел, то таскаться
Должен с мешками, питаться репейником, спать на соломе.
Станешь иначе с ослом обращаться — его не исправишь.
Ну, а дорвется до власти осел — тут пишите пропало:
Было б ослам хорошо,— плевать им на общее благо!

Знайте еще, государь мой (но только бы не был вам в тягость Мой разговор), что на раме зеркальной прекрасно Изображалось резьбой и описано было подробно, Как мой отец и кот Гинце союз меж собой заключили — Вместе искать приключений и свято поклялись друг друга Храбро в беде выручать и делиться любой добычей. Только отправились в путь, навстречу — вблизи от дороги Едут с борзыми охотники. Гинце заметил ехидно: «Добрый совет — нам и в пост мясоед!» Мой старик отвечает: «Может быть, вас удивит, но я сам этих добрых советов Полную сумку припас. Не лучше ль нам помнить о клятве: Стойко держаться друг друга в опасности! Это важнее». Гинце ему отвечает: «Что бы сейчас ни случилось, Средство одно мне известно, — к нему я прибегнуть намерен». Так он сказал и на дерево тут же и прыгнул проворно, Чтобы спастись от собак самому, а товарища бросил. В страхе застыл мой отец, охотники — ближе, а Гинце Сверху мурлычит: «Ну, дядюшка, как там дела? Не пора ли Сумку открыть и в запасе советов найти наилучший?» Тут затрубили охотники в рог, изготовясь к облаве, — Бросился в бегство отец мой, с лаем борзые помчались, — Пóтом от страха отец исходил, и несло его часто: Этим свой вес облегчил он — и спасся от вражьей погони.

Подло, как видите, предал его этот родственник близкий, Коему так он доверился. Дело ведь жизни касалось: Очень уж резвыми были собаки, и, если б не вспомнил Вовремя он о норе незаметной, все кончено было б. В эту нору он юркнул — и врагам потому не достался. В деле с отцом моим Гинце себя показал! Но немало Фруктов, подобных коту. Я таких уважать не способен. Наполовину простил я кота, но ведь что-то осталось! Запечатлел это резчик на раме в картинке и в тексте...

Там же картинка была с характерной проделкою волка. Видно по ней, как умеет он быть за добро благодарным: Как-то нашел на лугу он обглоданный труп лошадиный, С голоду даже на кости набросился жадно, и сразу Острая крупная кость поперек его горла застряла. Был он в испуге большом и действительно мучился очень. Он рассылает гонцов — созывает на помощь хирургов, Но ни один не помог ему лекарь, хоть очень большое Вознаграждение он предлагал. Наконец длинноногий,

В красном берете, явился журавль. Больной умоляет:
«Доктор, спасите меня! Извлеките из горла скорее
Эту проклятую кость,— торговаться я с вами не стану!»

Вот и поверил журавль обещанью,— свой клюв с головою
В пасть пациента засунул и вытащил кость очень ловко.
«Ой, как мне больно! — завыл пациент.— Повредил ты мне
горло!

Так уж на сей раз и быть, но впредь осторожней работай.
Будь кто другой, а не ты, поплатился бы он за небрежность».
«Что вы? — журавль возразил.— Успокойтесь, теперь вы
здоровы.

Честно я свой гонорар заслужил,— оказал я вам помощь».
Волк возмутился: «Видали нахала? Он требует платы
За причиненный мне вред! Ты забыл, что огромную милость
Я же тебе оказал: ведь клюв твой с пустою башкою
В пасти моей находился, я мог бы тебя обезглавить,
Но пощадил! А не ты ль причинил мне страданье, бездельник!
Вознаграждение, собственно, мне бы скорей причиталось»,
Часто мошенники именно так за услуги и платят.

Эти истории вместе с другими, а также виньетки
Тонкой скульптурной резьбы, как и надписи к ним золотые,
Сплошь украшали зеркальную раму. Я слишком ничтожен,
Столь драгоценною вещью владеть недостойн, и думал:
Препроводив эту редкость моей госпоже-королеве,
Благоговенье свое докажу пред четой августейшей.
Как огорчил своих деток я, мальчиков милых, отправив
Зеркало из дому! Любо им было пред ним порезвиться,
Понаблюдать, как болтаются хвостики сзади, смеяться
Мордочкам славным своим и забавные рожицы корчить.
Ах, не предвидел я смерти честного Лямпе, вручая
Только на веру ему, как и Бэллину, эти богатства!
Лицами очень надежными я ведь считал их обоих,—
Лучших друзей, мне казалось, иметь никогда я не буду.
Горе убийце! Я выясню, кто драгоценности спрятал:
Раньше иль позже — преступник бывает всегда обнаружен.
Может быть, даже кой-кто, в кругу тут стоящий, укажет,
Где драгоценности скрыты, как Лямпе убит был несчастный.

Видите ль, государь, ежедневно пред вами проходит
Столько серьезнейших дел,— обо всем вы не можете

помнить,

Но не хранится ли в памяти вашей большая услуга,
Что оказал вот на этом же месте отец мой покойный
Вашему некогда? Ваш тяжело заболел в это время,
Мой сохранил ему жизнь! А вы, государь, говорите,
Будто ни я, ни отец мой заслуг не имели пред вами!
С вашего соизволения осмелюсь напомнить: отец мой
Был при вашем отце-государе в чести и в почете
Как многоопытный медик: умел по урине больного
Определить и болезнь и лечение он, помогая природе.
Глаз ли болит иль другой деликатнейший орган — отлично
Все исцелял он. Все рвотные средства он знал, а к тому же
Был и дантистом: шутя он выдергивал зубы больные.
Не удивительно, если забыли вы это: в ту зиму
Три только года вам было. Слег ваш отец от какой-то
Внутренней боли, да так, что его уж носить приходилось.
Распорядился врачей он созвать отовсюду — и даже
Римских светил медицинских, но все от него отказались,
Тут, наконец, он позвал моего старика, и отец мой
Определил, осмотрев государя, недуг тот опасный.

Очень расстроился он и сказал: «Государь мой!
Как бы охотно расстался я с собственной жизнью, когда бы
Мог этим вашу спасти! Но вашу урину в стакане
Мне посмотреть разрешите». Король указание исполнил,
Жалуясь тут же отцу, что ему с каждым часом все хуже.
Изображалось на зеркале, как ваш отец, словно чудом,
Тут же и был исцелен. Старик мой решительно очень
Вашему так заявил: «Если быть вы хотите здоровым,
Съесть вам придется немедленно волчью печеньку, но только
От роду волку должно быть не меньше семи. Не забудьте:
Жизнь драгоценная ваша в опасности — и не скупитесь!
В вашу мочу выделяется кровь,— поскорее решайтесь!»

Волк, находившийся тут же, от этого не был в восторге,
Но соизволил отец ваш к нему обратиться: «Надеюсь.
В печени вашей вы мне не откажете, сударь, поскольку
Дело касается жизни моей». А волк отвечает:
«Мне и пяти не исполнилось,— печень моя бесполезна!»
«Вздор, болтовня! — возразил мой отец.— Это нам не помеха:
Сам я по печени все и увижу!» С места на кухню
Волк был отправлен, а печень вполне оказалась пригодной.
Тут же и съел ваш отец эту волчью печеньку — и тотчас
Кончились все его боли, тяжелый недуг прекратился,

Щедро отец ваш отца моего наградил, и отныне
Должен был двор величать его доктором — и не иначе.

С правой руки королевской отец мой с тех пор находился,
И королем отличен был (я это доподлинно знаю)
Пряжкой он золотой и бархатным алым беретом,
С правом посить их пред всеми баронами, чтоб воздавали
Все ему высшие почести. С сыном его, к сожалению,
Вовсе не так обращаются и об отцовских заслугах
Тоже не очень-то помнят. А самые жадные плуты,
Что о своей лишь наживе пекутся, — возвышены ныне!
Но отдувается кто же за них? Беднота, как обычно!
Мудрость, законность — в отставке! Вельможами стали лакеи.
Стоит же выскочке власть получить и могущество — лупит
Всех без разбора и думать не хочет, кем был он недавно.
Он об одном только помнит: на каждой игре наживаться!
Много вокруг подлинно знатных найдется подобного сброда.
Просьб и не слушают, если прошение свое подношением
Не подкрепишь. А прикажут наведаться — значит:

«Во-первых,

Нужно добавить, добавить — во-вторых, а уж в третьих —
дополнить».

Все эти жадные волки себя обеспечивать любят
Лучшим кусочком, а чуть для спасения жизни монарха
Им пустяком поступиться предложат, — они в колебанье.
Ведь отказался же волк послужить королю и печенкой!
Что там печенка! Скажу откровенно: умри хоть бы двадцать
Этих волков, чтобы только подольше и в добром здоровье
Жил наш король обожаемый вместе с дражайшей супругой, —
Плакать не стану: червивое семя — паршивое племя!..
То, что в младенчестве вашем случилось, то вами забыто,
Я же так ясно все помню, как будто вчера это было.
Изображен этот случай на раме зеркальной, согласно
Воле отца. Сколько было там золота и самоцветов!
Где мое зеркало? Если б узнать — мне и жизни не жалко!»

«Рейнеке, — молвил король наконец, — ты достаточно много
Здесь разглагольствовал — слушал я, слушал, и в общем —
понятно,

Если и был твой отец столь заметной фигурой и столько
Пользы принес он двору, то ведь этому — давность большая.

Этого сам я не помню, да ни от кого и не слышал,
Но ведь о ваших проделках, напротив, я слышу так часто.
Вечно вы в чем-то замешаны, вечно о вас разговоры.
Может быть, тут и поклепы, и старые сплетни, однако
Рад бы хоть раз я услышать о вас и хорошее тоже...»

«Мой повелитель,—воскликнул тут Рейнеке,—так соизвольте
Мне разрешить объясниться,— я этим задет за живое!
Я ль вам не делал добра? Говорю не в укор вам, конечно,—
Боже меня упаси! Я же сам сознаю, что обязан
Делать для вас, разумеется, все, что я в силах. Надеюсь,
Вы не забыли того эпизода, как с волком однажды
Мы затравили свинью и, как она там ни визжала,
Все же загрызли ее. Тут вы подошли и печально
Нам сообщили, что следует ваша супруга за вами,—
Оба, мол, голодны вы и что, если б из нашей добычи
Выделить хоть бы толику и вам, это б вас поддержало.
Изегрим что-то там вроде «пожалуйста» в бороду буркнул,
Но до чего же невнятно! Я же сказал не колеблясь:
«Мой государь! И на сотни свиней вы имеете право.
Кто из нас должен делить?» И вы указали на волка.
Изегрим, очень довольный, делил, как обычно он делит,
То есть бессовестно: вам оторвал четвертиночку точно,
Вашей супруге — другую, сам ухватил половину,
Стал пожирать ее жадно, а мне уделить соизволил
Уши и рыло, а также пол-легкого. Все остальное
Он приберег для себя. Вы были тому очевидцем.
Мало он тут проявил благородства — вам это известно.
Долю свою вы изволили съесть, но я видел отлично —
Вы не насытились. Изегрим, видеть того не желая,
Сам продолжал себе чавкать, а вам не поднес ни кусочка.
Тут уж вы собственной лапой огрели его по затылку,—
Шкуру содрали с башки, и он с окровавленной плешью,
С шишками бросился прочь, завывая от боли жестокой.
Вы ему крикнули вслед: «Возвратись! Научись хоть
приличью!

Впредь ты со мной по-иному делись, а не то — пожалеешь!
Ну, а теперь убирайся,— еды раздобудь нам. Живее!»
«Мой государь,— я сказал,— если так, то я сбегая с волком,—
Кое-чего раздобуду!» Одобрили вы предложение.
Изегрим плохо держался: кровоточил он все время,
Стонами мне надоел, я его подгонял, и мы вместе
Вскоре поймали теленка — ваше любимое блюдо,

Жирненьким был он — и вы, рассмеявшись, сказали мне
много
Лестных, приветливых слов: со мною, по вашему мнению,
Двор не пропал бы. Теленка вы мне разделить поручили,—
Я же сказал: «Причитается вам, государь, половина,
А королеве — другая. Все то, что внутри этой тушки:
Легкие, сердце и печень,— принадлежит вашим детям.
Ножки возьму я себе,— любитель я ножек телячьих,
Самое вкусное — голову — я оставляю для волка».

Тут вы спросить соизволили: «Где, у кого ты учился
Чисто придворной манере добычу делить? Интересно!»
Я вам ответил: «Учитель мой — рядом: этот вот самый,
С плешью кровавой. Признаться, открыл он глаза мне
сегодня.

В точности я подмечал, как он утром делил поросенка,—
И в совершенстве постиг всю премудрость подобной дележки.
Мне — что бычок, что свинья — поделю безошибочно точно». Волку досталось и сраму тогда и страданий за жадность!
Много таких наберется! Сожрут и плоды урожая
В самых цветущих поместьях, и всех поселян без остатка,—
Всякое благополучье они беспощадно разрушат.
Горе несчастной стране, что вскормила подобных уродов!..

Так, государь мой, не раз я оказывал вам уважение.
Все, что имею теперь, что наживу я в дальнейшем,
Все это вам с королевой охотно я предназначаю:
Мало иль много, но вам, разумеется,— львиная доля.
Вспомните только свинью и теленка, и станет вам ясно,
В ком настоящая преданность, может ли в этом сравниться
Изеграм с Рейнеке. Но, к сожаленью, в чести и в почете
Волк остается как главный лесничий и всех притесняет.
Мало заботясь о ваших доходах, он очень усердно
Приумножает свои. Ну, конечно же, с Брауном вместе
И верховодит он всем. А Рейнеке слушают мало.

Да, государь! Это так! Очернили меня, и податься
Некуда. Надо пройти через это, но вот мое слово:
Кто обвинить меня может, пускай он предъявит улики,
Выставит верных свидетелей и пред судом поручится
Всем достоянием, ухом и жизнью, коль он проиграет;
Тем же и я, со своей стороны, поручусь. По закону
Так установлено — так и должно быть. И самое дело,

Как бы оно ни решилось, должно быть разобрано честно,
В строго законном порядке. Я этого требовать вправе!»

«Так иль иначе,— заметил король,— на пути правосудья
Ставить рогатки я не собираюсь,— мне это противно!
Все ж велико подозренье, что ты соучастник убийства
Честного Лямпе! Я нежно к нему был привязан, и больно
Думать, что нет его. Что пережил я, когда из котомки
Вынули вместо посланий кровавую голову зайца!
Бэллин, коварный попутчик его, был на месте покаран,—
Ты же теперь по закону в суде оправдаться попробуй.
Должен сказать, что я лично все Рейнеке снова прощаю,
Ибо во многих критических случаях был он мне предан.
Если еще обвинитель найдется, мы слушать готовы:
Пусть при свидетелях неопороченных нам он представит
Иск в надлежащем порядке. Рейнеке здесь, он ответит!»

«О государь,— встрепнулся тут Рейнеке,— благодарю вас!
Каждому внемлете вы и над каждым равно распростерли
Благодеянье закона! Позвольте вас свято заверить,
Сколь я скорбел, отпуская Бэллина с Лямпе, как будто
Что-то предчувствовал. Ах, ведь и сам я любил их сердечно!..»

Так, слово за словом ловко придумывал Рейнеке басни.
Все и развесили уши: сокровища так расписал он,
Так он солидно держался,— казалось, все чистая правда.
Даже утешить пытались его,— и король был обманут:
Очень король размечтался об этих вещах драгоценных.
К Рейнеке он обратился: «Ну, ну, успокойтесь и с богом
В путь отправляйтесь. Ищите, сделайте все, что возможно;
Если нужна будет помощь моя, то я к вашим услугам».

«Милости вашей,— сказал ему Рейнеке,— я не забуду;
Ваши слова поднимают мой дух, подают мне надежду.
Кара воров и убийц — верховное ваше призванье.
Дело покуда темно для меня, но должно проясниться:
Я с величайшим усердьем займусь им и денно и ночью
Буду везде разъезжать и толково опрашивать встречных.
Если сокровища я обнаружу, но буду не в силах
Самостоятельно их отобрать, мне придется, конечно,
Помощи вашей просить,— и тогда я с помехами справлюсь.
Если я ценности благополучно доставлю вам, значит —
Будет мой труд наконец награжден и доказана верность».

Слушал все это охотно король и во всем соглашался
С Рейнеке-лисом, который сплел эту ложь так искусно.
Лжи его, впрочем, поверили все — и он снова свободко
Мог отправляться без всякого спроса, куда бы ни вздумал.
Изеграм лишь не сдержался и проскрежетал с раздражением:
«Так, государь?! Вы опять, значит, верите вору, что дважды,
Трижды уже обманул вас? Ну, как же нам диву не даваться?
Что ж, вы не видите: плут обошел вас, всех нас опорочив!
Правды он в жизни не скажет и все только врет беспардонно!
Нет, от меня так легко не уйдет он! Вы убедитесь,
Что он за лживый прохвост! Известны мне три преступления,
Им совершенные, — он не уйдет, хоть бы дракой запахло!
Тут о свидетелях был разговор, но какая в них польза?
Пусть и найдутся и до ночи самой дают показанья,
Проку от них нам не будет: он все повернет, как захочет.
Часто свидетелей выставить трудно, — так что же, преступник
Может и дальше свершать преступления? Да кто же решится
Слово сказать? Он каждому может пришить что угодно!
Сами вы, близкие ваши и все мы на этом нагрелись.
Нет, уж теперь я схвачу его — не улизнет, не спасется.
Я его буду по-свойски судить. Берегись ты, мерзавец!»

ПЕСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ

Изеграм-волк приступил к обвиненью: «Сейчас вы поймете,
Мой государь справедливый, что Рейнеке был негодяем
И негодяем остался! Наплел он тут гнусных историй,
Чтобы меня и мой род обесчестить. Он вечно старался
Мне, а жене еще больше, доставить и сраму и муки.
Как-то подбил он жену переправиться через болото
К очень богатому рыбой пруду, уверяя, что за день
Рыбы она чуть не гору наловит, — ей стоит лишь в воду
Хвост погрузить — и сидеть, дожидаться: к хвосту присосется
Столько, мол, рыбы, что нам вчетвером, всей семьей, не
осилить.

Вброд поначалу, а там уже вплавь они к цели добрались,
К самой плотине, где больше воды, где изрядно глубоко.
Хвост опустить посоветовал Рейнеке здесь. Холодало,
К вечеру лютый мороз наступил, и жене моей бедной
Стало невмочь. А пруд между тем уже льдом затянуло, —
Хвост у нее примерзает, — она шевельнуть им не может.
Ну, и решила жена, что весь хвост ее рыбой обвешен
И потому так тяжел. А Рейнеке, вор этот наглый,

Что он с ней сделал,— мне вымолвить страшно: он взял ее силой!

**Он от меня не уйдет! Преступление оплачено будет
Чьей-нибудь жизнью—его иль моей, но вот здесь же, сегодня!
Он не отделается болтовней! За деянием гнусным
Я его лично накрыл! Проходить мне случилось пригорком,
Слышу отчаянный крик,—призывает на помощь, бедняжка:
Лед приковал ее к месту,—она не могла защищаться,
Я подроссел — и пришлось все увидеть своими глазами!
Просто какое-то чудо, что сердце не лопнуло тут же.
«Рейнеке,—крикнул я,—что же ты делаешь?!» Он
обернулся —**

И убежал себе прочь. А я, в сокрушение сердечном, Вынужден был там возиться в воде ледяной очень долго, Грызть и проламывать лед, жену из беды выручая. Ах, это тоже не гладко сошло: не терпелось Гирмунде, Сильно рвалась изо льда — и четверть хвоста в нем осталось. Жалуясь, громко завывала она, услышали крестьяне, Вышли, заметили нас — и давай созывать всю деревню. В ярости, с вилами и топорами (и даже их бабы С прялками) все на запруду сбежались, шумели, кричали: «Ну-ка, ловите их, бейте, топите!» Горланили скопом. В жизни я страха такого не знал, и Гирмунда мне тоже В этом призналась. Мы ноги едва унесли, а бежали Так, что вся шкура дымилась. Нагнал нас какой-то верзила, На ноги легкий и преотвратительный парень, и долго Нас он преследовал и на бегу донимал своей пикой. Если бы ночь не настала, пришлось бы нам с жизнью проститься.

Бабы их, эти проклятые ведьмы, кричали все время, Будто мы съели овец их. Они б нас в куски растерзали. Густо летели вдогонку нам брань и насмешки, но все же С суши к воде мы успели овернуть и нырнули проворно Оба в камыш, а соваться туда не решались крестьяне, Так как стемнело,— и все по домам разбрелись поневоле. Еле спаслись мы тогда... Государь! Мы имеем: насилие, Смертоубийство, измену,— ведь вот о каких преступлениях Речь тут идет! Государь, покарайте их карой строжайшей!».

Выслушав жалобу волка, ответил король: «В этом деле Суд разберется. Но Рейнеке слово теперь предоставим». Рейнеке вышел, сказав: «Если б именно так обстояло Дело, как волк расписал,— не к моей оно было бы чести

Но упаси меня бог, чтоб это в малейшей хоть мере
Было на правду похоже! Я не отридаю,— волчиху
Рыбу ловить я учил, указал ей дорогу и к пруду
Лично ее провожал. Но она, лишь услышав о рыбе,
Так понеслась, что дорогу, и все наставленья, и меру
Сразу забыла. И если ко льду она там и примерзла,
То потому, что сидела так долго. А стоило раньше
Вытащить хвост, ей хватило бы рыбы и на три обеда.
Жадность к добру не приводит, и кто по натуре привержен
К невоздержанью, к излишествам, тот в результате страдает.
Алчности дух неизменно приносит одни лишь заботы:
Он ненасытен. Ко льду примерзая, могла убедиться
В этом и фрау Гирмунда. Но я благодарности мало
Вижу с ее стороны за мою бескорыстную помощь:
Я и толкал ее всячески, и поднимал, но чрезмерно
Грузной она для меня оказалась. За этим занятием
Изегрим-волк и застал меня. Берегом шел он, увидел,
Остановился и начал кричать и презлобно ругаться.
Я, признаюсь, испугался столь пылкого благословенья.
В ярости дикой меня он не раз, а и дважды, и трижды
Самой вульгарной, грязнейшей, похабнейшей бранью осыпал.
Я про себя и подумал: «Спасайся, покуда не поздно,—
Помни: беглец — не мертвец!» И я рассудил очень здраво,—
В ключья бы он разорвал меня там. Когда из-за кости
Перегрызутся два пса, одному проиграть неизбежно.
Я и решил, что значительно благоразумнее будет
Гнева его и расстройства рассудка в то время избежать.
Злобным он был и остался,— спросите его же супругу.
Что же мне пачкаться с этим вконец изолгавшимся типом?
Ведь, увидав, что жена его к месту примерзнуть успела,
Он разразился потоком безбожных проклятий, ругательств.
То, что крестьяне за ними погнались, им было на пользу:
Кровь их в движенье пришла — и не так они оба замерзли.
Что же еще тут сказать? Довольно дурная манера —
Лгать и свою же супругу собственной ложью порочить!
Спросим ее,— ведь она тут присутствует: будь это правдой,
Вряд ли она и сама поскупилась бы на обвиненья.
Все ж я неделю отсрочки прошу для совета с друзьями,
Как подобает ответить мне на обвинения волка».

Тут и Гирмунда сказала: «Вся ваша жизнь и поступки —
Ложь, надувательство и надругательство. Мы ли не знаем?
Все только плутни, коварство и наглость! Тот, кто вам верит,

Тот уж за это поплатится. Вы же прославленный мастер Хитросплетений словесных. Взять случай со мной у колодца: Два над колодцем висели ведра, и в одно из них — право, Я уж не знаю, зачем, — вы уселись и вниз опустились, Но уж оттуда никак не могли вы подняться обратно. Страшно вы хныкали там. Я утром пришла — удивилась. «Как, говорю, занесло вас в колодец?» А вы мне кричите: «Милая кумушка! Как же вы кстати! Для вас угощение Я приготовил. Садитесь в другое ведро и спускайтесь, Рыбы тут — уйма!» И так я попала в большое несчастье: Я вам поверила. Вы же клялись, что объелись там рыбы Так, что живот разболелся! Дала я себя одурачить: Глупая, влезла в ведро — и вниз как пошло оно сразу! Я в нем спускаюсь, в другом — поднимаетесь вы мне навстречу.

Мне это было так странно, и я в изумленье спросила: «Рейнеке, как это так?» И ответ вы мне дали ехидный: «Вверх и вниз — так в мире ведется, так вышло и с нами. Жизни закон неизменный: этот унизиться должен, Этот — возвыситься, — все соответственно качествам личным».

Тут из ведра вы изволили выскочить — и убежали. Я же, убитая горем, весь день просидела в колодце, — К вечеру только спаслась, но каких натерпелась побоев! Несколько там у колодца крестьян собралось, и случайно Кто-то меня обнаружил. Голодная, в страхе ужасном Я там сидела, дрожа, — на душе моей было прескверно. Слышу я между крестьян разговор: «Погляди-ка, в ведерке Старый наш недруг сидит, овец пожирающий наших!» «Ну-ка, тащи его наверх! — другой говорит. — Постараюсь Встретить его хорошо, — разочтемся мы с ним за ягняток!» Как он там встретил меня — даже вспомнить мне страшно! Сколько ударов на шкуру мою тут посыпалось! В жизни Худшего дня пережить не пришлось. Я едва уцелела!»

Рейнеке так ей ответил: «В последствия вникнете глубже — Станет вам ясно, что эти побои пошли вам на пользу. Собственно, лично я предпочитаю без них обходиться. Дело же так обстояло, что кто-то из нас неизбежно Был бы избит: не могли же мы выбраться одновременно. Это запомнить вам стоит: не будьте такой легковерной С кем бы то ни было. Мир, к сожалению, полон коварства». Волк заявил: «Да к чему в доказательствах лишних копаться!

Кто же мне пакостил больше, чем этот вот злостный
мошенник?

Я вам еще не рассказывал, что он в Саксонии сделал,
Как, на беду и позор, он завлек меня там к обезьянам.
Да, по его наущенью в какую-то влез я пещеру,—
Знал наперед он, какая беда меня там ожидала:
Чуть бы замешкался я — без ушей и без глаз бы остался!
Слов обольстительных он не жалел — уверял, что в пещере
Я с его тетушкой встречу,— имел он в виду обезьяну,
Очень досадовал он, что я спасаю: направил нарочно
Он меня в гнусное логово, что показалось мне адом».

Пред господами придворными Рейнеке волку ответил:
«Изеграм путает что-то,— он несколько тронулся, видно.
Он обезьяну припел? Так пускай уже точно расскажет.
Два с половиною года назад покутить он собрался
В землю саксонскую. С ним в те места я отправился также.
Это вот — правда, все прочее — выдумка. Были в пещере
Не обезьяны,— макаки! Ни за кузин, ни за теток
Я никогда признавать их не стал бы. Мартын-обезьяна,
Фрау Рюкенау-мартышка — мне родичи: дядя и тетя.
Этим родством я горжусь. Он, дядя Мартын мой, законник,
Очень почтенный нотариус. Этих же тварей пещерных
Изеграм в родичи мне навязал издевательства ради.
Общего нет ничего между нами, родства — и подавно:
Все они очень похожи на дьявола из преисподней.
Если же тетушкой я величал ту старуху,— признаюсь,
Знал я, что делал: терять — не терял, но зато угощение
Было роскошное. Впрочем, я ей удавиться желаю!

Вот, господа! Мы однажды, с дороги свернув, обходили
Гору какую-то,— видим, пред нами зияет пещера,
Мрачная, очень глубокая, страшная. Но, как обычно,
Изеграм с голоду недомогал, был не в духе. Да кто же
Видел когда-нибудь волка достаточно сытым, довольным?
Я говорю ему: «В этой пещере найдется, наверно,
Снеди порядочно. Думаю, что обитатели тоже
Очень охотно поделятся с нами всем, чем богаты».
Изеграм так мне ответил: «Я вас, племянничек милый,
Под деревцом подожду: вы искусней во всем и, конечно,
Это знакомство завяжете легче. Предложат покушать,—
Вы известите меня». Рассчитывал выждать бездельник,

Риск на меня возложив: посмотрю, мол, что будет. И все же
Влез я в пещеру и брел очень долго не без содроганья
Длинным, извилистым ходом, казавшимся мне бесконечным.
То, что увидел я, ужасом было, какого вторично
Я б не хотел и за горы червонного золота видеть.
Что за вертеп омерзительных тварей, огромных и малых!
Эта старуха, их маменька,— вот уж воистину дьявол!
Пасть безобразно широкая, длинные страшные зубы,
Длинные ногти на длинных руках и ногах и предлинный
Хвост, прикрепленный к спине. Ничего отвратительней в
жизни

Я не видал! А детеныши — столь же уродливо-гадки,
Черные чудища: то ль привидения, то ль чертенята!
Самка таким меня встретила взглядом, что стало мне жутко.
Ростом была она больше, чем Изегрим,— кой-кто из деток
Не уступал ей почти. Весь выводок мерзкий вповалку
На перепревшей соломе лежал, до ушей в нечистотах.
Ну и воняло в их логове! Так и в самой преисподней
Серой не будет вонять. Говоря вам по совести чистой,
Что-то мне там не понравилось: их чересчур было много,—
Я же один, и какие мне страшные корчили рожи!
С мыслями все же собравшись, одно я попробовал средство:
Я их сердечно приветствовал, наперекор своим чувствам,
Выдал себя за их старого друга, назвал я старуху
Тетушкой, братцами — деток ее, на слова не скупился.
«Дай вам бог счастья,— сказал я,— на долгие, долгие годы!
Все это ваши детишки? Нечего спрашивать даже —
Очаровательны! Так жизнерадостны, так миловидны!
Выглядят, бог мне свидетель, как чистокровные принцы!
Честь и хвала вам за то, что вы столь достойным потомством
Род умножаете наш! Обрадован я чрезвычайно.
Счастлив с такою родней я знакомство свести покороче,
Ибо в тяжелое время без близких особенно трудно».

Так ее превознося, хоть совсем и не это я думал,
Обворожил я старуху,— она отвечала мне тем же:
Назван племянником был, обласкан, как родственник близкий,
Будто бы дура и вправду со мною в родстве состояла.
Хоть величание тетушкой мне помогло, но от страха
Потом я весь обливался. Она же тепло мне сказала:
«Рейнеке, наш драгоценнейший родственник, милости просим!
Как поживаете? Вам на всю жизнь я обязана буду
За посещение. Прошу вас преподавать моим детям

Разные мудрые мысли,— пусть в жизни они преуспеют». Вот что услышал я. Видите, кое-какими словами — Тем, что назвал ее тетушкой, тем, что пожертвовал правдой, Много я выиграл, хоть и мечтал очутиться на воле. Впрочем, она меня не отпускала: «Мой милый племянник, Что ж вы торопитесь? Я угостить вас хотела — останьтесь!» Тут принесла она столько еды! Перечислить подробно Все не могу вам теперь, но я был удивлен чрезвычайно: Где это все достается! Отведал я рыбы, козули, Разнообразной, вкуснейшей, самой изысканной дичи! Как ни наелся я там, но еще получил от хозяйки Дивный, изрядный кусочек оленины свежей в подарок Для передачи семье,— и простился отменно любезно. «Рейнеке, ждем вас почаще!» — сказала она на прощанье. Я обязался, конечно,— и выбраться поторопился. Радости, в сущности, не было там ни глазам и ни носу: Видел я смерть свою там — и удрал, и бежал без оглядки Тем же извилистым ходом до выхода, прямо к деревьям. Изегрим стопами встретил меня,— я спросил о здоровье,— Он мне ответил: «Прескверно, с голоду я подыхаю». Я пожалел его и целиком ему отдал оленин Лакомый окорок, тут же прожорливо съеденный волком. Как он тогда благодарен мне был, а теперь и не помнит! Окорок быстро прикончив, сказал он: «Узнать разрешите: Кто проживает в пещере? Что из себя представляет Это жилье? Как приняли вас?» И чистейшую правду Я ему выложил: самое это гнездо, мол, ужасно, Снеди же лакомой там изобилье, и если он хочет Долю свою получить, пусть идет и войдет посмелее, Но чтобы пуще всего остерегся он правды излишней. Я повторил ему даже: «Хотите добиться успеха — Правду припрячьте подальше. Носящий ее бестолково На языке постоянно терпит повсюду гоненья, Вечно в хвосте, обойден, когда прочих к столу приглашают». Я наставлял его: «Помните: что б ни случилось увидеть, Вы только то говорите, что каждому выслушать лестно,— И отнесутся к вам дружески». Вот что от чистого сердца, Мой государь справедливейший, было мной сказано волку. Изегрим наоборот поступил, жестоко поплатившись: Раз он меня не послушал, так ему, значит, и надо. Космы его уж достаточно седы, но на волос даже Мудрости вы не найдете под ними! Подобным субъектам Чужды тонкие мысли. Народ неотесанный, грубый,

Мудрости ценность, естественно, не в состоянии постигнуть Честно ему я внушал отказаться на сей раз от правды. «Сам я приличия знаю!» — заносчиво он мне ответил И устремился в пещеру, а там получил по заслугам.

Страшную самку увидев, решил он, что это — сам дьявол. Ну, и детеныши тоже! И он, ошарашенный, крикнул: «Ай, что за гнусные звери! На помощь! И все эти твари — Ваши родные щенята? Поистине — чертово семя! Да утопите вы их, чтобы мерзкое это отродье Не расплодилось на свете! Когда б они были моими, Я бы их передушил. Отнести бы их всех на болото Да навязать на камыш этих грязных, вонючих уродов, — Сколько б тогда чертенят на такую приманку поймалось! Да, «обезьяны болотные» — им подходящая кличка!»

Это услышав, мамаша их рассвирепела, конечно: «Дьявол какой вас прислал? Кто звал вас, такого нахала? Что вы пришли грубиянить? Какое вам дело — красивы ль Дети мои, безобразны ль? Тут был перед вашим приходом Рейнеке-лис, многоопытный муж, понимающий больше. Он же заверил меня, что все дети мои миловидны, Благовоспитанны, очень хвалил их манеры, признался В том, что родней приходится им рад. Это сказано было Очень торжественно час лишь назад вот на этом же месте. Пусть мои дети не нравятся вам, но по совести скажем: Вас ведь никто и не звал! Вот, Изегрим, так вы и знайте!»

Он же съестного потребовал сразу, сказав очень грубо: «Ну-ка, тащите сюда, а не то я искать помогу вам! Хватит с меня разговоров!» Собрался он было обшарить Сам все запасы ее, но ему это выпало боком: Та на него как набросилась — стала кусать и царапать, — Шкуру на нем изодрала своими зубами, когтями. Так же свирепо, как мать, кусались, царапались дети. Волк с окровавленной мордой взвыл, заревел и пустился, Не защищаясь нисколько, бежать во всю прыть из пещеры. Я увидел его страшно истерзанным, шкура — вся в клочьях, Надвое ухо распорото было, а нос окровавлен. Ран получил он от них предостаточно, шкуру — на совесть Там отработали волку! Я к нему сразу с вопросом: «Вы ей, как видно, сказали всю правду?» На что он ответил: «Все, что я думал, все то и сказал ей. Проклятая ведьма!

Как изуродован я! Вот здесь бы нам встретиться с нею,—
Дорого мне заплатила бы! Все-таки, Рейнеке, вам

приходилось

Где-нибудь видеть подобных детей, отвратительных, злобных?
Только я это сказал ей,— так и пошло! О пощаде
Нечего было и думать: хлебнул я в том логове горя!»

«Что же, вы спятили? — я говорю ему.— Я ведь другому
Вас наставлял,— вам сказать надлежало иначе:

«Милая тетя, привет вам! Здоровы ли вы и здоровы ль
Ваши примерные детки? Как счастлив я снова увидеть
Старших и младших кузенов!..» Тут Изегрим вдруг

взбеленился:

«Тетушкой мне величать эту ведьму? А выроdkов этих
Братцами? К черту! Такое родство и представить мне жутко.
Тьфу! что за гнусная шайка! Хоть век эту сволочь не видеть!»
Вот он за что пострадал. Государь мой, король, посудите:
Может ли волк утверждать, что я предал его? Пусть он лично
Скажет, не так ли все было, как я изложил в показанье».

Изегрим с полной решимостью так заявил: «Несомненно,
Этого спора словам не решить. Препирательство кончим!
Тот, кто прав, тот и прав, а кто именно прав, будет видно.
Держитесь вы вызывающе, Рейнеке, вызов — ответ мой!
Драться мы будем друг с другом — и это решит нашу тяжбу!
Изобразили чудесно вы, как голодал я жестоко
У обезьяньего логова, как вы меня накормили
Дружески щедро. Еще бы: большущей обглоданной костью!
Мясо же, я полагаю, вы съели заранее сами.
Вы же всегда надо мной глумитесь, как можно большее
Честь задевая мою. Чудовищной, подлою ложью
Вы навлекли на меня подозрение в том, что коварный
Заговор на короля злоумыслил я, что покушался
Даже на жизнь государя. А вы о сокровищах ваших
Что ему там наплели! Да, найти их действительно трудно!
Вы над женой надругались моей,— вы ответите кровью!
Вот обвиненья мои! Знайте: я драться намерен
С вами за старое все и за новое. Вы — повторяю —
Плут, предатель, вор и убийца! Сражаться мы будем
Насмерть и раз навсегда прекратим перепалки и стычки.
Я вам бросаю перчатку — знак вызова на поединок,
Издавна принятый всеми. Ее, как залог, сохраните,—

Вскоре мы встретимся с вами. Сам государь это слышал, слышали наши бароны,— могу я надеяться, значит, что поединок они посетят. Вы, Рейнеке, не отлучайтесь до завершения нашего спора. А дальше — посмотрим».

Рейнеке думал: «Тут пахнет и всем достоянием, и жизнью! Он ведь и больше меня, и сильнее, и уж если на сей раз как-нибудь не извернусь, то от всех моих ловких проделок Проку мне мало. Однако позвольте... Коль здраво подумать — Шансы тут есть у меня: ведь передних когтей он лишился! Если дурак до сих пор не остыл, пусть он будет наказан: Он проиграет игру,— уж я под конец постараюсь!»

Рейнеке к волку затем обратился: «Вы, собственно, сами, Изегрим, лжец и предатель, и все обвинения, кои Мне предъявить вы осмелились,— до очевидности лживы. Драться угодно вам? Что ж, я готов, уклоняться не буду. Сам я об этом мечтал и в ответ вам бросаю перчатку!»

Принял король их залоги, которые твердо вручили Оба они, и сказал: «Поручителей ваших представьте, Что к поединку вы явитесь завтра. Запутано, видно, Дело с обеих сторон,— кто в ваших речах разберется?» Браун-медведь и кот Гинце свое поручительство дали За Изегрима. За Рейнеке — сын обезьяны Мартына, Монеке (лисов кузен) и Гримбарт-барсук поручились...

«Рейнеке, будьте спокойны и благоразумны,— сказала Фрау Рюкенау-мартышка.— Муж мой, ваш дядя, отбывший В Рим по делам, научил меня тайной молитве. Составил Эту молитву ученый аббат Заглотайвас, который К мужу благоволит и ему записал на бумажке Текст непонятный, сказав, что она помогает мужчинам В битве с противником. Утром прочесть натошак ее нужно,— Будешь на весь этот день от опасности всякой избавлен, Будешь вполне застрахован от ран, от страданий, от смерти. Так что утешьтесь, племянник, я вовремя эту молитву Завтра над вами прочту,— это даст вам уверенность, бодрость».

«Я вам сердечно признателен, тетушка! — лис ей ответил.— Этого я не забуду! Но больше всего, я надеюсь, Сила моей правоты мне поможет, и сметка, и ловкость».

С лисом всю ночь проводили друзья, заглушая
Мрачные мысли его оживленной беседой. Всех больше
Фрау Рюкенау забот проявила в нем: приказала
От головы до хвоста покороче остричь его, смазать
Грудь и живот его маслом и салом. И Рейнеке сразу
Сделался кругленьким, гладеньким, легким и скользким.
При этом

Фрау Рюкенау сказала: «Обдумайте тактику вашу.
Слушайтесь прежде всего советов друзей искушенных:
Пейте побольше, но жидкость в себе задержите, а утром,
Выйдя на круг, выпускайте толково ее: свой пушистый
Хвост хорошенько смочив, хлестните противника в морду.
Если б еще по глазам его смазать,— вот было б отлично:
Это затмит его взор и ухудшит его положение,
Что вам и на руку будет. Нужно еще и трусливым
Вам притворяться сначала, пустившись бежать против ветра.
Бросится он догонять вас, поднимете пыль — и забьете
Смесью песка и помета глаза ему, и отскочите
В сторону, и наблюдайте: он станет, глаза протирая,—
Случая не упускайте — едкою жидкостью вашей
Смажьте глаза ему снова, и он совершенно ослепнет,
Соображенья лишится — и будет за вами победа.
Ну, а теперь вы немного поспите, мой милый племянник,—
Мы вас разбудим. Слова той чудесной молитвы над вами
Я прочитаю сейчас — и они укрепят вас». Мартышка
Руку ему возложила на голову и возгласила:
«Онзелоп онвол сузебупо патиде рвопен мавотэ»¹.
«Ну, в добрый час! Вы теперь спасены»,— Рюкенау сказала,
Гримбарт за ней повторил — и они его спать уложили.
Спал он спокойно. А чуть только солнце взошло, как явился
С выдрю в паре барсук будить и приветствовать лиса.
«Доброго утра! Пора приготовиться!» Юный утенок
Был ему выдрой заботливо подап с такими словами:
«Кушайте, братец! Для вас он добыт! Уж пришлось мне
попрыгать
У гюнебротской плотины. Приятного вам аппетита!»

«Очень хороший почин!— ответил ей Рейнеке бодро.—
Как пред соблазном таким устоять? Да зачтется вам богом

¹ Читать надо в обратном порядке, начиная с конца последнего слова,— тогда проявится смысл строки: «Это вам не повредит, а попу, безусловно, полезно».

Ваше внимание ко мне!» С удовольствием съел он утенка. Выпил изрядно и гордо пошел в окружении близких Прямо на круг, на песчаный, назначенный для поединка.

ПЕСНЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

Только увидел король, как появился у круга Рейнеке, гладко остриженный весь и натертый до блеска Маслом и салом, — так со смеху он покатился. «Лис! Это чья же наука? — воскликнул он. — Видно, недаром Рейнеке-Фуксом ты прозван: все вечные хитрости, плутни! Всюду найти ты умеешь лазейку — и выскочить фуксом».

Рейнеке сделал глубокий поклон королю, королеве Сделал особый поклон и вприпрыжку вступил на арену, Где, окруженный родными и присными, волк находился. Все они лису, конечно, желали бесславнейшей смерти. Много пришлось ему выслушать гневных угроз и проклятий. Но ягуар с леопардом, смотрители круга, явились, Чинно святыни внеся, и на этих святынях публично Дали присягу противники, каждый свое подтверждая.

Изегрим-волк присягал очень бурно, с угрозой во взоре: Рейнеке — вор, предатель, убийца, не раз уличенный В самых преступных деяниях, в прелюбодействе, в насилье, Лжив он до мозга костей — и теперь только смерть их рассудит.

Рейнеке клялся в обратном — ни одного преступления Из перечисленных волком он за собой, мол, не знает. Изегрим и под присягою лжет, как всегда, но напрасно: Ложь ни за что он не сделает правдой, — на сей раз подавно!

Тут им сказали смотрители круга: «Пусть каждый поступит, Как надлежит ему. Правда сама обнаружится вскоре». Все от велика до мала покинули круг, где остались Оба противника только. Но лису шепнула мартышка: «Помните, что я сказала, советы мои соблюдайте!» Рейнеке весело ей отвечал: «Наставления ваши Мужества мне придают. Успокойтесь: еще я владею Смелостью, хитростью, что не однажды меня выручали

Из переделок опасней, чем эта, когда приходилось Кое-что приобретать, разумеется, в долг, но бессрочный. Да, рисковали мы жизнью! Так неужель я сегодня С этим злодеем не справлюсь? Его осрамить я намерен Вместе со всем его родом, себя же и близких — прославить. С ним я за всю его ложь разочтусь!..» На кругу они оба Так и остались одни. Все глазами их там пожирали.

Изеграм сразу же рассвирепел и с разинутой пастью, Лапы папругиши, наскакивать стал на противника грозно. Рейнеке, более легкий, успел увернуться от волка, Жидкостью едко-зловонной он хвост окатил свой пушистый И проволок по арене, песку на него набирая.

Изеграм думал, что лис уже в лапах, но плут как ударит Мокрым хвостом по глазам, — тот лишился и зренья и слуха. К этому лис не впервые прибег, и немало животных Всю вредотворность той влаги едчайшей уже испытало. Так он и волчьих детей ослепил, как рассказано раньше, Так и отца их отметить решил. По глазам его смазав, Сразу же в сторону он отскочил и стал против ветра Рыть торопливо песок — и густою песчанною пылью Волку глаза он засыпал. Тут Изеграм нетерпеливо Стал их тереть, протирать, и тем свою боль он усилил. Рейнеке-лис между тем, владея хвостом превосходно, Снова хлестнул им противника — и ослепил совершенно. Плохо тут волку пришлось: перевес ведь использовал мигом Рейнеке хитрый. Увидев, как страшно слезятся от боли Волчьи глаза, — на противника прыгать он бешено начал, Зверски его избивать, и кусать, и когтить, в то же время Не забывая хвостом по глазам его шлепать и шлепать. Волк, обезумев почти, все на месте топтался, и тут-то Рейнеке стал издеваться над ним еще более нагло: «Сударь мой волк! На веку вы своем уплели, извините, Несколько агнцев кротких, а также извоили слопать В общем достаточно всяких невинных зверушек. Надеюсь, Впредь их родня заживет припеваючи. Так иль иначе — Вы их оставите в мире, сподобясь за то благодати. Жертва такая спасет вашу душу, особенно если Вы терпеливо дождетесь конца. Все равно ведь на сей раз Вам от меня не уйти, — уж разве что просьбе смиренной Внял бы я и пощадил вас — и жизнь даровал вам, быть может».

Рейнеке все это выпалил быстро — и волка за горло крепко схватил он в расчете закончить на том поединок. Изегрим, бывший намного сильнее, рванулся могуче раз и другой раз — и вырвался было, но Рейнеке вгрызся в морду его, и жестоко поранил, и глаз ему вырвал. Кровь так и хлынула, с волчьего носа стекая на землю. Рейнеке крикнул: «Того и хотел я! Какая удача!» В смертном отчаянье волк, окровавленный, глаза лишенный, в бешенство впал и, забыв о раненьях, о боли ужасной, прыгнул на лиса — свалил его наземь, прижал его крепко. Тщетно бы лис призывал свое хитроумье на помощь. Лисью переднюю лапу, ему заменявшую руку, Изегрим стиснул зубами, держа ее мертвою хваткой. Рейнеке грустно лежал на земле, — он боялся, что лапы может лишиться вот-вот, и тысячи дум передумал. Волк, задыхаясь от злобы, над ним прохрипел в это время:

«Пробил твой час наконец, негодяй! Так немедля сдавайся, Или тебя я на месте прикончу за все твои плутни! Я уплачу тебе. Ты потрудился, хотя и напрасно: Скреб ты песок, изливал свою жидкость, остриг свою шкуру, Жиром намазался... Горе тебе! Ты мне сделал так много Всякого зла: клеветал на меня, ослепил. Но, мерзавец, Не улизнешь ты теперь! Иль сдавайся, иль будешь растерзан!»

Рейнеке думал: «Дела мои плохи. На что мне решиться? Если не сдамся — я буду растерзан. А если же сдамся, Буду навек опозорен. Да, я заслужил наказание: Слишком дразнил я его, оскорблял его слишком уж грубо!» Волка смягчить попытался он сладко-смирною речью. «Дядюшка, мой дорогой, — он сказал, — я бы тотчас охотно Стал вашим верным вассалом со всем, чем где-либо владею. На богомолье за вас я пошел бы ко гробу господню, В землю святую. Все церкви я там обошел бы и ворох Вам отпущений принес бы: и вашей душе во спасенье Это пошло бы, и папеньке с маменькой вашим покойным Тоже хватило б на вечные веки в их жизни загробной Благом таким наслаждаться. Кому же оно не потребно? Чтить я вас буду, как римского папу; священной клятвой Клясться готов, что отныне и присно я буду всецело В вашей зависимости находиться со всем своим родом,

Клятву за всех приношу я — служить вам во всякое время.
Не обещал бы я этого и королю, а вот вам предлагаю.
Дайте согласие — и быть вам владыкой всего государства.
Все, что поймать мне удастся, то вам приносить обязуюсь:
Рыба ли, курица ль, гусь или утка, — я всей этой снеси
И не попробую прежде, чем вам, и супруге, и деткам
Я не представлю на выбор. К тому же и добрым советом
Вам помогать я берусь, дабы неудач вам не ведать.
Я ведь слышу хитредом, вы силач, — значит, вместе мы

можем

Делать большие дела, но держаться нам нужно друг друга.
Силища ваша да сметка моя, — кто же нас одолеет?
Наша взаимная драка, в сущности, глупость большая.
Я бы на это не шел, если б как-нибудь благопристойно
Мог избежать поединка. Но раз вы мне бросили вызов,
Должен был я согласиться во имя приличья и чести.
Все же признайтесь, что в битве держался я с вами учтиво,
Даже всей силы своей не выказывал ибо я думал:
«Рейнеке, к собственной чести, ты должен быть с дядей
гуманным».

Если б я вас ненавидел, пришлось бы вам хуже гораздо.
Собственно, вы и не так пострадали, а если случайно
Глаз я задел ваш, то это, поверьте, мне искренне больно.
Все же утешен я тем, что известно мне верное средство
Вылечить вас. За него вы мне будете век благодарны.
Если бы глаз и пропал, а в общем вы были б здоровы,
Проще вам было б: ко сну отправляясь, одно бы окошко
Вам закрывать приходилось. Двуоким — двойная работа.
Чтобы верней вас умиловить, всю родню я заставлю
Земно вам кланяться, я прикажу и жене и детишкам
У короля на глазах, перед всем этим знатным собраньем
Слезно просить, умолять вас и вымолить ваше прощенье
И дарованье мне жизни. Тогда я открыто признаю,
Что сочинял небылицы на вас, клеветой позорил
И что всегда вас обманывал. Я обещаю поклясться,
Что ничего я худого не знаю о вас, что отныне
Я вас бесчестить не буду. Навряд ли когда-нибудь сами
И про себя вы мечтали о большем удовлетворенье.
Что вам за смысл убивать меня, вечно потом опасаться
Мести кровавой родных и друзей моих? Если, напротив,
Вы пощадите меня, то покинете с честью арену —
И благородным и мудрым вы будете признаны, ибо
Тот надо всеми возвышен, кто истинно великодушен.

Помните: вряд ли вам снова представится эта возможность. Впрочем, жить, умереть — мне теперь уж совсем безразлично».

«Хитрая лисонька! — волк отвечал ему. — Ах, как ты хочешь Освободиться! Но если бы мир весь из золота даже Был сотворен и его предлагал ты в беде, — я бы все же Не отпустил тебя. Мало ли раз ты мне клялся фальшиво? Лживый пройдоха! С тебя же потом скорлупы мне яичной Не получить. А родня? Да плевать мне на все твоё племя! Ждать от них можно, конечно, всего. Но уж как-нибудь с ними Справлюсь я тоже. Злорадная тварь! Как бы ты издевался Сам надо мной, если б я отпустил тебя, уши развесив! Надо тебя совершенно не знать, чтоб на грош хоть поверить. Ты, говоришь, пощадил меня, гнусный мошенник! Да разве Глаз мой на нитке теперь не болтается? Разве ты шкуру Не разодрал мне местах в двадцати? Или хоть на минутку Ты, негодяй, перевес получив, мне давал передышку? Должен бы быть идиотом я, чтоб за позор и увечья Жалость, гуманность к тебе проявлять! Ты меня и Гирмунду Ввергнул и в горе и в срам! Нет, за это заплатишь ты жизнью!»

Так говорил ему волк. А пройдоха успел в это время Лапу вторую свою промеж бедер противника всунуть — И деликатнейший орган его как схватил, да как начал Дергать, трепать его... Распространяться не буду, но только Изегрим взвыл преотчаянно, пасть свою страшно разинув. Рейнеке лапу и выдернул сразу из пасти разжатой, — И не одной, а обеими мучил он волка-беднягу — Тискал, тянул все безжалостней. Волк до того раскричался, —

Кровью плевать уже начал! От пытки такой прошибало Потом его то и дело, он вымок насквозь и от страха Опорожнился. А лис ликовал: это пахло победой! Волка теперь он терзал и зубами. А тот, угнетенный Мукой и смертной тоской, сам себя уже видел погибшим. Кровь из глаз, из пасти лилась. Наконец он свалился В изнеможении полном. А лис — он за зрелище это Гор золотых не хотел бы! Волка трепал он все так же, Злобно щипал, и душил, и кусал, и когтил он беднягу, И волочил, чтобы каждый видел его унижение,

Изегрим с воем тупым, в пыли и в своих нечистотах
Корчась, катался пред всеми в таком непотребнейшем виде.

Все его близкие, громко вопя, короля умоляли,
Чтоб соизволил он дать приказанье кончать поединок.
«Что же,— король им ответил,— если находите нужным,
Если вы сами желаете этого,— не возражаю».

Отдал король приказанье, чтоб ягуар с леопардом,
Оба зрителя круга, противников остановили.
Линкс и Лупардус пришли на арену — и к Рейнеке-лису
Так обратились: «Довольно! Король изъявляет желанье
Вашу борьбу прекратить и предел положить вашей распре.
Требует он, чтобы был ваш противник ему предоставлен,
С тем чтобы жизнь даровать он мог побежденному, ибо,
Если один из противников мертвым падет, то, конечно,
Горе и той и другой стороне. А ведь вы победитель.
Всем это ясно — и знайте, что лучших мужей одобренье
Вы заслужили, и все они — ваши сторонники ныне».

Рейнеке так им сказал: «Я свою докажу благодарность!
Я королевскую волю исполню и все, что он хочет,
Сделаю с радостью. Я победил! Ничего уж прекрасней
В жизни мне не испытать. Об одном я прошу государя:
Посоветаться хочу я с друзьями». И крикнули хором
Близкие Рейнеке: «Все мы считаем, что надо исполнить
Волю монарха!» И бросились тут к победителю толпы
Родичей: все барсуки и бобры, обезьяны и выдры,
И новоявленных много друзей: горностаи, куницы,
Ласки и белки, и прочие, с ним враждовавшие прежде,
Имени даже его не хотевшие слышать, спешили
Тоже к нему. Даже те, кто его обвиняли обычно,
В родичи тут записались — и жен и детей притащили:
Великовозрастных, средних, и малых, и крошечных самых.
Все перед ним лебезили — и не было лести предела...

Так повелось уж на свете — счастливы только и слышат:
«Быть вам живым и здоровым!» Друзья отовсюду к ним
валят.

А неудачникам что остается? Набраться терпенья!
Так же и тут получилось. Все к победителю льнули,
Каждый хотел перед ним отличиться: играли на флейте,
Дули в тромбоны, лупили в литавры и пели усердно.

Прихвостни Рейнеке-лиса ему говорили: «Гордитесь! Вы и себя самого, и род ваш возвысили ныне! Как огорчились мы, видя, что вас побеждает противник,— Вдруг все так быстро пошло по-иному. Вот это был фортель!»

«Благодарю вас,— ответил им лис,— повезло мне, признаться».

Так они двинулись шумной толпой, впереди — победитель В сопровождение зрителей круга. И вот перед ними Трон королевский,— и Рейнеке пал на колени картинно. Но государь перед цветом баронства сказал ему: «Встаньте! Вы защищали себя в этом деле достойно — и с честью Из положения вышли. Я вас объявляю свободным. Кары, на вас тяготевшие, все отменяю. Об этом Поговорю я на днях на совете баронском, как только Изегрим на ноги станет. На том и закопчим сегодня».

«О государь! Наставленья верховные ваши,— ответил Рейнеке скромно,— всегда благотворны,— вы знаете сами. Сколько я здесь обвинителей встретил! Все лгали в угоду Волку, врагу моему, что меня уничтожить пытался, И не совсем безуспешно. А те все кричали: «Распните!» — С ним заодно клеветца, чтоб меня затравить поскорее, Лишь бы ему угодить. Все видели ясно: мой недруг В большей чести находился у вас. Но никто не подумал, Чем это кончиться может и как еще выплывет правда. Я бы сравнил их с собаками, что перед кухней обычно Целою сворой торчат, авось благодетель их, повар, Вспомнит о них благосклонно и несколько косточек бросит. Братья собачья заметила как-то, что их сотоварищ Мяса вареного целый кусище у повара выкрал, Но оказался не столь расторопным,— и хвост ему все же Повар ошпарил. Успел он, однако, с добычей роскошной В своре своей замешаться. Пришли в умиление собаки: «Видите, повар особенно как-то к нему расположен. Вот ведь каким угостил его завтраком!» Тот им ответил: «Судите глупо. Вы можете спереди мной восхищаться,— Видеть, конечно, приятно вам столь аппетитное мясо. Но полюбуйтесь-ка задом моим,— и, пожалуй, счастливец Не назовете меня». Они посмотрели — и что же? Зад его страшно обварен был, волосы повыпадали, Кожа вспузырилась, сморщилась — и ужаснулись собаки.

Больше никто не стремился на кухню. Покинув собрата, Все разбежались они... Государь! Это притча о жадных. Стоит им в случай попасть — от друзей им не будет отбою. В рот им часами готовы смотреть: ведь во рту у них мясо! Кто не захочет подладиться к ним, тот поплатится многим. Все их должны восхвалять за любой самый скверный поступок,

Их укрепляя в противозаконности. Так поступают Те, кто не думает о результатах. Подобные типы Часто кончают плачевно,— с позором лишаются власти. Больше никто их не терпит, и тут отпадает с их шкуры Волос за волосом, то есть их прежние все подхалимы: Мал и велик отпадают от них,— и теперь они голы. Так своего же собрата покинула свора собачья, Чуть увидала увечье на задней его половине...

О государь, согласитесь: о Рейнеке-лисе не может Быть разговоров подобных. Друзья меня не устыдятся. Милости вашей я так благодарен, и если бы только Знать вашу волю всегда, я бы следовал ей неуклонно».

«Лишние речи,— заметил король,— бесполезны, пожалуй, Я вас внимательно выслушал,— суть вашей мысли ясна мне. Вас, благородный барон, мне видеть угодно, как прежде, В тайном совете. Вменяю в обязанность вам посещение Всех заседаний. Я полностью вам возвращаю отныне Власть и почет и надеюсь на полное вас оправданье. Выправить много вам нужно. Без вас при дворе обходиться Я не могу. Если б ум с добродетелью вы сочетали, Кто бы тогда превзошел вас, кто бы так тонко, так мудро Путь указал нам советом? А жалоб на вас не намерен Даже и слушать я впредь. За меня выступайте с речами, Действуйте всюду, где надо, как канцлер всего государства. Вам и печать моя будет теперь вручена — и отныне Все, что решите, и все, что подпишете, то и свершится...» Так вот, вполне по заслугам, как видите, Рейнеке снова В милость и в силу вошел, и для всех обязательны стали Каждый совет и приказ его, будь то полезно иль вредно.

Лис в благодарностях тут же рассыпался: «Мой повелитель! Чем заслужил я такую высокую честь? Но об этом, Верьте мне, я не забуду, куда я мыслить способен...»

Тут не мешает нам вкратце кой-что рассказать и о волке. Он, побежденный, израненный тяжко, лежал на арене. С ним находились жена и друзья его, Гинце и Браун (Кот и медведь), вся родня, и все чада, и все домочадцы. С плачем они положили его на носилки, обильно Сеном устлав предварительно их, чтоб несчастного волка Меньше знобило, и унесли. Осмотрели раненья,— Их двадцать шесть насчитали. Явилось тут много хирургов,—

Перевязали беднягу и дали целебные капли. Отнялись все его члены. Хирурги особое зелье Втерли в уши ему — и чиханьем передним и задним Он разразился. Родных утешая, сказали хирурги: «Мази, компрессы, купанье,— мы сделаем все, что мы в силах».

Был он врачами уложен в постель, но уснул не надолго,— В темном смятенье проснулся, подавленный: стыд и страданья

Страшно его угнетали, и всхлипывал он безутешно. Преданно, грустно ходила Гирмунда за мужем, все время Думая о столь великой беде. Невзгод предстояло ей много, Жалко ей было себя, и детей, и друзей, и так тяжко Видеть страдания мужа. Нет, он недолго протянет! Он уже явно бесился от боли. Исход был печальный...

Рейнеке всем происшедшим был очень доволен. С друзьями Он оживленно о чем-то болтал, упиваясь их лестью, И в превосходном ушел настроенье. Король благосклонный Дал конвоиров ему и любезно сказал на прощанье: «Жду вас как можно скорей». Тут Рейнеке стал на колени: «Вам благодарность моя, государь мой, моей королеве, Вашим придворным, всем вам, господа! Да хранит вас всевышний,

О государь мой, для славы великой! Я следовать счастлив Предначертаниям вашим. Я благоговею пред вами. Все же сейчас я намерен был — с вашего соизволенья — Дом свой проведать, жену и детей: успокоить их надо».

«Что ж, отправляйтесь,— ответил король,— ни о чем не тревожьтесь».

Так и отправился Рейнеке, больше всех прочих обласкан. Многие в этой породе таким обладают искусством. Если их бороды будут не рыжими,— крашены, значит,

Рейнеке с целою свитой сородичей (сорок их было) С гордостью двор покидал. Их всех провожали с почетом. Лис впереди выступал, как владетельный князь, остальные Вслед ему двигались. Весь он от счастья сиял и свой пышный Хвост распустил небывало: он в милости был королевской! Снова попал он в совет, что, конечно, использовать надо! «Тех, кто мне мил, кто мне друг,— заботами я не оставляю,— Думал он самодовольно.— Да, мудрость дороже сокровищ!»

Так он отправился в путь — в Малепартус, фамильный свой замок,

Так удалялся он, сопровождаемый всеми друзьями. Всем, кто к нему расположен был, всем, кто в тяжелое время Был на его стороне, изъясил он свою благодарность И предложил им услуги свои. Горячо распростившись, Все разошлись кто куда, а он — в родовое поместье. Дома жену он здоровой застал, был восторженно встречен, И на расспросы о том, как он вновь уцелеть исхитрился,— Он рассмеялся: «А вот удалось же! Представь себе только: Милости вновь я достиг высочайшей! Я в тайном совете Вновь состоять приглашен, что и нашему роду послужит К чести и к пользе. Я канцлером даже назначен имперским Во всеуслышанье! Мне вручена и печать государя! Он заявил: «Все, что Рейнеке иль совершит, иль предпишет, То будет правильным и нерушимым. Пусть каждый запомнит!»

С волком я тоже разделался быстро и очень удачно. Все его ябеды кончены: он ослеплен, искалечен. Весь его род опозорен. Клейма моего он не смое! Проку от жизни ему уж не будет. Мы бились друг с другом,—

Я победил его. Думаю, он не оправится больше. Впрочем, какая мне разница? Так иль иначе — отныне Всей его кликой горластой буду ведь я верховодить».

Очень довольной осталась лисица, и духом воспряли Оба его сорванца: их папенька важная личность! Между собой говорили они: «Золотые денечки Нам предстоят: мы в чести заживем и в довольстве и замок Исподволь так укрепим, чтоб не знать ни заботы, ни страха».

Так вот возвысился Рейнеке! Да поспешит обратиться К мудрости каждый, и зла избегает, и чтит добродетель!

Вот вся мораль этой песни, в которой смешал стихотворец
Вымысел с истиной, чтобы вы зло от добра отличали,
Чтобы ценили вы мудрость, чтоб мог покупатель сей книги
Мира исконный порядок по ней изучать ежедневно.
Ибо уж так повелось и, видимо, так и пребудет.
Тем и закончить приходится повесть о Рейнеке-лисе,
О многохлопотной жизни его и деяниях мудрых.
Нам же, господь, ниспошли благодать свою вечную! Amen!

ГЕРМАН И ДОРОТЕЯ

КАЛЛИОПА

СУДЬБА И УЧАСТИЕ

«Я не видал, чтобы рынок и улицы были так пусты.
Будто метлою прошлись по городу нашему, будто
Вымер он... Жителей в нем и полсотни, кажись, не осталось:
Что любопытство творит! Полетели вперед, как шальные,
Чтобы хоть глазом взглянуть на обозы беженцев бедных.
Добрый час до пути, где печальные тянутся фуры,
Но устремилась толпа, задыхаясь от зноя и пыли.
Я же с места не сдвинусь, чтоб видеть злосчастную долю
Честных людей, принужденных тащиться с добром
уцелевшим,

Бросив родные места за Рейном, к нам перебраться,
В мирные наши углы, и по этой цветущей долине
Путь совершать, повинаясь изгибам ее прихотливым.
Ты поступила похвально, жена, что по добросердечью
С сыном послала одежду, а с ней кое-что из съестного
Людам, попавшим в беду. Пособлять — добродетель имущих.
Ишь, как малец покатыл, как славно правит конями!
Знаешь, неплох шарабан! Новехонек, прочен, удобен.
Четверо в нем поместятся да спереди кучер на козлах.
Нынче один он поехал и тут же свернул в переулоч», —
Так, опустясь на скамью у дома, насупротив рынка,
Молвил супруге довольный хозяин «Льва золотого».

И отвечала хозяйка разумно и простосердечно:
«Я расстаюсь, муженек, неохотно с тряпицею каждой.
Мало ль что может случиться — ее и за деньги не сыщешь,
Ежели надобность будет. Сегодня ж с открытой душою
Много я собрала рубашек и старого платья,

Нитки живой, говорят, на тех бедняках не осталось.
Я повиниться должна. Ведь кое-чего не хватает
И у тебя в гардеробе... Хотя бы халата из ситца
В пестрых индийских цветах, на фланелевой теплой

подкладке.

Знаешь ли, он прохутился и стар, да и вышел из моды»,

Но отвечал, усмехаясь, жене добродушный хозяин:
«Все-таки жаль мне халата: хоть старенький был он,

признаться,

Да настоящий, индийский. Такого теперь не достанешь.
Бог с ним, его не носил я. Ведь нынче хотят, чтоб мужчина,
Встав, надевал сюртук, в длиннополый кафтан наряжался,
Ногу сжимал башмаком — не в чести колпаки и пантофли».

«Глянь,— возразила жена,— уже возвращаются люди
С гракта большого. Должно быть, обозы проехали дальше.
Как башмаки у всех запыленны! Как покраснелись
Лица... Бредут, отдуваясь, фулярами пот утирая.
Нет уж, так далеко, да в жару, на зрелище это
Не побегу я глазеть. С меня и рассказов довольно!»

Многозначительно глянув, в ответ отозвался хозяин:
«Ну, не скажи! Погода отменная нынче для жатвы,
Хлеб мы сухим уберем, как сухим недавно убрали
Сено. На небе ясном и тучки нет на примете.
И спозаранку хлеба ветерок овеивает прохладный.
Установилась погода. Пшеница наша доспела.
Завтра снимать урожай мы примемся, с помощью божьей».

Так говорил он; меж тем обыватели шли через рынок,
Всё прибывая в числе, по домам растекаясь неспешно.
Вот и сосед с дочерьми пересек оживленную площадь,
Резвых коней осадив у ворот подновленного дома,
Наискосок от трактира. Купец богатейший в округе,
Ехал он в легкой коляске (ландауской чистой работы).
Людными улицы стали, то был городок населенный.
Много в нем фабрик имелось, ремесла в нем процветали.

Так у ворот сидела чета, благодушно толкуя,
Острым словечком порой забавляясь насчет проходящих.
Тут обратилась к супругу хозяйка достойная, молвив:

«Видишь, пастор идет, а с ним и почтенный аптекарь,
Добрый сосед наш. От них до подробности все разузнаем,
Что им увидеть пришлось и что видеть не радует сердца».

Дружески оба они подошли и чете поклонились,
На деревянную лавку под вывеской самой присели
Пыль с башмаков отряхнуть, обмахнуться платками от зноя.
После приветствий взаимных аптекарь, молчанье нарушив,
С видом достаточно хмурым взглянул на прохожих и начал:
«Люди всегда таковы. Меж ними различья не вижу —
Рады пойти поглазеть, если с ближним беда приключится.
Каждого тянет взглянуть на свирепое пламя пожара
Или потешиться страхом преступника, ждущего казни,
Так вот любой и нынче бежит поглядеть на несчастье
Беженцев бедных, а сам-то и в мыслях того не имеет,
Что испытаньям таким подвергнется тоже, быть может.
Грех столь беспечным быть, но это сродни человеку».

Но возразил благородный и мудрый священнослужитель,
Юноша, близкий к поре возмужанья, города гордость,—
Жизнь он познал глубоко, разглядел ее скрытые нужды
И, просветленный высоким значеньем Святого писанья
(Этим ключом к помышленьям и судьбам существ
человечьих),

Также изрядно знал и лучшие книги мирские,—
Он-то и молвил: «Не слишком суров я к стремленьям
невинным,

Коими добрая мать-природа людей наделила:
Разуму и пониманью порой нелегко подступиться
К сути вещей, до которой доходим нантьем счастливым;
Если бы не любопытство с его притягательной силой,
Разве б открыл человек чудесное соотношение
Разных частей мирозданья? Сначала он к новому рвется,
После — полезного ищет с прилежностью неутомимой
И, наконец, приходит к добру, свой дух возвыкая.
В юности спутник веселый — беспечность — пред ним
заслоплет

Близящуюся опасность, врачует любые недуги,
Ранам несет исцеленье, лишь горе от сердца отляжет.
Ясно, того предпочтешь, кто сумел в дальнейшие годы
Этой веселости духа разумное дать постоянство
И к своему неослабно стремиться в счастье и в бедах,
Горечь утрат возмещая вовек нескудеющим благом».

Пастора мягко прервала, томясь нетерпением, хозяйка: «Что там видали — скажите? Об этом узнать я хотела!»

«Трудно мне будет,— ответил с внушительной миной аптекарь,—

После того, что я видел, вернуться к веселости прежней, Разве кто сможет поведать о разнообразных мытарствах? Мы еще в дол не спустились, как стала видна в отдаленье Пыль над проселком. Чредой от холма до холма бесконечно Фуры тянулись. В пыли ничего различить не могли мы. Только достигнув дороги, впродоль прорезавшей долину,— В гуще возов и людей мятущихся мы очутились. Много еще перед нами прошло горемык бесприютных, Здесь-то мы и узнали, как тяжело и горько изгнание И до чего хорошо сознавать, что жизнь уцелела. Больно было, друзья, смотреть на скорбь всевозможный. В доме его не заметишь, затем что добрый хозяин Все порасставит умело да с толком, чтоб каждая мелочь Сразу была на виду,— все будет на пользу, сгодится,— Нынче, любуйся, все это нагромождено на подводы, Без толку, как приведется, накидано в бегстве поспешном! Шкаф, а на нем решето с шерстяным одеялом в соседстве. Выпер матрац из корыта, а зеркало под простынею. Ах! Как мы видели это лет двадцать назад на пожаре: Страх до того людей лишает ума, что нередко Ценное бросят они, а безделицу из дому тащат. Так же, глядишь, и теперь с неразумным усердием люди Всякую рухлядь везут, лишь коней да волов утруждая: Бревна гнилые да бочки, насесты для кур и кастрюли... Женщины и ребятишки плетутся, под ношей сгибаясь, Тащат узлы, кадушки, набитые хламом ненужным. Да, человеку трудненько с последним добром расставаться. Так, в беспорядке, в смятенье, дорогой знойной и пыльной, Длинный тащился обоз: одни, на заморенных клячах, Ехать шажком норовят, другие коней понукают. Вдруг мы слышали вопли детей и женщин теснимых, Рев и мычанье скота, вперемежку с лаем собачьим, Охи и стоны больных, мольбы стариков, что высоко Поверху всяческой клади мотались на жестких матрацах. Ибо, свернув с колен, телега в обочину ткнулась, Резко скрипя колесом; накренилась вдруг и в канаву Рухнула. В этот же миг людей, закричавших от страху, Всех на дорогу швырнуло, но, к счастью, никто не убится,—

Вслед сундуки повалились, но ближе к подводам упали,
Впрямь показаться могло свидетелям дела такого,
Что горемычных бедняг сундуки и шкафы передавят.
Так-то сломалась подвода и на поле люди лежали,
Но напрямик остальные свой путь продолжали поспешно,
Общим потоком влекомы и лишь о себе помышляя.
Кинулись мы на подмогу — и видим: больные и старцы,
Те, для которых и дома страдания долгие были
Невыносимы, стенамя, лежат на земле распростерты,
На солнцепеке полдневном, в сухой удушливой пыли».

Тронутый речью такой, отвечал сердобольный хозяин:
«Хоть бы их Герман нашел и помог им платьем и пищей.
Я б не хотел их видеть. Мне тяжело быть зрителем горя.
Только прослышав о нем, мы растрогались и, не помедлив,
Малую лепту от наших излишков отправили, чтобы
Помощь подать хоть немногим и этим себя успокоить.
Но для чего воскрешать картины печальные? Разве
Страх иль забота подчас и так не терзают нам душу?
Мне же такая напасть и самого зла ненавистней.
В комнату заднюю лучше пройдем, там, кстати, прохладно,
Солнце там не гостит и жариха сквозь плотные стены
Не проникает нисколько, а матушка полную чарку
Сорокалетнего нам принесет, чтоб забыться могли мы.
Здесь не успеешь и выпить, как мухи обсядут стаканы».
И удалились они и прохладой себя уладили.

Вот принесла им хозяйка вина стародавнего в темной
И засмоленной бутылке на цинковом круглом подносе,
Зеленоватые рюмки, в которых ренвейн золотится.
Чинно уселись втроем они за коричневый, прочный
Отполированный стол, приросший ножками к полу.
Звякнули рюмками тотчас сердечный хозяин и пастор,
Только аптекарь сидел, склонившись в раздумье глубоком.
И обратился к нему хозяин с приветливым словом:

«Ну-ка, сосед, отхлебни. Покуда нас от несчастья
Бог бережет и в своем милосердии не покидает.
Всяк согласится, что с дней приснопамятной кары господней,
Испепелившей наш город, к нам был благосклонен
всевышний;
Нас он берег неустанно, как мы охраняем от порчи
То, что всего драгоценней,— зеницу нашего ока.

И неужели ж он впредь не будет к нам милостив также?
Только в опасностях мы познаем вседержителя силу.
И неужели ж тот город цветущий, который недавно
На пепелище возвел он руками граждан прилежных,
Вновь он сметет, чтобы прахом пошли все наши усилья?»

Бодро заметил на то примерный священнослужитель:
«Веруйте в господа твердо, пребудьте тверды в убежденьях,
Ибо и в счастье они укрепляют наш дух, а в несчастье
Нам облегченье несут, утешая прекрасной надеждой».

И отозвался на это хозяин разумно и веско:
«Как я глядел умиленно на волны могучего Рейна,
Если по сделкам торговым случалось к нему приближаться!
Мне он огромным всегда представлял, мой дух возвышая.
Но не гадал я, не думал, что этот излюбленный берег
Вскорости валом послужит, чтоб сдерживать натиск
французов,

Рвом защитительным станет его величавое русло.
Как ограждает природа, как немцы страну ограждают,
Так и господь оградит нас,— кто в этом дерзнет усомниться?
Всех утомила вражда, и чутется мир недалеко,
Эх, кабы только дождаться счастливой минуты, как в церкви
Колокола и орган в честь праздника с трубами вкупе
В хор сладкозвучный сольются, напеву вторя «Те Deum»; ¹
Рад бы я был, если б Герман в тот день предстал перед вами
У алтаря со своею невестою, пастор любезный,
Чтобы торжественный день, встречаемый всею страною,
Стал мне отраден вдвойне, как собственный праздник
семейный.

Как-то неловко глядеть на взрослого парня, который
Дома всегда расторопен и боек, но робок на людях.
С ними якшаться ему, видать, удовольствия мало,
Даже девичьего круга чуждается он, равнодушный
К танцам изящным, юность влекущим к себе неизменно».

Так рассуждая, он слушал внимательно; вдруг издалека
Топот слышался конский, колеса вдали застучали,
И, грохоча, экипаж подкатил с разбегу к воротам.

¹ «Тебл, господи» (лат.) — начальные слова молитвы.

ТЕРПСИХОРА

ГЕРМАН

Только в раскрытых дверях показался сын благоправный,
Тотчас же пастор в него пронизательным оком взгляделся,
Весь его облик окинул, следя за его поведением,
Как наблюдатель, привыкший читать сокровенное в лицах,
И, озаряясь улыбкой, приветливо юноше молвил:
«Вас подмспили как будто, досель не случалось ни разу
Видеть веселость такую в глазах ваших, в каждом
движенье!

Чем-то вы очень довольны! Должно быть, этим несчастным
Роздали вы подаянье и радостью их умилились».

Скромно на эти слова отвечивал юноша чинный:
«Стою ли я похвалы — не знаю, по мне повелело
Сердце так поступить, как рассказ мой об этом покажет.
Матушка, вы, извините, так долго тряпье мне искали,
Узел с таким опозданьем сготовили мне на дорогу,
Пиво, вино и съестное столь бережно клали в корзины,
Что не успел я далеко отъехать от нашего дома,
Как потекла мне навстречу толпа горожан любопытных —
Жены, ребята. Уж были изгнанники в поле далеко.
Я лошадей подхлестнул и быстро помчался в деревню,
Где беглецы, как слышал я, намерены стать на почевку.
Только свернул я с пути на проселок, как вдруг заприметил
Фуру из крепких жердей, неспешно влекомую парой
Крупных и дюжих волов ипоземной, как видно, породы.
Девушка рядом шагала, привычно и мерно ступая,
Длинным бичом на ходу понукая сильных животных.
То их подгопит вперед, то движеньем сдержит умелым.
Выждав, пока экипаж поравнялся с медлительной фурой,
Девушка молвила мне: «Поверьте, подобного горя,
С коим встречаетесь вы, доселе судьба нам не слала.
Мне подаянье просить еще не привычно, тем боле
Что подают его часто, чтоб нищего только спровадить.
Все ж заставляет нужда говорить. На охапке соломы
Нынче жена богача от бремени тут разрешилась.
Мука была для нее на волах по ухабам тащиться.
Мы потому и отстали, что еле дышит бедняжка,
Новорожденный лежит нагишом у нее в изголовье,
Только немногим помочь ей наши попутчики могут,

Если в ближайшей деревне, где мы ночевать собирались, Нам их удастся найти,— но боюсь, что они уж в дороге. Может быть, лишний кусок холста раздобудете; если Неподалеку живете, тогда помогите несчастной».

Так говорила она, и, бескровная, сисясь подняться, Взор обратила ко мне роженица. И отвечал я: «Добрым сердцам вседержитель воистину часто внушает Мысль о нужде, предстоящей неведомым нашим собратьям: Матушка, будто предвидя такую беду, мне вручила Разного платья, чтоб я оделил им нагих и бездомных». Узел я вмиг распустил и, сверток раскрыв, ей отцовский Подал халат и вдобавок холстины ей дал и рубашек... Женщина, вся просняв, вскричала: «Не верят счастливы, Что на земле чудеса и ныне творятся. Лишь в горе Видишь всевышнего перст, указующий людям дорогу К добрым делам. Через вас помог нам господь, и на вас же Милость прольется его». И ощупывать стала холстину И восхвалять, особливо подкладку из теплой фланели. «Время не терпит,— заметила девушка,— едем в деревню, Где до утра на привале пробудут попутчики наши. Там смастерю для ребенка я всякую всячину за ночь». Снова и снова меня поблагодарив на прощанье, Дюжих стегнула волов, и фура поехала. Я же Наших сдержал лошадей, размышляя, как быть: самому ли Ехать мне в эту деревню и там съестные припасы Между людьми разделить иль сподручнее тут же на месте Девушке все передать, чтоб голодных сама оделила. Но, порешив на втором, я тронул коней и поехал Следом за нею, догнал и сказал торопливо: «Простите, Добрая девушка! Вот я опять. Не одну лишь холстину Мать уложила в коляску, чтоб мог приодеть я нагого, Не позабыла она о съестном и напитках различных. В ящике, что позади,— того и другого немало. Я и надумал: вручу тебе и эти подарки. Так-то я лучше всего свое порученье исполню. Ты их со смыслом раздашь, а я — положившись на случай». Девушка мне отвечала: «От сердца вам обещаю Вправду порадовать ими того, кто нуждается больше». Так мне сказала она. Поспешил я к задку экипажа, Хлеба ковриги извлек, тяжелые вынул колбасы, Фляги с вином и пивом и передал девушке в руки. С радостью дал бы еще, но уже ничего не осталось.

Все приношенья у ног роженицы та уложила
И поспешила в деревню, а я повернул себе в город».

Только Герман замолк, как вмешался в беседу аптекарь
Словоохотливый: «Счастлив, кто в годы смуты, скитаний
И неурядиц живет один-одинешенек в доме.

Тот, в ком жена и малютки в тревоге не ищут защиты.
Мне это кажется счастьем! Да я ни за что б не решился
Нынче отцом называться, дрожать за жену и детишек.
Верите ль: неоднократно подумывал я об отъезде,
Лучшее в путь отбирал — старинные деньги и броши,
Матери милой наследство, — из них ничего я не продал.
Правда, со многим пришлось бы расстаться как с бременем
лишним,

Даже с лекарственной травкой, добытой с такими трудами.
Было б и этого жаль, хоть стоит она и бесценно.
Если останется в доме провизор — уйду я спокойно.
Спас я наличные деньги и бречное тело, так, значит,
Все спасено! Не в пример одинокому легче укрыться».

«С вами, сосед, — возразил убежденно юноша Герман, —
Я не согласен. Мне речи подобные дики и чужды.
Тот не мужчина, кто в счастье и бедах, ниспосланных свыше,
Думает лишь о себе, не стремится ни грусть, ни веселье
С ближним делить и к тому побужденья не чувствует даже.
Именно в наши дни я б охотно на брак согласился, —
Сколько достойных девиц нуждается в мужней опоре,
Сколько мужчин без жены лишено утешенья в несчастье».
Молвил с улыбкой отец: «Вот это мне радостно слышать,
Речью приятной такой ты родителей жаловал редко».

Тут перебила отца добросердная матушка, молвив:
«Правда твоя, сынок, — поступай, как мы поступили,
Ибо нашли мы друг друга не в пору довольства и счастья.
Узами крепкими нас злополучное время связало.
Был понедельник — отлично я помню, ведь накануне
Страшный случился пожар, превративший в пепел наш город
Двадцать годов назад, как раз в воскресенье, как нынче,
Жаркое выдалось время, и город совсем обезводнел,
Шел на гулянье народ, разодетый праздника ради,
Кто потянулся в корчму, кто на поле, кто на плотину.
Где-то в предместье пожар занялся, и пламя вдоль улиц
Вихрем пустилось вперед, самое себя подгоняя..

Житницы, полные хлебом, незадолго снятым, пылали.
Улицы сплошь погорели до самого рынка. От искры
Домик отца занялся, а с ним по соседству и этот.
Самую малость спасли мы; на выгоне я просидела
Всю эту страшную ночь, сторожа сундуки и постели,
Но под конец задремала. Когда ж провозвестница утра,
Ранняя свежесть, меня, до костей проняв, разбудила,
Дым я увидела, гарь да голые стены и печи.
Сердце заняло от боли. Но солнце, обычного краше
И лучезарней, взошло и наполнило бодростью душу.
Я поспешила подняться. Меня потянуло увидеть,
Что от дома осталось и живы ль дыплята, которых
Так я любила. Не смейтесь, ведь разум-то был еще детский!
Тою порой, как я по развалинам тлевшим бродила,
Глядя на пепел и прах — на остатки от дома родного,
Ты в стороне показался, чего-то ища сокрушенно:
Лошадь застряла в конюшне, но только чернели средь щебня
Груды дымящихся бревен; скотины же — как не бывало.
Так, в нерешимости, грустно стояли мы друг против друга —
Не было больше ограды, что наши дворы разделяла.
За руку взял ты меня и сказал неожиданно: «Лизхен,
Как ты попала сюда? Уходи! Обгорят ведь подошвы.
Пепел горяч, как огонь, сапоги — и то прожигает».
Ты меня поднял легко и понес по тропинке, пролегшей
Вдоль по двору. Ворота с полукруглым сводом стояли
Там, как поныне стоят. Это все, что осталось от дома.
Наземь меня ты поставил, целуя, а я застыдилась.
Ты ж обратился ко мне с приветливой, вкрадчивой речью:
«Видишь, в разоре мой дом! Останься! И новый отстроить
Мне помоги! А в ответ я отцу твоему порадею».
Я ничего не смекнула, покуда к батюшке тайно
Мать не послал ты и сговор не кончился радостной свадьбой.
И с благодарностью чистой поныне я вспоминаю
Груды обугленных балок и великолепное утро,
Давшие мне дорогого супруга. Первые годы
Страшной разрухи совпали с младенчеством милого сына.
Вот почему и хвалю широту твоих побуждений,
Сын мой, что в трудные дни о невесте ты помышляешь
И не чураешься брака в годину войны и разора».

Тут вмешался отец и сказал с большим оживлением:
«Мысли такие похвальны, к тому же не вымысел праздный,
Женушка, весь твой рассказ, — он верен от слова до слова.

Только что правда — то правда. Не каждому жребий
назначен
Сызнава все начинать, о безделице всякой заботясь,
Да и не всем надрываться, как нам и другим приходилось.
Благо тому, кто в наследье устроенный дом получает,
Приукрашать лишь его остается такому счастливцу, —
Трудно начало во всем, а в хозяйстве домашнем тем паче.
Уйма вещей нужна человеку тут каждодневно.
Все дорожает — и, значит, готовь деньжонок побольше.
Вот почему на тебя уповаю, мой Герман, что вскоре
В дом отцовский введешь ты невесту с хорошим приданым,
Ибо порядочный парень достоин богатой девицы.
Ведь особенно приятно, когда за женушкой славной
Следом явится в дом и добро в сундуках и корзинах.
Умная мать неспроста запасает для дочки полотна,
Из года в год их готовя из тонкой и прочной кудели.
Крестный, глядишь, серебро столовое приберегает,
И потихоньку отец золотые сыпает в шкатулку
С тем, чтобы девушке также порадовать было возможно
Юношу, ей предпочтенье отдавшего перед другими.
Я-то ведь знаю, как вольно жена себя чувствует в доме,
Если знакомую утварь на кухне и в комнатах видит.
Скатерть своя на столе, одеяло свое на кровати.
Только невесту с достатком я принял бы в дом свой охотно!
Нищую станет супруг презирать и начнет обходиться,
Как со служанкою, с ней, что служанкой пришла с
узелочком,

Люди несправедливы, а время любви скоротечно.
Да, мой сынок, ты б утешил отцовскую старость, когда бы
Ввел в свой родительский дом долгожданную дочку-невесту
Вот из того голубого, стоящего наискось дома.
Ведь богатеи-то хозяин. От лавок и фабрик доходы
Он каждодневно считает. Купец и теперь не в накладе.
Трое детей у него — три дочери. Им по наследству
Все перейдет. У старшей — жених. Второй же иль третьей
Можно еще добиваться, но надобно быть расторопней.
Будь я на месте твоём, я не стал бы раздумывать долго,
Девушку вмиг отхватил бы, как маменьку я умудрился».

Скромно ответствовал Герман, отцовскою речью смущенный:
«Верно, я вам не перечил в желании вашем и думал
Дочку соседа просватать. Давненько мы знаем друг друга,
Сызмала вместе на рынке играли мы с ней у фонтана,

Часто от дерзких мальчишек в ту пору ее защищал я,—
Все это прошлое дело. Постарше девушки стали.
Время проводят в дому, недостойных забав избегая.
Слишком они шепетильны. Ходил я, как старый знакомый,
Время от времени к ним, сообразно с желанием вашим,
Но неприятно мне было в их пышном и чопорном доме.
Там задирали меня, там выслушивать мне приходилось:
Дескать, сюртук длиннополый, сукно неказисто и грубо,
Дескать, причесан нескладно, и волосы дурно завиты.
Тут и взбрело мне на ум нарядиться, подобно тем самым
Купчикам, что в воскресенье насупротив ходят, красуясь,
И полушелком дрянным щеголяют целое лето.
Только я вскоре заметил, что не к чему были старанья,
Горько мне сделалось, гордость моя возмутилась, всего же
Было больней потому, что моим побуждениям добрым
Отклика я не нашел, особенно у Минхен, у младшей.
Ибо, когда напоследок явился я к ним перед пасхой
В новом камзоле, который с тех пор и висит в гардеробе,
Был я не хуже других наряжен и причесан по моде.
Только вошел я, они захихикали. Я не смутился.
За клавикордами Минхен сидела, был тут же родитель.
Слушал он дочери пенье, блаженствуя, тая от счастья.
В песенке этой, однако, я многого просто не понял,
Только и слышал все время «Памина» и следом
«Тамино».

Вставить словцо захотелось и мне. Лишь Минхен замолкла,
Робко спросил я о тексте, об тех певедомых лицах.
Прыснули со смеху все, на вопрос не ответа. Отец же
Молвил: «Должно быть, он знает одних лишь Адама и Еву!»
Хохот общий раздался. Смеялись девушки звонко,
Юноши вторили дружно, отец за бока ухватился.
Выронил шляпу из рук я, горя от стыда, а насмешки
Не унимались кругом, что б ни пели они, ни играли.
И поспешил я домой, досадой томим, оскорбленный,
Запер камзол свой в шкафу, растрепал щегольскую завивку,
Дав себе крепкий зарок — в этот дом ни ногою отныне.
Был я по-своему прав — бессердечны они и надменны.
Ходит молва, что у них я досель прозываюсь «Тамино».

Мать возразила на это: «Не должен бы, Гермап, так долго
Быть на девиц ты в обиде, по сути они еще дети.
Минхен, ей-богу, добра и тебя посейчас не забыла,
Давеча лишь о тебе справлялась, ее и засватай».

Сумрачно сын отвечал: «Не знаю, уж слишком глубоко То оскорбление проникло мне в душу, и я не хотел бы Видеть ее за клавиром и вновь ее песню услышать».

Вспыхнул мгновенно хозяин и голос на сына возвысил: «Мало ты счастья принес мне! Про это не раз толковал я, Видя, как ты отдаешь предпочтение лишь коням да плугу. То, что работник последний у честных людей выполняет, Делаешь ты. Между тем отец твой без сына, который Честь бы ему приписал, вращаясь средь граждан достойных. Мать неизменно меня бесполезной надеждой кормила С дней твоих школьных, когда не хотел ты прилежно учиться

Чтению-письму, как другие, и в классе считался последним. Так-то бывает всегда, если малый лишен самолюбья И полагает излишним расти и умом возвышаться. Если б со мной возились, как я провозился с тобою, Определили бы в школу, держали б учителя в доме,— Верь мне, я был бы почище хозяина «Льва золотого»!»

Сын поднялся и, ни слова не молвив, направился к двери, Бледный, но с виду спокойный, а следом отец раздраженный Бросил ему: «Убирайся, тебя-то я знаю, упрямец! Ну, и ступай себе с богом хозяйничать, чтоб не серчал я. Лишь на носу у себя заруби, что крестьянскую девку В дом ко мне не введешь как жену,— с мужичьем не якшаюсь!

Жил я на свете немало и знаю с людьми обхождение — Я господам угождаю и дамам, и всякий бывает Мною доволен,— уж я подольститься к проезжим умею. Но потому и хочу, чтоб невеста сполна возместила Все, что я сделал для сына, заботы мои и расходы. На клавикордах пусть дочка играет, и пусть в моем доме Знать городская всегда с удовольствием, столь же отменным, Ежевоскресно бывает, как там, у соседа». Дверную Ручку тихонько сын повернул да из комнаты вышел.

ТАЛИЯ ГРАЖДАНЕ

Так от сердитых попреков послушный юноша скрылся. Но продолжал отец разглагольствовать в этом же духе: «Если чего-либо нет в человеке — того и не будет,

Вряд ли дождусь исполнения своих задушевных желаний,
Чтоб не таков, как родитель, был сын мой, а много повыше.
Ибо что случилось бы с домом, что случилось бы с городом, если
Каждый из нас не старался б поддерживать их, обновлять их
И украшать на манер иноземный, по нынешней моде.
Ведь человек не гриб, чтобы где-нибудь вылезть в овраге,
Покрасоваться да сгнить на том же месте, где вырос,
Бренного существованья ничем на земле не отметив.
Глядя на дом, без труда угадаешь, каков здесь хозяин,—
Так же как, в город въезжая, поймешь, кто его опекает.
Там, где обрушились башни и стены, где в каждой канаве
Мусор скопился и мусор на улице каждой навален,
Там, где кирпич отстает и на место его не посадят,
Балки прогнили и дом месяцами ждет не дожидается
Новой подпоры,— там явно блюстители города плохи.
Где чистоту и порядок внедрять не стараются свыше,
Там привыкает легко обыватель к будничной грязи —
Так же, как исподволь нищий к лохмотьям своим
безобразным.

Вот почему я хотел, чтоб теперь же Герман поездил,—
Пусть он своими глазами увидит хоть Страсбург да
Франкфурт
И живописный Мангейм, где царят прямизна и опрятность.
Ибо любой, побывав в городах, просторных и чистых,
Город свой, как он ни мал, не замедлит и сам приукрасить,
Разве не хвалит приезжий ворот починенных наших,
Свежеокрашенной башни, отделанной заново кирпичи?
Разве, к примеру, не славим своей мостовой иль
подземных,

Водообильных каналов, с которыми без опасений
Можем огонь потушить тотчас же, при самом начале?
Новшества эти у нас не с того ль пожарного года?
В ратуше я шестикратно строителем был; благодарность
И похвалы снискал обывателей добросердечных.
Всякое дело начав, до конца доводил я, а также
Планы болтливых людей, что забросить они собирались.
Так, наконец, захватило усердье всех в магистрате,
Захлопотали теперь и уже приступают к постройке
Новой дороги, что нас неразрывно свяжет с проезжей.
Но молодежь, боюсь, такой расторопной не будет,
Ибо одних влечет к щегольству да к праздным забавам,
Ну, а другие сидят по домам, забившись за печки.
Вот и боюсь я, чтоб Герман таким навсегда не остался»,

Тотчас в беседу вмешавшись, разумная мать возразила:
«Знаю, всегда ты горазд принизить нашего сына,—
Вряд ли подобным путем своего ты добьешься. Не можем
Мы приневолить детей по-нашему мыслить и думать,
Мы принимать их должны такими, как бог нам послал их,
С толком, с любовью растить, не глуша природных задатков.
Этот одним одарен, а другой тяготеет к иному.
Каждый призваньем своим дорожит, и по-своему каждый
Счастлив. Я сына родного хулить ни за что не позволю.
Право ж, мой Герман достоин того, что получит в

наследство,

Он и отменный хозяин, и славный работник. Я верю,
Что и в совете сограждан он также не будет последним.
Но ежедневной хулой и попреками ты человека
Бодрости всякой лишаешь, как сделал, к примеру, сегодня»,
Комнату тотчас покинув, она поспешила за сыном,
Чтобы его постараться найти и сочувственным словом
Приободрить хоть немного,— ведь юноша этого стоил.

Только она удалилась, промолвил с усмешкой хозяин:
«Экий чудной народ эти женщины — чистые дети!
Каждой хочется жить по собственной прихоти только,
Да потакай им к тому же, да гладь их еще по головке,
Но справедлива всегда и везде поговорка латинян:
«Кто не стремится вперед — всегда позади!» Это верно...»

Выслушав эти слова, задумчиво молвил аптекарь:
«С вами, сосед, соглашаюсь охотно, я сам постоянно
Рад улучшенью, коль это и ново и дешево стоит.
Но, извините, что пользы, мошны не имея тяжелой,
Пыжиться, лоск наводить на все, что внутри и снаружи?
В средствах стеснен обыватель; и, даже охоту питая
К новшествам, он провести их не в силах,— ведь средств
не хватает,

Ну, а потребностей много, вот в этом-то вся и загвоздка.
Кое-что я бы предпринял, но кто не боится издержек
На переделки, тем паче в такое суровое время?
Мне уж давно представлялся мой дом, одетым по моде:
Блещут мне уж давно в полукруглых оконницах стекла...
Только угнаться ль кому за купцом, который, помимо
Денег наличных, имеет и доступ к отменным товарам.
Гляньте на новый дом, что насупротив, как там чудесно
Белая вязь штукатурки бежит по зеленому полю,

Рамы окон широки, и так ослепительны стекла,
Что затмевают собою все прочие зданья на рынке.
Даром что лучше других считались после пожара
Дом, где «ангел» над входом, и тот, где «лев» на фасаде.
Также в местности нашей мой сад был известен когда-то.
Каждый проезжий, бывало, подолгу стоял у решетки,
Глядя на каменных нищих и ярко раскрашенных гномов.
Если ж кого приглашал я на кофий в грот свой чудесный,—
Правда, теперь этот грот обветшал и запущен изрядно,—
Тот без конца восторгался цветистым блеском ракушек,
Дивно подобранных,— даже знаток затуманенным оком
Часто глядел на кораллов сверканье, свинца переливы.
Также и в зале была восхитительна роспись плафонов,
Где разодетые дамы гуляют в садах с господами,
В тонких перстах поднимая и нюхая томно цветочки.
Кто ж залюбуется этим теперь? И сам я с досады
Редко туда захожу. Ведь нынче иное по вкусу,—
Так рассуждают они,— лишь белые планки да скамьи —
Ни позолот, ни резьбы. Все, видите ль, друг мой, должно
быть

Просто и гладко. В цене иноземное дерево только.
Я-то, конечно, не прочь новинками обзаводиться,
С модою в ногу шагать и частенько менять обстановку,—
Только ведь всякому страшно безделицы даже коснуться —
Кто в состоянье платить мастерам в настоящее время?
Давеча вздумалось мне Михаила-архангела латы,—
Он мой хранитель усердный,— украсить опять позолотой,
А заодно и дракона, что он попирает стопою...
Бурыми так и остались: ценою я был озадачен».

ЭВТЕРПА

МАТЬ И СЫН

Так толковать продолжали мужчины. Тем временем, выйдя
Из дому, мать поспешила сперва за ворота, надеясь
Сына застать на скамейке, где сиживал он на досуге.
Германа там не найдя, заглянула она мимоходом
В двери конюшни,— авось лошадей убирает, которых
Он стригунками купил и под собственным держит
присмотром.

Тут отозвался работник: «Он в сад пошел, не иначе»,

Длинным, двойным двором пройдя, она миновала
Крепко сколоченный хлев и амбары, и тихо вступила
В сад, который далеко до стен городских простирался.
И, углубляясь в него, любовалась растением каждым
Да по пути поправляла высокие колья, на коих
Ветви покоились яблонь и груш, отягченных плодами.
Несколько гусениц также сняла мимоходом с капусты:
Женщина с глазом хозяйским минуты зря не потратит.
Так достигла она и закраины сада, беседки,
Жимолостью обвитой,—только сына там не было видно,
Как ни в одном уголку он досель ей не повстречался.
Полуоткрытой стояла калитка, что из беседки
Сквозь городскую ограду пробил с позволения совета
Предок хозяина в пору, как был он еще бургомистром.
Вот, через высохший ров без труда перебравшись, достигла
Холмика, где виноградник взбирался по склону крутому,
Щедро плоды подставляя лучам полуденного солнца.
Также и здесь, подымаясь, с довольством она примечала
Пышные гроздья, что еле под темной листвою укрывались.
Посередине тянулась в тенистой прохладе аллея.

Мать туда поднялась по ступенькам из дикого камня:
Здесь «мускатель» с «гудетелью» висели кругом, и меж
ними

Рыжий, подернутый синью, особенно крупного сорта.
Их посадили затем, чтоб гостям предлагать на подносе.
Все остальное пространство иная лоза покрывала:
Тут виноград был помельче, для вин предназначенный
тонких.

Так, на пригорок взбираясь, она предвкушала заранее
Близкую осень и день, в который начнут повсеместно
Гроздья собирать и давить, вином наполняя бочонки;
В пору такую ночами повсюду трещат фейерверки,
Радостно тьму озаряя, прекрасную чествуя жатву.
Но беспокойство она ощутила, дважды и трижды
Сына окликнув и только услышав, как там, в отдаленье,
Многоголосое эхо от стен городских долетало..
Было в диковинку ей разыскивать сына: доселе
Не уходил он далеко, на то не спросив позволения
Любящей матери, чтобы напрасно ее не тревожить.
Все же с ним повстречаться надежды она не теряла;
Ибо дверцы внизу и вверху виноградника были
Настежь открыты. И тут перед нею раскинулось поле,
Склоном отлогим с холма спускалось оно на равнину.

Все еще мать продолжала идти по собственным землям,
Радуюсь на урожай, на колосья, что, низко склоняясь,
По полю вширь и вдаль золотыми волнами ходили.
Так, меж хлебов пройдя по тропинке узкой, хозяйка
Грушу большую признала, венчавшую дальний пригорок,
Где за чертой межевою соседей поля начинались.
Кто посадил эту грушу — неведомо. Но отовсюду
В поле виднелась она и манила плодами своими.
В полдень под нею жнецы отдыхать и обедать любили,
И, полулежа в тени, пастухи стерегли свое стадо.
Скамьи были под нею из дикого камня и дерна.
Мать не ошиблась,— там Герман сидел, погруженный в
раздумье.

Голову стиснув руками, казалось, недвижно глядел он
На отдаленные горы, а к матери был он спиною.
К юноше мать подошла и плеча его тихо коснулась,
Он обернулся и поднял глаза, налитые слезами.

«Матушка,— вымолвил Герман, смутясь,— вы меня
изумили».

И торопливо смахнул благородного чувства слезинку.

«Как! Ты плачешь, сыночек? — воскликнула мать,
растерявшись.—

Это мне внове, таким я тебя никогда не знавала.

Что тебе сердце теснит? Что заставило нынче под грушей
Уединенья искать? Отчего на глазах твоих слезы?»

Тотчас собой овладев, отозвался юноша честный:

«Вправду, сердце из камня у тех, кто не чувствует ныне
Жалости к бедным скитальцам, лишенным защиты и крова.
Истинно, тот безрассуден, кто в тяжкую эту годину
Не помышляет о благе отчизны и собственном благе.
То, что сегодня я видел, что слышал, запало мне в душу.
Вот я сюда и забрался и вижу простор беспредельный,
Где, горизонт застилая, раскинулись тучные нивы,
Вижу, как гнется пред нами сверкающий золотом колос,
Как обещают плоды в кладовые до крыш понабиться,—
Только, увы! Недалеко враги! И хоть Рейна стремнины
Нам и защита, но что и воды и горы народу
Этому страшному,— он, словно туча грозная, мчится,
Ибо они заодно молодых и старых сзывают

И устремляются массой несметной вперед. Этим толпам
Смерть нипочем: прибывают и ломают рядами густыми,
Смеем ли мы в эту пору в покое сидеть за стеною
Наших домов, полагая спастись от общего горя?
Милая матушка, если б вы знали, как мне досадно,
Что при наборе и нынче я в рекруты не был зачислен
По настоянию сограждан. Все так: единственный сын я,
Наше хозяйство обширно, и наши занятия полезны,
Только не лучше ли было б стоять мне сейчас на границе,
Чем у себя в доме ожидать цепей и бесчестья?
Да, мне и разум твердит, я и в сердце своем ощущаю
Силу и смелый порыв затем, что готов для отчизны
Жить и пожертвовать жизнью, других ободряя примером.
Право, если б собрать воедино юношей наших
И на границу отправить, они б за себя постояли.
И не посмели б враги попить нашу милую землю
И на глазах у нас расхищать урожай изобильный,
Женщин наших неволить и гнать мужей, как скотину.
Видите, матушка, я поумнел, заглянув себе в душу.
Без промедленья свершу, что кажется мне наилучшим,
Ибо иной тугодум не всегда выбирает удачно.
Знайте же: я домой не вернусь, а прямо отсюда
В город направлюсь и там предложу военным в услуги
Эти вот руки и грудь, чтоб они послужили отчизне.
Пусть убедится отец, присуще ли мне благородство
И не стремлюсь ли к тому, чтоб выше ступенью подняться».

Тут дальновидная мать с укоризною молвила сыну,
Тихие слезы у ней на глаза навернулись невольно:
«Что это в сердце твоём и в тебе, мой сын, изменилось,
С матерью не говоришь, как, бывало, всегда говорил ты —
Прямо, от чистого сердца ей помыслы все открывая;
Если бы кто посторонний подслушал тебя, то, бесспорно,
Он похвалил бы решение твое за порыв благородный,
Будучи сам увлечен возвышенной речью такою.
Я же тебя лишь могу порицать, ибо знаю поближе:
Думаешь ты о другом и от матери сердце скрываешь.
Знаю, тебя привлекают не трубы, и не барабаны,
И не мундир щегольской, чтобы им восхищались девицы,
Ибо твое назначенье, хоть мужеством ты не обижен,
Все же свой дом охранять и мирно возделывать поле.
Вот и ответь мне открыто: зачем ты на это решился?»

«Матушка, здесь вы ошиблись,— отвечивал Герман
спокойно.—

День не приходится на день. Становится юноша мужем,
Часто в тиши он скорей созревает для дела, чем в этой
Дикой и шаткой жизни, что юношей многих сгубила.
Хоть от природы я смирен и тих, но исподволь сердце
Всякое зло и неправду сильней презирать научилось
И разберется во всем, что в мире теперь происходит.
Так же руки и ноги мои в труде укрепились.
Все это чувствую ясно, и в этом я твердо уверен.
Вы укоряли меня не попусту, матушка, ибо
Правды в словах моих половина и столько ж притворства.
Чистосердечно признаюсь: меня из отцовского дома
Вовсе не голос тревоги зовет и не мысли благие —
Родипе стать оплотом, врагу-супостату — грозою.
Это все были слова; говорил их затем, чтоб вернее
Скрыть от зоркости вашей в душе накипевшее чувство.
Лучше оставьте меня: если сердце это напрасным
Чувством полно, то пускай и жизнь понапрасну проходит,
Ибо вполне я уверен, что, личным сколько ни жертвуй,
Только себе повредишь, если к общему все не стремиться».

«Что ж, продолжай, сынок,— прозорливая мать отвечала,—
Все ты мне должен открыть до мельчайшей подробности,
Герман.

Ибо мужчины пылки и видят лишь цель пред собою,
А затрудненья подчас совращают пылких с дороги.
В женщине хитрости больше, она не забудет о средствах,
Хоть бы окольным путем, а желанного все же добьется.
Вот и признайся мне, Герман, о чем ты печалишься нынче,
Что на себя не похож,— от волненья совсем раскраснелся,
И на глаза вот-вот навернутся жаркие слезы».

Горю тогда отдавшись, расплакался юноша добрый.
Плача, упал он на грудь материнскую, молвив от сердца:
«Право, попреки отцовы меня оскорбили до боли,
Повода к ним не давал я и нынче, и в прежние годы.
С детства благоговейно родителей чтил я, ну, кто же
Мог мне казаться мудрей и достойней тех, кем рожден я,
Кто озарял мне заботой младенчества темные годы?
Много мне приходилось терпеть от сверстников грубых,
Что на мое добродушие коварством подчас отвечали,—
Да, получал я частенько от них и щелчки и удары,

Если ж дерзали они над отцом поглумиться, когда он
Шел, погруженный в раздумье, полуднем воскресным из
кирки,

Или высмеивать ленту на шляпе, цветы на халате,
Столь украшавшем его и подаренном только сегодня,
Сразу же грозно сжимались мои кулаки и со злобой
В драку кидался, точно ослепнув, и без разбора
Бил их плеча, и с носами, разбитыми в кровь, убегали,
Плача и воя, они, от моих зуботычин спасаясь.
Так вот я вырос затем, чтоб отец мой родной, не жалея,
Мне расточал оскорбления не меньше обидчиков прежних.
Если в совете, бывало, его непароком взволнуют,
Мне доставалось за все — за тайные козни и споры.
Сами ж о доле моей вы печалились, матушка, часто.
Я ж от души ценил попечение родителей милых,
Что об одном помышляют — умножить для нас достоянье
И, о потомстве заботясь, себя стесняют во многом.
Только, увы, в сбереженьях во имя будущей пользы
Счастье еще не сокрыто. Оно не в том, чтобы груду
К новой груде прибавить, хоть нам и приятен достаток.
Ибо не только отец, но и дети старятся также,
Светлой минуты не видя, печась о дне предстоящем.
Гляньте вокруг и скажите, не правда ль, раскинулись дивно
Наши угодья: внизу виноградник и сад, а подальше
Службы, амбары — во всем домовитость, зажиточность
всюду.

Но погляжу я на дом и увижу под самою крышей
То небольшое оконце каморки моей, и невольно
Мне представляется время, когда по ночам дожидался
Поздней луны или ранних лучей восходящего солнца,
Лишь на часок-другой в глубоком сне забываясь.
Ах, как мне было тогда одиноко; какую пустыней
Веяло в душу от стен, от полей на холмах отдаленных!
Все мне постылым казалось — с тоской я мечтал о супруге».

Речью сочувственной мать отвечала, выслушав сына:
«Верь, не с таким нетерпением и сам ожидаешь невесты,
Той, что ночь обратит в половину лучшую жизни,
Вознаградив с лихвой за дневные труды и заботы,
Как ожидают того и отец твой и мать. Мы ведь сами
С выбором верной подруги тебя торопили частенько,
Только я знала и прежде и чует теперь мое сердце —
Если пора не пришла, если девушки нет на примете

В пору урочную,— значит, все поиски наши напрасны,
Ибо страшиться ты будешь ошибки при выборе друга.
Сын мой, скажу тебе прямо: мне кажется, выбор твой
сделан.

Сердце твое смятенно, потому и чувствительней стало.
Начистоту говори, хоть без слов для меня очевидно:
Суженая твоя и есть изгнанница эта».

«Матушка, вы угадали! — взволнованно Герман
воскликнул.—

Это она! И если сегодня же в дом свой невестой
Я не введу ее, то она затеряется завтра
В вихре войны, в суете переездов с места на место.
Матушка, будет не в радость глядеть мне тогда на достаток,
Изо дня в день растущий, не в радость мне будет и жатва,
Этот устроенный дом и сад мне станут постылы.
Ах, материнская нежность — и та не утешит беднягу.
Ибо любовь разрешает, поверьте мне, всякие узы,
Если скрепляет свои. Ведь не только девушек участь —
Мать и отца покидать и за избранным следовать мужем,
Нет, и юноша также отца и мать позабудет,
Видя, как вместе с любимой уходит и счастье навеки.
Так отпустите ж страдальца, куда его горести гонят!
Высказал батюшка ясно решение свое, и отныне
Стены этого дома мне чужды, если супругу,
Милую сердцу, ввести в свой дом отец запрещает».

Добрая, умная мать возразить поспешила на это:
«Двое мужчин стоят, словно скалы, друг против друга.
В каждом упрямство и гордость, один не уступит другому.
И примиренья слова никто не вымолвит первым!
Сын мой, на слово верь мне, еще не теряю надежды,
Что и отец, если вправду она хороша и достойна,
Бедность ее не осудит и в дом свой возьмет и такую.
Мало ль что вырваться может из уст его в гневе, однако
Он и отходчив; поверь мне, все может еще измениться,
Доброго слова он ждет от тебя, и ждать его вправе:
Он ведь отец! Да к тому же, ты знаешь, в застольной беседе
Многое он говорит сгоряча, не терпя возражений,
Ибо вино воспаляет в нем кровь, возбуждая охоту
Всем прекословить... Он глух к речам посторонних. Напрасно
Спорить с ним в это время. Себя одного он и слышит,

Но свечереет, и все, что успел собутыльникам с пылу
Высказать он, между ним и меж ними потом остается.
Тотчас смягчается он, протрезвев, и тогда вспоминает
Все, чем обидел других, и не прочь покаяться в этом.
Так поспешим же, сынок; быстрота приносит удачу.
Должно застать нам друзей, что сидят еще с ним за
бутылкой,
С жаром беседуя. Пастор теперь особенно нам нужен».

Так закончила мать и, решительно с камня поднявшись,
За руку сына взяла; он за нею последовал. Оба
К дому молча пошли, погруженные в замысел важный.

ПОЛИГИМНИЯ

ГРАЖДАНИН МИРА

Так за бутылкой, как прежде, втроем они и сидели:
Добрый священнослужитель, аптекарь, а с ними хозяин.
Так же беседа у них оживленно текла, и чредою
То одного, то другого предмета их речи касались.
Но добродетельный пастор обоим сказал в назиданье:
«Спорить не буду... Я сам сознаю, человеку пристало
К большему в жизни стремиться, и мы замечаем, что
вправду
Он и стремится к тому, иль, по крайности, нового ищет,
Но далеко не идет, потому что с наклоностью этой
Нам от природы дано и пристрастие к старому тоже —
Ибо привержены мы ко всему, что сизмальства привычно:
Ведь положение любое прекрасно, если разумно.
Многого смертный желает, а нужно для счастья немного.
Жизнь коротка, и предел бытию поставлен судьбою,
Я осуждать не стану того, кто, покоя не зная,
Дерзок и смел, проникает во все закоулки земные,
Пересекает моря, довольный прибылью щедрой,
Что собирает впрок, о себе памятуя, о близких.
Дорог, однако, мне и живущий в тиши простолюдин,
Неторопливой стопой обходящий отцовские земли,
Чтобы возделывать их, сообразно со временем года:
Та же земля под ним, что привык он встречать ежегодно;
Здесь деревцо молодое не сразу потянется к небу
Кущей ветвей, отягченных листвою и цветом роскошным,

Нет, ибо здесь человеку потребно терпенье и чистый,
Невозмутимый разум и смысл спокойный и трезвый;
Ибо лишь горстку семян он вверяет кормилице-пашне,
Разнопородных животных для дома разводит немного,
Лишь приносящее пользу его целиком занимает.
Благо тому, кто нравом таким наделен от природы,
Всех нас он кормит! Блажен городишка безвестного житель,
Мудро свое ремесло сочетавший с трудом землепашца,
Чужд ему тайный страх, что гнетет поселян каждодневно,
И не смущает его и бюргеров поползновение
С теми вровень идти, у кого достатку побольше,
С теми, кто выше, важней,— особенно их жены и дочери...
Благословите ж, сосед, натуру скромную сына,
Девушку, сходную с ним, что себе изберет он в супруги».

Так говорил он, и тут показалась мать на пороге,
За руку сына ввела и, поставив его перед мужем,
Молвила: «Часто, отец, меж собой на досуге болтая,
Мы о веселом дне помышляли, в который однажды
Герман, выбрав невесту, порадует нас и утешит.
Так и этак старались,— ему то одну, то другую
Девушку мы предлагали в родительском нашем усердьи.
Но наконец наступил долгожданный день, и невесту
Небо послало ему, и сердце его полюбило.
Вспомни, мы говорили: пусть сам для себя выбирает!
Ты ведь недавно желал, чтобы он привязался покрепче
К девушке! Вот и настала минута! Он девушку выбрал!
Да! Полюбил он, избрал и решился на все, как мужчина:
Девушка та — чужестранка, с которой он встретился нынче.
Благослови их! С другою к венцу никогда не пойдет он».

Вырвалось тут у сына: «На ней разрешите жениться!
Сердце избрало ее; вам невестку достойную выбрал».

Но не ответил отец, и тогда, поспешно поднявшись,
Пастор вмешался и молвил: «Одно лишь мгновение решает
Жизнь человека и правит его дальнейшей судьбою.
Сколько ни думай, а все же решение верное будет
Делом одной минуты, и примет его лишь разумный.
Но одного опасайся: о том и другом помышляя,
Время терять на сомненья — от этого чувство мельчает.
Герман душою чист. Я ребенком знал его. Отрок,
Он и тогда не тянулся руками за тем и за этим.

Брал он лишь то, что по силам, но крепко за это держался, Так не смущайтесь теперь, что вот наконец и свершилось Столь долгожданное вами. Ну, что ж, оно не похоже Обликом необычайным на облик ваших желаний!

Наши желанья часто желанное нам застилают.

Свыше исходят дары и свой собственный облик приемлют.

Не отвергайте ж девицы, которая вашему сыну —

Доброму, умному парню — затронула душу впервые.

Благо тому, кто впервой полюбил и встречает взаимность,—

Лучшие чувства его не увянут в душе бесполезно.

Да, по нему я вижу: решен его жребий сегодня.

Юношу сильная страсть превращает в мужа мгновенно.

Герман упорен. Боюсь я, что, с вашим отказом

столкнувшись,

Лучшие годы свои проведет он в тоске и унынье».

Тут поспешил вмешаться в беседу также аптекарь,—

Видно, словечко давно у него наготове имелось.

«Думаю, лучше и здесь золотую избрать середину.

«Поосторожней — надежней!» — говаривал, помнится,

Август!

Был бы я искренне рад услужить дорогому соседу.

Разумом скромным своим пособить ему постараюсь.

В опытном поводеyre особенно нуждается юность.

Если хотите, пойду и о девушке все разузнаю,

Мнения о ней соберу, расспросив обо всем потолковей,—

Я-то не дамся в обман, ведь не всякому слову я верю».

Тут, окрыленный надеждой, порывисто вымолвил Гермап:

«Что ж, поезжайте, сосед, разузнайте, но мне бы хотелось,

Чтобы сопутствовал вам и пастор достопочтенный.

Этаких двух мужей свидетельство неоспоримо.

О мой отец, поверьте, она не из тех безрассудных,

Ветреных тех иноземок, что странствуют всюду

И легковверных юнцов уловляют в искусные сети.

Нет, это буря войны, сокрушительной силой своею

Поколебавшая землю и множество зданий крепчайших

В прах обратившая,— также ее заставляет скитаться.

Разве подобных лишений не терпят и знатные люди?

Нынче бегут и князья, и в изгнание живут государи.

Ах, и она, из сестер своих наилучшая, тоже

Бегством спастись должна; но, несчастья свои забывая,

Служит опорой другим, хоть самой не хватает опоры.

Да, велики лишенья и беды, постигшие землю,
Но ведь несчастье порой обернуться может и счастьем,—
И долгожданным объятьям невесты и верной супругой
Буду обязан войне, как пожару когда-то — отец мой».

«Ишь как,— хозяин сказал, удивленно рот раскрывая.—
Что это вдруг у тебя язык развязался, который,
Долгие годы коснея, во рту ворочался тяжко.
Видно, и мне не избежать того, что отцам угрожает.
Свойственно всем матерям потакать сыновним желаньям.
Каждый сосед готов сочувствовать этому тоже,
Ежели против отца иль супруга они в заговоре.
Я им противиться даже не стану: что в этом толку?
Ибо в ответ я встречу одно лишь упрямство и слезы.
Что ж, бог в помощь, идите да все разузнайте. Иль дочку
В дом ко мне приведете, иль пусть он о ней позабудет!..»

Так он сказал. А сын, от восторга зардевшись, воскликнул:
«Солнце еще не зайдет, как дочь приведу вам такую,
Лучше которой нельзя пожелать человеку со смыслом.
Думаю, счастлива будет и добрая девушка эта,
Будет признательна мне, и отца и мать получая
Вновь от меня, да таких, о которых детям послушным
Только мечтать! Так мешкать не буду,— коней запрягу я
Тотчас же и друзей повезу на розыски милой.
Там предоставляю им поступать, как разум подскажет.
Честное слово даю на решение их положиться,—
Девушку я не увижу, ее не назвавши своею».
С этим Герман и вышел, меж тем как другие поспешно
Мненьями там обменялись о разных делах предстоящих,
Поторопился Герман в конюшню, где добрые кони
Стоя жевали отборный овес, засыпанный в ясли,
Вместе с сеном сухим, что на ближнем лугу накосили.
Быстро им Герман вложил удила блестящие в зубы,
В посеребренные пряжки ремни продернул проворно
И пристегнул к ним после широкие длинные вожжи,
Вывел коней на двор, где работник, живой, расторопный,
Вмиг подволок экипаж, легонько взявшись за дышло.
К ваге они потом привязали потуже постромки,
Чтобы вернее направить копсй быстrolетную силу.
Герман взмахнул кнутом, и ландо покатило к воротам.
Только друзья разместились удобно на мягких сиденьях,
Быстро ландо понеслось, позади мостовую оставив.

Вскорости города башни и стены назад отступили,
И по знакомой дороге к шоссе направился Герман.
Вожжи коням отпустив, он с пригорка гнал на пригорок.
Но, увидав пред собой деревушку с ее колокольной
И недалеко дома, обнесенные тесно садами,
Герман подумал и стал лошадей придерживать быстрых.

Тенью своей величавой широковетвистые липы,
Здесь не одно столетие корнями вставшие в землю,
Дерном покрытый луг окружали пред самой деревней,—
Местом веселья служил он селянам и бюргерам ближним.
Тут, под навесом дерев, неглубокий вырыт колодезь;
Только спустись по ступеням, увидишь скамейки из камня,
Коиими ключ обставлен, ирающий резвой струею.
Стены кругом низки, чтобы черпать было удобней.
Мысленно Герман решил лошадей под этой тенью
Остановить на минуту. Управясь, он спутникам молвил:
«Ну вот, друзья, теперь и подите разведайте, вправду ль
Девушка эта достойна руки, что ей предлагаю.
Впрочем, едва ль меня удивите вы чем-нибудь новым.
Будь я один, в деревню тотчас поспешил бы, и, верно,
Милая в два-три слова мою бы участь решила.
Сразу ее из всех вы сумеете выделить, ибо
Трудно другую найти, добронравьем схожую с нею.
Кроме того, назову и приметы опрятной одежды:
Красной шнуровкой у ней приподнята выпуклость груди.
Плотно черный корсаж облегает стройную спину.
Ворот рубашки лежит, аккуратными складками собран,
Белой каймой обводя подбородка округлость живую.
Ладной ее головы очертанье гордо и смело.
Ловкой рукой многократно на шпильки навернуты косы,
Синими сборками — ниже шнуровки — красуется юбка
И при ходьбе обнимает высокие стройные ноги.
Только прибавить хочу да еще особо прошу я:
К девушке не обращайтесь, пускай ей не будет вдогадку,
Но опросите других и послушайте, что вам расскажут.
Как наберете вестей, чтоб отца и мать успокоить,
Спешно ко мне возвращайтесь, и речь поведем о дальнейшем.
Вот что надумал сейчас, дорогой, едучи с вами».

Так говорил он. Тем часом друзья зашагали к деревне,
Где по садам, домам и сараям толпились пришельцы

Или же вдоль дороги стояли — повозка к повозке.
Корм задавали мужчины коням и скотине мычащей,
Женщины всюду усердно белье на заборах сушили,
И ребятишки, резвясь, у ручья плескались беспечно.
Так, пробираясь бочком меж повозок, людей и животных,
Вправо и влево глядели лазутчики, встретить надеясь
Где-нибудь облик девичий, согласный с тем описанием,
Только нигде не являлась прелестная девушка эта.
Пуше стала кругом толчея. Расходившись, мужчины
Крупный затеяли спор о повозках; с криком вмешались
Женщины. Тут какой-то старик решительным шагом
Быстро приблизился к ним, и немедля шум прекратился,
Лишь замолчать он велел, по-отечески голос возвысив.
«Разве несчастья,— вскричал он,— нас всех не настолько
смирили,

Чтобы друг к другу терпимей мы были, стараясь поладить
Даже и с тем, кто своих поступков не соразмерил?
Подлинно, в счастье любой несговорчив. Ужель и несчастье
Нас наконец не научит не ссориться с братом, как прежде!
Место на чуждой земле уступите друг другу; делите
Поровну все добро — и заслужите вы милосердь».

Так говорил он. Все приумолкли и, успокоясь,
Дружно взялись приводить в порядок скот и повозки.
Слово судьи чужого прослушав с глубоким вниманьем,
Разум недюжинный в нем отметил священнослужитель
И, подойдя, обратился к нему со значительной речью:
«Истинно так, отец мой, куда народ проживает
В счастье отменном, питаем землю, плодоносящей
Вовремя, с каждым годом и с каждой новой луною,
Все неизменно приходит само собой, и любому
Мнится: он и хорош, и умен. Согласье — меж всеми.
Тут и разумнейший муж выдаваться из прочих не может,
Ибо события идут потихоньку дорогой обычной.
Стоит, однако, беде изменить течение жизни,
В прах низвергнуть устои, пройти по садам и посевам,
Жен и мужей согнать с насиженных мест и заставить
Денно и ночью скитаться с тоской и отчаяньем в сердце,—
Ах, тогда наконец мы к разумному взор обращаем,—
Тут уж слово его понапрасну не пропадает.
Право, скажите, отец мой, уж вы не судья ль среди этих
В страхе бегущих людей, чье волнение так скоро смирили?

Да, вы мне нынче явились одним из древних вожатых —
Тех, что народам гонимым пути возвещали в пустыне.
Будто бы вправду с Навином беседуя иль Моисеем»,

И отвечал на это судья, выразительно глянув:
«Подлинно, наше время тождественно тем стародавним,
Памятным тем временам, в истории запечатленным,
Ибо кто прожил вчера иль сегодня в такую годину,
Прожил целую вечность; события-то вихрем несутся.
Если назад оглянусь я, мерещится, будто седая
Старость меня одолела, а силы во мне еще бродят.
О, мы смело себя уподобим людям, которым
Некогда, в грозный час, в купине горячей явился
Бог. Нам также предстал он в огне и облаке темном».

Только священнослужитель собрался беседу продолжить
И про судьбу скитальцев судью расспрашивать дальше,
Тайное слово проворно шепнул ему на ухо спутник:
«Вы, не стесняясь, толкуйте с судьей да на девушку речи
Свесть постарайтесь, а я поброжу, поищу и немедля
К вам возвращусь, лишь замечу ее». Кивнул ему пастор,
И по садам и амбарам пошел, озираясь, лазутчик.

КЛИО

СОВРЕМЕННОСТЬ

Лишь обратился священник к судье чужому с вопросом:
«Что претерпели скитальцы, давно ли крова лишились?» —
Тотчас ответил судья: «Нескончаемы наши несчастья,
Горькую чашу страданий мы пили все эти годы!
Тем и ужасней, что рухнули лучшие наши надежды.
Кто ж отрицать посмеет, что сердце его всколыхнулось,
Грудь задышала вольней и быстрее кровь заструилась
В час, как впервой сверкнуло лучами новое солнце,
В час, как услышали мы о великих правах человека,
О вдохновенной свободе, о равенстве, также похвальбом.
Каждый тогда надежды на счастье питал, и казалось,
Узы, которыми праздность и своекорыстье вязали
Накрепко многие страны, теперь наконец разрешились.
Разве не все народы в те бурные дни обратили

Взоры свои на столицу вселенной, которая долго
Ею была, а сейчас таковою тем более стала.
Не были разве те люди посланцами истины новой,
Чье триединство они вознесли до высот поднебесных.
Разве не в каждом явились отвага, полет, красноречье?
Мы, как соседи, на это с участием сперва отозвались.
Вскоре война загорелась, и вооруженные франки
Двинулись грозно; но нам показались только друзьями —
Ими они и были: с приходом их ожили души.
Всюду растили они величавое Древо Свободы,
Всем обещая свое и по выбору — образ правленья.
Юность бурлила восторгом, за ней ликовала и старость.
Всюду, вокруг новых знамен, затевались веселые пляски.
Так, получив перевес, полонили французы вначале
Наших мужчин умы — решимостью неукротимой,
После — своим обхождением — сердца прекрасного пола.
Нас не томило нисколько войны разрушительной бремя,
Ибо надежда пред нами бескрайнюю даль расстилала,
Новопроегшим путем восхищенные взоры лаская.

О, сколь радостно время, когда жених и невеста,
В танце кружась, мечтают о дне долгожданного брака.
Но еще радостней было то время, когда показалось
Сбыточным то, что от века для разума нашего свято.
Все языки развязались. Мужчины, юноши, старцы
Заговорили свободно о чувствах и мыслях высоких.

Вскорости небо затмилось. К господству стали тянуться
Люди, глухие к добру, равнодушные к общему благу.
Между собою враждуя, они притесняли соседей
Новых и братьев своих, высылая разбойные рати.
Грабить и бражничать стало начальство большое помногу,
Всякую мелочь помалу хватали людишки поменьше.
Каждый казался одним озабочен: достало б на завтра.
Все углублялась нужда, нестерпимей гнет становился.
Жалоб не слушал никто, завладели они положеньем.
Тут уж печаль и гнев обуяли самых спокойных.
Каждый мечтал об одном — поскорей отплатить за обиды
И за двойную утрату обманутой горько надежды.
Приняло сторону нашу в то время военное счастье,
И за рубеж отступили французы ускоренным маршем.
Только тогда нам на плечи вся тяжесть войны и свалилась.

Добр и велик победитель (таким он, по крайности, мнится),
И побежденных готов он щадить, как своих, если только
Служат на совесть ему и снабжают необходимым.
Но отступающий враг презирает законы. Ему бы
Лишь отмахнуться от смерти, — хватает он все без разбору.
Он — в иступление к тому же. Отчаянье и безнадежность,
Душу переполняя, толкают его на злодейство.
Больше не свято ему ничего. В нем совесть исчезла,
Женщин он предаёт поруганью, их ужасом тешась.
Чувствуя смерть повсюду, спешит он вдосталь упиться
Мигом последним. Он сладко хмелеет от воплей и крови.

Яростно в наших мужчинах проснулась упрямая воля —
От расхищенья спасти уцелевшее, мстить за потери.
Все за оружие взялись, привлеченные видом бегущих,
Бледными лицами их и большими от страха глазами.
На колокольных набат, не смолкая, гудел постоянно.
Ожесточенья сдержат не могла никакая опасность.
Мирная утварь крестьян превратилась в орудия смерти,
Вскорости вилы и косы окрасились вражеской кровью,
Били врагов беспощадно, безжалостно били, и всюду
Злоба слепая кипела, беспомощно трусость дрожала.
Нет, я людей не хотел бы в таком иступлении безумном
Снова увидеть. Отрадней смотреть на свирепого зверя.
Пусть не твердят о свободе, уж где управлять им собою?
Дай только им разгуляться, и сразу выйдет наружу
Темное, злое, что было законом оттиснуто в угол».

«Достопочтенный муж! — значительно молвил священник. —
Вас не могу осуждать я за то, что вы к людям так строги.
От злонамерений всяких пришлось претерпеть вам немало,
Но оглянитесь назад, на печальные дни, и, наверно,
Сами признаете вы, что добро вас не раз навещало.
Мало ли чувств благородных сокрытыми были бы в сердце,
Если бы вдруг не опасность, не бедствия, что человека
Делают ангелом божьим, защитником ближних и братьев».

Старый почтенный судья отвечал с незаметной улыбкой:
«Сказано это с умом. Ведь порою после пожара
Напоминают с участием владельцу дома, что, дескать,
Золото и серебро уцелело, по крайности, в слитках.
Правда, немного осталось, но даже немного ценно.
Роеся в пепле бедняга и счастлив находкой случайной.

Так вот и я обращаю охотно чистые мысли
К немногочисленным добрым делам, которые помню.
Да, я видел, враги примирались во имя спасенья
Города. Видел и дружбу... Я видел и то, что для отчей
И для сыновней любви ничего невозможного нету,
Видел, как юноша вдруг становился мужчиной, как старец
Вдруг молодел на глазах и за юношу действовал отрок...
Даже и слабый пол, как его именуют обычно,
Силу и смелость являл, не теряя присутствия духа.
Тут я позволю себе рассказать о прекрасном поступке
Девушки великодушной, девицы с отважной душою.
Девочек маленьких, в доме оставшись, она охраняла,
Ибо мужчины пустились вослед чужеземцам бегущим.
Тою порой во двор ворвалась толпа мародеров.
Шарили всюду они и добрались до комнаты, в коей
Девушку эту нашли — прекрасную, статного роста,
С нею и девочек милых, — вернее, детей малолетних.
Вспыхнула ярость в злодеях и кинулись, разум теряя,
На беззащитную кучку дрожащих детей и девицу.
Но из ножен одного из бездельников выхватив саблю,
Тут же его уложила, — к ногам ее пал он, сраженный.
После она, по-мужски, малышей от беды оградила,
Ранив, кроме того, четырех, убежавших в смятенье,
Заперла двор и подмоги с оружием в руках ожидала».

Только что девушке той похвалы услышал священник,
Как появилась в душе у него надежда за друга.
Он уж спросить собирался, что случилось с девицею этой,
Нет ли ее меж скитальцев, вот здесь — на пути злополучном.

Тут неожиданно сзади возник расторопный аптекарь,
Пастора за полу дернул и шепотом быстрым промолвил:
«Знаете ль, девушку эту нашел наконец я меж сотен
По описанию. Пойдемте, прошу убедиться воочью.
Вы и судью прихватите, пускай он о ней порасскажет»,
Тут обернулись они, но судьи уж не было рядом,
Он в это время своими отозван был для совета.
Все же немедля пошел за аптекарем добрый священник
К щели забора, и первый заметил другому лукаво:
«Девушка тут, поглядите: она пеленает ребенка.
Старенький ситец узнал я и тряпку узнал голубую,
Те, что со всяким бельишком ей передал Герман сегодня.

Быстро она и толково подарки распределила,—
Признаки все налицо, и в точности все совпадают.
Красной шнуровкой у ней приподнята выпуклость груди,
Плотно черный корсаж облегает стройную спину,
Ворот рубашки лежит, аккуратными складками собран,
Белой каймой обводя подбородка округлость живую.
Ладной ее головы очертание гордо и смело,
Ловкой рукой многократно на шпильки навернуты косы.
Даже теперь, у сидящей, вы видите статность фигуры,
Синими сборками — ниже шнуровки — красуется юбка
И при ходьбе обнимает высокие стройные ноги.
Это она, несомненно,— пойдемте-ка и разузнаем
Все, что удастся, о ней — добродетельна ли, домовита ль»,

Тут отозвался священник, на девушку глядя пытливо:
«Не удивительно вовсе, что юноша ею прельстился.
Даже взыскательным взорам мужчины она угодила б.
Счастлив, кому даровала природа приятную внешность.
Всюду его привечают, и всюду он принят, как близкий.
Каждого тянет к нему, и охотно с ним водится каждый,
Если красивую внешность с любезностью он совмещает.
Я поручиться могу, что соседу избранница эта
Жизнь и весельем украсит, и честно сопутствовать будет,
И в тревожных житейских заботах женской поддержит.
Верно, что в теле таком совершенном душа сохранилась
Чистой. А свежая юность — залог и старости ясной».

Пастору тут же в ответ осторожно заметил аптекарь:
«Внешность нередко подводит! Доверья к ней не питаю.
Я убеждался не раз в правоте поговорки старинной:
Прежде чем пуда соли не съешь ты с новым знакомым,
Не доверяйся ему легковерно, а время покажет,
Как надлежит с ним держаться и сколь долговременна

дружба.

Дайте сперва порасспросим у добрых людей, ведь, наверно,
Девушка им знакома. Послушаем, что нам расскажут».

«Ладно, я также ценю осторожность,— ответил священник,—
Сватаем мы не себе, а поэтому действуем с опаской».
Тотчас направились оба навстречу судьбе, что поспешно
Улицу переходил, озабочен делами своими.
С предусмотрительной речью священник к нему обратился:

«Девушку мы увидали в саду, недалеко отсюда,
Сидя под яблоней, шьет для младенца она рубашонку
Из полинялого ситца, что ей, вероятно, подарен.
С виду она хороша и достойной нам показалась.
Вам-то знакома она? Мы с намереньем добрым спросили».

В сад заглянул судья и к друзьям тотчас обратился:
«Вы уж слыхали о ней. Ведь рассказывал только недавно
Вам о поступке прекрасном той девушки необычайной,
Что обнаженным мечом и себя и детей защитила.
Это она! Поглядите, могучей какой уродилась.
Столь же она и добра, как сильна. До последнего часа
За престарелым ходила сородичем. Умер он, сломлен
Тяжкой нуждой в городке и потерей добра нажитого.
С грустью покорной она и другое вынесла горе —
Смерть жениха своего, благородного юноши; в первом
Пылком порыве чувств поспешил он во Францию. Сам же
Выбрал дорогу в Париж и нашел ужасную гибель.
Ибо и там он, как дома, был ярым врагом беззаконья».

Так заключил судья. Поклонились друзья благодарно.
Пастор достал золотой (серебра в кошельке ни монетки
Не оставалось. Его пораздать он успел незадолго,
Видя, как мимо проходят печальной толпою скитальцы)
И, протянув судье подаянье, сказал: «Разделите
Меж неимущими лепту, и бог пусть ее приумножит».
Но, отклоняя подарок, промолвил судья: «Мы успели
Денег немного спасти и вещей различных и платья.
Думаю, этого хватит, покуда назад не вернемся».

Пастор не отступил и вложил ему в руку монету.
«В пору такую, — сказал он, — никто с подаяньем не мешкай,
Также никто не смей отклонять дающего руку,
Нынче никто и не знает, сколь прочно его достоянье:
Знает ли кто-нибудь, долго ль скитаться ему на чужбине,
Даже полоски земли не имея для существования».

«Э, да позвольте, друзья, — озабоченно молвил аптекарь, —
Будь у меня в кармане деньжошки, я все бы их отдал,
Мелочь и крупные. Верно, онигодились бы людям.
Кое-что все ж подарю, чтобы видели вы хоть желанье
Быть вам полезным; не важно, коль дар от желанья отстанет».

Так говоря, за тесемки он вытащил кожаный, прочный, Бисером шитый кисет, где хранился табак, и любезно Узел раздвинул, и стал оделять — нашлись там и трубки. «Скуден подарок», — сказал он, судья же на это заметил: «Все-таки добрый табак для путника вещь недурная». Тотчас пустился аптекарь расхваливать всячески кнастер,

Пастор его прервал, и с судьей они распростились: «Надо спешить, — сказал добронравный муж, — ожидает Юноша нетерпеливо. Пускай же услышит скорее Добрую весть». И они поспешили и юношу вскоре Подле коляски нашли; прислонившись к липе, стоял он. Лошади землю рыли, а Герман, сжимая поводья, В даль пред собою глядел и друзей не заметил, покуда Те, приближаясь к нему, не подали знака руками. Издали начал еще аптекарь кричать, но поближе Скоро они подошли, и священнослужитель, схвативши За руку друга, сказал, прерывая его: «Благодатью, Юноша, ты осенен! Не ошиблись ни глаз твой, ни сердце! Благо тебе и твоей нареченной, юноша честный! Да, вы друг друга достойны! Ландо поворачивай быстро, Едем в деревню немедля, просватаем девушку эту Тут же и с ней возвратимся домой, уже как с невестой».

Стоя в молчании, Герман, без признаков радости, слушал Речи посланца, что были отрадны, как милость господня. Тяжко вздыхая, сказал он: «Сюда мы приехали быстро, Ну, а домой-то — с позором, быть может, тихонько поедем, Ибо, покамест я ждал, на меня навалились заботы, Ревность, сомненья и все, что влюбленное сердце терзает. Что ж, полагаете вы, мы придем, и она согласится Лишь потому, что бедна и без крова, а мы богатеи? Бедность бывает горда, коль ничем не заслужена. Малым, Кажется, девушка эта довольна и, значит, богата. Что ж, полагаете вы, что с такой красотой и нравом Девушка эта пленить не могла никого? Неужели Сердце ее до сих пор не затронуто было любовью? Не торопитесь в деревню, чтоб нашу коляску с позором Нам не пришлось повернуть. Опасаюсь того, что, быть может, Сердцем ее уж другой завладел, что, пожав ему руку, Верность до самого гроба счастливцу она обещала. Ах, и тогда перед ней я буду стоять пристыженный».

Юноше пастор собрался сказать слова утешенья,
Но перебил его тут же болтливый аптекарь: «Конечно,
Будь это в прежние годы, не знали бы мы затруднений,
Всякое дело тогда совершалось привычным порядком.
Только, бывало, невесту родители сыну присмотрят —
Тотчас к себе приглашают надежного друга семейства.
Он отправляется сватать к родителям девушки этой
Так, как приличье велит: нарядившись, идет в воскресенье
После обеда хотя бы к почтенному бюргеру в гости,
Дружески речи заводит о том и о сем для начала,
Ловко потом разговоры вокруг да около вертит
И, наконец, о невесте словечко похвальное молвит,
О женихе и о доме, откуда он сватом подослан,
Умные люди смекнут, в чем дело, а хитрый посланец,
Видя согласие прямое, свою продолжает беседу.
Если не ладилось дело, отказ огорчительным не был,
Если ж оно удавалось, то сват бывал неизменно
Гостем первейшим на каждом семейном празднике в доме,
Ибо всю жизнь не могли позабыть супруги, что эти
Ловкие руки скрепили навек их первые узы.
Нынче этот обычай, подобно другим превосходным,
Вышел из моды. Теперь поспешают свататься сами.
Ну и отказ получай самолично, дружок, если эта
Участь тебя ожидала,— красней, перед девушкой стоя».

«Будь что будет! — вскричал с непритворным отчаяньем
Герман,

Речь дослушав едва и решение в душе принимая.—
Сам я пойду и свой жребий узнаю сам от любимой
Девушки: ей доверяю всем сердцем,— сильнее едва ли
Мог бы влюбленный мужчина когда-либо женщине верить.
Все, что ни скажет она, хорошо,— убежден я заране.
Если ж в последний раз суждено мне встретиться с нею.
Я бы хотел еще глубиной этих глаз насладиться.
Если ж не суждено мне прижать ее к сердцу, то снова
Грудь увижу и плечи, которые жажду обнять я.
Пусть увижу уста, поцелуй которых иль слово
«Да» обещают мне счастье, а «нет» обрекает на муку.
Лучше оставьте меня, вам нечего ждать. Возвращайтесь
Прямо к родителям в дом и скажите, что сын их взаправду
В выборе прав был своим и девушка эта прекрасна.
Так что оставьте меня. Через холм, тропинкою узкой,
Грушу минуя, и вниз через наш виноградник пряменько

К дому я выйду. О, если б по ней мне весело с милой
Выпало счастье пройти! Но, быть может, назад одиноко
Этой тропой побреду, навсегда обреченный с печалью».

Так свое слово закончив, он пастору отдал поводья,
Тот их принял, справляясь с конями, покрытыми пеной,
Сел поскорее в коляску и занял место возницы.

Но осторожный аптекарь минуту промедлил и начал:
«Я вам охотно, мой друг, доверил бы дух мой и душу,
Кости ж и тело, пожалуй, в сохранности лучшей пребудут,
Если не в рудех духовных — в мирских окажутся вожжи».
Но с добродушной улыбкой священник догадливый молвил:
«Смело садитесь и тело доверьте мне так же, как душу.
Эта рука научилась держать поводья давненько.
Также и глаз мой приучен отыскивать путь понадежней,
В Страсбурге я управлять лошадьми привык еще в пору,
Как молодого барона туда провожал. Ведь, бывало,
День ото дня приходилось мне править, летя сквозь ворота
Пыльной дорогой к лугу далекому, прямо под липы,
Средь горожан, проводящих в веселье свой отдых
воскресный».

Сердцем почти успокоаясь, аптекарь уселся в коляску,
С краю, однако, — готовый при первой опасности прыгнуть,
И жеребцы полетели домой, соскучась по стойлу.
Клубы удушливой пыли вставали над мчащейся парой.
Юноша долго стоял и смотрел, как она подымалась,
Как тяжело оседала... Растерянный, долго стоял он.

ЭРАТО

ДОРОТЕЯ

Словно скиталец какой, заглядевшийся неосторожно
На золотистое солнце пред тем, как оно закатилось, —
После в темной листве и на хмурых склонах утесов
Видит его сверканье, и всюду, куда он ни глянет,
Пляшет оно перед ним в ослепительной роскоши красок, —
Герман смотрел, и казалось влюбленному — образ чудесный,
Словно живой возникая, плывет по тропе меж хлебами,

Он, от себя гоня наваждение, решил обернуться,
Бросил взгляд на село и вздрогнул — сон продолжался:
Шла и оттуда навстречу прекрасная девушка. Герман
Впился в нее глазами, но призрак не таял. И вправду,
Это была она. С кувшинами — бóльшим и меньшим
В каждой руке — торопливо она приближалась к колодцу.
К девушке весело он поспешил, и при виде любимой
Силы вернулись к нему, и промолвил он ей, удивленный:
«Вот и опять довелось мне с тобой повстречаться, готовой
Людям полезно быть и в несчастьях служить утешеньем.
Видимо, только ты и решилась идти так далеко
По воду! Ведь остальным и в деревне хватило колодцев,
Но, разумеется, здесь и свежее вода, и приятней;
Верно, она для больной, о которой полна ты заботой».

Девушка тотчас ему отвечала с улыбкою милой:
«Вот мне уже и награда за длинную эту дорогу.
Здесь я встречаю того, кто пришел нам на помощь столь
щедро,

Видеть даятеля так же отрадно, как видеть даянье.
Доброго встретить приятно, как доброе дело увидеть.
Что же, пойдете, взгляните, кому приношенья достались,
И благодарностью кроткой страдальцев вы умилитесь.
Если ж хотите знать, почему воды захотелось
Именно здесь мне добыть, где источник свеж и прозрачен,
Вам я ответить готова: неосмотрительно люди
Гнали коней и волов через речку, что вмиг замутили
Воду, которую брать деревенские жители ходят,
Стиркою да и мытьем загрязнили пришельцы тотчас же
Все, что имелись в деревне, колодцы и все, что в округе.
Каждому только свое на уме, и с насущной заботой
Он развязаться спешит, о других не мысля нисколько».

Так рассуждала она, со своим провожатым спускаясь
Вниз по широким ступеням. На узкую стенку колодца
Рядышком сели они. Чтоб воды зачерпнуть, наклонилась
Девушка. Так же и Герман чрез край перегнулся колодца.
В зеркале чистом воды, где лазурь небес отражалась,
Отображенья их, колыхаясь, кивали друг другу.
«Дай мне водицы глоток», — он сказал, преисполнен отрадой.
Девушка воду ему подала. Опершись на кувшины,
Сидя, они отдыхали, и беженка друга спросила:

«Как же ты здесь очутился? Один, без коней и коляски, Так далеко от дороги, где встретились мы? Что случилось?»

Наземь глаза опустил, призадумавшись, Герман, но тут же Взор на нее перевел дружелюбный, и стало спокойней И на душе, и на сердце. Но все ж о любви не под силу Было ему говорить. Не любовью, а разумом светлым Искрился девичий взор и не к чувствам взывал, а к рассудку. И, совладав с собой, он ответил ей чистосердечно: «Высказаться дозволю, и вопросы твои разрешатся. Из-за тебя и пришел я. Зачем мне таиться напрасно? Я в постоянном довольстве живу при родителях милых, Ревностно им помогаю за домом следить, за хозяйством, Я ведь единственный сын, и забот у нас полные руки. Мне полевые работы поручены, батюшка в доме Первый хозяин, а мать все усердьем своим оживляет. Впрочем, сама ты, наверно, могла убедиться, что слуги Пустоголовы, ленивы, всегда досаждают хозяйке; Вечно меняй их, как будто ошибкой исправишь ошибку. То-то давненько мать помощницу ждет, да такую, Чтоб, не спустя рукава услужая, а сердцем радея, Стала бы дочерью вместо утраченной в прежние годы. И, увидав тебя, я заметил веселую бойкость, Ловкость в каждом движении, здоровье, крепкие руки, Речью разумной твоей наслаждался, и, всем восхищенный, Дома родителям добрым при наших друзьях чужестранку Я расхвалил по заслугам. Они ж, я затем и явился, Мыслят со мной заодно... Прости за нескладные речи...»

«Можете их, не робей, продолжить,— она отвечала,— Не обижаюсь нисколько, напротив,— еще благодарна. Прямо так и скажите, ничуть я на то не обижусь: Девушку ищите вы в услуженье к родителям вашим, Чтобы в домашней работе и в поле им пособляла. Вот и сочли, что я подходящей служанкою буду, Так как приветлива нравом, вынослива и расторопна. Попросту все вы сказали, и попросту вам я отвечу: Да, я за вами пойду, так судьбой мне назначено, видно, Долг мой исполнен, затем, что роженицу я возвратила Близким ее и друзьям, к их довольству и радости общей. Часть их уже отыскалась, отыщутся и остальные.

Всяк помышляет уже о дороге обратной, ведь этим
Тешить себя привык на чужбине каждый скиталец.
Я ж не хочу обольщаться надеждой обманчивой, зная,
Что за печальными днями такие же дни я увижу,
Узы судеб теперь расторглись, и кто же их снова
Свяжет, кроме нужды, неизбежно стоящей пред всеми.
Если бюргер достойный мне хлеб предлагает и в доме
Есть у него и хозяйка достойная, — что ж, я согласна:
Девушку-беженку разве оставит иначе злословье?
Да, я за вами пойду, но сначала вернусь я в деревню,
Воду друзьям отнесу и приму их благословенье.
Вместе к ним и пойдем, и они уж меня отдадут вам».

Радостно юноша встретил решение девушки доброй.
Но колебался, не лучше ль ей сразу же правду поведать.
Все же разумней — подумал — оставить ее в заблуждение,
В дом поначалу ввести, а там в любви и признаться.
И, золотое кольцо на руке у нее он увидев,
Ей говорить предоставил, вникая в каждое слово.

«Что ж, — проронила беглянка, — пойдемте. Молва осуждает
Девушек, что понапрасну так долго торчат у колодца.
Впрочем, приятно порой поболтать над журчащей водою...»
Встали они, и тут заглянуть потянуло их снова
В темную глубь водоема, и сладостный трепет объял их.

Девушка, словно очнувшись, схватила кувшины и молча
Вверх по ступеням пошла, и последовал Герман за нею.
Ношу ее разделить он хотел, но она отвечала:
«Тяжести легче нести, между ними храня равновесье.
Тот же, кто будет мне вскоре приказывать, вовсе не должен
Сам услужать. Ни к чему эти строгие взоры, как будто
Участь моя не видна мне. Всё женщине быть в услуженье;
Лишь услужая, она добивается в доме влиянья
И полноправной хозяйкой становится в нем постепенно.
Брату служит сестра, как служила родителям прежде,
Вечно она в суете: то туда, то сюда лишь и знает
Только подать, принести, да вдобавок сготовить иль сделать.
Благо, коль навык есть, с ним короче любая дорога,
Длинная ночь приходит короткому дню на подмогу,
Да и работа тогда не неволит, иголка не колет,
Ты, о себе забывая, всецело живешь для домашних!

Будущей матери все добродетели эти потребны
В час, как младенец разбудит и станет с больной, неокрепшей
Требовать пищи, к страданьям еще прибавляя заботы.
Тяготы эти и двадцать мужчин сообща не осият,
Да и осиливать им ни к чему. Благодарность была бы!»

Так рассуждала она и с примолкнувшим спутником вместе,
Сад миновав, подошла неприметно к пустому амбару,
Где на току и лежала роженица: с ней находились
Дочки спасенные, обе — невинности образ чистейший.
Дверь не успела за ними закрыться, как тут же навстречу,
За руки двух малюток ведя, и судья появился.
Были они в суматохе утеряны матерью бедной,
И наконец удалось отыскать их почтенному старцу.
Милую мать увидав, заплясали от радости дети,
С братцем еще незнакомым тотчас же играть захотели
И, Доротею они обнимая, ласкались, и тут же
Хлеба стали просить и плодов, но прежде — напиться.
Девушка всех угостила водою: детей и больную,
Старших дочек, а также судья глотком освежился.
Каждый вдосталь испил, восхваляя отличную воду —
Щелочь ей вкус придавала, и шла она людям на пользу.

С тихою думой во взоре тогда Доротея сказала:
«Этот кувшин, дорогие, должно быть, уже на прощанье
К вашим устам подношу, напоследок их услаждаю.
Все же, в полуденный зной ледяным глотком освежившись
Или в тени у ручья обрета покой и прохладу,
Вы об участие моем вспоминайте, ибо ему вы
Больше, чем родственным узам, обязаны склонности сердца.
Мне же вовек не забыть доброты, проявленной вами.
С грустью вас покидаю. Но каждый теперь для другого
Не облегченье, а бремя, и все под конец разбредемся,
В чуждых краях осев, коль на родину путь нам заказан.
Видите, юноша здесь, заслуживший признательность вашу
Тем, что белье для младенца и пищу для взрослых доставил;
Он лишь затем и пришел, что меня понадеялся видеть
В достопочтенном, богатом родительском доме служанкой.
Я отказать не могу. Предназначена быть в услуженье
Девушка, если не хочет обузою стать для домашних.
С ним и пойду. Ведь по виду он добропорядочный парень,
Да и родители, верно, как люди с достатком, — не хуже.

С вами, соседка, прощаюсь. Да будет утехою вашей
Этот малютка, который теперь уже пышет здоровьем.
К сердцу его прижимая в пеленках из пестрого ситца,
Припоминайте с отрадой принесшего этот подарок
Юношу, что и меня одевать и кормить согласился.
Вы,— продолжала она, обращаясь к почтенному старцу,—
Мне заменили отца, и признательна вам бесконечно».

К ложу больной Доротея склонилась; у женщины доброй
Слезы сверкнули в глазах и уста прошептали молитву.
«Друг мой,— юноше молвил почтенный судья,— ты по виду
Можешь быть смело причислен к хозяевам благоразумным,
Что для ведения дома достойных людей выбирают.
Часто случалось мне видеть: овцу, иль другую скотину,
Или же лошадь с разбором берут при обмене иль купле,
А человека, что все сбережет, будь он дельный и честный,
Или своим небреженьем расстроит, растратит впустую,—
Этого могут нанять, полагаясь на счастье иль случай,
Чтобы потом себя укорять за поспешный поступок.
Впрочем, ты взвесил все это, и девушка взятая, чтобы
Матери тягот посбавить, и впрямь оказалась достойной.
Другом ей стань и, покуда останется в доме, не будешь
Чувствовать — нету сестры у тебя, у родителей — дочки».

Подле роженицы много собралось друзей и знакомых.
Ей приношенья несли и жилье предлагали получше.
Новость уже разнеслась, и окидывал Германа каждый
Многозначительным взором, исполненным тайного смысла.
Даже одна из соседок другой на ушко прошептала:
«Если просватает он Доротею, не быть ей внакладе».
За руку девушку взял и промолвил Герман: «Пойдемте,
Вечер уже наступил, а до города путь не короткий».
В кучу женщины сбились, спеша с Доротеей проститься,
Герман ее торопил, но обняться-то с каждою надо.
Тут подоспели и дети, за платье ее уцепились,
Мать вторую никак отпустить от себя не желая.
Но вразумительно им сказала одна из соседок:
«Детки, пустите; она принесет вам из города много
Разных сластей и печений, заказанных братцем, покуда
Утром ранним с ним пролетел над кондитерской аист.
Их в золотистых кулках и должна прихватить Доротея».
Девушку дети тогда отпустили: ее из объятий
Вырвав, Герман увел, хоть платочки еще развевались.

МЕЛЬПОМЕНА

ГЕРМАН И ДОРОТЕЯ

Вот и пошли они тропкой навстречу закатному солнцу,
Что в облака грозовые упряталось и временами,
В дымке неясной сквозя, то сбоку, то сзади бросало
Редкий свой луч, озаряя поля зловещим сияньем.
«Только бы,— молвил Герман,— грозою с градом и ливнем
Буря не разрешилась,— ведь жатва поспела на славу!»
Оба они любовались высокой волнистою рожью,
Им достававшей до плеч, хоть шедшие рослыми были.

Верному спутнику тихо сказала тогда Доротея:
«Добрый мой друг, кому я, по счастью, обязана ныне
Хлебом и кровом,— меж тем как изгнанников ждет
непогода,—

Прежде всего расскажите о нраве родителей ваших,
Коим усердно служить я готова, сил не жалея.
Кто господина узнал, угодить ему легче сумеет,
Приноровляясь к тому, что всего превыше он ценит,
С чем его разум и сердце сроднились за долгие годы,—
Как же мне сделаться, друг мой, родителям вашим угодной?»

Юноша благоразумный ей тотчас на это ответил:
«Правильно ты поступаешь, достойная девушка, если
Заблаговременно хочешь узнать родителей норов.
К слову сказать, и поныне отцу угодить я не в силах,
Даром что в доме его, как в своем, тружусь неустанно,
Только и знаю: с зари до зари виноградник да поле..
Матери я угождаю, и, добрая, мне благодарна,
Так же и ты ей казаться отличной девушкой будешь,
Ежели, как за своим добром, за домом присмотришь.
Батюшка мой не таков,— подавай ему внешнего лоску!
Славная девушка, ты не подумай, что я бессердечен,
При посторонней открыто родного отца упрекая,
Но уверяю тебя, что впервой столь дерзкие речи
С губ, не привыкших злословить, сорвавшись, нынче слетели,
Ибо в душе у меня пробудить ты сумела доверье.
Добрый отец мой склонен к известной красивости в жизни,
Требует он и любви, и почтенья сугубого также,
Он-то и худшим слугой доволен останется, если
Этот к нему подольстится, а к лучшему будет придиричив».

Радостно девушка тут отвечала, невольно удвоив
Легкий шаг по тропинке, уже неприметной для взора:
«Право, надеюсь, что мне угодить им обоим удастся,
Нравом своим точь-в-точь похожу на матушку вашу,
Ну, а манер утонченность мне, сызмала вовсе не диво.
Наши соседи, французы, еще недавно учтивость
Ставили выше всего. Дворянин, мещанин и крестьянин
Ею владели, стараясь другим внушить ее тоже.
Так повелось потом и у немцев, что малые дети
Утром родителям ручки целуют и делают книксен
«С добрым приветом» и день свой проводят столь же
пристойно.

Всем, чему научилась, к чему сызмальства привыкла,
Я старику угождать от чистого сердца готова.
Но у кого я спрошу, как должна обходиться с тобою,
Кто, унаследовав дом, полновластным хозяином станет?»

Девушка смолкла. Они подошли тем временем к груше.
Полного месяца диск засиял на стемневшем востоке.
Ночь приближалась. Погасло последнее пламя заката.
Перед глазами у них, отделяясь резко, лежали
Полосы ясного света и сумерек черные тени.
Дружеский этот вопрос с удовольствием Герман услышал,
Здесь, под навесом груши, на том же излюбленном месте,
Бывшем только недавно свидетелем тайной обиды.
Тут на скамью присесть потянуло обоих, и Герман
Милую за руку взял и сказал ей проникновенно:
«Сердцу внемли своему и веленью его повинуйся!»
Больше не смел говорить он, хоть благоприятной минута
Для объясненья казалась. И «нет» он услышать боялся,
И золотое колечко на пальце также смущало.
Так вот они и сидели в молчанье друг подле друга.

Молвила девушка вдруг: «Поглядите, как льется спокойно
Месяца полного свет,— словно день, он ясен и ярок.
Четко я в городе дальнем дворы и дома различаю.
Вон и окно под крышей, в нем каждое стеклышко видно».

«То, что ты видишь вдали,— обходительный юноша молвил,—
Это наш дом, куда привести тебя собираюсь.
Ну, а под крышей окно от моей комнатухи. Быть может,
Станет она твоей. Ведь такая в дому перемена.
Это пажити наши,— заутро жатва начнется,

Здесь отдыхать мы будем,— не правда ль, прекрасное место?
Но поспешим пройти виноградник и сад, погляди-ка,
Близится к нам гроза, полыхнула зарница над полем,
Туча большая заходит,— вот-вот в ней сокроется месяц».
Встали они со скамейки и в поле спустились, шагая
Вдоль колосющейся ржи, наслаждаясь прозрачностью ночи,
И, в виноградник вступив, в темноту окунулись густую,

Вниз он повел ее по нетесным плитам, лежавшим
В виде неровных ступеней вдоль крытой садовой аллеи.
Медленно шла Доротея, ему на плечо опираясь.
Призрачным светом луна сквозь листву пробиралась за ними,
Тут надвинулась туча, обоих мраком окутав.
Девушке быть опорой надежной Герман старался,
Но, по ступенькам грубым идя тропой незнакомой,
Вдруг оступилась она и, ногу свихнув, пошатнулась.
Мигом догадливый парень раскинул руки и ловко
Милую перехватил, заключив осторожно в объятья.
Грудь касалась груди, и щека к щеке прикасалась.
Он изваяньем застыл, своему воспротивясь желанью.
Не прижимал ее крепче, а только удерживал тяжесть,
Чувствовал ношу свою дорогую,— биенье сердца
И аромат, исходивший из уст, в лицо ему веял,—
Тайную женскую прелесть угадывал сильный мужчина.

Все же, скрывая боль, Доротея шутливо сказала:
«Это недобрый знак,— говорят бывалые люди,—
Если оступишься ты перед самым порогом жилища.
Правду сказать, для себя я получше приметы желаю.
Дай-ка помедлим немного, не то с колченогой служанкой
Ты в представление отца неудачным хозяином будешь».

УРАНИЯ

ПЕРСПЕКТИВА

Музы, что были доселе к чудесной любви благосклонны,
Вы, пролагавшие путь добронравному юноше, сами
Милую к сердцу его прижавшие до обрученья,
Так же усердно и впредь поспособствуйте счастью
влюбленных.
Тучи, готовые ныне его омрачить, разгоните.
Только поведайте прежде о том, что в доме происходит.

Вот уж и в третий раз поднялась в боковушку к мужчинам
Мать — в нетерпенье, в тревоге, недавно лишь выйдя оттуда,
Речь завела о грозе, обещавшей вот-вот разразиться,
Долгом отсутствия сына, а также опасностях ночи
И пожурила соседей, что, с девушкой слова не молвив
И не сосватав ее, на дороге оставили сына.
«Брось, и без этого тошно, — воскликнул отец недовольный, —
Видишь, и нам не сидится, все ждем не дождемся развязки».

Но продолжал сосед разглагольствовать с видом спокойным:
«Вечно в минуту волнения от всей души поминаю
Доброе слово отца. Во мне, еще малом ребенке,
Нетерпеливость до корня последнего вырвать сумел он.
Вряд ли мудрейший из мудрых способен, как я, дожидаться».
«Как же, — священник спросил, — ваш родитель добился

такого?»

«Что ж, расскажу вам охотно, пусть каждый запомнит на
случай, —

Начал аптекарь. — Однажды, мальчишкой еще, в воскресенье
Я с нетерпением большим дожидался кареты, в которой
Ехать мы собирались в тот день к водоему под липы.
Где-то она задержалась, а я, как хорека, поминутно
Мчался туда и сюда, от окошка к двери метался.
Кончики пальцев зудели, столы я ногтями царапал,
Куксился, топал ногами, вот-вот разреветься готовый.
Батюшка все это видел; когда же совсем по-дурацки
Стал я себя вести, он схватил меня за руку молча,
Тихо подвел к окошку и многозначительно молвил:
«Вот погляди, сынок, на замке мастерская сегодня,
Завтра ее отопрут, и усердно пила и рубанок
Будут с зари до заката ходить, ни на миг не стихая.
Только попомни: однажды настанет урочное утро,
Мастер-столяр и его подмастерья возьмутся за дело,
Гроб для тебя приготовят, работая быстро и ловко,
Да и притащат оттуда сей дом деревянный, в котором
Вынесен будет равно терпеливый и нетерпеливый,
Чтобы покой он обрел под дубовую крышкой тяжелой».
Тотчас детскому взору представилась эта картина —
Будто сколочены доски и черною краской покрыты.
Тут, присмирив, я стал ожидать терпеливо кареты.
Если в пустом нетерпенье другие кругом суетятся,
Лица перекосив, я сейчас же гроб вспоминаю».

Пастор с усмешкой сказал: «Не смущается образом смерти Мудрый, и для людей добродетельных смерть — не кончина: Первого к жизни она зовет, в нем дух укрепляя, А у второго в душе пробуждает веру в спасенье. Жизнью для них, для обоих, становится смерть, и напрасно В смерти на смерть указал егозе-мальчугану родитель. Юноше ты покажи благородную, светлую старость, Старости — юность живую, чтоб вместе они любовались Круговоротом извечным, и жизнь восполнялась бы жизнью».

Тут отворилась дверь, и возникла чудесная пара, И удивились друзья, удивились родители тотчас, Видя, что облик невесты с обличьем юноши сходен. Низкой дверь показалась, когда на пороге явились Оба они, выделяясь сложеньем и ростом высоким. Девушку Герман представил родителям с речью крылатой: «Гляньте, она перед вами! Такую вы в доме хотели! Батюшка, будьте к ней добры, ведь девушка этого стоит! Матушка, вы о хозяйстве немедля ее расспросите И убедитесь, как близко вы сходитесь с нею во вкусах».

Пастора Герман тотчас отозвал в сторонку и молвил: «Достопочтенный муж, помогите осилить заботу — Узел распутать тугой, пред которым я немощен, ибо С девушкой не объяснился; напротив, она полагает, Что не хозяйкой в доме ей стать суждено, а служанкой. Вот и страшусь, чтоб она не ушла, о женитьбе услышав. Нужно все это распутать. Ее заблужденья не вправе Длить мы так долго, и мне неизвестность уже нестерпима. Так поспешите и тут показать свою мудрость, которой Славитесь вы!» И священник готов был к ней обратиться, Только отец, к сожаленью, успел словами своими Девушки душу смутить. Отозвался он с видом веселым, В доброжелательном смысле, хоть с легким оттенком

лукавства:

«Это недурно, мой мальчик! Я, знаешь ли, рад, что у сына Вкус такой же отменный, каким отец отличался! Лучшую он всегда приглашал на танцах и после Лучшую в жены избрал — драгоценную маменьку нашу. Ибо тотчас по невесте узнаешь, каков и мужчина, — Многого ль стоит он сам и себе ли знает он цену, Только, сдается, и вы не извоили медлить решением. Парень таков, что за ним не грешно увязаться, ей-богу».

Германа эти слова между тем мимолетно коснулись, Весь он затрепетал, а кругом наступило молчанье.

Но издевательской речь показалась девушке гордой, И глубоко оскорбленье ей в душу проникло. Румянец Залил ей щеки, да так, что розовым стал и затылок; Мигом собой овладев и мгновенно взяв себя в руки, Так старику она отвечала, скрывая обиду:

«Встречи иной ждала я, наслушавшись вашего сына, Он выставлял мне отца человеком с душой благородной; Вот и стою перед вами, пред мужем бывалым, который С каждым умеет умно обходиться и с каждым любезен. Кажется мне, что не слишком шевелится в вас состраданье К бедной, ступившей на этот порог, чтоб служить вам на совесть,

Разве иначе вы стали б указывать с горькой насмешкой, Как далека моя доля от вашей и вашего сына. Что ж, я и вправду бедна,— с узелком небольшим я вступаю В дом, что, как полная чаша, любое порадует сердце. Я себя знаю отлично и чувствую все обхождение. Так благородно ль, скажите, язвить меня речью такою, Чтобы, ступив на порог, я уже собиралась из дому?»

Живо священнику Герман кивнул, его приглашая В дело вмешаться немедля и тем отвести заблужденье. Выступил пастор вперед и, увидя тихое горе Девушки, тайную скорбь и в глазах заблеставшие слезы, Мысленно он решил этот узел распутать не сразу, А наперед изведать смятенное девичье сердце. К ней обратился теперь с испытующей речью священник: «Да, чужеземка, видать, опрометчиво ты поступила, Если к чужим наняться в служанки так скоро решилась, Это ведь значит во всем подчиняться воле господской. Ибо удар по рукам предрешает судьбу твою на год. Вымолвив «да», обрекаешь себя на многое этим. Хлопоты и беготня ведь не самое трудное в службе, Да и не горький пот повседневных трудов неустанных, Так как с рабом заодно и свободный усердствует в доме. Но господина причуды сносить, когда он не в духе И беспричинно бранит, то за тем, то за этим гоняя, И раздраженье хозяйки, тревожимой малостью всякой, Дерзость господских ребят и назойливость их и проказы — Вот что терпеть нелегко, да при этом изволь поскорее

Все выполнять, что прикажут, не жалуясь, не огрызаясь.
Только, мне кажется, ты не годишься для этого, если
Шуткой простою отцовской задета. А могут, пожалуй,
Девушку день-деньской донимать, что ей кто-то по праву».

Так заключил он. Дослушав священника меткое слово,
Девушка больше скрывать не могла закипевшее чувство.
Грудь молодая от тяжелого вздоха затрепетала,
И возразила она, проливая горячие слезы:
«О, невдомек тебе, рассудительный муж, что советом
Горе унять желаешь, сколь немошно слово, чтоб душу
Освободить от страданий, доставшихся ей ненароком.
Веселы вы и довольны: не может вас шутка затронуть!
Но ведь больному несносно и легкое прикосновение,—
Нет, здесь ничто не поможет, хотя б удалось мне притворство,
Пусть же раскроется то, что вдвойне бы терзало позднее,
Может быть, сердце мое истомив затаенным страданьем.
Дайте мне с миром уйти! Я у вас не могу оставаться!
Я удалюсь и пойду бедняков разыскивать, коих
В горе покинуть решила, за лучшей долей погнавшись.
Воля моя тверда, и поэтому можно признаться
В том, что иначе бы в сердце скрывалось долгие годы.
Да, я насмешкой отца оскорбилась: тому не причина
Гордость моя иль зазнайство, что вовсе служанке некстати,
Но неожиданно склонность в душе у меня пробудилась
К юноше, мне на дороге представшему как избавитель.
С ним разминувшись впервые на пыльном и знойном
проселке,

Думала я о нем и той счастливой, что к сердцу
Он прижимает, быть может, ее называя невестой.
Снова встретившись с ним у колодца, такою была я
Радостью светлой полна, будто наземь сошел небожитель,
Тотчас, по первому слову, в служанки пойти согласилась.
Все же себя надеждой я льстила (и в этом признаюсь),
Что заслужить мне удастся со временем счастье, быть
может,

Если я сделаюсь в доме опорой необходимой.
Только впервые, увя, мне открылась опасность, которой
Я бы подверглась, живя бок о бок с тайно любимым.
Только теперь убедилась, что наипрекраснейшей даже
Девушке бедной не пара богатый юноша. Это
Я говорю к тому, чтобы сердце мое вы узнали:
Случай обидел меня, но ему я обязана зреньем.

Что бы пришлось пережить мне, исполненной тайной надежды,

Если б когда-нибудь в дом он привел иную невесту?
Разве б смогла я тогда сокровенное вынести горе?
Случай меня остерег, и случай вырвал из сердца
Это признание, откуда несчастье еще отвратимо.
Все я сказала! И дольше меня ничто не удержит
В доме, где я стою перед вами в стыде и в смущенье,
Высказав тайную склонность и глупые эти надежды.
Да, ни крошечная ночь, заволакивая тучами небо,
Ни грохотание грома (я слышу его), ни жестокий
Ливень, хлещущий в стекла, ни вой разгулявшейся бури
В доме меня не удержат. К лишениям давно я привыкла
В бегстве печальном, всечасно спасаясь от вражьей погони.
Снова скитаться пойду, как меня в эти дни приучило
Вихреобразование событий, со всем дорогим расставаясь.
Время идти! Прощайте! Уж, видно, мне доля такая!»

Это сказала она и поспешно направилась к двери,
Узел, с которым пришла, сиротливо к себе прижимая.
Но, обхватив ее руками обеими, быстро
Загородив ей путь, изумленная мать закричала:
«Девушка, что это значит? К чему напрасные слезы?
Нет, я тебя не пущу! Ты — невеста любимому сыну!»
Только отец, не в пример добросердной жене, рассердился,
Девушке плачущей он недовольно молвил, вставая:
«Вот благодарность, какую имею теперь за потворство,
Мне в довершение всего отплатили самым несносным.
Нет ничего для меня нестерпимей, чем женские слезы.
Взбалмошный крик, пересуды со всей суетней бестолковой
Там, где с умом небольшим все можно уладить без шума.
Мне на такой ералаш и глядеть надоело, признаться.
Сами кончайте, а я удалюсь... Мне спать захотелось!»
Он повернулся и быстро пошел, направляясь в покои,
Где почивать обычно привык на супружеском ложе.
Но удержал его сын, умоляющим голосом молвив:
«Батюшка, стойте, не надо на девушку гневаться, ибо
Грех лишь на мне одном за эту неразбериху,
Что усугубил нежданно наш друг притворством умелым.
Достопочтенный муж, говорите! На вас полагаюсь!
Страх и скорби не длите! Кончайте дело скорее!
К вам не смогу относиться с таким уваженьем в дальнейшем,
Если замените мудрость обычную вашу злорадством».

Но, улыбаясь, ответил на это достойный священник:
«Чья бы мудрость могла столь чудесное вызвать признание
Девушки этой и нам полней раскрыть ее душу?
Разве забота твоя не восторгом теперь обернулась?
Сам говори! Для чего доверять объяснение другому!»
Выступил Герман тогда и с волнением и нежностью начал:
«Не сожалею о слезах и печали своей мимолеетной.
Ими скрепляется счастье мое и твое, я надеюсь!
Нет, не в служанки нанять чужестранную девушку шел я
Давеча, друг мой, к колодцу,— пришел я любви домогаться.
Только, увы, смущенный мой взор был не в силах

проникнуть

В тайну души твоей. Он одно дружелюбие заметил,
Встретясь с твоим, отраженным зеркальной водою колодца.
В дом тебя привести половиной счастья мне было,—
Ты довершаешь его! Так будь же моей нареченной!»
Девушка, тронута этим, на юношу молча глядела,
Не отклоняя горячих объятий и поцелуев,
Радость венчающих, если желанной порукою служат
Счастья, которому нету предела, как мнится влюбленным.

Все объяснил остальным тотчас же священнослужитель.
Девушка вышла вперед, с грациозным поклоном целуя
Руку отца, что поспешно отдернул старик, и сказала:
«Право, должны вы простить изумленной тем, что случилось,
Прежние слезы печали и эти счастливые слезы.
Первый порыв мне простите, меня не судите сурово,
Дайте хоть свыкнуться с этим на долю мне выпавшим
счастьем!

Первая смута, в которой я, сбитая с толку, повинна,
Пусть она будет последней. К чему обязалась служанка
Верой и правдой служить — я исполнить, как дочь,
обещаюсь!»

Обнял ее отец, умиления слезы скрывая.
Добрая мать подошла и порывисто расцеловала.
Крепко за руки взявшись, две женщины плакали молча.
Быстро священнослужитель сперва с отцовского пальца
Стаскивать начал кольцо обручальное (было, однако,
Трудно его протащить чрез опухший сустав стариковский),
После у матери снял он кольцо и, детей обручая,
Молвил: «Еще раз да будут заветные кольца залогом,
Прочно скрепляющим этот союз, столь похожий на старый.

К девушке юноша этот проникнут любовью глубокой.
Да и она заверяет — ей по сердцу юноша этот,
И потому обручаю и благословляю вас ныне
С воли родителей ваших, в присутствии верного друга».

Тут, поклонившись, аптекарь тотчас им принес поздравление.
Но, надевая кольцо золотое на палец невесты,
Пастор, весьма изумясь, увидал на руке и другое,
То, что еще у колодца ревниво Герман заметил.
И с дружелюбною шуткой к ней пастор тогда обратился:
«Как! Обручиться вторично ты хочешь? Смотри, чтобы
первый
Суженый твой не пришел к алтарю с укоризненным словом!»

Но отвечала она: «О, позвольте мне на мгновенье
Воспоминаньям предаться. Их, право, достоин тот добрый,
Что на прощанье вручил мне кольцо и ушел безвозвратно.
Все он предвидел, когда, вдохновленный любовью к свободе,
Жаждой подвигов полный во имя всеобщего счастья,
Он поспешил в Париж, где нашел темницу и гибель.
Молвил он: «Счастлива будь! Я иду, ибо нынче на свете
Все пошатнулось и, мнится, готово на части распасться.
Рушатся наисильнейших держав вековые устои.
Древних владений лишен господин старинный и с другом
Друг разлучен, так пускай и любовь растает с любовью.
Здесь я тебя покидаю, а где мы увидимся снова —
Бог весть! Быть может, меж нами последнее молвлено
слово.

Прав, кто сказал: «Человек на земле злополучный
пришелец».
Больше пришельцем теперь чем когда-либо сделался каждый.
Стали не нашими земли, сокровища прочь уплывают,
Золото и серебро меняют чекан стародавний,
Все в небывалом движенье, как будто бы впрямь мирозданье
В хаос желает вернуться, чтоб в облике новом воспрянуть.
Сердце храни для меня, и ежели встретимся снова
Мы на развалинах мира, то будем с тобой существами
Перерожденными, коим судьба не предпишет законов,—
Что законы тому, кто в такую годину родился?
Если ж не сбудется так, что напасти счастливо избегнем
И упадем, повстречавшись, с восторгом друг другу в
объятья,—

То сохрани, дорогая, в душе мой трепетный образ,
Чтобы равно приготовить себя и к веселью и к скорби;
Если ж на новое место и к людям новым потянет,
Благодари провиденье за то, что оно ниспослало.
Любящих ты возлюби и ответствуй на доброе добрым!
Но и тогда осторожно ступай своей легкой стопой,
Ибо удвоенной болью тебе угрожает утрата.
Каждый свой день славословь, но запомни, что жизнь не
ценнее

Всякого блага иного; обманчиво каждое благо».
Так он сказал и навеки ушел от меня, благородный.
Все потеряв, эту речь вспоминала я тысячекратно.
Ну, и теперь вспоминаю, когда любовь мне готовит
Новое счастье и светлой надеждой меня окрыляет.
Не обижайся, мой друг, что, на руку твою опираясь,
Все ж я дрожу! Мореходу, вступившему на берег, мнится,
Будто под ним и земля продолжает еще колыхаться».
С первым кольцом по соседству второе она уместила,

И отозвался жених, благородным волненьем согретый:
«Тем неразрывней да будет теперь при смятенье всеобщем
Наш, Доротея, союз! И верно и крепко мы будем
Друг за друга держаться, добро отстаивать наше.
Тот, кто во дни потрясений и сам колеблется духом,
Множит и множит зло, растекаться ему помогая.
Тот же, кто духом незыблем, тот собственный мир созидает.
Нет, не германцу пристало ужасное это движенье
Продолжать и не ведать — сюда иль туда повернуться.
«Наше — это!» — должны мы сказать и отстаивать твердо.
Ведь и поныне еще восхваляют решимость народов,
Грудью вставших за право и честь, за родных и за близких,
Хоть и костями полегли храбрецы, от врага отбиваясь.
Ты, Доротея, моя; и мое отныне навечно
Будет моим! И бесстрашно его я приму под защиту —
С доблестью мужа. И если теперь иль, быть может, в
грядущем

Станет нам враг угрожать, ты сама вручи мне оружие.
Буду я знать, что блюдешь ты мой дом и родителей милых,
О, я с отвагой тогда неприятелю выйду навстречу.
Если б так думали все, то сила сравнялась бы с силой
И долгожданный мир нас всех бы обрадовал вскоре».

СОВИНОВНИКИ

«Совиновники» были начаты молодым Гете в 1768 году, в бытность его лейпцигским студентом, и тогда же — предположительно — вчерне закончены. Рукопись этой, в ту пору одноактной, пьесы Гете взял с собою во Франкфурт, куда он спешно выехал 28 августа 1768 года, в день своего девятнадцатилетия, прервав университетские занятия из-за серьезного (так и не опознанного) заболевания. В ноябре того же года он вновь приступил к работе над «Совиновниками», но в декабре вторично прервал ее в связи с обострившейся болезнью. Закончен был первый вариант комедии в феврале 1769 года, но он не удовлетворил ни лейпцигского издателя Флейшера, к которому обратился Гете, ни самого автора. Юный комедиограф решил переделать пьесу в трехактную комедию, предпослав ей экспозицию (первый акт) и разбив первоначальный текст на два акта (второй и третий). Оба варианта, помеченные 1769 годом, сохранились, но при жизни поэта не публиковались. Впервые напечатаны были «Совиновники» в 1787 году, в томе 2 первого Собрания сочинений Гете. В третьей редакции комедии лежащий в его основе «второй вариант» подвергся значительной обработке. Помимо чисто стилистической правки, Гете заметно смягчил грубоватый тон иных реплик, устранил излишние длинноты, но, главное, облагородил образ героини — Софи, подчеркнув ее простодушную наивность и, напротив, поубавив не чуждое ей своекорыстное кокетство расчетливой мещаночки.

Возможно, что эти изменения были отчасти привнесены автором уже в «партитуру» первой постановки «Совиновников» на подмостках герцогского любительского театра (Веймар, 9 января 1779 г.), когда роль Альцеста исполнял сам Гете, а роль Софи — выдающаяся оперная и драматическая артистка Корона Шретер.

В «Совиновниках» Гете в последний раз отдает дань поэтике французской послемольеровской комедии. Отсюда условная техника пьесы — прямые обращения к публике, допущение, что любой «внутренний монолог» может быть подслушан заинтересованным действующим лицом, тогда как реплика, сказанная в сторону вынатым театральным шепотом, до партнера, с которым ведется диалог, не доходит. Отсюда же и стихотворный размер, которым написаны «Совиновники», — попарно рифмующийся александрийский стих (шестистопный ямб с обязательной цезурой после третьей стопы), широко применявшийся немецкими драматургами в XVIII веке в подражание французским классицистам. Под пером молодого Гете «классический» александрийский стих обрел замечательную гибкость и почти мольеровскую разговорную живость — особенно в диалогах, где шестистопная строка нередко разбивается на три, на шесть и даже на семь реплик, которые произносились разными лицами.

Можно не соглашаться с утверждением Гете, высказанным им в старости, будто бы в «Совиновниках» «с веселой непринужденностью доносится до зрителя речение Христово: «Кто без греха, пусть первый бросит камень». Верным остается то, что автор этой отчасти даже «криминалистической комедии», не признавая право на суд ни за одним из действующих лиц (все персонажи — «совиновники»), тем самым считает насквозь порочным все бюргерское общество в целом.

Стр. 10. *...Спешат в Америку, чтоб защищать свободу...* — Речь идет об отрядах немецких добровольцев, принявших участие в Войне за независимость в Сев. Америке (1775—1783 гг.) на стороне восставших провинций. В то же время начиная с 1775 г. в Америку отправлялись немецкие рекруты, проданные своими князьями, чтобы воевать на стороне Англии против восставших.

Стр. 47. *Волнение в Гессене?* — Княжество Гессен славилось усиленной продажей солдат, что нередко вызывало волнения в народе.

Стр. 53. *Так даже доктор Фауст, поди, не трепетал...* — В народной книге и кукольной комедии о докторе Фаусте маг и чернокнижник Фауст продавал душу дьяволу и тот имел право по прошествии двадцати четырех лет унести ее в ад; когда наступал час расплаты, Фауст дрожал и метался от страха перед адскими муками. Это первое упоминание о Фаусте в сочинениях Гете. *...И Ричард Третий!* — Речь идет не о шекспировской хронике «Ричард III», а о трагедии немецкого драматурга Х.-Ф. Вейсе (1726—1804) того же названия, в которой король-злодей в последнем действии страшится ожидающей его кары.

Стр. 67. *Видать, забыли вы, // Что кой за что еще лишают головы.*— По старинным законам, прелюбодеяние каралось смертной казнью; в XVIII в. такое наказание уже не применялось.

ПРОМЕТЕЙ

Два акта незаконченной драмы «Прометей» были написаны Гете летом 1773 года. Рукопись надолго пропала и обнаружилась вновь только в 1820 году. Первый фрагмент напечатан самим Гете в томе 33 последнего прижизненного Собрания сочинений (1830).

Несмотря на незавершенность, «Прометей», наряду с «Пра-Фаустом» и гимнами «Песнь о Магомете», «Ганимед», принадлежит к наиболее значительным выражениям «титанизма» Гете периода «Бури и натиска».

Миф о Прометее, обработанный греческим трагиком Эсхилом в «Прикованном Прометее», стал особенно популярен в XVIII веке, после того как английский философ Шефтсбери (1671—1713) провозгласил образ легендарного титана символом творческого духа человека. Прометей для Гете — синоним гения (см. его статьи «Ко дню Шекспира», «О немецком зодчестве» — т. 10 наст. изд.).

«Прометей» — яркое выражение философских взглядов молодого Гете. Здесь явно высказано его отрицание религии. Каждое живое существо — неотделимая часть природы, объединяющей все, что существует. Человек прежде всего творец, именно в творческом начале проявляется его высшая сущность.

Молодой Гете дважды обращался к мифу о Прометее. Наряду с начатой драмой он создал гимн «Прометей» (см. т. 1 наст. изд., с. 89, где он дан в переводе В. Левика), близкий по духу, но композиционно не связанный с публикуемым фрагментом. Тем не менее, печатая почти шестьдесят лет спустя отрывок драмы, он подключил к нему в качестве начала третьего акта свой гимн. В настоящем издании драматический фрагмент «Прометей» дан в том виде, в каком его обнаружил Гете в поздние годы.

Работая над «Прометеем», Гете пользовался (как и позднее, при создании «Ифигении», ч. II «Фауста» и т. д.) мифологическим словарем Гедериха, извлекая из него варианты мифов, наиболее соответствовавшие его поэтическим замыслам. Так у него Прометей — сын Зевса и Юноны, в отличие от другого варианта, согласно которому Прометей происходит от Япета и океаниды Азии; Пандора создана Прометеем, а не Гефестом (в отместку Прометею); изваянные Прометеем люди оживляются Минервой и т. д. Как обычно, Гете произвольно пользуется именами античных богов — то греческими, то римскими.

В настоящее время мы располагаем авторской рукописью «Прометея», хранящейся в Страсбургском университете, копией, принадлежавшей скончавшемуся в Москве поэту Ленцу, а также двумя копиями гоффрейлины фон Гохгаузен.

Сам Гете воспользовался при публикации «Прометея» своей страсбургской рукописью, которая к нему возвратилась в 1819 году. Год спустя, в 1820 году, к нему также поступил найденный в Москве список Ленца, о чем Гете оповестил друга Цельтера письмом в мае 1820 года: «Не давайте рукописи слишком большого распространения, чтобы она не попала в печать. Он («Прометей». — А. А.) мог бы явиться вождьленным евангелием для нашей революционной молодежи... Замечательно, однако, что этот непокорный огонь, уже полвека тлевший под поэтическим пеплом, вдруг, охватив подлинно горючие материалы, грозит вырваться губительным пламенем...» (см. т. 3 наст. изд., коммент. к с. 541).

Стр. 81. *Сначала сучья срежь...* — Комментаторы давно обратили внимание на то, что описание строительства первой хижины в «Прометее» совпадает с рассуждением о первом жилище человека в ранней статье Гете «О немецком зодчестве» (1771). Гете выбирает из всех действий первобытного человека в качестве основополагающего строительство жилища, следуя в этом Жан-Жаку Руссо, который назвал постройку первой хижины «первой революцией» в истории человечества. В «указаниях» Прометея есть деталь, становящаяся понятной при обращении к названной статье. Гете полемизировал там с неким Ложье, утверждавшим, что сначала жилища строили, вбив в землю четыре столба и положив поверх них четыре шеста, а затем покрывали все это мхом и ветвями. Четыре столба нужны были для доказательства того, что классицизм и его архитектурные колонны — создание самой природы. Гете возражал, говоря, что «два перекрещивающихся наверху шеста впереди и два сзади с шестом, положенным поверх них, для кровли, было и осталось несравненно более первобытным изобретением»... Иначе говоря, островерхая готика имеет более древние и естественные корни, чем классицизм.

Стр. 82. *Возьми вон там лишай древесный...* — Согласно мифам, Прометей был также основателем врачевания.

Стр. 83. *Еще вы не испорчены, о дети...* — Типичный руссоистский мотив. Однако, по Гете, первобытный человек далек от идеальности. Как явствует из следующей характеристики, он противоречив, в нем заложены в равной мере возможности добра и зла.

Стр. 83—84. *Неведомые чувства! // ...Скажи, // Что потрясло ее...* — Ответ Прометея гласит: «Смерть». Однако предшествующий

рассказ Пандоры о странном состоянии Миры посвящен совсем иному. В нем явно изображен любовный экстаз. Единственное объяснение этого противоречия заключается в том, что для молодого Гете любовь, как и смерть, есть слияние с природой, космосом. Особенно сильно звучит этот мотив в «Страданиях юного Вертера» (т. 6), а также в «Ганимеде» (т. 1, с. 90—91). В более поздние годы сходные настроения звучат в стихотворении «Блаженное томление», входящем в «Западно-восточный диван» (т. 1, с. 332). Следующие в конце второго акта слова Прометея *«Лишь все — желанье, счастье, боль — // Сольется в вихре исступленья, — // Все успокоит сон блаженный...»* — также относятся не к смерти, а к акту любви.

САТИР, ИЛИ ОБОГОТВОРЕННЫЙ ЛЕШИЙ

Эта небольшая сатирическая пьеса относится к периоду «Бури и натиска». Она близка по духу фарсу «Боги, герои и Виланд» (т. 4). В годы «Бури и натиска» Гете глубоко воспринял идеи Жан-Жака Руссо, противопоставлявшего ложной буржуазно-монархической цивилизации опрощение и возврат к природе. Однако он не был безоговорочным приверженцем этого учения. «Сатир, или Обоготворенный леший» — критика крайностей некоторых последователей руссоизма, доводивших идею возврата к природе до оправдания любой дикости. Вместе с тем «Сатир» и пародия на мнимых «пророков», оправдывающих свои низменные стремления высокими принципами. Сам Гете определил это произведение как одно из проявлений его «божественной юношеской дерзости» (письмо к Ф. Якоби от 11 января 1808 г.). «Сатир» написан в конце лета 1773 года. Отдельные мотивы отражают влияние различных литературных произведений: шутилой пьески Гапса Сакса (1494—1576) «Лесной брат и сатир», «Тартюфа» Мольера и комедии французца Шарля Палиссо «Философы» (1760). Последнюю из названных пьес Гете видел в юности, и ему запомнилась «фигура философа, который ползает на четвереньках и грызет сырой кочан салата» («Поэзия и правда», т. 3, с. 80).

Гете рассказывает в автобиографии, что друг его Мерк обратил его внимание «на тех, кто, не обладая большими талантами, добивается влияния и умеет посредством обширных связей, что называется, выйти в люди». Одного такого типа, «дельного и напористого», Гете, по его словам, изобразил в «Сатире, или Обоготворенном лешем» («Поэзия и правда», т. 3, с. 475). Указание на то, что главный персонаж имел реальный прототип, привлекло внимание гетеведов. Не случайно Гете опубликовал эту сатиру лишь

тридцать четыре года спустя после написания, в томе 9 двадцатитомного издания своих сочинений (1817); задержка публикации была, надо полагать, вызвана тем, что Гете не хотел задеть того, кто мог бы узнать себя в Сатире. Когда издание появилось в печати, многих из прежних друзей и знакомых Гете уже не было в живых. Кто из друзей (и врагов) послужил прототипом Сатира, едва ли когда-либо будет окончательно выяснено. Большинство комментаторов сошлось на том, что Гете, создавая этот образ, осмелел некоторые черты личности Гердера, что вполне вероятно, если вспомнить перовные отношения Гете с его старшим другом. Выдвинутое в 1949 году Ф.-И. Шнайдером предположение, что прототип Сатира не кто иной, как А.-С. фон Гуэ, с которым Гете общался, — по нашему мнению, не заслуживает серьезного внимания: фон Гуэ, каким он изображен в «Поэзии и правде» (кн. 12, т. 3, с. 449), едва ли мог вдохновить Гете на его блестящую шутку. Скорее всего Сатир — не портрет, а обобщение, содержащее черты разных людей.

Важнее установления прототипов литературная, точнее — поэтическая сторона фарса. Сатира и гротеск сочетаются в нем с экспериментаторством в стихотворной речи. Гете применил здесь народный рифмованный стих (наподобие русского раешника) — «книгтельферс». Примерно в то же время происходила работа над первыми набросками «Фауста», где также применена эта форма стиха, доведенная Гете до совершенства. Своеобразной является тональность пьесы, в которой неожиданны и тонки переходы от серьезности к иронии и насмешке.

Стр. 98. *...вздор // Вас разлучает с давних пор // С природой, а блаженство — в ней...* — Повторение идей Ж.-Ж. Руссо продолжено и в дальнейших речах Сатира. Эти высказывания отличаются двойственностью: Гете разделял стремление к природе и естественности, но в устах Сатира, преследующего корыстные цели, благородные идеи Руссо приобретают сомнительный характер.

Стр. 100. *Рвите каштаны!* — Виланд в «Разговоре во сне с Прометеем» (1770) подверг Руссо насмешливой критике с позиций ортодоксального просветительства. В частности, он иронизировал по поводу утверждения, будто первобытные люди питались желудями, возражая с показной ученостью, что-де древние авторы Плиний и Страбон называют в качестве пищи первобытных людей каштаны.

Стр. 101. *Внемли, кому повем...* — В этой и двух следующих речах Сатира выражена оригинальная идея о возникновении мира. *Не-вещь* — хаос, царивший изначально; *пра-вещь* — это свет, про-

рвавший тьму и положивший начало жизни. Центральная мысль заключена в словах: «Как Любовь с Враждой пришли, // Всё и всех в одно сплели...» Здесь выражена поэтическая концепция мира как гармонического целого, цементирующим началом которого являются свет и любовь. Этот мотив встречается и в ряде других, более поздних произведений Гете; см., например, стихотворение «Воссоединение» в «Западно-восточном диване» (т. 1, с. 386—387), а также «Фауст» (ч. I, слова Мефистофеля: «Я части часть, которая была // Когда-то всем и свет произвела. // Свет этот — порожденье тьмы ночной...») (т. 2, с. 51).

...И одно поет... — Сатир воспроизводит здесь учение древнегреческой философии пифагорейцев, согласно которому существует звучащий свет. Эта идея выражена также в «Фаусте»: в «Прологе на небе» (т. 2, с. 15) и в начале второй части: «Слышите, грочут Оры!..» (т. 2, с. 184),

ЯРМАРКА В ПЛУНДЕРСВЕЙЛЕРНЕ

Фарс написан в 1773 году, напечатан в 1774-м в сборнике маленьких пьес под названием «Новооткрытое нравственно-политическое действо», включавшем «Земную жизнь художника» (т. 1), «Ярмарку в Плундерсвейлерне» и не вошедшее в настоящее Собрание сочинений «Масленичное действо о патере Брее». Начинался сборник «Прологом», написанным в духе вступительной речи к ярмарочному кукольному представлению, но весьма злободневному по смыслу, говорящему о всех сословиях современного общества. «Ярмарка в Плундерсвейлерне» была переработана в 1778 году и поставлена в любительском исполнении в Эттерсбурге, летней резиденции веймарской герцогини-матери Анны-Амалии. Музыку для спектакля сочинила сама Анна-Амалия; роли Шарлатана, Амана и Мардохея исполнял Гете; Эсфирь играла Корона Шретер.

Подзаголовок фарса переведен М. Л. Лозинским как «машкерадное (маскарадное) действо» — стилизация в духе языка XVII—XVIII веков, когда именно так назывались в России подобные представления.

Образ ярмарки очень давно становится в литературе аллегорией суетной мирской жизни. Особенно популярным стал этот образ благодаря английскому писателю Джону Беньяну (1628—1688), в романе которого «Путь паломника» есть поразительная сатирическая картина «Ярмарки суеты» (в других переводах — «Ярмарка тщеславия»). Ярмарка часто выступает в качестве символа в немецком театре XVII века, на что указывает уже упомин-

нутый «Пролог». То, что там декларировано, в самом фарсе раскрыто в живых образах, представленных в традициях народного театра. Как и в других фарсах, Гете наполняет все речи злободневными намеками, часть которых не поддается расшифровке.

Стр. 111. *Плундерсвейлерн*.— Название городка придумано Гете; «Плундер» — по-немецки «хлам», «дрянь».

За разрешение — спасибо вам! — Для того чтобы давать представления, требовалось получить разрешение властей, Доктор раздобыл его для Шарлатана.

Да снизойдет на вас сегодня // Градом платков благодать господня! — Ярмарочные представления давались на площади, всякий мог их смотреть, и зрители бросали плату за спектакль, завернув монеты в платок.

Стр. 112. *...У нас не в чести потеха: // Публика нынче стыдится смеха.*— В начале XVIII в. Иоганн Кристоф Готшед (1700—1766) в «Опыте критической поэтики для немцев» (1730) провозгласил принципы реформы немецкого театра. Он выступил как против аристократической драмы, так и против народного театра, в особенности требуя изгнания со сцены неизменного участника представлений — шута Гансвурста. Фарсы Гете выражали стремление возродить традиции народного площадного театра, речь об утрате веселья имеет именно этот смысл и ратует за возрождение шутства на сцене.

Стр. 114. *Тиролец*.— На ярмарке собрались приезжие из разных мест: *тиролец* и *тиролька*, *нюрнбержец*; пришли сюда в представители разных профессий: *коломазчик* — смазывает оси колес дегтем; *щикальщик* — его специальность снимать нагар со свечей.

Мальчик с сурком.— Дрессированный сурок обычно плясал под музыку. Песня мальчика с сурком была положена на музыку Бетховеном и приобрела самостоятельную популярность, независимо от фарса Гете.

Стр. 119. *Такая же борода!* — Шуты на площадной сцене выступали в маске с бородой.

Это — история // Эсфири в лицах.— Библейская история Эсфири — образец древнего «романа» — пользовалась большой популярностью и неоднократно обрабатывалась для сцены. Самая знаменитая трагедия на этот сюжет — «Эсфирь» Расина (1689). Гете, однако, пародирует не его пьесу, а «трагедию» Ганса Сакса. В первом варианте «Ярмарки» персонажи этой «пьесы в пьесе» были сатирически заострены против определенных лиц, в окончательном тексте Гете это сгладил.

Стр. 127. *...И прочих европейских potentatov...* — Потентат (лат.) — властитель.

Стр. 133. *Свечи долой! Только мой огонек!* — Раешник показывает картины посредством волшебного фонаря, изобретенного в XVIII в.,

ИФИГЕНИЯ В ТАВРИДЕ

По словам Гете Римеру, одному из его секретарей, замысел «Ифигении» возник у поэта в 1776 году, вскоре после его приезда в Веймар. Работа над драмой происходила, однако, значительно позднее — в 1779 году. Видимо, замысел полностью созрел и Гете продиктовал «Ифигению» между 14 февраля и 28 марта 1779 года. В первоначальном виде драма была написана ритмизированной прозой. Уже 6 апреля она была сыграна в любительском исполнении: Ифигению играла актриса Корона Шретер, Ореста — сам Гете, Пилада — принц Константин, Фоанта — приятель Гете Кнебель, Аркаса — секретарь консистории Зейдлер. Исполнитель Пилада оказался слабым, и начиная с третьего спектакля эту роль исполнял (не более удачно) сам герцог Веймарский Карл-Август. Сцена узнавания Ифигении и Ореста была запечатлена на полотне художником Г.-М. Краусом. Г.-Ф. Хуфеланд, видевший одно из первых представлений, писал впоследствии в мемуарах: «Я никогда не забуду впечатления, которое произвел Гете как Орест в греческом костюме на представлении его «Ифигении»; можно было подумать, что видишь самого Аполлона. Никогда еще не бывало такого сочетания физического и духовного совершенства и красоты в одном человеке...» Судя по портретам и картине Крауса, Корона Шретер была достойной партнершей поэта.

Гете не был, однако, удовлетворен драмой и смотрел на нее лишь как на набросок. Когда руководитель Мангеймского театра попросил у него текст, Гете ответил, что в своем настоящем виде пьеса годится только для любительской сцены. По его мнению, драме не хватало гармонии стиля. Он принялся за обработку написанного, состоявшую вначале в том, что ритмическую прозу первого варианта он разбил на неравные стихотворные строки. Сохранилась рукопись этой переработки, датируемая 1780 годом. В следующем году Гете продолжил работу над текстом. Гердер и Виланд, знавшие прозаический вариант, настойчиво советовали переложить всю пьесу в классический пятистопный ямб. За осуществление этой задачи Гете взялся только во время пребывания в Италии, куда он захватил с собой рукопись. В январе 1787 года он отправил в Веймар драму уже в том окончательном виде, в каком она в том же

году появилась в печати в томе 3 «Сочинений» (восьмитомное издание). В специальных научных изданиях опубликованы сохранившиеся четыре варианта, отражающие разные стадии работы Гете над этим произведением. Они свидетельствуют о том, что основа сюжета, характеры и идея четко определились с самого начала. Длительная работа преследовала цель такой стилистической и стихотворной шлифовки текста, которая полностью отвечала бы замыслу — провести идею гармонии в самой форме произведения. Именно эта центральная мысль характеризует «Ифигению в Тавриде», одно из совершеннейших творений Гете. Своеобразие этого произведения особенно обнаруживается при его сопоставлении с трагедией «Гец фон Берлихинген». Если «Гец» — наиболее полное выражение в драме идей и поэтики «Бури и натиска», то «Ифигения» — воплощение поэтики и мироощущения, характерных для классицизма Гете. Перелом в мировоззрении поэта происходил постепенно, подчас мучительно, и это отразилось в длительной работе над «Ифигенией».

История Ифигении по-разному обрабатывалась писателями уже в античную эпоху. Из нескольких древнегреческих произведений на этот сюжет сохранились трагедии Еврипида «Ифигения в Авлиде» и «Ифигения в Тавриде». Различные варианты мифа получили обработку также в близкое к эпохе Гете время. Особенно следует выделить среди них оперы на этот сюжет сначала итальянца Томмазо Тратта и затем прославленного композитора К.-В. Глюка, чья «Ифигения в Тавриде» (1779) имела большой успех.

Число драматических обработок истории Ифигении в XVII—XVIII веках было довольно велико. Более ранний эпизод мифа — «Ифигения в Авлиде» — был обработан Расином. Менее значительным явлением в искусстве была драма Жозефа де ла Гранжа «Орест и Пилад, или Ифигения в Тавриде» (1697). В Германии Иоганн Элиас Шлегель обработал тот же сюжет в пьесе «Брат и сестра в Тавриде» (1739), другой немецкий писатель Ф.-В. Готтер написал трагедию «Электра и Орест» (1772). Трагедия «Орест» (1750) была также написана Вольтером.

В какой мере Гете был знаком с предшествующими обработками сюжета, судить трудно. Он, конечно, знал трагедию Еврипида, но сам признавался: «Я написал мою «Ифигению» после изучения греческих материалов, которое, однако, не было достаточным. Если бы оно было более совершенным, пьеса осталась бы ненаписанной». («Сообщения о Гете» его секретаря Ф.-В. Римера). Тем не менее знакомство с мифологической основой трагедии необходимо для ее понимания.

Царь Аргоса Агамемнон прогневил богиню Артемиду, которая в отместку наслала враждебные ветры, помешавшие отплытию греческих кораблей для участия в осаде Трои. Тогда Агамемнон, чтобы умиловить богиню, решил принести ей в жертву свою дочь Ифигению. Но Артемиде заменила девушку ланью, а Ифигению унесла в Тавриду, сделав ее там жрицей посвященного ей храма. Эта часть мифа послужила основой для трагедии Еврипида «Ифигения в Авлиде».

В то время как Агамемнон воевал в Трое, его жена Клитемнестра сблизилась с Эгисфом. После падения Трои Агамемнон вернулся, но тут же был предательски убит своей женой. Этот сюжет составил действие трагедии Эсхила «Агамемнон». Сын Агамемнона и Клитемнестры Орест, мстя за отца, убил свою мать («Хоэфоры» Эсхила). За это Ореста преследуют мстительные эринии, но его спасает от них сама богиня Афина-Паллада («Эвмениды» Эсхила).

Однако не все эринии примирились с прощением Ореста. Спасаясь от них, он бежит в Дельфы и скрывается в храме Аполлона. Аполлон велит ему ехать в далекую Тавриду и привезти оттуда священное изображение богини Артемиды. С этой завязки начинается трагедия Еврипида «Ифигения в Тавриде». Богиня Артемиде спасла Ифигению от смерти и перенесла в далекую Тавриду (ныне Крым), населенную дикими варварами, где Ифигения становится жрицей храма в честь этой богини. У тавров существует жестокий закон — всех чужеземцев, появляющихся в их стране, предавать смерти, принося их в жертву богине Артемиде. Приплывших в Тавриду Ореста и Пиллада схватывают пастухи и приводят к Ифигении с тем, чтобы она принесла их в жертву Артемиде. Ифигения спрашивает Ореста, откуда он родом, затем узнает от него о судьбе Трои (уже двадцать лет живет она в Тавриде и не знает о том, что произошло на ее родине). Орест рассказывает ей также о гибели Агамемнона от руки Клитемнестры и о смерти Клитемнестры от руки сына. Выяснив, что ее брат жив, Ифигения просит, чтобы один из пленников отвез ему ее письмо, другой же останется, чтобы пасть жертвой. Затем она убеждается о том, что один из чужеземцев ее брат Орест. Теперь Ифигения готова на все, чтобы спасти обоих чужеземцев — брата и его друга. Она берется также помочь Оресту в выполнении его задачи — похитить и увезти статую богини Артемиды. С этой целью Ифигения уговаривает царя Тавриды Фоанта, что надо отвести чужеземцев на берег моря и смыть с них кровь, ибо один был убийцей матери, а другой помогал ему в этом. Обманутый царь разрешает проделать это; Ифигения, Орест и Пиллад пользуются случаем, чтобы бежать на корабле Ореста, но морские ветры прибивают корабль обратно к берегу. Все трое погибли

бы от гнева Фоанта, но тут появляется богиня Афина, и, повинувшись ей, Фоант освобождает пленников и разрешает им вернуться на родину.

Гете сохранил основу античной фабулы, но многое изменил в общем характере сюжета и в той атмосфере, которая окружает действующих лиц. Греческая трагедия была проникнута религиозно-культовыми мотивами, сохранявшими силу даже у такого вольнодумца, каким современники считали Еврипида. В его произведении еще сильны веления богов, проклятия, власть судьбы. У Гете эти мотивы значительно смягчены, как смягчен контраст между варварами Тавриды и цивилизованными греками.

Трагедия Еврипида драматична и театральна, это одно из самых богатых действием творений античной драмы. Гете в значительной мере снимает внешнюю динамику, перенося центр тяжести на переживания и душевные движения. Его героиня Ифигения — воплощение того идеала гуманности, который Гете утверждал как высшую нравственную основу жизни. Она пример высоких и чистых чувств. В критике давно признано, что прототипом для Ифигении послужила возлюбленная Гете в первые десять лет веймарской жизни — Шарлотта фон Штейн. Она оказала «цивилизирующее» влияние на молодого «штюрмера» и бунтаря, каким Гете явился в Веймар, не только прививая ему хорошие манеры, но и дисциплинируя его духовно. Автобиографическое начало заметно и в образе Ореста. Античный мотив одержимости, преследования его эриниями заменен у Гете душевными муками. Еврипидовский Орест был жертвой терзаний, наложенных на него свыше и извне, герой Гете мучим внутренним сознанием вины. Гармоничная и чистая Ифигения оказывается целительницей душевных мук брата. В трагедии Еврипида Ифигения пыталась спасти брата посредством обмана. У Гете финал имеет другой характер: Ифигения не хитрит и не лжет, она прямо рассказывает все Фоанту, вызывает к его разуму, благородству и милосердию. Так же как она очистила душу брата, так возвысила она духовно и Фоанта, подвигнув его на благородный поступок.

«Ифигения в Тавриде» — образец творчества Гете после штюрмерского периода. Поэт достиг здесь той гармонии, которую он стал теперь считать высшей нормой человеческой личности. Но героиня Гете не является воплощением реально достигнутой в жизни гармонии, она — лишь воплощение идеала, к которому Гете призывает людей стремиться. Хотя драма заканчивается примирением всех противоречий, сам Гете был далек от того, чтобы признать это действительным и осуществимым, о чем ясно свидетельствует его следующая драма — «Торквато Тассо».

Стр. 136—137. *Диана* — римская богиня, отождествляемая с греческой Артемидой. Гете не придерживался строгого разграничения греческих и римских мифологических имен. *Строгая Диана*. — Гете намекает на то, что Диана была богиней целомудрия.

Стр. 139. *...проклятье древнее...* — Предок Ифигении Тантал за непослушание богам был свергнут с Олимпа и обречен проклятию. Оно сказалось на судьбе его сыновей Атрея и Фиеста, враждовавших друг с другом, а также и в следующем поколении, ибо отец Ифигении Агамемнон — сын Атрея.

...Столь гибельный для прочих чужеродцев. — Аркад намекает на обычай тавров приносить чужеземцев в жертву богине Артемиде.

Стр. 140. *...Для обновленного тобой народа?* — Ифигения, по Гете, оказала облагораживающее воздействие на жителей Тавриды.

Стр. 146. *Стан мощный и пылкий ум титанов...* — Гете неточен, приписывая Танталу и его потомкам качества титанов, восставших против богов.

Стр. 147. *Уже Пелопс...* — Здесь и далее Ифигения рассказывает подробности историй потомков Тантала, над которыми тяготеет проклятие.

Стр. 151. *...наследственное право // На Зевсов стол...* — Тантал был приглашен к трапезе богов Олимпа и вкушал пищу вместе с Зевсом.

...Отказывал я в древних приношениях. — Под влиянием милосердной Ифигении Фоант прекратил казни чужеземцев.

Стр. 152. *Дева-заступница* — то есть Диана, спасающая Ифигению.

Стр. 154. *...как всем Атридам...* — Атриды — потомки Атрея. См. коммент. к с. 139.

Стр. 157. *...И злой и добрый, каждый за свои // Поступки получает воздаянье.* — Гете вкладывает в уста Пилада мысль об ответственности каждого за свои поступки, опровергая религиозную идею проклятия, накладываемого богами на весь род.

Стр. 158. *Когда сестру вернешь ты Аполлону // И будет в Дельфах чтить ее народ...* — Орест и Пилад поняли предсказание оракула в том смысле, что они должны вернуть в Дельфы сестру Аполлона — Диану, то есть ее статую, с тем чтобы поставить ее в дельфийском храме. На самом деле имелась в виду сестра Ореста. На двусмысленности предсказания основан и ряд дальнейших речей о «сестре».

Стр. 159. *...Ты довершишь деянье фурий...* — Римские фурии — то же, что греческие эринии. Пилад имеет в виду, что, идя на смерть, Орест сам сделает то, чего желают преследующие его фурии.

Я слышу речь Улисса.— Улисс — Одиссей славился своей хитростью. Орест обвиняет Пилада в том, что он хитрит.

Стр. 160. *Опасную дарю я свободу...*— Оковы снимали с пленника перед тем, как принести его в жертву богине.

Стр. 161. *Из Крита мы, Адрастовы сыны...*— Пилад хитрит и рассказывает выдуманную историю.

Стр. 162. *Паламед, Аякс* — греческие герои, упомянутые в «Илиаде» Гомера.

Стр. 164. *...вместе с ложем, ведомым ему.*— Имеется в виду, что Эгисф взшел на ложе Клитемнестры еще до того, как стал ее мужем.

Стр. 166. *Или тот же рок // Его окутал неводом Аверна?* — Аверн — озеро в Италии близ г. Кумы — считалось входом в Аид, подземное царство смерти.

Электра — сестра Ифигении и Ореста, выведена в «Хорэфорах» Эсхила и «Электре» Софокла, а также одноименной трагедии Еврипида. Далее в рассказе Ореста события изложены так, как они освещены в мифах, послуживших сюжетом этих трагедий.

Стр. 169. *...дочерям подземной ночи...*— Имеются в виду богини-мстительницы эринии (фурии).

Ахеронтов дым.— Ахерон (Ахеронт) — подземная река, через которую души умерших переправлялись в загробный мир; над ее поверхностью, согласно мифам, клубились пары, подобные дыму.

...вправе сеять смерть, они ступают // На муз...— Эринии обитали в загробном мире, им было запрещено покидать его, за исключением тех случаев, когда они должны были мстить преступникам и убийцам.

Стр. 173. *Свадебный наряд Креузы.*— Когда Язон, герой древнегреческих мифов, покинул Медею, чтобы жениться на Креузе, Медея послала ей в подарок пропитанный ядом свадебный наряд; надев его, Креуза сгорела.

Хочу, как Геркулес...— Геракл (Геркулес) умер от того, что его жена Деянира, опасаясь измены, прислала ему отравленную одежду.

Лизей — одно из имен бога вина Вакха. Орест сравнивает возбуждение Ифигении с экстазом опьяненных вакханок.

...с вершин Парнаса // Светлей не льется плещущий ручей...— Имеется в виду Кастальский ручей, чья вода была особенно чистой и считалась вдохновляющей поэтов.

Стр. 175. *Сюда, немирный дух!* — То есть дух Клитемнестры. *Евмениды* — то же, что эринии, богини мести.

Стр. 176. *...с Фiestом // Ведет Агрей душевную беседу, // И мальчишки резвятся возле них.*— Эту воображаемую идиллическую

картину следует сопоставить с преданием, которое гласило, что Атрей убил сыновей Фиеста и угостил его их мясом.

Страждет богоподобный? — Имеется в виду Тантал, испытывающий вечные муки.

Стр. 178. *Ирида* — богиня радуги, соединявшая небо и землю, богов и людей.

Стр. 185. *...На том неосвященном берегу...* — Эринии не могли ступить на освященную землю; то, что они даже на неосвященной земле не подступили к Оресту, Пилад считает благоприятным знаком.

Стр. 187. *Лары пращуров* — то есть души предков; лары в римской мифологии боги-хранители дома и семьи.

Стр. 204. *...О золотом руне, о конях, девах!* // *Кто не слышал?* — Имеется в виду сказание о походе аргонавтов за золотым руном, во время которого они испытали много приключений, в частности, боролись с девушками-воинами амазонками, и ряд других греческих сказаний о похищении коней Гераклом, о похищении скифских дев и др.

ТОРКВАТО ТАССО

Жизнь великого итальянского поэта Торквато Тассо (1544—1595) была весьма драматична. Он прославился поэмой «Освобожденный Иерусалим» (1575), посвященной одному из походов крестоносцев для освобождения гроба господня. Изумительная по красочности событий, блестящая по стихотворной технике, она, наряду с «Неистовым Орландо» его предшественника Лодовико Ариосто (1474—1533), была воспринята народом как своего рода национальный эпос. Гете слышал в Венеции, как гондольеры распевали строфы из поэмы Тассо.

Жизненная драма Тассо состояла в том, что, будучи незаурядной личностью, он уже не мог мириться с зависимым положением. Поэты во времена Тассо зависели от покровительства и денежной поддержки знатных меценатов. Тассо пытался прижиться во дворах разных итальянских государей, — так, длительное время он был связан с герцогом Феррары Альфонсом II. Крайняя возбудимость поэта не раз ставила его в трудное положение и приводила к конфликтам с окружающими, не обходилось и без интриг завистников. Он навлек на себя домашний арест, заточение в монастырь, но бежал; однако в 1570 году открытое недовольство, выраженное им, вызвало гнев Альфонса II. По приказу герцога поэт был помещен в дом для умалишенных, где он провел семь лет. Освобожден-

ный в 1586 году, он принял покровительство герцога Мантуи, но болезненное состояние не давало ему покоя, он переезжал из одного города в другой, пока слабое здоровье не сдало совсем. Папа Клемент VIII назначил дату коронования Тассо лавровым венком в честь его заслуг, но поэт не дожил до этого торжества.

Вокруг имени Тассо уже при его жизни стали складываться легенды. Среди прочего возникла поэтическая легенда о его любви к принцессе Леоноре д'Эсте, которой он посвящал стихи. Так как положение принцессы лишало Тассо возможности открыто изъяслять чувства, считалось, что предметом его поклонения является графиня Леонора Санвитале или другая придворная дама, которую также звали Леонорой. Враг Тассо будто бы разоблачил тайную любовь поэта и принцессы, произошла дуэль, в которой Тассо победил, после чего его якобы и заточили в монастырь.

Этот и некоторые другие вымыслы, придававшие романтическую окраску жизнеописанию автора «Освобожденного Иерусалима», вошли в первые биографии поэта. Гете еще мальчиком прочитал в отцовской библиотеке перевод поэмы Тассо и там же мог узнать его биографию. Мысль написать о нем драму возникла, однако, только в Веймаре, в 1780 году, и вскоре Гете написал два акта. Продолжил работу над драмой он лишь в Италии и закончил ее после возвращения в Веймар, в 1789 году. Впервые эта драма была напечатана в томе 6 восьмитомного Собрания сочинений Гете (1790). Против постановки ее на сцене в Веймаре Гете сначала возражал, и она была поставлена лишь в феврале 1807 года.

«Торквато Тассо» является исторической драмой в той же мере, в какой и «Эгмонт» или «Гецц». Гете воспользовался личностью итальянского поэта и его судьбой для того, чтобы выразить то, что волновало его самого. Много лет спустя секретарь Гете Эккерман спросил его, какую идею он хотел выразить в «Торквато Тассо». «Идею? — спросил Гете. — Да почему я знаю? Передо мной была жизнь Тассо, передо мной была моя собственная жизнь, и когда я слил вместе жизни этих двух столь удивительных людей, со всеми их особенностями, во мне возник образ Тассо, которому я, в качестве прозаического контраста, противопоставил Антонио, причем и для этого последнего у меня не было недостатка в образцах. Прочие придворные, житейские и любовные отношения можно было взять как в Веймаре, так и в Ферраре, и я могу с полным правом сказать о моем произведении: это кость от кости моей, плоть от плоти моей» (6 мая 1827 г.).

Гете не мог в непосредственной форме воспроизвести биографию Тассо, ибо в подлинном виде конфликт Тассо и Альфонса II

мог быть воспринят как отражение отношений между Гете и веймарским герцогом. Первое, что пришлось сделать,— преобразить феррарского герцога: он превратился у Гете в гуманного и мудрого правителя. Социальный конфликт тем самым был снят, Гете перенес драматизм в иную плоскость. Он сделал центральной проблемой творческой личности в окружающем мире, или, как сформулировал это он сам, «диспропорцию между талантом и жизнью» (слова Гете, процитированные Каролиной Гердер в письме мужу от 20 марта 1789 г.).

Этот конфликт воплощен в противопоставлении Тассо и Антонио. В биографиях Тассо упоминается, что среди его врагов при феррарском дворе был государственный секретарь Антонио Монтекатино, обвинивший поэта в незаконных сношениях с флорентийскими правителями Медичи. Точно так же, как Гете облагородил герцога, так он придал Антонио черты сдержанного и мудрого человека. Тассо порывист, откровенен, зачастую несдержан в чувствах и выражении. Антонио воплощает здравый смысл, житейский опыт и рассудок. Подобный конфликт уже был освещен Гете в «Эгмонте», где сходным является контраст между Эгмонтом и Вильгельмом Оранским. Проблема взаимоотношений поэта и общества, творческой фантазии и житейской пользы всегда волновала Гете, и он выразил свое мнение о возможном ее решении в романе «Годы учения Вильгельма Мейстера»: «Только вся совокупность людей составляет человечество, только все силы, взятые вместе, составляют мир. Между собой они часто приходят в столкновение и стремятся уничтожить друг друга, но природа связует их и воссоздает снова... Если кто-то способствует только прекрасному, а другой только полезному, они лишь вместе составят человека. Полезное помогает само себе, ибо оно зарождается в гуще народа и никто без него не обходится, прекрасное же требует помощи, ибо немногие творят его, а нуждаются в нем многие» (кн. 8).

Значительное место в фабуле драмы занимает любовь Тассо к принцессе, в образе которой находят черты и веймарской герцогини Луизы, и возлюбленной Гете Шарлотты фон Штейн.

Наконец, следует отметить, что, меняя реальные обстоятельства биографии Тассо, Гете произвел также сдвиг во времени действия. Он воссоздал в своей драме атмосферу зрелого Возрождения с его преобладанием светских интересов, высокой культуры и стремлением к всестороннему духовному развитию. В действительности же Тассо творил уже в той обстановке, которая возникла в Италии после победы контрреформации и водарившейся в стране католической реакции, сказавшейся и на творчестве поэта,

Подобно «Ифигении в Тавриде», «Торквато Тассо» — замечательное творение в стиле нового для Гете классицизма. Действие драмы построено строго и экономно, оно вращается вокруг личности героя и лишено отклонений. Количество действующих лиц минимально. Классический колорит в особенности придает стихотворная форма драмы: она написана пятистопным перифмованным стихом, который Гете довел до совершенства.

Стр. 209. *Народом был воздвигнут город тот...*— Флоренция возвысилась как государство-коммуна, своего рода буржуазная республика, в отличие от Феррары, бывшей феодальным герцогством.

Здесь был зажжен науки чистый свет...— В XV в. Феррара была одним из первых центров новой гуманистической культуры.

Геркулес Эсте (д'Эсте) — феррарский герцог, собравший вокруг себя известных художников, поэтов и ученых, которым он покровительствовал. Умер в 1505 г.

...Ипполитом полон был мой слух.— Кардинал Ипполит д'Эсте покровительствовал поэту Ариосто; построил знаменитую виллу Эсте в Тиволи (под Римом).

Стр. 210. *...Где был Петрарка принят и любим...*— Великий итальянский поэт и родоначальник гуманизма эпохи Возрождения Франческо Петрарка (1304—1374) введен здесь для усиления атмосферы покровительства талантам; в действительности он в Ферраре не бывал. Ариосто же долго жил и умер в Ферраре.

Стр. 211. *...матери мы нашей // Обязаны...*— Рената д'Эсте, дочь французского короля Людовика XII, жена Геркулеса II, была образованной женщиной и покровительствовала деятелям искусства.

Сестра Лукреция.— Лукреция д'Эсте после несчастливого брака с герцогом Урбино вернулась в Феррару.

...умный спор...— В подражание античным философским дискуссиям, в Италии эпохи Возрождения устраивались диспуты на разные темы, основой для которых служили заранее подготовленные тезисы. Сохранились «Умозаключения о любви» Тассо, написанные для такого спора.

...Внимать мы любим... // Стихам поэта...— Многие властители имели придворных поэтов, и при дворе устраивались их чтения. Тассо был таким поэтом в Ферраре.

Стр. 212. *...Прекрасный мирт.*— Мирт — дерево, посвященное богине любви Афродите (Венере).

...Он внемлет ухом голосам природы...— Эта характеристика Тассо выражает идеал поэта, который сформировался у Гете в годы

зрелости. Если культ природы был ему свойствен уже в период «Бури и натиска», то новым элементом является принцип облагораживания поэтического изображения, в отличие от былой непосредственности. Леонора подчеркивает в образе Тассо силу и свободу его поэтического воображения, принцесса в следующей речи говорит о связи его творчества с действительностью.

Прекрасные стихи, что мы находим // Привешенными на деревьях наших...— Обычай, принятый в придворных кругах эпохи Возрождения. Ср. комедию Шекспира «Бесплодные усилия любви».

Стр. 214. *...Платона ученица...*— Предшествующая речь Леоноры содержит изложение понимания любви в духе древнегреческого философа Платона (V в. до н. э.) как любви духовной, стоящей выше чувственных влечений.

Стр. 215. *...Питает подозренье...*— Тассо действительно был подозрителен, более того, видимо, страдал манией преследования. Известно, что, подозревая слугу в подслушивании, поэт бросился на него с ножом.

Стр. 216. *Я думаю, что труд его закончен.*— Речь идет о поэме Тассо «Освобожденный Иерусалим», работа над которой была завершена в апреле 1575 г. В это время и происходит действие пьесы Гете.

Стр. 217. *...Когда б могли мы вылечить его...*— Вопрос о психическом состоянии Тассо является предметом спора между учеными. Свидетельства современников говорят о его повышенной чувствительности, возбудимости, но мнение о его безумии оспаривается. Помещенный в больницу для умалишенных по приказанию герцога, поэт продолжал творить и создал произведения, которые достойны его дарования и не несут следов болезни.

Стр. 220. *...Родителей возлюбленных беда.*— Отец поэта Бернардо Тассо (также писавший стихи) был изгнан из Неаполя; мать, оставшаяся там, вскоре умерла.

Веденье // Умелое войны...— Описывая в своей поэме битвы, Тассо действительно пользовался советами Альфонса II.

Стр. 221. *...знак, почетный для певца...*— Обычай венчать лавровым венком поэтов возник в Древней Греции, был перенят римлянами и возрожден в Италии, где в 1341 г. впервые увенчали лаврами Франческо Петрарку.

Стр. 224. *...созерцающая // Двоих мужей...*— Тассо имеет в виду, что творческая мысль Гомера была постоянно занята двумя героями его поэм — Ахиллом и Одиссеем.

Стр. 226. *Григорий читает тебя...*— Римский папа Григорий XIII проводил крайне реакционную политику и имел дружественные отношения с Альфонсом Феррарским. Для драмы Гете подлинный

характер обоих деятелей и их политический союз значения не имеет.

И, отдавая пограничный край...— Никакой территории Григорий XIII феррарскому герцогу не уступал.

Стр. 228. *А много ли он сделал для родных?* — Вопрос Леоноры имеет иронический характер, так как всякий новый папа, вступая на престол, тут же раздавал выгодные должности родственникам.

Стр. 229. *...венки из зелени дубовой...*— Если поэтов венчали лавровым венком, то государственных деятелей — венком из дубовых листьев.

...Иерусалим для нас завоевал он // И посрамил всех новых христиан...— Взятие Иерусалима крестоносцами в 1099 г. описано в поэме Тассо «Освобожденный Иерусалим». Григорий XIII призывал организовать новый крестовый поход, но поддержки не нашел.

Стр. 233. *Лишь пришел // Я мальчиком неопытным сюда...*— Тассо впервые прибыл в Феррару двадцати одного года в 1765 г.; он был тогда свидетелем брачных торжеств, сопровождавшихся турнирами.

Стр. 234. *...Впервые поднялась с одра болезни.*— Эта часть рассказа соответствует действительности: Тассо сначала познакомился с Лукрецией и лишь потом с долго болевшей Леонорой.

Стр. 237. *О, век золотой!* — Представление об идеальной первобытной жизни здесь выражено в духе подражания античным образцам и разительно отличается от культа природы и простой жизни в период «Бури и натиска». Монолог Тассо довольно близко воспроизводит стихи из его подлинной пасторали «Аминта»: «Век золотой, прекрасный!» и т. д. Заключительные слова монолога: «все позволено, что мило» — цитата из «Аминты».

Стр. 238. *«Позволено лишь то, что подобает».*— Вольному духу поэта принцесса противопоставляет принцип ограничения, дисциплины, долга; к такому взгляду пришел и сам Гете, преодолев бунтарский индивидуализм «Бури и натиска».

...мужчина // Свободы ищет, женщина — добра.— Эта идея в разных вариантах неоднократно утверждается Гете, в частности, в первой части «Фауста»; она связана и с идеей «вечно женственного». См. также продолжение речи принцессы, где эта идея раскрывается полнее.

Стр. 240. *Армида* — персонаж из «Освобожденного Иерусалима», волшебница, подвергающая рыцаря Готфрида Бульонского искушению, чтобы отвлечь его от похода.

Стр. 240—241. *Танкредова любовь к Кларинде, верность // Эрминии... // Величие Софронии, печаль // Олинда* — это не мечты, не

тени.— Тассо называет героев любовных эпизодов своей поэмы; его слова о том, что они не тени, соответствуют догадке биографов, что в лице Софронии он изобразил принцессу, а Олинд — сам Тассо.

Стр. 242. *...Устами сладкими, что вешним медом // Напитаны...*— По преданию, древнегреческого поэта Пиндара пчелы питали своим медом, отчего он и стал сладкоголосым.

Стр. 248. *Мне подобает здесь все, что тебе.*— Эта речь Тассо выражает не только идею равенства людей, но утверждает право гения почитаться выше, чем люди, вознесенные на вершину жизни только в силу знатного происхождения. Несмотря на то, что в Веймаре Гете высоко чтили как поэта, он в силу своего бюргерского происхождения не раз испытывал уколы со стороны аристократов. В этой беседе Тассо с Антонио отражаются воспоминания о столкновениях, которые были у Гете в Веймаре с герцогским министром фон Фричем.

Стр. 254. *Оставайся дома // Под караулом собственным твоим.*— Герцог действительно подверг однажды Тассо домашнему аресту.

Стр. 255. *...Когда я ехал вслед за кардиналом // Во Францию...*— В 1571 г. кардинал Луиджи д'Эсте совершил поездку в Париж для переговоров с французским королем Карлом IX. Сам король просил, чтобы кардинала сопровождал Тассо, встреченный с большим почетом.

Стр. 263. *Хранили ли ее от заблуждений?*— Мать принцессы, герцогиня Рената, дочь французского короля Людовика XII, отреклась от католической веры и стала последовательницей кальвинизма, за что была изгнана из Италии и умерла в изгнании во Франции в 1575 г.

Стр. 276. *Противные, двусмысленные птицы — // Старинной ночи безотрадный сонм...*— Поэтический образ: упреки самому себе преследуют Тассо, как фурии преследовали Ореста в «Ифигении в Тавриде».

Стр. 279. *Он, кто с тупым умом // Добиться мнит благоволенья жуз?*— По-видимому, подразумевается предшественник Антонио на посту государственного секретаря — Пинья, притязавший на звание поэта. Между ними произошла ссора из-за того, что Тассо весьма вольно воспел в стихах любовницу Пиньи. Тогда принцесса Леонора уговорила его загладить вину, и Тассо написал комментарий к бездарным песням Пиньи, преувеличенно поставив их в один ряд со стихами Петрарки.

Стр. 285. *...Там Медичи воздвигли новый дом.*— Семейство д'Эсте, правившее Феррарой, принадлежало к древнейшим итальянским родам. Богачи Медичи, род флорентийских банкиров, в XV в.

добились фактической власти над городом, номинально оставшимся республикой. Из рода Медичи вышли римские папы Лев X и Клемент VII, в 1574 г. Франческо Медичи был провозглашен великим герцогом Тосканским. Между Феррарой и Флоренцией были в то время враждебные отношения. Среди обвинений, выдвинутых врагами против Тассо, в частности, фигурировала тайная связь с Флоренцией.

Стр. 286. *Нам говорят поэты о копье, // Целящем им же сделанную рану...*— Согласно мифам, Ахилл ранил копьем сына Геракла Телефа, и, так как рана не заживала, Телеф обратился к оракулу, изрекшему, что рану можно исцелить, если до нее дотронется тот, кто ее нанес, и тем же оружием. Тогда Ахилл ржавчиной своего меча заживил рану.

Стр. 288. *...Воззвать от сна на подвиг благородный...*— Своей поэмой Тассо поддерживал призыв папы организовать новый крестовый поход.

Стр. 289. *Совет судей // Сбирает для меня Гонзага...*— Бывший соученик Тассо Сципион Гонзага, ставший важным духовным лицом в Риме, получил от поэта рукопись его произведения и собрал знатоков, чтобы вынести о ней суждение. Тассо хотел такого суда, так как его постоянно упрекали в недостаточной религиозной ортодоксальности.

Стр. 294. *Лукавый Медичи* — тосканский герцог Франческо I.

Стр. 295. *...Он любит все приятное для вкуса.*— В описании привычек и вкусов Тассо Гете следовал «Жизнеописанию Торквато Тассо» Пьерантония Серасси (Рим, 1785).

Стр. 303. *Но я переоденусь пилигримом...*— Факт, действительно имевший место, о чем рассказывают биографы поэта.

«Где здесь живет Корнелия?»— Введя имя Корнелии, Гете почтил память своей сестры, умершей в 1777 г. двадцати семи лет.

Стр. 307. *...Итак, прими все существо мое!*— Согласно преданию, Тассо будто бы публично обнял принцессу, за что и был подвергнут наказанию. Серасси отверг эту легенду, но Гете она была нужна для усиления драматизма, и он принял версию другого биографа — Лодовико Антонио Муратори, опубликовавшего жизнеописание поэта в томе 10 своего издания сочинений Тассо (1735).

Стр. 309. *...Упала маска: вижу я Армиду, // Утратившую чары.*— Образ из поэмы Тассо: волшебница Армида, убедившись, что ей не обмануть рыцаря Ринальдо, вдруг преобразилась в стурокое чудовище.

В автобиографических «Анналах» Гете записал под датой 1799: «Мемуары Стефании де Бурбон Конти возбудили во мне замысел «Внебрачной дочери». Ф. Шиллер первый указал Гете на появление двухтомных записок французской аристократки, вышедших в Париже в 1798 году. Мемуаристка принадлежала по крови к высшей французской знати. Она была побочной дочерью принца Конти (1734—1814), отличившегося в Семилетней войне. Он представил дочь ко двору и просил Людовика XV узаконить ее положение. Однако мать девочки, опасавшаяся за свою репутацию и положение при дворе, стала чинить этому всякие препятствия. Девочку заточили в монастырь, затем отцу было послано ложное сообщение о ее смерти. Подделав документ и выдав ее за восемнадцатилетнюю, ее усыпили и в бессознательном состоянии обвечали с адвокатом Билле, впоследствии истязавшим свою жену, которая отказывала ему в возможности воспользоваться ее спорными привилегиями. В конце концов ей удалось бежать. Новый король, Людовик XVI, приветливо принял ее, но ничего для нее не сделал. Когда началась революция, Стефания-Луиза Бурбон-Конти продолжала безуспешно бороться за свои поправленные права. Жизнь ее, полная бедствий и страданий, закончилась в 1825 году. Зная, что она жива, Гете, работая над драмой, изменил имя героини, а остальные действующие лица обозначил лишь титулами и званиями.

Работа над пьесой длилась с перерывами около трех лет. Она была закончена в первые месяцы 1803 года. 2 апреля того же года в Веймарском театре состоялась премьера. Первое печатное издание вышло в том же году.

«Внебрачная дочь» была задумана Гете как первая часть трилогии, однако написал он лишь эту пьесу. Сохранившаяся схема продолжения и отдельные заметки позволяют составить общее представление об идее трилогии. Она должна была дать обобщенное изображение страны, охваченной революцией. В «Великом Кофте» и «Гражданине генерале» события, предшествовавшие революции, и ее отголоски в Германии были освещены в комическом плане. Трилогия должна была поднять сюжет на высоту подлинной трагедии. Если «Великий Кофта» — комедия о разложении старого режима, то «Внебрачная дочь» — трагедия о жестокости и несправедливости феодальной сословной монархии. Продолжение должно было показать, как все более усугубляющиеся несправедливости и разлад в среде правящей верхушки делают неизбежными сначала возмущение, а затем и активные действия угнетенных

против власть имущих. Гете интересовало отражение великого исторического события в судьбах отдельных людей. Падение старого режима должно было быть показано в пятом акте второй части, где граф, воспитательница и другие лица из аристократической среды оказываются в тюрьме. Сама Евгения переживает личную драму. Судья, с которым она соединяет судьбу в конце первой части, становится на сторону борцов против монархии, Евгения же посвящает себя защите старого порядка и его приверженцев. Об окончании трилогии судить нельзя, ибо об этом не осталось никаких записей Гете или рассказов близких ему людей. Когда в 1831 году его друг композитор К. Цельтер напомнил ему о его планах, Гете ответил: «О «Внебрачной дочери» я и думать не хочу; неужели Вы хотите, чтобы я вызвал в себе мысли о том неприятном, что с нею связано?» В другом письме Цельтеру в том же 1831 году Гете повторил признание, ранее сделанное им Шиллеру: «Я не рожден быть трагическим поэтом, ибо по природе склонен к примирению. Поэтому (так комментирует он свое давнее признание.—А. А.) чисто трагический случай, исключаящий примирение, не может меня интересовать, к тому же в нашем внешне плоском мире все непримиримое кажется мне совершенно абсурдным». Но главной причиной незавершенности трилогии было, конечно, двойственное отношение Гете к французской революции.

Несмотря на то, что Гете не завершил трилогию, «Внебрачная дочь», несомненно, представляет самостоятельный интерес. Драмму нельзя рассматривать как бытовое реалистическое произведение, с такой точки зрения ей можно предъявить упреки в немотивированности поведения некоторых персонажей. Сюжет послужил Гете поводом для создания произведения обобщенно-символического плана. Если в «Гете фон Берлихингене» и отчасти в «Эгмонте» поэта увлекала задача живого конкретного изображения исторической действительности и он любовно выписал детали, то во «Внебрачной дочери» единичное и частное уступает место общему, типическому, символу. Французская монархия накануне революции не была для Гете отдаленным историческим прошлым. Всего десять с небольшим лет отдаляют «Внебрачную дочь» от последних дней старого режима во Франции. Не частности, не детали близкой Гете эпохи интересовали его, а осмысление исторического процесса, совершавшегося на глазах поэта. Поэтому Гете уходит в обработке мемуаров принцессы Бурбон-Контти от бытовых и авантюрных мотивов, стремясь создать героев столь же обобщенных и законченных, как герои античных трагедий. Именно на них равняется автор «Внебрачной дочери», и это объясняет, почему Гете отказывается от воспроизведения бытовой речи, создавая драму в

возвышенно-поэтическом стиле. Поэтическая сила оригинала, звучание гетевского стиха позволяют говорить о значительности этого сравнительно мало известного произведения Гете.

Стр. 323. *...счастье одарило // Тебя куда щедрее, чем закон.*— Имеется в виду, что законный сын герцога не принес ему такого счастья, как незаконная дочь.

Стр. 341. *Иль вы на острова ее сошлете?* — Речь идет о заморских владениях Франции в Карибском море.

Стр. 349. *Одежда смертоносная Креузы.*— См. коммент. к с. 173.

Стр. 360. *Вы, реки, затопите берега!* — Символическая картина грядущей революции против феодальной монархии.

Стр. 367. *...крылам орлиным уподобясь...*— В Древнем Риме, когда подвергали сожжению труп скончавшегося императора, над костром выпускали орла, что было символом души, возносящейся в небо.

Стр. 370. *...Все взоры на тебя обращены...*— Ввиду того, что король бездетен, престол должен перейти к боковой линии королевского рода — то есть к герцогу и его наследникам.

Стр. 373. *...бумагу эту, // Способную лишь возмутить меня.*— Король подписал указ о том, что Евгения отдается во власть воспитательницы. Подписывая указ, король не подозревал, что законный сын герцога воспользуется им в корыстных целях и во вред Евгении.

Стр. 380. *...И распря двух воинствующих станов // .. // Открыто вскоре выйдет на простор!* — Гете здесь не первый раз прибегает к приему подготовки читателя, намекая на грядущие события.

Стр. 382. *Губительный могучий талисман...*— Речь идет о том же королевском указе, отдающем Евгению во власть воспитательницы.

Лишь в тесном круге подчиняем мы // Законности...— Здесь и далее Гете раскрывает подлинный характер законности в деспотическом государстве: суду подлежат только подданные, тогда как вышестоящих суд не имеет права касаться, и преступления, совершаемые властью имущими, остаются безнаказанными,

РЕЙНЕКЕ-ЛИС

Поэма представляет собой почти дословный перевод на современный Гете немецкий язык средневекового сатирического житийного эпоса, существовавшего в различных вариантах. Гете воспользовался в качестве прямого источника «Рейнке-лисом» Ген-

риха фон Алькмара, впервые напечатанным в 1498 году и переизданным в 1752 году. Это последнее издание содержало как оригинальный текст на нижненемецком диалекте, так и перевод на язык XVIII века, сделанный И.-Г. Готшедом, известным теоретиком немецкого просветительского классицизма, одним из профессоров Гете в годы его учения в Лейпциге. Гете не отклонялся от старинной поэмы, считая ее вполне современной по содержанию. Такого же мнения придерживался Ф. Шиллер, среди рукописей которого уже после смерти поэта была найдена эпиграмма:

РЕЙНЕКЕ-ЛИС

Якобы много веков назад это создано было.

Мыслимо ль это? Сюжет словно сегодня возник.

(Перевод Б. Ярхо)

Именно злободневностью звучания древнего эпоса и было под сказано обращение к нему Гете. Лесное царство, управляемое царем зверей львом Нобилем,— это аллегория человеческого общества, точнее общества феодально-монархического. Гете был свидетелем глубочайшего кризиса этого общества.

Гете работал над «Рейнеке-лисом» с конца января по середину апреля 1793 года. Он начал поэму под впечатлением судебного процесса и казни французского короля Людовика XVI и завершил ее во время похода войск феодальных монархов против революционной Франции. Гете в качестве министра сопровождал в этом походе своего герцога Карла-Августа. «Я предпринял эту работу, чтобы в течение прошедшей первой четверти этого (1793) года отвлечь себя от созерцания мировых событий, и это мне удалось» (Письмо к Ф. Якоби от 2 мая 1793 г.). В самом ли деле отвлекся Гете от современных проблем, работая над «Рейнеке-лисом»? Об этом говорит его письмо Шарлотте фон Кальб: «Вот, милый друг, к вам и пожаловал шельма Рейнеке-лис и рассчитывает на хороший прием. Так как отродье это и в наше время пользуется большим почетом и необходимо при дворах, в особенности же в республиках, вполне законно желание как следует познакомиться с его предками» (28 июня 1793 г.).

Сюжет «Рейнеке-лиса» содержит обобщения, дававшие возможность приложить его ко многим временам. Было еще одно обстоятельство, сделавшее средневековый эпос особенно привлекательным для Гете: подобно тому как он избегал крайнего трагизма, ему был чужд и дух беспощадной сатиры. Характеризуя избранный им сюжет, Гете писал: «...Хотя и здесь человеческий род со всей естественностью проявляет себя во всем своем неприкра-

шенном скотстве, тем не менее все протекает здесь если не образцово, то, во всяком случае, легко и весело, и настоящий юмор нигде не чувствует себя оскорбленным» («Французская кампания 1792 г.», 1822). Гете удачно определил созданный им юмористический эпос, назвав его «несвященной мирской библией» («Анналы», 1793).

Создавая «Рейнеке-лиса», Гете поставил себе и чисто поэтическую задачу: освоить для немецкой поэзии античный стихотворный размер — гекзаметр. Первые опыты такого рода («Мессиаду» Клопштока и идиллию «Луиза» И.-Г. Фосса) Гете справедливо считал недостаточно органичными для немецкого языка. Ему удалось создать легкий, естественно звучащий гекзаметр, ставший образцовым в немецкой поэзии.

«Рейнеке-лис» изобилует именами персонажей, которые имеют по большей части нарицательное значение. Лишь некоторые из них являются просто уменьшительными. Приводим отдельные имена с пояснением их смысла из списка, составленного А. Г. Габричевским: *Альгейд* (гусыня) — уменьшит. от Адельгейд; *Баллин* (баран) — бляющий; *Бокерт* (бобер) — книжник; *Болдевин* (осел) — ревун; *Браун* (медведь) — бурый; *Вакерлос* (собачка) — трусливый; *Гиржунда* (волчица) — жадная; *Геннинг* (петух) — уменьшит. от Иоганна; *Гинце* (кот) — уменьшит. от Генриха; *Гримбарт* (барсук) — маска, шлем; *Изегрим* (волк) — железный шлем; *Лампе* (заяц) — уменьшит. от Лампрехта; *Лупардус* — леопард, барс; *Лютке* (журавль) — уменьшит. от Лудольфа; *Малепартус* (замок Рейнеке-лиса) — дурная дыра; *Маркарт* (сойка) — страж границы; *Меркенау* (ворона) — примечай; *Метке* (коза) — уменьшит. от Матильды или Маргариты; *Монеке* (обезьяна) — монах; *Нобель* (лев) — благородный; *Россель* (лисенок) — красный, рыжий; *Рюкенау* (обезьяна) — разнухивай; *Рюстефиль* (плотник) — ржавый подпилочек; *Шарфенебе* (ворона) — острый клюв. Имя героя поэмы в нижненемецком диалекте было *Рейнке-лис*, в верхненемецком — *Рейнгарт-лис*; Гете, следуя за Готшедом, принял смешанную форму имени — *Рейнеке*.

Стр. 419. *Троицын день*.— В средние века собрания феодалов происходили в дни религиозных праздников; имперский съезд германских государей, как правило, приравнивался к празднику троицы.

Стр. 420. *Гентское полотно*.— Гент — фламандский город, славившийся производством полотна.

Стр. 425. «*Секста*» и «*Но́на*» (лат.) — по исчислению католической литургии — 12 и 15 часов; здесь речь идет о молитвах дневных богослужений, «*Веспер*» — вечерняя молитва в 18 часов.

«Вигилия» = стража, бдение (лат.), здесь: ночное богослужение.

Респонсорий (responsorium — ответ (лат.) — церковное песнопение, когда одно полухорное отвечает другому.

Стр. 441. *Тонзура* — бритая макушка католических священнослужителей.

Стр. 453. *Клад короля Эммериха* — то есть короля вестготов Эрманриха (IV в.), прославленного полководца, перед смертью якобы зарывшего свои сокровища.

Стр. 454. *...на ахенском древнем престоле...* — В Ахене короновались короли.

Стр. 459. *Симон Хромой*. — Имя Симон является намеком на симонию — обычай католической церкви продавать должности за деньги. Название происходит от имени Симона-волхва из Евангелия от Луки (8, 9).

Стр. 466. *Галлина, пулус, галлус, анас* (лат.) — курица, цыпленок, петух, утка. Рейнеке намекает на то, что вместо полагающейся постной пищи будет пожирать скоромную.

Стр. 485. *Легат* — посланник папы; *прелат* — лицо из высшего духовного звания католической церкви; *бегинки* — члены женских духовных общин, не принявшие полного монашеского обета, но обязавшиеся жить благочестиво, такие общины были особенно распространены во Фландрии и в Нидерландах.

Стр. 486. *Симон*. — См. коммент. к с. 459.

Стр. 487. *Интердикт* — указ римского папы, запрещающий совершать обряды и богослужение; такая кара накладывалась не только на отдельных лиц, но и на целый народ или государство.

Донарий. — Игра слов, основанная на том, что латинский глагол *donare* (давать) близок по звучанию к слову «динарий» — римская серебряная монета.

Стр. 498. *Абрион* — имя, произведенное от французского слова *abignon* — «шарлатан».

От Пуату до степей Люнебургских... — Пуату — город в западной Франции. В старой поэме о Лисе назван городок Потрау, действительно близкий от немецкого города Люнебурга. Гётшед, переводя старинную поэму, спутал названия. Гете повторил его ошибку.

Сиф — третий сын Адама. С ним связана легенда о том, что он отправился в рай за елеем милосердия, но вместо него вернулся с тремя семенами райского дерева; их погребли вместе с Адамом, и из них якобы выросло дерево, пошедшее на крест для Иисуса Христа.

Стр. 501. *Сетим* — дерево акации, из которого, по библейскому мифу, был сделан Ноев ковчег.

Кромпарт-царь.— В средневековом романе «Клеомад, сын Кромпарта» (XIII в.) рассказывается, что Кромпарт летал по воздуху на деревянном коне.

ГЕРМАН И ДОРОТЕЯ

Поэма была написана с удивительной для Гете быстротой: первые шесть песен — с 11 по 19 сентября 1796 года, последние — между 2 и 15 марта 1797 года. В октябре 1797 года поэма вышла из печати в виде «Карманной книги на 1798 г.». В 1808 году Гете включил «Германа и Доротею» в том 10 своего первого Собрания сочинений. Поэма сразу стала одним из популярнейших и наиболее читаемых произведений Гете. Уже первый издатель ее Ф. Фишер выпустил ее в пяти разных видах, включая и одно «роскошное» издание. При жизни поэта было напечатано после этого тринадцать изданий. Наряду с первой частью «Фауста» поэма имела наибольшее количество почитателей.

Высокого мнения о поэме был Ф. Шиллер, видевший в ней осуществление принципов веймарского классицизма, разработанных им вместе с Гете. Художественные основы эпической поэмы как жанра обсуждались Гете и Шиллером в их переписке, на основе чего Гете сформулировал теорию поэтических родов в статье «Об эпической и драматической поэзии».

Сюжет поэмы не был вполне оригинальным. Гете заимствовал фабулу из брошюры «Деятельная любовь Геры к зальдбургским эмигрантам» (1732), в которой рассказывалось об изгнании католиками лютеран из австрийского города Зальдбурга. Среди пострадавших была девушка, судьба которой подсказала образ Доротеи. Однако поэт перенес время действия в более близкие годы — в период французской революции, когда Гете сам наблюдал бегство населения из областей, захваченных войной между республикой и феодальными монархами. Объясняя замысел поэмы, Гете писал своему другу Майеру: «Я пытался отделить в эпическом тигле чисто человеческие стороны в укладе маленького немецкого городка от его шлаков и вместе с тем стремился к тому, чтобы отразить в маленьком зеркале великие движения и изменения мирового театра» (5 декабря 1796 г.).

В «Германе и Доротее» резко противопоставлены хаос, возникший в результате буржуазной революции, и мирное житье немецкого провинциального городка. В шестой песни один из эмигрантов, судья, рассказывает о том, что сначала весть о французской революции была встречена в близлежащих к Франции землях с радостью, ибо в ней видели надежду на осуществление великих

идеалов свободы и равенства. «Вскорости небо затмилось...» Приход французских войск привел к важным переменам, но переворотом воспользовались темные силы, поднялась волна эгоизма, стяжательства, насилия. Все это усугубилось, когда потерпевшие поражение французы стали отступать. Отступая, они сеяли вокруг разрушение и смерть.

В противоположность этой ужасающей картине жизнь глубокой немецкой провинции, стоящей в стороне от роковых событий, нарисована Гете в идиллических тонах. Он, правда, признавался в цитированном выше письме, что отделил в немецкой жизни «чисто человеческие стороны» от «шлаков», но на самом деле до некоторой степени идеализировал патриархальный мещанский быт. Не удивительно поэтому, что революционные деятели середины XIX века оценивали «Германа и Доротею» как апологию мещанства. И действительно, не приходится отрицать, что консервативные элементы мировоззрения Гете сказались в поэме с большой силой.

Было бы, однако, неверно ограничиться такой оценкой поэмы. Гений Гете проявил себя и в этом произведении, которое двойственно по своей природе, как и многое другое, созданное великим поэтом. Германия была в ту пору страной, в которой господствовали феодально-дворянские порядки, но героями поэмы являются не представители господствующего сословия, а бюргеры, горожане, люди непривилегированные. В этом смысле поэма Гете была и антидворянской и демократической, и за это она была высоко оценена современниками, той средой, которая впервые увидела себя изображенной в столь благоприятном свете. Маленькие люди изображены Гете как носители лучших человеческих качеств: добра, стремления к справедливости, любви, отзывчивости и деятельного человеколюбия. «Герман и Доротея» выражает, в сущности, те же взгляды, что и драмы, посвященные Великой французской революции, — «Великий Кофта», «Гражданин генерал», «Внебрачная дочь». Более того, по сравнению с драмами «Герман и Доротея» особенно полно выражает положительные идеалы Гете в период веймарского классицизма.

Поэма написана гекзаметром, классическим стихом древнего эпоса. Здесь он особенно приспособлен к тому, чтобы передать живую повседневную речь. Обладая вместе с тем поэтической возвышенностью, речи персонажей сохраняют всю живость интонаций. Гете свел действие к одному дню, чем выполнил требование классицизма о единстве времени. Правда, благодаря рассказам персонажей, рамки действия расширяются, позволяя вспомнить события, происходившие раньше.

Желая подчеркнуть следование античным образцам, Гете по-

ставил в заглавии каждой из песен имя одной из девяти греческих муз — покровительниц разных видов искусства. *Каллиопа* — муза эпической поэзии, *Терпсихора* — муза танцев, *Талия* — муза комедии, *Эвтерпа* — муза лирики, *Полигимния* — муза серьезных песнопений, *Клио* — муза истории, *Эрато* — муза любовной поэзии, *Мельпомена* — муза трагедии, *Уrania* — муза астрономии, часто отождествляемая с мудростью. Имена муз предопределяют характер содержания каждой из песен. Так поступали греческие поэты, начинавшие свои песни с обращения к музе, покровительнице данного рода поэзии.

Стр. 533. ...*в пестрых индийских цветах*...— Имеются в виду ткани с индийской расцветкой, ввозимые Англией из ее колонии Индии.

...*в легкой коляске (ландауской чистой работы)*.— Такие коляски, широко применявшиеся в Европе, получили наименование «ландо», по французскому произношению названия немецкого города (Landau).

Стр. 543. *Памина* и *Тамино* — персонажи оперы Моцарта «Волшебная флейта».

Стр. 545. ...*на манер иноземный*...— К числу «иноземных» в тогдашней раздробленной Германии принадлежали и близлежащие немецкие княжества.

...*Мангейм, где царят прямизна и опрятность*.— После полного разрушения Мангейма в 1669 г. французскими войсками его отстраивали, вытянув улицы по прямой линии, в результате чего он оказался состоящим из одинаковых четырехугольных кварталов. Описанные далее новый город, канализация и дорога были во времена Гете образцовыми.

Стр. 546. *Гляньте на новый дом*...— Комментатор Гете А. Г. Габричевский обратил внимание на то, что в речи аптекаря отмечена смена архитектурных стилей: зеленый дом напротив с белою вязью по стенам построен еще в стиле начала XVIII в. — рококо; сад, описываемый далее, еще более старого стиля — барокко, тогда как новый стиль отличается строгой простотой (предвестие классицизма).

Стр. 548. «*Мускатель*», «*гутедель*» — сорта винограда.

Стр. 554. *Гражданин мира*.— Определение относится к судье, прибывшему из другой страны, но и здесь утверждающему правила и законы человечности, общие для всех людей и в любых условиях. См. его речь в конце песни.

Стр. 556. *Август* — римский император Август-Октавиан (I в. н. э.).

Стр. 560. «...с Навином беседуя иль Моисеем». — Пастор сравнивает своего собеседника — судью, который вел беглецов, с Моисеем и Иисусом Навином, которые вели иудеев, изгнанных из Египта.

И отвечал на это судья... — Речь судьи начинает ту характеристику эпохи французской революции, которая подробнее развита в следующей песни.

Кто ж отрицать посмеет, что сердце его всколыхнулось... — Следующая речь судьи содержит рассказ об умонастроении немцев западных, рейнских, областей. Жители их с энтузиазмом встретили весть о революции, ожидая от нее осуществления своих надежд на создание справедливых порядков. Когда французские республиканские войска заняли Майнц, в нем были введены законы республики, местные якобинцы взяли власть в свои руки и стали вводить новые порядки, но их власть была недолгой.

...о великих правах человека... — Имеется в виду «Декларация прав человека и гражданина», провозглашенная французской буржуазной революцией 1789 г.

Стр. 561. *Столица вселенной.* — То есть Париж, центр революции. *Древо Свободы.* — Следуя культу природы Жан-Жака Руссо, республиканцы ввели обычай в честь своей победы торжественно сажать Дерево Свободы.

Вскорости небо затмилось. — Имеется в виду введение Революционного трибунала в Майнце 9 марта 1793 г. и начало якобинского террора против сторонников феодальных порядков и тех, кто подозревался в сочувствии им (так называемый «закон о подозрительных»). Некоторые темные элементы пользовались этим для сведения счетов и обогащения. Однако картина, нарисованная здесь Гете, основана в значительной мере на преувеличениях и вымыслах контрреволюционной пропаганды. Хотя эксцессы имели место, в целом недолгое республиканское правление в Майнце было отмечено прежде всего отменой феодальных порядков и утверждением новых гражданских законов. Хаос и анархия начались после контрнаступления объединенных войск немецких феодалов и дворянских эмигрантов из Франции.

Только тогда нам на плечи вся тяжесть войны и свалилась. — В начале 1794 г. австро-пруссские войска вытеснили французов из Майнца. Началась расправа над сторонниками республики. Об этом Гете умалчивает, более того, в уста судьи вложены слова о бесчинствах отступавших французов, но ни слова об ответном терроре феодальных сил. В мае 1794 г. французские войска снова заняли Майнц и прирейнскую область. Комиссары Конвента сурово

обошлись с теми, кто учинил расправу над их сторонниками. Огромная контрибуция, наложенная ими на население, вызвала эмиграцию, описанную в поэме Гете.

Стр. 563. *Тут я позволю себе рассказать о прекрасном поступке...*— Описание подвига героини заимствовано Гете из повести о зальдбургских эмигрантах и перенесено в период французской оккупации прирейнских областей.

Стр. 566. *Кнастер* (канастер) — хороший сорт южноамериканского табака, доставлявшийся в специальных корзинах, «канастрах».

Стр. 570. *...Стала бы дочерью вместо утраченной в прежние годы.*— Это единственное упоминание о том, что в семье Германа была еще дочь.

Стр. 572. *...И, Доротею они обнимая...*— Первое упоминание имени героини. До сих пор она не называлась по имени.

Стр. 576. *Музы, что были доселе к чудесной любви благосклонны...*— Традиционное воззвание к музам, принятое в античной поэзии, впервые применено Гете лишь в конце поэмы.

А. Аникст

СОДЕРЖАНИЕ

ДРАМЫ В СТИХАХ

* Совиновники. Перевод И. Грицковой	7
* Прометей. Перевод А. Дейча	72
Сатир, или Обогащенный леший. Перевод Н. Вильмонта	89
Ярмарка в Плундерсвейлерне. Перевод М. Лозин- ского	111
Ифигения в Тавриде. Перевод Н. Вильмонта	136
Торквато Тассо. Перевод С. Соловьева	207
* Внебрачная дочь. Перевод Н. Вильмонта	313

ЭПИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ

Рейнеке-лис. Перевод Л. Пеньковского

Песнь первая	419
Песнь вторая	426
Песнь третья	433
Песнь четвертая	445
Песнь пятая	453
Песнь шестая	460
Песнь седьмая	472
Песнь восьмая	479
Песнь девятая	488
Песнь десятая	498
Песнь одиннадцатая	510
Песнь двенадцатая	521

Герман и Доротея. Перевод Д. Бродского и В. Бугаевского	
Каллиопа. Судьба и участие	532
Терпсихора. Герман	538
Талия. Граждане	544
Эвтерпа. Мать и сын	547
Полигимния. Гражданин мира	554
Клио. Современность	560
Эрато. Доротея	568
Мельпомена. Герман и Доротея	574
Уrania. Перспектива	576
Комментарии А. Аникста	587

Гете Иоганн Вольфганг

Г 44 Собрание сочинений. В 10-ти томах. Т. 5. Драмы в стихах. Эпические поэмы. Пер. с нем. Под общ. ред. А. Аникста и Н. Вильмонта. Комментар. А. Аникста. М., «Худож. лит.», 1977.

622 с.

В пятый том входят стихотворные драмы: «Совиновники», «Ифигения в Тавриде», «Торквато Тассо» и другие, а также две эпические поэмы «Рейнеке-лис» и «Герман и Доротея».

Г 70404-101
028(01)-77 подписное

И(Нем)

*Иоганн Вольфганг
Гете*

**Собрание сочинений
том 5**

Редактор

Е. Маркович

Художественный редактор

Л. Калитовская

Технический редактор

О. Ярославцева

Корректор

Д. Эткина

ИБ № 598

Сдано в набор 27/VII 1976 г. Под-
писано к печати 31/VIII 1977 г. Бу-
мага типогр. № 1. Формат 84×108¹/₃₂.
19,5 печ. л. 32,76 усл. печ. л. 30,031
уч.-изд. л. Тираж 200 000 экз. Заказ
3472. Цена 2 р. 80 к.

Издательство

«Художественная литература»

Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.

**Полиграфический комбинат
им. Я. Коласа**

Государственного комитета

Совета Министров БССР

**по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли.**

Минск, Красная, 23.

